

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

Труды
Института русского языка
им. В. В. Виноградова

№ 3

От семантических кварков
до вселенной в алфавитном порядке
К 90-летию академика Юрия Дерениковича Апресяна

МОСКВА
2020

Журнал основан в 2013 г.

Главный редактор

А. М. Молдован, доктор филол. наук, академик РАН (Москва, Россия)

Ответственные редакторы номера:

Л. Л. Иомдин, доктор филол. наук (Москва, Россия);

И. М. Богуславский, доктор филол. наук (Москва, Россия).

Редакционный совет

А. Е. Аникин, доктор филол. наук, академик РАН (Новосибирск);

Ю. Д. Апресян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);

Синтия Вакарелийска, PhD, профессор (Орегон, США);

Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);

Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);

Марчелло Гардзанити, PhD, профессор (Флоренция, Италия);

А. А. Гиппиус, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);

Ольга Йокояма, PhD, профессор (Лос-Анджелес, США);

Яннис Какридис, Dr. habil., профессор (Берн, Швейцария);

М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);

А. П. Майоров, доктор филол. наук, профессор (Улан-Удэ, Россия);

Ольга Младенова, PhD, профессор (Калгари, Канада);

Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);

В. А. Плунгян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);

Ахим Рабус, Dr. habil., профессор (Фрайбург, Германия);

Ф. Б. Успенский, доктор филол. наук, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);

Майкл Флайер, PhD, профессор (Кембридж, США);

Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);

А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).

Ответственный секретарь

канд. филол. наук А. Е. Сомова

Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-76037

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

E-mail: ruslang@ruslang.ru

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

**Proceedings
of the V. V. Vinogradov
Russian Language Institute**

№ 3

**From Semantic Quarks to the Universe
in Alphabetical Order**

*In Honour of Academician Yuri Derenikovich Apresjan
for his 90th Annivesary*

MOSCOW
2020

The Journal was founded in 2013

Editor-in-Chief

Alexandr M. Moldovan, D. Sc., Full Member of the RAS (Moscow, Russia)

Editors of the Issue

Leonid L. Iomdin, D.Sc. (Moscow, Russia);

Igor M. Boguslavsky, D.Sc. (Moscow, Russia)

Editorial board

Aleksandr E. Anikin, D.Sc., Full Member of the RAS (Novosibirsk, Russia);

Yury D. Apresyan, D.Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Václav Čermák, Ph.D., Professor (Prague, Czech Republic);

Michael S. Flier, Ph.D., Professor (Cambridge, USA);

Marcello Garzaniti, D. Sc., Professor (Florence, Italy);

Alexey A. Gippius, D.Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Yannis Kakridis, D. Sc., Professor (Bern, Switzerland);

Maria L. Kalenchuk, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);

Alexandr P. Mayorov, D.Sc., Professor (Ulan-Ude, Russia);

Olga Mladenova, Ph.D, Professor em. (Calgary, Canada);

Tore Nettet, D.Sc., Professor, (Tromsø, Norway);

Vladimir A. Plungian, D.Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Achim Rabus, D. Sc., Professor (Freiburg, Germany);

Alexey D. Shmelev, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);

Fjodor B. Uspensky, D.Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Cynthia M. Vakareliyska, Ph.D., Professor (Oregon, USA);

Zhanna Zh. Varbot, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);

Björn Wiemer, D. Sc., Professor, (Mainz, Germany);

Olga T. Yokoyama, Ph.D., Distinguished Professor (Los Angeles, USA).

Executive secretary

Alexandra E. Somova

The journal is registered by the The Federal service for supervision
of communications, information technology, and mass-media.

Registration certificate ПИ № ФС 77-76037.

Address:

18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019

E-mail: ruslang@ruslang.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Семантика синтаксиса

Богуславский И. М., Иомдин Л. Л. (Россия, Москва) О наследовании валентностей при синтаксической деривации	11
Grochowski Maciej (Польша, Торунь) The Polish pronoun <i>niektóre / niektórzy</i> as a partitive quantification operato	26
Добровольский Д. О., Зализняк А. А. (Россия, Москва) Русские конструкции с потенциально модальным значением по данным параллельных корпусов	37
Иомдин Б. Л., Иомдин Л. Л. (Россия, Москва) Валентность факта и валентность аргументации	51
Кустова Г. И. (Россия, Москва) Вводные конструкции с ментальными глаголами.	64
Мелиг Ханс Роберт. (Германия, Киль) Глагольный вид и референциальный статус предикации: к различию между общефактическим и единично-фактическим несовершенным видом в отрицательном ответе на верификативные вопросы (да-нет-вопросы)	78
Тимошенко С. П. (Россия, Москва) Еще раз о внешнем поссоре: сравнение дательного падежа и предлога <i>к</i>	94
Урысон Е. В. (Россия, Москва) Об одном типе русских предложений тождества (платье и платье, ничего особенного)	106
Храковский В. С. (Россия, Санкт-Петербург) Две пары глаголов: радовать (нсв) и радоваться (нсв), обрадовать (св) и обрадоваться (св). Семантика и синтаксис	117
Янко Т. Е. (Россия, Москва) Наречие давно и видовременные формы глагола: данные звучащего корпуса	133

Теоретическая семантика

Вимер Бьёрн (Германия, Майнц) О синонимах и супплетивизме несколько иначе, то есть с точки зрения основ	146
Богуславская О. Ю. (Россия, Москва) Механизмы развития полисемии у анафорических прилагательных	170
Галактионова И. В. (Россия, Москва) Притяжательные местоимения <i>ego, ee</i> и <i>ix</i> в толковом словаре	182
Зализняк Анна А., Падучева Е. В. (Россия, Москва) О слове <i>отнюдь</i>	205
Каленчук М. Л. (Россия, Москва) Орфоэпические словари русского языка: проблемы жанра	
Крылова Т. В. (Россия, Москва) Твердый снаружи, но нежный внутри: полисемия слов, характеризующих тактильные ощущения (грубый, суровый, нежный, твердый, жесткий, мягкий)	236

И. Б. Левонтина (Россия, Москва)	
«Мелкое слово» <i>ан</i>	255
Е. В. Рахилина, В. А. Плунгян (Россия, Москва)	
О глаголе таиться, его синонимах и производных	267
С. М. Толстая (Россия, Москва)	
Механизмы лексической многозначности: заметки на полях «Активного словаря»	279

CONTENT

Syntax Semantics

Igor M. Boguslavsky, Leonid L. Iomdin (Russia, Moscow) On valency inheritance in syntactic derivation.	11
Maciej Grochowski (Poland, Toruń) The polish pronoun <i>niektóre / niektórzy</i>	26
D.O. Dobrovol'skij, Anna A. Zalizniak (Russia, Moscow) Russian constructions with potentially modal meanings: an analysis based on parallel corpus data.	37
B. L. Iomdin, L.I. Iomdin (Russia, Moscow) Valency of fact and valency of argumentation.	51
Galina I. Kustova (Moscow, Russia) About communicative types of parenthetical constructions with mental verbs.	64
H.R.Mehlig (Germany, Kiel) Verbal Aspect and the referential status of predications: Generalfactual and singularfactual ipf. aspect in negative answers to yes-no questions.	78
S.P. Timoshenko (Russia, Moscow) The external possessor in russian: comparing dative construction and construction <i>k</i> ('towards') + <i>npdat</i>	94
E.V. Uryson (Russia, Moscow) Russian tautological sentences of the type <i>np i np</i> : syntax and semantics.	106
V.S. Xrakovskij (Russia, Saint-Petersburg) Two verb pairs: <i>radovat'</i> 'make happy'(IPFV) and <i>radovat's'a</i> 'be happy' (IPFV), <i>obradovat'</i> 'make happy'(PFV) and <i>obradovat's'a</i> 'get happy' (PFV) Meaning and Syntax	117
T.E. Yanko (Russia, Moscow) Russian adverb <i>давно</i> 'long ago' and aspectual verb forms: spoken corpora data	133

lexicography

Björn Wiemer (Germany, Mainz) On synonyms and suppletion another way, that is from the perspective of stems.	146
O. Ju. Boguslavskaya (Russia, Moscow) Development of polysemy of anaphoric adjectives	170
Irina V. Galaktionova (Russia, Moscow) Russian 3rd person possessive pronouns in the explanatory dictionary.	182
Зализняк Анна А., Падучева Е. В. (Россия, Москва) О слове <i>отнюдь</i>	205
M.L. Kalenchuk (Russia, Moscow) Orthoepic dictionaries of the russian language: the problems of the genre	221
T. V. Krylova (Russia, Moscow) Hard on the outside, but tender on the inside: polysemy of adjectives denoting tactile sensations	236

Irina B. Levontina (Moscow, Russia)	
A russian “small word” <i>an</i>	255
E.V. Rakhilina, V.A. Plungian (Russia, Moscow)	
The verb <i>tait'sja</i> ‘to lurk’, its synonyms and derivatives	267
S.M. Tolstaya (Russia, Moscow)	
Mechanism of lexical polysemy: marginal notes to the «active dictionary»	279

СЕМАНТИКА СИНТАКСИСА

И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин

Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН

(Россия, Москва)

bogus@iitp.ru, iomdin@iitp.ru

О НАСЛЕДОВАНИИ ВАЛЕНТНОСТЕЙ ПРИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ*

При синтаксической деривации прилагательных от существительных семантические валентности последних наследуются редко и весьма ограниченно. Особый интерес представляют ситуации, когда валентные свойства адъективного деривата не сводятся к редукции соответствующих свойств исходного предиката. В данной статье с этой точки зрения рассматривается прилагательное *процентный*, представляющее собой адъективный дериват существительного *процент*. Показано, что все три валентности исходного существительного *процент* (Количество, Часть, Целое) выразимы при прилагательном *процентный*, и все выражаются не так, как при существительном *процент*. Валентность Количества выражается композитной конструкцией (*двухпроцентный*). Валентности Части и Целого могут выражаться определяемым существительным. Ср. *двухпроцентный йод*; *йод* — Часть; *йод* составляет два процента от всего вещества. *Шестипроцентное молоко*; *молоко* — Целое; релевантный компонент (жир) составляет шесть процентов молока. Более изощренным способом валентности Часть и Целое выражаются при существительных, в значение которых входят компоненты 'больше' или 'меньше'. *Десятипроцентный рост инвестиций* — рост инвестиций, при котором разница между результирующей и исходной величиной инвестиций составляет десять процентов от исходной величины. Все три валентности не являются обязательными и могут оставаться невыраженными: *пятипроцентный электоральный барьер*; *процентная ставка*.

Ключевые слова синтаксическая деривация, семантические валентности, наследование валентностей, парциалы, Часть, Целое.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ 19-07-00842.

Дорогому другу Юре в день рождения, с любовью

Вводные замечания

Синтаксической деривацией мы называем такое отношение между лексемами, когда они принадлежат к разным частям речи, но имеют тождественное лексическое значение [Апресян 1995: 43]. В теории лексических функций модели «Смысл ↔ Текст» И. А. Мельчука [см., например: Мельчук 1974] это отношение описывается лексическими функциями (ЛФ) V_0 , S_0 , A_0 и Adv_0 . Тождество лексического значения подразумевает тождество описываемых этими словами ситуаций и их обязательных участников, а это подсказывает, что у слов, связанных синтаксической деривацией, должны быть одинаковые наборы семантических валентностей. Действительно, нередко это имеет место, особенно в парах «глагол — существительное класса *nomem actionis*» [Апресян 1995: 165]:

- (1а) *Профессор считает, что нынешняя эпоха развития лингвистики — это эпоха семантики vs.*
- (1б) *мнение профессора о том, что нынешняя эпоха развития лингвистики — это эпоха семантики;*
- (2а) *Профессор привык по утрам подтягиваться на турнике vs.*
- (2б) *привычка профессора по утрам подтягиваться на турнике.*
- (3а) *Профессор переехал из московской квартиры на дачу vs.*
- (3б) *переезд профессора из московской квартиры на дачу.*

Что касается способности синтаксически присоединять актанты, то хорошо известно, что у существительных она более ограничена, чем у глаголов. Существительные не так легко, как глаголы, присоединяют свои актанты, особенно если несколько актантов присоединяется одновременно:

- (4а) *Около сарая профессор колот березовые поленья шведским топором —*
- (4б) *??колка профессором березовых поленьев шведским топором около сарая;*
- (5а) *Профессор доказывает необходимость интегрального описания тем, что в языке все взаимосвязано vs.*
- (5б) *??доказательство профессором необходимости интегрального описания тем, что в языке все взаимосвязано.*

Еще сильнее редуцирована актантная структура у адъективных и адвербиальных дериватов. Ср. практически невозможное присоединение семантических актантов производящих глаголов к относительным прилагательным типа *лечебный* или *учебный*, которые являются значениями ЛФ A_0 от глаголов *лечить* и *учить*. Такая же ситуация имеет место и в случаях, когда прилагательное выступает как ЛФ A_0 от существительного; ср. *ответ на вопрос, ответ Чемберлену*, но не **ответный (=A₀ (ответ)) на вопрос, *ответный Чемберлену; пенсия по инвалидности*, но не **пенсионный (=A₀ (пенсия)) по инвалидности; доля наследства*, но не **долевой (=A₀ (доля)) наследства*. Разумеется, невозможно присоединить семантические

актанты и к наречному деривату: *испугать криками*, но не **испуганно* (=Adv₀ (*испугать*)) *криками*.

Особый интерес представляют ситуации, когда валентные свойства адъективного или адverbиального деривата далеко не сводятся к редукции соответствующих свойств исходного предиката. В данной статье мы рассмотрим с этой точки зрения прилагательное *процентный*, представляющее собой адъективный дериват существительного *процент*, и его осложненный вариант *N-процентный* (*двухпроцентный* и т. д.). Иллюстративный материал частично брался из [НКРЯ]. В целом настоящая статья продолжает серию исследований авторов, выполненных совместно и порознь и посвященных нетривиальным свойствам валентностей предикатных слов [см.: Богуславский 2005; 2018; Богуславский, Иомдин 2011; 2012; Иомдин 2017; Boguslavsky, Iomdin 2019].

Валентная структура существительного *процент*

Существительное *процент* входит в группу парциалов — слов и неоднословных оборотов, обозначающих количественную часть целого, таких как *половина*, *треть*, *четверть*, *большинство*, *меньшинство*; *наполовину*, *вдвое*, *пополам*, *в большинстве (своем)*, *по большей части* и др. Эта группа лексических единиц была подробно разобрана в статьях [Богуславский 2018; Boguslavsky, Iomdin 2019]. Повторим с некоторыми уточнениями основные положения, касающиеся валентной структуры парциалов, на примере существительного *процент*.

Процент — это сотая часть чего-либо. Две основные валентности парциальных существительных — это валентности Целого и Части. Помимо валентностей Целого и Части, свойственных всем парциальным существительным, у обсуждаемого значения слова *процент* (пусть это будет *процент₁*) следует усмотреть еще валентность Количества — «сколько сотых частей?». Вообще говоря, числительные способны присоединяться к любому исчисляемому существительному (ср. *пять книг*), но при этом не заполняют отдельную семантическую валентность такого существительного. В случае *процент₁* дело обстоит не так. Легко видеть, что, если при слове *процент₁* нет показателя количества, это слово выступает в другом значении (*процент₂*)¹; ср.:

- (6) *Растет процент раскрываемости преступлений* ‘растет доля раскрытых преступлений относительно всех преступлений, выраженная в процентах’².

Отметим, правда, что изредка и слово *процент₁* выступает без показателя количества: в таких случаях оно эквивалентно словосочетанию *один процент*, ср.:

- (7) *Меньше стало и людей, которые особых страхов не испытывают. Сейчас таких всего процент, а в 2017 было 4%* (Комсомольская правда. 26.08.2019);

¹ Еще одно значение слова *процент₃* — ‘доход, исчисляемый в процентах’ (ср. *жить на проценты*, *брать ипотеку под шесть процентов годовых*) — мы сейчас не рассматриваем.

² Обратим попутно внимание на то, что *процент₂* нормально употребляется в единственном числе в отличие от *процент₁*: предложение (6) *Растут проценты раскрываемости преступлений* либо неправильно, либо говорит о нескольких разных ситуациях оценки раскрываемости преступлений (скажем, в разных полицейских участках).

- (8) *Многим казалось невероятным, чтобы несколько поколений ученых, выполнивших тысячи анализов воздуха, проглядели его составную часть, да еще такую заметную — почти процент!* (Д. Финкельштейн. Аргон).

В этом отношении *процент*₁ можно сопоставить с существительным *часть*₃, у которого одна из валентностей также заполняется количественным числительным:

- (9) *Возьмите одну часть лимонного сока и две части яблочного уксуса.*

*Часть*₃ ни при каких обстоятельствах не допускает опущения числительного. Так, предложение (10), конечно, возможно, но оно содержит другое значение слова *часть* [Богуславский 2018].

- (10) *Возьмите часть лимонного сока и часть яблочного уксуса.*

Каждая из трех перечисленных валентностей слова *процент* может (хотя и не обязана) присоединяться к нему активным образом³.

Валентность Целого регулярно выражается именной группой в родительном падеже, зависящей от слова *процент*, как в (11):

- (11) *Страна истратила 10% своих золотовалютных резервов.*

Кроме того, эта валентность часто выражается предложно-именной группой, образованной предлогами *в, от, среди* и некоторыми другими:

- (12) *Общая масса головного мозга взрослого человека составляет всего два процента от массы тела;*
(13) *Мы имеем десять процентов продаж от привычного объема в этом сезоне;*
(14) *Международный стандарт начала эпидемии — один процент больных среди всего населения.*

Ср. также выражение *в теле людей* в примере (19) ниже.

Валентность Части тоже может заполняться именной группой в родительном падеже, зависящей от слова *процент*:

- (15) *Вам придется заплатить десять процентов пошлины.*

В случае, когда валентность Целого при слове *процент* заполнена предложной группой, обе валентности могут быть выражены активным образом одновременно. Так, в примере (13) Целое — *привычный объем*, а Часть — *продажи*. Соответственно, в примере (14) Целое — это *все население*, а Часть — *больные*.

Существенно при этом, однако, что если для валентности Целого зависимый генитив — это один из основных способов заполнения (наряду с предложной группой), то для валентности Части он периферийный.

³ О противопоставлении активного, пассивного и разрывного заполнения валентностей см. [Богуславский 2005]. Мы говорим, что слово А заполняет валентность слова L активно, если L синтаксически подчиняет А. Если, наоборот, А синтаксически подчиняет L, то мы имеем дело с пассивным заполнением валентности. Наконец, если между L и А нет никакой непосредственной синтаксической связи, то такое заполнение валентности называется разрывным.

Более обычный способ заполнения валентности Части — разрывной, через лексико-функциональный глагол типа *Орег*, где Часть выражается подлежащим такого глагола; ср. (15), а также:

- (16) *Пошлина составит (=Орег₂ (процент)) десять процентов стоимости всей партии товара.*

Разрывной способ заполнения валентности Части у слова *процент* иллюстрируется и конструкциями со связкой; ср. (14) и (17а,б):

- (17а) *Международный стандарт начала эпидемии предусматривает, чтобы среди всего населения один процент являлись больными;*
(17б) *Среди всего населения один процент — больные. Это международный стандарт начала эпидемии.*

Что касается валентности Количества, то она тоже выражается при слове *процент* в основном активным образом: зависящим от него числительным, а также словами типа *какой* и некоторыми другими; ср.:

- (18) *Не верим беседам в беседках О том, что деревья мертвы, Хотя и осталось на ветках Лишь десять процентов листвы* (Л. Н. Мартынов. Ночь звездочетства);
(19) *Вот еще трагические записи, из которых можно увидеть, каков процент воды в теле людей, животных, растений: «Рыбы — 70–80%, медузы — 96%, картофель — 75%, кости — 50%...»* (М. М. Зошенко. Перед восходом солнца).
(20) *Дополнительные мандаты получают те регионы, где партия получила наибольший процент голосов.*
(21) *Сколько процентов шоколада содержится в конфетах «Мишка на Севере»?*

Важно подчеркнуть, что выражения типа *N процентов, X-а* очень часто являются неоднозначными из-за того, что слово *X* может трактоваться как заполняющее разные валентности слова *процент* (Целого или Части). Такая неоднозначность может сниматься широким контекстом. Например, выражение

- (22) *20 процентов демократов*, взятое само по себе, неоднозначно: оно может утверждать, что 20 процентов (каких-то людей) являются демократами, а может характеризовать часть демократов, равную 20 процентам.

Однако в предложениях (23) и (24) неоднозначности уже нет: в

- (23) *20 процентов демократов в парламенте — это немало*
слово *демократов* реализует валентность Части слова *процент*, а в

- (24) *За этот законопроект проголосовало только 20 процентов демократов*
слово *демократов* реализует валентность Целого.

Противопоставление валентностей Части и Целого, особенно в случае их заполнения генитивом, может вызвать некоторые затруднения — тем более что генитивом может всякий раз заполняться только одна из этих валентностей, причем слова, которые их заполняют, семантически и онтологически неразличимы.

Для различения этих валентностей в неочевидных случаях можно предложить такой эвристический прием. Как известно, лексическая функция Ope_1 всегда имеет в качестве субъекта именную группу, являющуюся i -м актантом ключевого слова. Если считать, что у *процент* первая валентность — это Целое, а вторая — это Часть, то *составлять* будет его Ope_2 . Ср. *Пошлина* [Часть] *составляет 10% стоимости* [Целое] *товара*. Теперь ясно, что если перифразировать предложение со словом *процент*, используя глагол *составлять*, то его подлежащее будет соответствовать валентности Части, а валентность Целого будет выражена при самом слове *процент*. Например, для предложения (15) такой перифразой будет:

(15а) *Пошлина, которую вам придется заплатить, составит 10% от стоимости товара.*

Следовательно, в (15) *пошлина* заполняет валентность Части. Напротив, в (11) перифраза выглядит как:

(11а) *То, что истратила страна, составляет 10% ее золотовалютных резервов.*

Следовательно, *золотовалютные резервы* заполняют валентность Целого.

Валентная структура прилагательного *процентный*

Рассмотрим теперь подробнее актантную структуру относительного прилагательного *процентный*, которое представляет собой синтаксический дериват адъективного типа от существительного *процент* (или, в терминах лексических функций модели «Смысл ↔ Текст», значение ЛФ A_0 от аргумента *процент*).

В начале статьи мы уже упоминали, что относительные прилагательные слабо сохраняют синтаксические валентности слов, от которых они образованы. Такого поведения можно было бы ожидать и от прилагательного *процентный*. Однако, как мы сейчас увидим, с ним дело обстоит по-другому, и основные валентности слова *процент* — а именно валентности Количества, Части и Целого — при этом прилагательном оказываются выразимы. Однако выражаются они совсем иначе, чем у существительного.

Отметим прежде всего, что из трех валентностей только одна — валентность Количества — может реализоваться при *процентный* активным образом, а именно присоединением числительного к прилагательному в рамках композитной конструкции, как в *однопроцентный*, *0,5-процентный*, *стопроцентный*, *двухсотпроцентный*⁴ и т. д. Заметим при этом, что те немногие сочетания, в которых

⁴ Вопрос о том, как трактовать лексические единицы в таких конструкциях — как композитные сочетания с прилагательным *процентный* или как особый класс прилагательных типа

прилагательное *процентный* используется без указания на количество (*процентное соотношение, процентный пункт, процентная ставка* и т. п.), вообще не имеют вариантов, где количество указывается (**двухпроцентное соотношение*).

Две другие валентности могут выражаться при таком прилагательном только неактивно (т. е. пассивно или разрывно, как, собственно, и любые валентности при подавляющем числе других русских прилагательных). Чаще всего они реализуются существительным, подчиняющим данное прилагательное. Покажем, что это существительное может выполнять относительно прилагательного *процентный* четыре разные семантические роли.

1. Валентность Целого

Примеры:

- (25) *шестипроцентное молоко,*
- (26) *однопроцентный кефир,*
- (27) *9-процентный творог.*

В этих выражениях определяемое существительное называет некоторую субстанцию (молоко, кефир, творог), в которой определенный процент составляет другая субстанция, эксплицитно не названная. Для выявления актантной структуры таких сочетаний воспользуемся, как предлагалось выше, перифразой с помощью лексико-функционального глагола *составлять*:

(25а) = ‘нечто [Часть] составляет шесть процентов молока [Целое]’.

Таково собственно языковое значение этих сочетаний. Интерпретируя его, слушающий накладывает на него свои энциклопедические знания. Мы знаем, что для молока (кефира, творога) существенно, сколько в них содержится жира. Эти продукты имеют несколько разновидностей, различающихся именно своей жирностью. С учетом этого значение (25а) можно представить так:

(25б) ‘жир [Часть] составляет шесть процентов молока [Целое]’.

Заметим, кстати, что при всей элементарности знаний, необходимых для семантического представления выражений типа (25)–(27) (о том, что речь идет о жирности продукта), адекватная интерпретация таких выражений не так уж тривиальна: надо, в частности, знать, что *однопроцентный кефир* — это кефир низкой жирности, *шестипроцентное молоко* — это молоко высокой жирности, а в предложении:

(28) *Смысл этой прогрессивной диеты в том, чтобы съесть как можно больше овощей и сколько влезет пятипроцентных молочных продуктов —*

однопроцентный, двухпроцентный и т. д., — мы сейчас оставляем в стороне. Мы не будем также углубляться в технические аспекты и обсуждать вариативность присоединения к *процентный* показателей количества — словесно, целыми или дробными числовыми выражениями и т. п., а также замену слова *процентный* на символ %.

идет речь о малокалорийных продуктах, жирность которых не превышает пяти процентов.

Добавим, что при семантической интерпретации конструкций типа *N-процентный X* может оказаться необходимым учитывать и конкретную величину *N*: если эта величина близка к 100, то (во всяком случае, при *X*, обозначающих вещество) весьма вероятно, что все выражение имплицитно выражает ‘почти *X*’, ‘*X* почти без примесей’ (таковы, например, выражения типа *99-процентный шоколад* или *96-процентный спирт*), а если величина небольшая, как в (25) или в (26), противоположного вывода сделать нельзя.

2. Валентность Части

Примеры:

- (29) *двухпроцентный йод*,
- (30) *20-процентный уран*,
- (31) *75-процентное золото*.

Здесь, напротив, говорится о некоторой эксплицитно не названной субстанции, в которой какой-то процент составляет субстанция, обозначенная определяемым существительным:

- (29а) ‘йод [Часть] составляет два процента чего-то [Целое]’.

Как и в предыдущем случае, это значение может конкретизироваться энциклопедическими знаниями слушающего. В данном случае мы знаем, что йод используется в виде раствора определенной концентрации. Уран обычно существует в виде руды, в которой он составляет только какую-то долю. Золото также обычно имеет вид сплава, в котором собственно золото составляет лишь один из компонентов. С учетом этих знаний значение (29а) предстает как:

- (29б) ‘йод [Часть] составляет два процента раствора [Целое]’.

Как мы видели выше, прилагательное *процентный* может заполнять как валентность Целого, так и валентность Части, но эти валентности выражаются в одной и той же синтаксической позиции — определяемого существительного. Это препятствует тому, чтобы эти валентности выражались одновременно. Тем не менее их одновременное выражение возможно, но требует новой синтаксической позиции для одного из актантов. Именно это можно наблюдать в примерах (32)–(34):

- (32) *двухпроцентный раствор йода, двухпроцентный йодовый / йодный раствор*,
- (33) *20-процентная урановая руда*,
- (34) *75-процентный сплав золота*.

Как мы видим, в этих примерах актант, выражающий Целое, непосредственно синтаксически связан с *N-процентный*, а актант, выражающий Часть, синтаксически зависит от актанта Целое. В случае (32) имеем:

(32а) ‘йод [Часть] составляет два процента раствора [Целое]’.

Такое соотношение синтаксических и семантических связей довольно удивительно, но для русского языка все же не уникально: с некоторой точки зрения выражения (32)–(34) аналогичны по количеству и распределению валентностей прилагательных выражениям с прилагательными *любимый*, *излюбленный*, *предпочтительный*, *ненавистный* (в контекстах типа *излюбленный аргумент демагогов*, *мой самый ненавистный полемический прием* и т. п.). Ср. примеры (32)–(34) и выражения

(35а) *любимая книга Юры*,

(35б) *любимая Юрина книга*,

где *Юра*, будучи синтаксически зависимым от *книга*, тем не менее заполняет валентность прилагательного *любимый*: *книга, которую Юра любит больше других книг*.

Как вытекает из нашего описания, семантическое тождество (или, точнее, сходство) выражений типа *двухпроцентный йод* и *двухпроцентный раствор йода* не является чисто языковым. Оно опирается на тот энциклопедический факт, что в повседневной жизни йод существует в виде раствора. Однако для этого тождества существует и другое описание, чисто словарное. В толковых словарях русского языка, от словаря Д. Н. Ушакова до «Активного словаря русского языка» под редакцией Ю. Д. Апресяна (статья «Йод» в 4-м томе, находящемся в печати), выделяется второе значение слова *йод* — ‘раствор йода в спирте, употребляемый для дезинфекции’. Тогда в примере (32) фигурирует слово *йод*₁ (химический элемент), а в примерах (29а,б) — *йод*₂ (раствор), и синонимия получается простой подстановкой. Нам такое лексикографическое решение представляется спорным хотя бы потому, что для последовательности пришлось бы завести подобные значения у других слов со значением вещества типа *золото*, *серебро*, *уран*, *спирт*, всевозможных названий лекарственных препаратов типа *альбуцид* или *глюкоза* и т. д.

Вернемся теперь к выражениям, содержащим имена веществ или материалов типа *двухпроцентный йод*, и сделаем еще одно замечание. Приемлемость или неприемлемость таких выражений определяется тем, насколько носители языка готовы называть субстанции, содержащие некоторое количество вещества, именем самого этого вещества. Так, спиртовой раствор, содержащий 2% йода, называют *двухпроцентным йодом*, а не *98-процентным спиртом*, в то время как водный раствор, содержащий 96% спирта, наоборот, называют *96-процентным спиртом*, а не *четырёхпроцентной водой*. И тем более огурец, хотя он и состоит на 93% из воды, никому не придет в голову назвать *93-процентной водой*. Для того чтобы составное вещество можно было назвать по его компоненту, важно не то, насколько большую часть всей субстанции этот компонент составляет, а то, что в этой субстанции воспринимается как главный компонент.

3. Сочетания N-процентный с обозначениями параметров

Весьма нетривиально прилагательное *N-процентный* заполняет валентности в сочетании со словами, содержащими в своем значении предикаты ‘больше’ или

‘меньше’, такие как *рост, увеличение, подъем, падение, уменьшение, превышение, ускорение, замедление* и т. п. Они имеют валентности на начальную и результирующую величину; ср. *Инвестиции выросли с 70 до 77 миллионов*. Понятно, что эти величины имеют непосредственное отношение к процентам роста. Однако это отношение не вполне прямое.

Чтобы показать его своеобразие, возьмем для примера слово *рост*. Обозначим начальную величину через $Q_{исх}$, а результирующую — через $Q_{рез}$. Значение сочетания *рост инвестиций* можно представить так: ‘в начальный момент инвестиции составляли $Q_{исх}$, в более поздний момент они составляют $Q_{рез}$; $Q_{рез}$ больше, чем $Q_{исх}$ ’. Присоединив к этому сочетанию наше прилагательное, получаем такое значение: *десятипроцентный рост инвестиций* = ‘в начальный момент инвестиции составляли $Q_{исх}$, в более поздний момент они составляют $Q_{рез}$; $Q_{рез}$ больше, чем $Q_{исх}$, на 10%’. Это значение, содержащее конструкцию *на 10%*, легко представить в привычном виде с помощью глагола *составлять*: ‘ $Q_{рез}$ больше, чем $Q_{исх}$, на 10%’ = ‘ $Q_{рез}$ больше, чем $Q_{исх}$, и разность между $Q_{рез}$ и $Q_{исх}$ составляет 10% от $Q_{исх}$ ’.

Таким образом, в сочетании *десятипроцентный рост инвестиций* значение *N-процентный* остается прежним: ‘[Часть] составляет *N* процентов [Целого]’. Но валентности Часть и Целое заполняются не самим словом *рост*, с которым синтаксически связано *N-процентный*, а его семантическими актантами. Валентность Целого заполняется значением $Q_{исх}$, а валентность Часть — разностью между $Q_{рез}$ и $Q_{исх}$. При этом сами валентности начальной и результирующей величины обязательно эксплицитно заполнены. В выражении *десятипроцентный рост инвестиций с 70 до 77 миллионов* они заполнены, а в *десятипроцентный рост инвестиций* они остались невыраженными. Однако это не препятствует тому, что и в последнем случае соответствующие им переменные участвуют в семантической интерпретации слова *N-процентный*.

4. N-процентный как относительное прилагательное

Как известно, относительные прилагательные нередко имеют весьма широкое лексическое значение. Например, прилагательное *парижский* вряд ли означает что-то более конкретное, чем ‘имеющий отношение к Парижу’. Что означает, скажем, сочетание *парижский блокнот*? Почти что угодно. Это может быть блокнот, купленный в Париже, а может быть блокнот, содержащий записи, сделанные в Париже, а может быть блокнот, похожий на такие, какие можно увидеть в Париже, и т. д. Конкретная интерпретация такого сочетания определяется широким контекстом. Другим источником доосмысления связи между относительным прилагательным и существительным являются фоновые энциклопедические знания слушающего. Так, *французское вино* — это, скорее всего, ‘вино, сделанное во Франции’, а *французский экспресс* — скорее всего, ‘экспресс, следующий из Франции или во Францию’ [ср, в частности: Маракасова 2015; Тимошенко, Маракасова 2014].

Такие же употребления допускает и прилагательное *N-процентный*. В них определяемое существительное не заполняет никакой валентности слова *N-процентный*. Единственное, что добавляет прилагательное к значению этого существительного, — это то, что оно имеет какое-то отношение к каким-то *N* процентам. Более конкретное наполнение эта связь получает только в широком контексте или за счет фоновых, энциклопедических знаний. Приведем несколько примеров.

(36) *На долю же крупных позвоночных животных, ответственных за более тонкую функциональную настройку природных сообществ, приходится менее 1% циркулирующей в биоте энергии. И человек со всеми его домашними животными, разумеется, также входит в эту однопроцентную группу.*

Контекст показывает, что связь между *группой* и *однопроцентный* состоит в том, что на долю этой группы приходится количество энергии, составляющее 1% энергии, циркулирующей в биоте.

(37) *Варшава, 30. V. В университете в связи с предстоящим осенью открытием его кипит работа. Приводятся в порядок пустовавшие 3 года аудитории. В канцелярии постоянное движение подающих прошение. Евреям объявлено, что они будут приниматься по десятипроцентной норме, подтвержденной на днях вновь новым министром народного просвещения (Русское слово. 1908).*

По-видимому, только зная об ограничениях, накладываемых на прием в университеты Российской империи начала XX в. определенных лиц, можно понять, что означала десятипроцентная норма приема евреев (в частности, предположить, что она не могла превысить долю в десять процентов от всех поступающих, а не, скажем, что она не могла быть меньше этой доли, ср. пример (38) ниже).

Аналогичным образом следует рассматривать и конструкции типа

(38) *пятипроцентный электоральный барьер*

(т. е. правило, что число голосов, поданных за кандидатов от какой-либо партии на выборах, не может быть меньше, чем пять процентов от всех поданных голосов, а иначе такая партия не проходит в выборный орган), а также:

(39) *В то же время мужчины традиционно выполняли функции кормильца семьи и занимали более высокое положение, работая на руководящих постах, хотя 30-процентная квота была гарантирована и женщинам (статья на сайте Международной организации труда; чтобы понять, что означает 30-процентная квота, надо прочесть текст статьи целиком);*

(40) *трехпроцентный заем* (дающий доход в три процента за какой-то период времени);

(41) *13-процентный налог на доходы физических лиц.*

Добавим в заключение, что, вероятно, следует постулировать особое неколичественное значение прилагательного *стопроцентный*₂ ≈ ‘беспримесный’,

противопоставленное количественному *сто процентный*₁, ср. *сто процентный*₁ *рост цен*, но *сто процентный*₂ *итальянец* или *сто процентное*₂ *надувательство*.

Впрочем, возможно, здесь правильное говорить о метафорическом употреблении единого слова *сто процентный*, каковое можно наблюдать и у других выражений типа *N-процентный*, ср. пример, в котором речь идет об убежденном советском патриоте и об ультрапатриоте:

(42) *Николай Григорьевич арестован, сидит на Лубянке. — Господи, за что же это? Такой сто процентный! — А наш Митя? Твой Абарчук? Уж он-то, кажется, был двухсотпроцентный* (В. С. Гроссман. Жизнь и судьба).

Относительных прилагательных, ведущих себя с точки зрения валентной структуры так же, как *N-процентный*, в русском языке очень немного. Один такой пример — прилагательное типа *N-градусный* (это полный синоним *N-процентный* применительно к алкогольным напиткам), ср.:

(43) *40-градусная водка*,

где слово *водка* заполняет валентность Целого при прилагательном, как в примерах (25)–(27), в то время как в сочетании *40-градусный мороз* (в нем прилагательное образовано от другого значения существительного *градус*) никакая валентность прилагательного не выражена.

Есть еще два-три технических термина типа *N-промилльный* ‘содержащий *N* тысячных частей’, *N-каратный* (в одном из значений — ‘содержащий *N* двадцать четвертых частей’) и *N-золотниковый* ‘содержащий *N* девяносто шестых частей’, ср. *18-каратное золото*, *48-золотниковое серебро* и т. п. По сути этими единицами рассматриваемый класс прилагательных исчерпывается.

Заключение

Из сказанного можно сделать следующий вывод. Наследование валентной структуры при синтаксической деривации предикатных слов — явление, бесспорно существующее в языке, и оно требует адекватного грамматического и лексикографического описания. Однако оно, по-видимому, никогда не является простым (straightforward). Дериваты, даже если они наследуют валентности исходного слова: 1) наследуют лишь часть этих валентностей (как в случае *лечить* — *врач*, ср. *лечить Петра* — *врач Петра*, но *лечить грипп* <от *гриппа*> при невозможности **врач гриппа* <от *гриппа*>); 2) требуют соблюдения определенных условий для наследования; 3) выражаются более периферийными средствами (скажем, реализуются не активно, а пассивно или разрывно). Именно вторая и третья альтернатива представлены в рассмотренном выше материале.

Литература

Апресян Ю. Д. Избр. тр. Т. 1 : Лексическая семантика. Синонимические средства языка. 2-е изд., испр. и доп. М. : Языки русской культуры, 1995. 481 с.

Богуславский И. М. Валентности кванторных слов // Логический анализ языка: Квантитативный аспект языка / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Индрик, 2005. С. 139–165.

Богуславский И. М. Парциальные выражения в русском языке // Вопросы языкознания. 2018. №2. С. 29–52.

Богуславский И. М., Иомдин Л. Л. Актантные свойства автодериватов // Грамматика и лексика у словенским језицима : зб. радова с међународног симпозијума / гл. ур. С. Танасић. Нови Сад ; Београд : Институт за српски језик САНУ, 2011. С. 55–68.

Богуславский И. М., Иомдин Л. Л. О некоторых необычных типах заполнения семантических валентностей предикатов, или Еще раз об отделении мух от котлет // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты : сб. ст. в честь 80-летия И. А. Мельчука / под ред. Ю. Д. Апресяна и др. М. : Языки славянской культуры, 2012. С. 87–102.

Иомдин Л. Л. Повторимые валентности предикатов в русском языке: теоретические проблемы и практические решения // *Badanie walencji czasownika w krajach słowiańskich. Prace Filologiczne*. 2017. Т. 70. S. 43–54.

Маракасова А. А. Заполнение валентностей существительных некоторыми классами прилагательных // Студент и научно-технический прогресс : материалы 53-й Междунар. науч. студ. конф. — 2015: Языкознание / науч. рук. И. Е. Ким. Новосибирск : НГУ, 2015. С. 55–56.

Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». М. : Наука, 1974. 314 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru>

Тимошенко С. П., Маракасова А. А. Относительные прилагательные, образованные от топонимов: способы разрешения многозначности // Информационные технологии и системы — 2014 : сб. тр. 38-й конф.-школы ИППИ РАН. Нижний Новгород : ИППИ РАН, 2014. С. 245–251.

Boguslavsky I., Iomdin L. Corpus-supported Semantic Studies: Part/Whole Expressions in Russian // *Jazykovedný Časopis*. 2019. № 70(2). S. 254–266.

I. M. Boguslavsky, L. L. Iomdin
Kharkevich Institute for Information Transmission Problems
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
bogus@iitp.ru, iomdin@iitp.ru

ON VALENCY INHERITANCE IN SYNTACTIC DERIVATION

In cases where adjectives are syntactically derived from nouns, the semantic valencies of the latter are inherited rarely and in a very limited way. Of special interest are cases where valency properties of the derived adjective cannot be considered as simply a subset of the respective properties of the base noun. This paper presents one of these cases: the Russian adjective *protsentnyj* which is a derivative of the noun *protsent* ‘per cent.’ We show that all three valencies of the original noun (Quantity, Part, Whole) are expressible with the adjective, but they are all expressed in a way different from the valency pattern of the noun. The valency of Quantity is instantiated by a composite construction (e.g. *dvuxprotsentnyj* ‘two per cent’). The valencies of Part and Whole may be instantiated by the noun for which the adjective is an attribute. In *dvuxprotsentnyj jod* ‘two per cent iodine’ *jod* ‘iodine’ is the Part, meaning that iodine makes up two per cent of the whole substance. In contrast, the noun *moloko* ‘milk’ in *shestiprotsentnoe moloko* ‘six percent milk’ is the Whole, meaning that the relevant component (fat) makes up six percent of milk. A more sophisticated way of instantiating the valencies of Part and Whole of the adjective is used in cases where the adjective acts as an attribute of a noun that has a semantic component ‘more’ or ‘less.’ A noun phrase like *desjatiprotsentnyj rost investitsij* ‘ten percent investment growth’ denotes such an investment growth in which the difference between the resulting and the initial value of investment is equal to ten percent of the initial value. All three valencies are optional and may remain unexpressed: *pjati-protsentnyj elektoral’nyj bar’er* ‘a five percent electoral barrier’; *protsentnaja stavka* ‘interest rate.’

Key words: syntactic derivation, semantic valencies, valency inheritance, partials, Part, Whole.

Acknowledgements

The research has been supported by the RFBR grant No. 19-07-00842.

References

Apresyan Yu.D. *Izbr. tr. T. 1: Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Selected Works. Vol. 1: Lexical Semantics. Synonymous Means of Language.] (2nd ed.). Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1995, 481 p.

Boguslavskii I. M. [Partial Expressions in Russian]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2018, No. 2, pp. 29–52. (In Russ.)

Boguslavskii I. M., Iomdin L. L. [Actant Properties of Autoderivates]. *Grammatika i leksika u slovenskim jezitsima: zb. radova s medzhunarodnog simpozijuma* [Grammar and Vocabulary in Slavic Languages]. S. Tanasich (Ed.). Novi Sad, Belgrade, Serbian Language Inst. of SAS Publ., 2011, pp. 55–68. (In Russ.)

Boguslavskii I. M., Iomdin L. L. [On Certain Unusual Types of Fulfillment of Semantic Valencies of Predicates, or Once Again on Separation of Flies from Chops]. *Smysly, teksty i drugie zakhvatyvayushchie syuzhety: sb. st. v chest' 80-letiya I. A. Mel'chuka* [Meanings, Texts and Other Exciting Stories: Collection of Articles in Honour of I. A. Melchuk on his 80th Birthday]. Yu. D. Apresyan et al. (Eds.). Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2012, pp. 87–102. (In Russ.)

Boguslavskii I. M. [Valencies of Quantifier Words]. *Logicheskii analiz yazyka: Kvantitativnyi aspekt yazyka* [Logical Analysis of Language: the Quantitative Aspect of Language]. N. D. Arutyunova (Ed.). Moscow, Indrik Publ., 2005, pp. 139–165. (In Russ.)

Boguslavsky I., Iomdin L. Corpus-supported Semantic Studies: Part/Whole Expressions in Russian. *Jazykovedný Časopis*, 2019, No. 70(2), pp. 254–266.

Iomdin L. L. [Repeatable Valencies of Predicates in Russian: Theoretical Problems and Practical Solutions]. *Badanie walencji czasownika w krajach słowiańskich. Prace Filologiczne* [Studying of the Valency of Verbs in Slavic Countries. Philological Works], 2017, Iss. 70, pp. 43–54. (In Russ.)

Marakasova A. A. [Instantiation of Noun Valencies by Certain Classes of Adjectives]. *Student i nauchno-tekhničeskii progress: materialy 53-i Mezhdunar. nauch. stud. konf. — 2015: Yazykoznanie* [The Student and Scientific-Technical Progress: Materials of the 53rd International Scientific Student Conference — 2015: Linguistics]. I. E. Kim (Ed.). Novosibirsk, Novosibirsk St. Univ. Publ., 2015, pp. 55–56. (In Russ.)

Mel'chuk I. A. *Opyt teorii lingvisticheskikh modelei «Smysl ↔ Tekst»* [Outline of a Theory of “Meaning-Text” Linguistic Models]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 314 p.

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [The National Corpus of the Russian Language]. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 31.01.2020)

Timoshenko S. P., Marakasova A. A. [Relative Adjectives Derived from Toponyms: Ways of Resolving Ambiguity]. *Informatsionnye tekhnologii i sistemy – 2014: sb. tr. 38-i konf.-shkoly IPPI RAN* [Information Technologies and Systems – 2014: Materials of the 38th Conference of the Institute for Information Transmission Problems of RAS]. Nizhnii Novgorod, IITP RAS Publ., 2014, pp. 245–251. (In Russ.)

Maciej Grochowski

Institute of the Polish Language of the Polish Academy of Sciences

(Poland, Toruń)

magro@umk.pl

THE POLISH PRONOUN *NIEKTÓRE* / *NIEKTÓRZY* AS A PARTITIVE QUANTIFICATION OPERATOR

From a syntactic point of view, the pronoun *niektóre* / *niektórzy* ‘some’ always belongs to the noun phrase. As an exponent of reference and quantitative assessment it may occupy the first linear position in the phrase. The pronoun under study designates a part of what the co-occurring noun refers to. This part may not be characterized in a concrete manner with the use of numerals; see, e.g. **Niekórym dziesięciu uczniom przyznano nagrody*; **Niekórych uczestników olimpiady było czterdziestu*. Combination of *niektóre* with nouns denoting substances is deviates from the norm since the latter are assigned amorphic predicates; e.g. **niektóre mąki / mleka / masła*. The pronoun *niektóre* / *niektórzy* belongs to the class of indefinite pronouns. This qualification is confirmed by the contradiction arising from the addition of this pronoun to the demonstrative pronouns *te*, *ci*, *my*, *wy*. It is possible to add the pronoun under study to the noun phrase with a possessive pronoun, e.g. *Niektóre moje uczennice pracują naukowo*. The pronoun *niektóre* / *niektórzy* does not exclude in its co-text the definite reference of the set of entities to which it refers; e.g. *To jest środek na niektóre, czyli następujące owady: komary, kleszcze, muchy*. Some dictionaries of the Polish language acknowledge the existence of the pronoun *poniektóry* / *poniektórzy* ‘some,’ explaining its meaning as synonymous with that of the pronoun *niektóre* / *niektórzy*. The pronoun *poniektóry* / *poniektórzy* is regarded as archaic and pragmatically marked (colloquial, showing slight contempt) against the neutral *niektóre* / *niektórzy*. It had and continues to have a very low frequency in Polish written texts.

Key words: Polish language, syntax, semantics, pronoun, reference.

1. This article focuses on the syntactic and semantic properties of the indefinite pronoun *niektóre* ‘some’ (pl., non-masculine personal) / *niektórzy* ‘some’ (pl., masculine personal) as compared with other quantification operators. The pronoun has attracted a great deal of scholarly interest; however — to the best of my knowledge — no single work has offered a global view of its core properties. Besides, what is commonly known about

niektóre / niektórzy requires complementation and greater specification. The illustrative utterances found in this article have been excerpted from dictionaries and the *National Corpus of Polish* or invented in a manner resembling examples found in dictionaries and corpora. The utterances which prove or disprove the hypotheses advanced in this paper have been created by myself.

I use the term *pronoun* to refer to a class of lexical units which is grammatically heterogeneous and which is delimited based on semantic criteria. The focal pronoun (as well as functionally related pronouns, e.g. *wszystkie* ‘all,’ *wszelkie* ‘any,’ *jakiś* ‘some/any’) is an exponent of the reference of the noun phrase, that is its referential properties [Topolińska 1976: 39; see also Karolak 1999: 654, 657].

2.1. The pronoun under study belongs to the category of *pluralia tantum*. In most of the Polish-language dictionaries I know (except for [SPP; NSPP; SWJPDun]), one can find the entry *niektórzy* ‘some’ (sg.); however, the articles which they introduce clearly show that the pronoun has no singular form [Bańko, Krajewska 1994: 206; Bańkowski 2000/2: 303]. The same follows from the examples shown in the dictionaries: the word examined here appears in them only in the plural form. In the [WSJP PAN] dictionary, still being developed, the entry *niektórzy* does not exist at all.

The defective nature of the category of number is a feature of many Polish pronouns, including quantification operators. *Singularia tantum* include, for instance, the nominal pronouns *kto* ‘who,’ *co* ‘what,’ *nikt* ‘nobody,’ and *nic* ‘nothing.’ *Pluralia tantum* subsume the word *poszczególony* ‘individual/respective,’ which in my work has been classified as a representative of pronouns [Grochowski 2016]; *wszelki, wszystek* ‘any, all’ are characterised by limited collocability in the singular form [Grochowski 2000; 2017a: 124–125]; *wszelki* in the singular form is a constituent of numerous multi-unit lexical items (e.g. *za wszelką cenę* ‘at all costs,’ *na wszelki wypadek* ‘just in case,’ *poniżej wszelkiej krytyki* ‘beneath all criticism’); *wszelki* ‘any’ and *każdy* ‘each/every’ do not take the form of the masculine-personal in the nominative plural.

2.2. From a syntactic point of view, the pronoun *niektóre / niektórzy* always belongs to the noun phrase. When found in preposition in relation to the noun, it serves as its attribute and is governed by the gender and the case of the noun. It is then regarded as an adjectival pronoun, as in (1) and (2). In addition, it may take the position of the head of the noun phrase, thus representing the class of nominal pronouns, as in (3). Whenever it implies the preposition *z (spośród)* ‘from (out of)’ + gen., it represents the class of elective pronouns [Drózdź-Łuszczyc 2006; Wierzbicka-Piotrowska 2011]; see (4)–(6). In elective constructions, the noun which follows the preposition governs the gender of the pronoun *niektóre / niektórzy* (masculine-personal/non-masculine personal); see (5)–(6). See, e.g.:

- (1) *Niektóre gatunki zwierząt i roślin są pod ścisłą ochroną* ‘Some species of animals and plants are protected’ [USJP];
- (2) *Niektórzy ludzie nie jadają mięsa* ‘Some people do not eat meat’ [USJP];
- (3) *Niektórzy nie znoszą upałów* ‘Some do not like hot weather’ [USJP];
- (4) *Niektórzy z nas przywykli do tego bałaganu* ‘Some of us have got used to this mess’ [ISJP];

- (5) *Niektóre z uczennic dostały medale* ‘Some of the students received medals;’
 (6) *Niektórzy z pracowników otrzymali odznaczenia* ‘Some of the employees received medals.’

2.3. In logical and semantic descriptions of natural languages, including Polish, sentences with indefinite descriptions which contain the pronoun analysed here (see *Niektóre róże nie mają kolców* ‘Some roses do not have thorns’) are regarded as synonymous with existential sentences (see *Istnieją róże bez kolców* ‘There are roses without thorns’) and interpreted as metasentences, e.g., in the following manner: “Know that we do not (always) have to adopt the interpretation worded as: ‘ta róża ma kolce’ <this rose has thorns>” [Wierzbicka 1969: 145; see also Bellert 1972: 32; Grzegorzczkowska 1982: 28; Karolak 1972: 114; 2001: 220].

The pronoun *niektóre / niektórzy* as a specific quantifier [Karakol 1990; 2001] is one of the exponents of “collective reference to an indefinite set of entities” [Topolińska 1984: 322]. The set which subsumes the entities represented by the pronoun is definite. Noun phrases like *niektórzy ze studentów* ‘some of the students’ result from the reduction in two nominal strings such as **niektórzy studenci spośród tych studentów* ‘*some of the students out of the students’ [ibid.: 368]. The aforementioned function of the pronoun *niektóre / niektórzy* in a predicate-argument structure indicates that the pronoun may not occupy the position of the predicate in the sentence (this applies also to the universal pronouns *każdy* ‘every/each (everyone),’ *wszyscy* ‘all (everyone),’ *wszelkie* ‘any’); see, e.g.:

- (7) *Ustaliliśmy terminy niektórych egzaminów* ‘We have determined the dates of some of the exams;’
 (8) **Egzaminy, których terminy ustaliliśmy, były niektóre* ‘*The exams, whose dates we have determined were some.’

According to the linear model of noun phrase constituents suggested by Topolińska [1984: 367–386], exponents of reference and quantitative assessment may occupy the first position. This condition is met by the pronouns *każdy* ‘each/every (everyone),’ *wszyscy* ‘all (everyone),’ and *żaden* ‘none (no one)’ mentioned by the linguist [see also Grochowski 2017a] as well as by the pronoun *niektóre / niektórzy* ‘some;’ see, e.g.:

- (9) *Niektórzy goście nagle odeszli od stolika* ‘Some guests suddenly left the table.’

3.1. The pronoun *niektóre / niektórzy* designates a part of what the co-occurring noun refers to. This part may not be characterised in a concrete manner with the use of numerals, but it has to be composed of countable entities [Wierzbicka-Piotrowska 2011: 215]. Subjective use of the pronoun exceptionally with reference to one entity may not be excluded, see, e.g., the following allusive utterance [Grzegorzczkowska 2010: 138]:

- (10) *Widzę, że niektórzy w tym pokoju palą* ‘I see that some in this room are smoking.’

The relation between the said pronoun and numerals is that of exclusion [Bogusławski 1966: 50]. It is not possible to identify the predicate in the form of a numeral in the set designated by *niektóre / niektórzy* ‘some;’ see (11) with the set designated by *wszystkie* ‘all’ (12):

- (11) **Niektórych uczestników olimpiady było czterdziestu* ‘*Some of the participants in the Olympic Games represented a group of forty people;’
(12) *Wszystkich uczestników olimpiady było czterdziestu* ‘All the participants in the Olympic Games represented a group of forty people.’

The syntactic role of the said pronoun is thus analogous to the role of cardinal numbers, see, e.g.: *niektóre ołówki* ‘some pencils,’ *pięć ołówków* ‘five pencils,’ *niektóre uczennice* ‘some (female) students,’ *pięć uczennic* ‘five (female) students,’ *niektórzy uczniowie* ‘some (male) students,’ *pięciu uczniów* ‘five (male) students.’ This analogy is corroborated by the fact that the combination of *niektóre / niektórzy* ‘some’ (pl.) (in contrast to *wszystkie / wszyscy* ‘all (pl.) (everyone)’) with a cardinal number is unacceptable, see:

- (13) **Niektórym dziesięciu uczniom przyznano nagrody* ‘*Some the ten students were granted awards;’
(14) *Wszystkim dziesięciu uczniom przyznano nagrody* ‘All the ten students were granted awards.’

The numeral may occur only in the noun phrase with a preposition modifying the elective pronoun, see, e.g.:

- (15) *Niektórym spośród dziesięciu uczniów przyznano nagrody* ‘Some of the ten students were granted awards.’

3.2. The foregoing discussion shows that the pronoun examined here serves to quantify nouns denoting individual physical entities, that is those that may be assigned morphic predicates [Bogusławski 1973]. Combination of *niektóre* with nouns denoting substances is deviant since the latter are assigned amorphous predicates; see, e.g.: **niektóre maki* ‘*some flours’ / *węgla* ‘*some coals’ / *mleka* ‘*some milks’ / *margaryny* ‘*some margarines’ / *wody* ‘*some waters’ / *sole* ‘*some salts’ / *wina* ‘*some wines.’ This is a natural consequence of the fact that such nouns do not imply the singular vs. plural opposition within the grammatical category of number [Feleszko 1980]. The semantic basis for the said opposition is to be found in the number vs. quantity opposition [Bogusławski 1973]. The aforementioned deviant combinations may not be ruled out in the case of spoken language; however, the nouns shown above operate in them as generic names of substances or they refer to their portion [Grochowski 1992]; see, e.g.:

- (16) *Niektóre wody mają wyjątkowe walory kosmetyczne* ‘Some kinds of water have exceptional cosmetic properties;’
(17) *Niektóre mleka dla niemowląt alergicznych robione są na bazie soi* ‘Some kinds of formula milk for allergic babies are soy-based;’
(18) *Niektóre margaryny obniżają poziom cholesterolu, dzięki obecnym w nich substancjom roślinnym* ‘Some kinds of margarine reduce the level of cholesterol thanks to the plant ingredients they contain;’
(19) *Niektóre sole mineralne przedłużają życie kwiatom* ‘Some kinds of mineral salt extend the life of flowers;’
(20) *Niektóre wina są dobrym lekarstwem na przeziębienie* ‘Some kinds of wine are a good remedy for the common cold.’

4.1. The pronoun *niektóre / niektórzy* (z...) ‘some (of...)’ represents a range within a set of entities which the predicate designates. It follows from the meaning of the pronoun that the predicate does not refer to the other (remaining) part of the range of the same set of entities. This portion, designated by *inne* ‘other’ (pl.) [Salińska 2006], forms an assessment which in relation to the first one, designated by *niektóre* ‘some’ (pl.), performs the function of a logical complement. See, e.g.:

- (21) *Niektóre towary od Nowego Roku podrożeją, a inne (pozostałe) od Nowego Roku nie podrożeją* ‘Some goods will be more expensive as of the New Year while others (the remaining ones) will not be more expensive as of the New Year.’
- (22) **Mówiąc, że niektóre towary od Nowego Roku podrożeją, mówię, że wszystkie towary od Nowego Roku podrożeją* ‘*By saying that some goods will be more expensive as of the New Year I say that all goods will be more expensive as of the New Year.’

The speaker does not indicate the entities represented by the pronoun; therefore, the recipient does not identify them. The motivation behind the speaker’s behaviour is extralinguistic. The speaker may not or does not want to indicate specific entities.

In some dictionary definitions of the pronoun analysed here [USJP 2003/2: 924] as well as in some studies which offer its semantic description, it is said that a portion of the set designated by *niektóre / niektórzy* is smaller than the remaining portion [see, e.g. Grzegorzczkova 1972: 16; 1987: 135, 139; 2010: 134]. The scholar refers to the pronoun as “a partitive operator of minority.”

This hypothesis is false. The said pronoun does not indicate the size of the set being partitioned. This claim is corroborated by positive results of a contradiction test; see, e.g.:

- (23) **Mówiąc, że niektórzy urzędnicy biorą łapówki, mówię, że inni nie biorą łapówek i że tych urzędników, którzy biorą łapówki, jest mniej* ‘*By saying that some officers accept bribes I say that other officers do not accept bribes and that the group of officers accepting bribes is smaller.’

as well as the semantically acceptable combination such as the following:

- (24) *Niektóre dzieci zaraziły się w przedszkolu świnką, zarażonych jest już połowa / więcej niż połowa* ‘Some children caught mumps in the kindergarten, half of them / more than half of them are already infected.’

4.2. My hypothesis is more conservative. From a semantic point of view, the pronoun *niektóre / niektórzy* ‘some’ (pl.) excludes the pronoun *wszystkie / wszyscy* ‘all (everyone)’ whereas its relation to other exponents of referential quantification is neutral. Following Karolak’s [1999: 657] old, however still valid, hypothesis that when using an indefinite pronoun (including *niektóre / niektórzy*), the speaker expresses negation of definite reference, see (25), it should be added that in its co-text it does not exclude the definite reference of the set of entities to which it refers. See (26) and (27):

- (25) **Mówiąc, że w niektórych miastach województwa małopolskiego można jeździć bryczką, mówię, w których miastach tego województwa można jeździć bryczką* ‘*By saying that in some of the cities in the Małopolska Province one can ride a horse-drawn carriage, I say in which cities in this province one can ride a horse-drawn carriage;’
- (26) *Niektóre książki ze szkolnej biblioteki, na przykład / między innymi Krzyżacy, Pan Tadeusz, Syzyfowe prace, są przeznaczone na wymianę* ‘Some books from the school library, for instance / *inter alia* “Krzyżacy”, “Pan Tadeusz” and “Syzyfowe prace” are to be exchanged;’
- (27) *To jest środek na niektóre, czyli (to znaczy) następujące owady: komary, kleszcze, muchy, pająki* ‘This preparation works against some, i.e. the following insects: mosquitos, ticks, flies and spiders.’

The definite reference of a set of entities in the immediate co-text is not possible if the speaker designates a set using the pronouns *któreś, jakieś* ‘any/some.’ What they have in common (as opposed to *niektóre*) is that the speaker does not know which entities represent a given set [see Topolińska 1984: 323]. Therefore, the speaker does not say that. See (26) showing a contradictory utterance:

- (28) **Któreś / jakieś książki ze szkolnej biblioteki, na przykład / między innymi Krzyżacy, Pan Tadeusz, Syzyfowe prace, są przeznaczone na wymianę* ‘*Any books from the school library, for instance / *inter alia* “Krzyżacy”, “Pan Tadeusz” and “Syzyfowe prace” are to be exchanged.’

The direct reference of a set of entities may take the form of enumeration. The relation holding between the pronoun examined here and the notion of a bounded set is neutral. The noun phrase with the *niektóre* attribute may be modified by a specificational coordinate phrase with a definite number of conjuncts, which is preceded by the exponent of the specificational relation *następujące* ‘the following’ [Grochowski 2018: 67]. This is illustrated for instance by (27). The pronoun *niektóre* ‘some’ is contrasted with the pronoun *wszelkie* ‘any’ denoting an unbounded class [Grochowski 2000: 6]. Thus, the utterance shown in (29) is deviant, by analogy to (27):

- (29) **To jest środek na wszelkie, czyli (to znaczy) następujące owady: komary, kleszcze, muchy, pająki* ‘*This preparation works against any, i.e. the following insects: mosquitos, ticks, flies and spiders.’

The reason for the deviation is the co-occurrence of the pronoun *wszelkie* ‘any’ with the metatextual operator *następujące* ‘the following,’ which results in a contradiction.

5. It is commonly claimed that the pronoun *niektóre / niektórzy* belongs to the class of indefinite pronouns [see, e.g. Wierzbicka-Piotrowska 2011: 57]. This qualification is confirmed by the contradiction arising from the addition of this pronoun to the demonstrative pronouns *te* ‘these’ (non-masculine personal), *ci* ‘these’ (masculine-personal), *my* ‘we,’ *wy* ‘you’ (pl.); see:

- (30) **Te niektóre dzieci zostały zaszczipione na odrę* ‘*These some children have been inoculated against measles;’

- (31) **Ci niektórzy uczestnicy teleturnieju przeszli do finału* ‘*These some participants in the game show qualified for the finals;’
(32) **My niektórzy pracownicy muzeum przygotowaliśmy tę wystawę* ‘*We some employees of the museum have prepared this exhibition;’
(33) **Wy niektórzy organizatorzy demonstracji będziecie odpowiadać przed sądem* ‘*You some organizers of the demonstration will be brought to justice in court.’

No contradiction, however, arises in the case of the co-occurrence of demonstrative pronouns with the pronoun *wszyscy* ‘all,’ see, e.g.:

- (34) *Te wszystkie dzieci zostały zaszczepione na odrę* ‘All these children have been inoculated against measles;’
(35) *My wszyscy zrozumieliśmy, że sprawa jest poważna* ‘We all understood that this was a serious matter.’

It is also possible to add the pronoun *niektóre / niektórzy* to the noun phrase with a possessive pronoun which is in preposition in relation to the latter, as in, e.g.:

- (36) *Niektórzy moi sąsiedzi słuchają tylko muzyki rozrywkowej* ‘Some of my neighbors listen only to rock music;’
(37) *Niektóre moje uczennice pracują naukowo* ‘Some of my (female) students undertake academic work.’

The speaker performs partitive quantification (with the use of *niektórzy*) of a bounded/definite set of entities (*moi sąsiedzi* ‘my neighbors,’ *moje uczennice* ‘my (female) students’). The possessive pronoun *mój* ‘my’ represents the argument of the two-argument predicate *ktoś jest czymś sąsiadem / sąsiadem kogoś* ‘somebody is somebody else’s neighbor’ (*ktoś jest czymś uczniem / uczniem kogoś* ‘somebody is somebody else’s student’). The reversal of this linear order leads to a contradiction. Indeed, it is not logically possible to quantify the same relational predicate without considering its argument. See (36) in conjunction with (37) and (38) in conjunction with (39):

- (38) **Moi niektórzy sąsiedzi słuchają tylko muzyki rozrywkowej* — “**Mam niektórych sąsiadów, oni słuchają tylko muzyki rozrywkowej*” ‘*My some neighbors listen only to rock music’ — “*I have some neighbors, they listen only to rock music;”
(39) **Moje niektóre uczennice pracują naukowo* — “**Mam niektóre uczennice, one pracują naukowo*” ‘*My some (female) students undertake academic work’ — “*I have some (female) students, they undertake academic work.”

6. The pronoun *niektóre / niektórzy* belongs to a group of expressions which probably have a relatively simple semantic structure. Andrzej Bogusławski [1966: 51] suggested — and to the best of my knowledge he was the first one to do so — that three semes (semantically indivisible elements) should be distinguished in the class of quantifiers: *wszystkie* ‘all,’ *niektóre* ‘some,’ *jeden* ‘one.’ Thirty years later, Anna Wierzbicka [1996] classified the notion which is represented in the Polish language by the pronoun under study here as a semantic prime, adding it to the class of quantifiers classified in her earlier work as elementary [Wierzbicka 1989], namely *jeden* ‘one,’ *dwa* ‘two,’ *dużo* ‘much/many,’

wszystko (*wszystkie, wszyscy*) ‘everything/all (everyone).’ Considering the fact that Wierzbicka’s list of “indefinabilia” also includes notions represented by the words *część* ‘part/some’ and *nie* ‘no/not,’ I find the hypothesis about the indefinable meaning of the pronoun *niektóre / niektórzy* debatable. One may indisputably regard as its hypernyms two expressions; see *niektóre* ‘some’ X-y → *nie wszystkie* ‘not all’ X-y; *niektóre* ‘some’ X-y → *nie mówię, które* ‘I do not say which’ X-y. However, at present I do not have sufficient arguments to disprove Wierzbicka’s hypothesis. Among the arguments she advances in support of the indefinability of *niektóre*, the most strongly pronounced ones are those derived from aboriginal languages, which clearly makes disagreement with her arguments more difficult.

7. Some dictionaries of the Polish language acknowledge the existence of the pronoun *poniektóry / poniektórzy* ‘some,’ explaining its meaning as synonymous with that of the pronoun *niektóre / niektórzy*. The pronoun *poniektóry / poniektórzy* is regarded as archaic and pragmatically marked (colloquial, showing slight contempt) against the neutral *niektóre / niektórzy*. It had and continues to have a very low frequency in Polish written texts. In [SFPW], which is being developed based on the frequency lists issued in the period 1974–1977, the word *niektóry* occupies the 253rd position (its absolute frequency being 219) while the word *poniektóry* is not attested, which means that its absolute frequency is lower than 4. These findings corroborate the data from the [NKJP], which includes nearly half a million utterances containing the pronoun *niektóre / niektórzy* and a mere 2,066 utterances with the pronoun *poniektóry / poniektórzy*.

The two pronouns juxtaposed here share a number of syntactic and semantic properties. *Poniektóry* as an adjectival pronoun is a noun attribute and it appears in preposition to the noun, as in (40) and (44). As a nominal pronoun, it constitutes the noun phrase, as in (41) and (42). Together with the preposition *z* (*spośród*) ‘from (out of)’ + gen., it represents the class of elective pronouns, (43). By analogy to *niektóre*, it may not occupy the position of the predicate, (45). See, e.g.:

- (40) *Poniektórzy wujowie gardzą deserem, ograniczając się do zasadniczej konsumpcji* ‘Some uncles despise dessert, limiting themselves to basic consumption;’
- (41) *Jak czytał teksty poniektórych, to nos robił mu się czerwony* ‘When he was reading texts written by some, his nose was going red;’
- (42) *Poniektóre czekają już tutaj od kilku dni* ‘Some have already been waiting here for a couple of days;’
- (43) *Poniektórzy z nich nie wywiązali się ze swoich obietnic* ‘Some of them did not keep their promises;’
- (44) *Poniektórych dzieci nie można było niczego nauczyć* ‘Some children could not be taught anything’ [USJP];
- (45) **Dzieci, których nie można było niczego nauczyć, były poniektóre* ‘*The children who could not be taught anything were some.’

In some dictionaries [SJPD; USJP], one can find examples illustrating usage of the singular form *poniektóry* while in [SPP], in which the pronoun *niektóre* is to be found under the entry with its plural form, the word *poniektóry*, regarded as its synonym, is

represented by the singular form. It is therefore difficult to unequivocally determine the status of *poniektóry* as belonging to *pluralia tantum*. While the pronoun *niektóre* collocates freely with nouns which designate countable entities, a feature typical of *poniektóre* is that it co-occurs with personal nouns; its co-occurrence with impersonal nouns is indeed much rarer.

The word *co* ‘what’ which represents a one-unit class, that is a bounded set, is often found in preposition in relation to the two aforementioned pronouns. The absence of semantic and syntactic differences between the strings with *co* and those without *co* suggests that the strings including *co* should be regarded as two-unit lexical items (in traditional terminology: phraseologies). See, e.g.:

- (46) *Obludni są co poniektórzy księża, którzy co innego głoszą w murach kościoła, a potem zupełnie co innego czynią* ‘Hypocritical are some of the priests who teach one thing in the church and who do another thing outside the church;’
- (47) *Co poniektóre zwierzęta wyszły z wody na ląd* ‘Some of the animals moved from water onto land;’
- (48) *Co poniektórzy z was powinni dostać porządne lanie* ‘Some of you should get a good hiding.’

8. Lexical quantification operators, which subsume *niektóre / niektórzy* ‘some,’ are a grammatically heterogeneous class which is unbounded. This class is represented by the well-known pronouns *ktoś* ‘somebody,’ *coś* ‘something,’ *pewien* ‘some,’ *jakiś* ‘some/any,’ *ten* ‘this,’ *każdy* ‘each/every,’ and *wszystkie* ‘all’ which for decades have been the subject of scholarly attention. Basing on descriptions of new lexical items, researchers begin to subsume under the aforementioned class also operators which represent various parts of speech and which serve to reference the noun phrase. This function is performed, for instance, by the adjectives *liczny* ‘numerous,’ *nieliczny* ‘sparse’ [Dróżdż-Łuszczczyk 2018a; 2018b], *poszczególony* ‘individual/respective,’ and *dowolny* ‘any/random’ [Grochowski 2016; 2017b].

References

- Bańko M., Krajewska M. *Słownik wyrazów kłopotliwych* [Dictionary of Difficult Expressions]. Warszawa, PWN Publ., 1994, 404 p.
- Bańkowski A. *Etymologiczny słownik języka polskiego* [The Etymological Dictionary of the Polish Language] (Vols. 1–2). Warszawa, PWN Publ., 2000.
- Bellert I. *On the Logical-Semantic Structure of Utterances*. Wrocław, Ossolineum Publ., 1972, 108 p.
- Bogusławski A. *Semantyczne pojęcie liczebnika i jego morfologia w języku rosyjskim* [Semantics and Morphology of Numerals in Russian]. Wrocław, Ossolineum Publ., 279 p.
- Bogusławski A. [Vernacular Names of Concrete Objects and Some Properties of their Numerical Forms and Connections with Numerals in Polish]. *Liczba, ilość, miara* [Number, Quantity, Measure]. Z. Topolińska, M. Grochowski (Eds.). Wrocław, Ossolineum Publ., 1973, pp. 7–35. (In Polish)

Dróżdż-Łuszczczyk K. *Studium konstrukcji elektywnych we współczesnej polszczyźnie* [Research of Elective Structures in Contemporary Polish]. Warszawa, UW Publ., 2006, 201 p.

Dróżdż-Łuszczczyk K. [On the Quantitative Description of Reality by the Adjective *liczny* 'numerous']. *O języku dla Anny Wierzbickiej* [On Language, for Anna Wierzbicka]. J. Chojak, Z. Zaron (Eds.). Warszawa, Wydział Polonistyki UW Publ., 2018a, pp. 99–108. (In Polish)

Dróżdż-Łuszczczyk K. [The Properties of the Lexeme *nieliczny* 'not numerous' Against the Background of Adjectives]. *Sens i konwencje w języku. Studia dedykowane Profesorowi Maciejowi Grochowskiemu* [Meanings and Conventions in Language. Studies Dedicated to Professor Maciej Grochowski]. A. Dobaczewski, A. Moroz, P. Sobotka (Eds.). Toruń, UMK Publ., 2018b, pp. 83–95. (In Polish)

Feleszko K. *Funkcje form kategorii liczby w polskiej grupie imiennej* [The Functions of the Number Category Forms in the Polish Noun Phrase]. Warszawa, UW Publ., 1980, 105 p.

Grochowski M. [On the Method of Revealing the Semantic Structure of the Names of Natural Substances]. *Z polskich studiów slawistycznych. Językoznawstwo*, 1992, No. 8, pp. 69–74. (In Polish)

Grochowski M. [Intratextual Function of Lexemes and their Grammatical Features (The Analysis of Expression *wszelki* 'any, every')]. *Poradnik Językowy*, 2000, No. 5, pp. 1–10. (In Polish)

Grochowski M. [*Poszczególne* 'particular' among the Quantitative Operators]. *LingVaria*, 2016, No. 11 (22), pp. 83–95. (In Polish)

Grochowski M. [Structure of General Quantitative Estimation Operators in Polish]. *Slavica Wratislaviensia*, 2017a, No. 165, pp. 123–133. (In Polish)

Grochowski M. [Selection and Uncertainty as the Semantic Components of the Adjective *dowolny* 'any']. *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Linguistica*, 2017b, No. 12, pp. 104–111. (In Polish)

Grochowski M. [Adjectives as Indicators of Reference in Polish]. *Slavistika*, 2018, No. 22 (1), pp. 65–74. (In Polish)

Grzegorzczkowska R. [Quantification Indicators in the Polish Sentence]. *Z polskich studiów slawistycznych. Językoznawstwo*, 1972, No. 4, pp. 13–19. (In Polish)

Grzegorzczkowska R. [On the Existential Sentence and the So-Called Existential Quantifier]. *Studia gramatyczne*, 1982, No. 5, pp. 23–29. (In Polish)

Grzegorzczkowska R. [Generalizing Pronouns and the Mechanisms of Forming General Sentences]. *Prilozi MANU*, 1987, No. 12 (2), pp. 133–140. (In Polish)

Grzegorzczkowska R. *Wprowadzenie do semantyki językoznawczej* [Introduction to Linguistic Semantics]. Warszawa, PWN Publ., 2010, 224 p.

ISJP — *Inny słownik języka polskiego* [New Dictionary of the Polish Language] (Vols. 1–2). M. Bańko (Ed.). Warszawa, PWN Publ., 2000.

Karolak S. *Zagadnienia składni ogólnej* [General Issues of Syntax]. Warszawa, PWN Publ., 1972, 183 p.

Karolak S. *Kwantyfikacja a determinacja w językach naturalnych* [Quantification and Determination in Natural Languages]. Warszawa, PWN Publ., 1990, 445 p.

Karolak S. [Pronoun. Indefinite Pronoun]. *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego* [Encyclopedia of General Linguistics]. K. Polański (Ed.), Wrocław, Ossolineum Publ., 1990, pp. 654–659. (In Polish)

Karolak S. [On Quantifiers and Metasentences]. Karolak S. *Od semantyki do gramatyki* [From Semantics to Grammar]. Warszawa, Inst. Of Slavistics of PAS Publ., 2001, pp. 209–232. (In Polish)

NKJP — *Narodowy korpus języka polskiego* [The National Corpus of the Polish Language]. Available at: www.nkjp.pl (accessed 27.07.2019)

NSPP — *Nowy słownik poprawnej polszczyzny* [New Dictionary of Standard Polish]. A. Markowski (Ed.). Warszawa, PWN Publ., 1999, 1788 p.

Salińska D. [The Metatext Unit *pozostały* ‘other, another’]. *Acta Universitatis Nicolai Copernici. Filologia Polska*, 2006, No. 62, pp. 161–168. (In Polish)

SFPW — Kurcz I., Lewicki A., Sambor J., Szafran K., Woronczak J. *Słownik frekwencyjny polszczyzny współczesnej. T. 1* [A Frequency Dictionary of the Contemporary Polish Language Vol. 1]. Kraków, Inst. of the Polish Language of the PAN Publ., 1990, 480 p.

SJPD — *Słownik języka polskiego* [Polish Language Dictionary]. (Vols. 1–10). W. Doroszewski (Ed.). Warszawa, Wiedza Powszechna Publ., PWN Publ., 1958–1969.

SPP — *Słownik poprawnej polszczyzny* [Dictionary of Standard Polish]. W. Doroszewski, H. Kurkowska (Eds.). Warszawa, PWN Publ., 1973, 1055 p.

SWJPDun — *Słownik współczesnego języka polskiego* [The Dictionary of the Contemporary Polish Language. Vol. 1]. B. Dunaj (Ed.). Warszawa, Wilga Publ., 1996, 707 p.

Topolińska Z. [Reference Characteristic of the Noun Group in Polish Text]. *Polonica*, 1976, No. 2, pp. 33–72. (In Polish)

Topolińska Z. [The Syntax of the Noun Group]. M. Grochowski, S. Karolak, Z. Topolińska. *Gramatyka współczesnego języka polskiego* [Grammar of the Contemporary Polish Language]. Warszawa, PWN Publ., 1984, pp. 301–389. (In Polish)

USJP — *Uniwersalny słownik języka polskiego* [The Universal Dictionary of the Polish Language] (Vols. 1–4). S. Dubisz (Ed.). Warszawa, PWN Publ., 2003.

Wierzbicka A. *Dociekania semantyczne* [The Studies of Semantics]. Wrocław, Ossolineum Publ., 1969, 201 p.

Wierzbicka A. Semantic Primitives — the Expanding Set. *Quaderni di Semantica*, 1989, No. 10 (2), pp. 309–332.

Wierzbicka A. *Semantics. Primes and Universals*. Oxford, Oxford University Press, 1996, 512 p.

Wierzbicka-Piotrowska E. *Polskie zaimki nieokreślone. Wybrane zagadnienia semantyczne, syntaktyczne i pragmatyczne* [The Indefinite Polish Pronouns. Selected Semantic, Syntactic, and Pragmatic Issues]. Warszawa, UW Publ., 2011, 267 p.

WSJP PAN — *Wielki słownik języka polskiego PAN* [The Great Dictionary of the Polish Language]. (Vols. 1–). P. Źmigrodzki (Ed.). Kraków, 2007–. Available at: <http://www.wsjp.pl/> (accessed 27.07.2019)

Д. О. Добровольский¹, Анна А. Зализняк²
*¹Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Институт языкознания РАН
Стокгольмский университет
²Институт языкознания РАН
ФИЦ «Информатика и управление» РАН
(Россия, Москва)
dobrovolskij@gmail.com, anna.zalizniak@gmail.com*

РУССКИЕ КОНСТРУКЦИИ С ПОТЕНЦИАЛЬНО МОДАЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ПО ДАННЫМ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ КОРПУСОВ*

В статье предлагается метод выявления единиц (конструкций) русского языка с потенциально модальным значением путем анализа способов передачи в русском переводе значений, выраженных в немецком оригинале конструкциями с модальными глаголами, составляющими в этом языке отчетливый семантико-грамматический класс. В статье рассматриваются только базовые модальные значения возможности и необходимости — в онтологическом, деонтическом и эпистемическом вариантах. Полученное таким образом множество реально встретившихся в переводных русских текстах функциональных эквивалентов для немецких конструкций с модальными глаголами включает ряд единиц, способность которых выражать модальное значение не фиксируется в словарях. В статье предлагается предварительный список таких единиц, для которых формулируется вариант толкования, содержащий модальный компонент, приводятся примеры соответствующих межъязыковых соответствий.

Ключевые слова: модальность, модальное значение, русский язык, немецкий язык, семантика, перевод.

Анализ переводных соответствий как способ изучения семантики языковых единиц широко используется в современной лингвистике [ср., в частности: Johansson, Oksefjell 1998; Noël 2003; Bonola 2017]. В данном исследовании

* Работа выполнена при частичной поддержке РФФИ, грант №20-012-00166 «Исследование семантики модальных конструкций по данным немецко-русского параллельного корпуса» и №19-012-00505 «Дискурсивные единицы русского языка: семантика и механизмы прагматикализации».

применялся «монофокусный» метод контрастивного анализа (в [Зализняк 2015a] он был назван «унидирекциональным»), суть которого состоит в том, что сопоставление оригинального текста с его переводом используется как инструмент анализа интересующей нас единицы одного из сопоставляемых языков: перевод на другой язык рассматривается как своего рода толкование для анализируемой единицы языка оригинала — и наоборот, исследование «стимулов» появления той или иной языковой единицы в переводе может выявить неочевидные компоненты значения этой единицы. В нашей работе этот метод был использован для выявления множества лексических единиц и конструкций русского языка, которые в тех или иных контекстных условиях оказываются способны передавать модальное значение, выраженное в предложении оригинала конструкцией с одним из модальных глаголов немецкого языка. Полученное таким образом множество реально встретившихся в переводных русских текстах функциональных эквивалентов для немецких конструкций с модальными глаголами включает ряд единиц, способность которых выражать модальное значение априори не очевидна¹. Выявление множества русских конструкций с потенциально модальным значением является одной из задач проекта «Исследование семантики модальных конструкций по данным немецко-русского параллельного корпуса», главная цель которого — уточнение семантики немецких модальных глаголов с помощью анализа их русских переводных соответствий, реально используемых профессиональными переводчиками².

В отличие от немецкого языка, где существует особый грамматический класс модальных глаголов (*können, dürfen, müssen, sollen, wollen, mögen*), каждый из которых имеет целый спектр значений (в том числе не модальных), в русском языке есть лишь два модальных глагола с семантическим субъектом в позиции подлежащего — *мочь* и *хотеть*; все остальные значения передаются предикативами или безличными глаголами³.

¹ Гарантией наличия в русском предложении собственно модального значения служит производимая нами (по [НРС]) идентификация значения немецкого глагола в предложении оригинала плюс положительная оценка адекватности перевода. Производные не собственно модальные значения немецких модальных глаголов (значение уступки, недоверия к высказанному мнению и др.) и способы их передачи при переводе на русский язык составляют предмет отдельного исследования и здесь рассматриваться не будут.

² О создаваемой в рамках данного проекта базе данных переводных соответствий, извлеченных из немецко-русского параллельного корпуса [НКРЯ], см. подробнее в [Добровольский, Зализняк 2018].

³ Так, в [РГ 1980/2: 215] приводится следующий список лексических средств выражения «объективной модальности»: *можно, нельзя, надо, нужно, необходимо, должен, обязан, может, хочет, желает, следует* (в значении ‘надо’), *не годится* (в значении ‘не следует’), *надлежит, подбавляет*. И этот список является далеко не полным. Что касается «субъективной модальности», то к этой категории в [РГ 1980] относится очень широкий круг значений, включающий весь спектр субъективных оценок. Нас интересуют прежде всего те способы выражения модальности (как «объективной», так и «субъективной»), которые не фиксировались как таковые в традиционных описаниях.

Ю. Д. Апресян выделяет среди системообразующих смыслов три вида модальных значений: возможность, долженствование и намерение [Апресян 2005: 19]. Однако поскольку отправной точкой данного исследования являются немецкие модальные глаголы, а для глагола *wollen* значения намерения и желания слабо дифференцированы, модальное значение намерения мы здесь исключаем из рассмотрения. В данной работе речь будет идти лишь о значениях *необходимости* (*долженствования*) и — в меньшей степени — *возможности* — в онтологическом, деонтическом и эпистемическом вариантах. В онтологическом и деонтическом вариантах эти значения составляют базовые (восходящие к Аристотелю) типы модального значения, в эпистемическом — относятся к оценочной, или субъективной, модальности [ср.: Падучева 2016], для обозначения которой используется также термин *эпистемическая модальность* [ср.: Плузьян 2011: 426]. Значения возможности и необходимости мы будем называть *собственно модальными*. В предлагаемых нами экспликациях значения русских языковых единиц, выступающих в роли эквивалента немецкой конструкции с модальным глаголом, модальная составляющая выделена малыми прописными. Вариант модального значения помечен индексами: *o* — онтологический, *d* — деонтический, *e* — эпистемический.

В приводимых ниже примерах вида «немецкий оригинал – русский перевод» *полуужирным курсивом* в немецком предложении выделен модальный глагол, в русском переводе – соответствующий ему носитель модального значения; *светлым курсивом* в обеих частях примера выделен релевантный контекст. Все примеры взяты из немецкого параллельного подкорпуса [НКРЯ].

1. *Вместо* [Ngen]

- (1) <...> was ihm zur Zufriedenheit ***hätte*** *gereichen sollen*, flößte ihm Grauen ein. (Friedrich Dürrenmatt. Der Verdacht. 1953) –
<...> ***вместо*** *удовлетворения* он испытывал ужас (Фридрих Дюрренматт. Подозрение / Н. Савинков. 1990)⁴.

В примере (1) в качестве единицы перевода берется не отдельный модальный глагол и даже не его непосредственное окружение (зависимый инфинитив с заполненными валентностями), а целая клауза *was ihm zur Zufriedenheit hätte gereichen sollen*. Модальное значение, выражаемое в немецком языке плюсквамперфектной формой конъюнктива модального глагола *sollen*, в [НРС] описывается следующим образом: «только в формах *praet conj* и *ppr conj* *следовало (бы), нужно было (бы), должно было (бы)* (по мнению говорящего)». При буквальном (и в какой-то степени искусственном) переводе это предложение могло бы выглядеть так: *То, что должно было бы дать ему удовлетворение, наполнило его ужасом*. Переводчик, однако, воспользовался иной конструкцией, не содержащей модального слова, но при этом достаточно полно

⁴ В контекстах из [НКРЯ] сохранена орфография оригинала. Часто это орфографическая норма до реформ правописания 1996, 2005 и 2006 гг.

отражающей смысл исходной немецкой фразы, — предложной группой *вместо удовлетворения*. Этот способ передачи модального значения не учтен ни в одном описании русско-немецких соответствий в области способов выражения модальности.

Семантика предлога *вместо* действительно включает модальную составляющую, ср. толкование в [АС: 165]: «*A1 вместо A2*. Указывает на то, что в данном случае должна была иметь место ситуация *A2* или использоваться объект *A2*, но имеет место ситуация *A1* или используется объект *A1*». Таким образом, в значение предлога *вместо* входит компонент должно_д было. Однако этот предлог не включается в список средств выражения модальности в русском языке; дело, по-видимому, в том, что в русской грамматической традиции до сих пор не ставилась задача выявления множества языковых единиц, в значении которых содержится модальная составляющая. Между тем эта задача представляет как теоретический, так и практический интерес.

2. [Ndat] (не) дано / суждено [Vinf]

Вводя описание некоторого события при помощи этой конструкции, говорящий выражает представление о том, что его наступление (как бы) определено некоей высшей силой — и тем самым оно должно_д было наступить. В немецком оригинале здесь могут быть глаголы *sollen* или *dürfen*.

- (2) Aber dahin **sollte** es nie *kommen*, denn Grenouille, der an der Place de Greve am Ufer stand und mehrmals einen kleinen Fetzen Meerwind, den er in die Nase bekommen hatte, aus- und einatmete, **sollte** das Meer, das eigentliche Meer, den großen Ozean, der im Westen lag, in seinem Leben niemals *sehen* (Patrick Süskind. Das Parfum: Die Geschichte eines Mörders. 1985) —

Но *этому не дано было сбыться*, ибо *Греную*, стоявшему на Гревской площади на берегу Сены и многократно вдыхавшему маленький обрывок морского ветра, попавший ему на нос, **не суждено было** никогда в жизни *увидеть* море, настоящее море, великий океан, лежащий на западе (Патрик Зюскинд. Парфюмер: История одного убийцы / Э. Венгерова. 1992);

- (3) Ich gäbe alle heiteren Tage, die ich je gehabt, samt allen Verliebtheiten und samt meinen Dichterplänen, wenn ich dafür noch einmal so ins Allerheiligste *hineinsehen* **dürfte** wie in jener Zeit (Hermann Hesse. Peter Camenzind. 1904) — Я отдал бы все светлые дни, прожитые мною когда-либо, вместе со всеми влюбленностями и всеми поэтическими мечтами в придачу, если бы за это **мне дано было** еще раз *заглянуть* в святая святых, как в то славное время (Герман Гессе. Петер Каменцинд / Р. Эйвадис. 1995).

3. [Ndat] *пора* [Vinf]

Предикатив *пора* относится к ядерной части русского модального лексикона: *X-у пора делать нечто* означает, что (по мнению говорящего) X должен_д это сделать, причем немедленно. В немецком оригинале в этом случае используется

глагол *müssen* (ср. примеры 4–5), хотя возможны также контексты с *sollen* (ср. примеры 6–7).

- (4) „Wir **müssen** Abschied voneinander nehmen, Kommissar.“ Der Riese stand auf. (Friedrich Dürrenmatt. Der Verdacht. 1953) —
— Ну что ж, комиссар, нам **пора** прощаться, — сказал гигант и встал (Фридрих Дюрренматт. Подозрение / Н. Савинков. 1990);
- (5) <...> jetzt **mußt** du gehen, es ist gleich halb acht, und die ersten Kinder kommen. (Heinrich Böll. Ansichten eines Clowns. 1963) —
<...> тебе **пора** идти, уже почти половина восьмого, вот-вот явятся дети (Генрих Бёлль. Глазами клоуна / Р. Райт-Ковалева. 1964);
- (6) Nachdem Gerda Buddenbrook ihn ein wenig hatte gewähren lassen, beschloß sie, daß er Klavierunterricht bekommen **sollte** (Thomas Mann. Buddenbrooks. 1896–1900) —
Позволив ему некоторое время так позабавляться, Герда решила, что мальчику **пора** учиться музыке (Томас Манн. Будденброки / Н. Ман. 1953);
- (7) Er war schon längst mit allem fertig und lag nun faul auf der gleichen Stelle, als die Schwester zum Zeichen, daß er sich zurückziehen **solle**, langsam den Schlüssel umdrehte (Franz Kafka. Die Verwandlung. 1912) —
Он давно уже управился с едой и лениво лежал на том же месте, где ел, когда сестра в знак того, что ему **пора** удалиться, медленно повернула ключ (Франц Кафка. Превращение / С. Апт. 1964).

4. *Vom-vom* [Vfut]

Единица *vom-vom*, так же как и *пора*, связана с фиксацией события на временной оси: она указывает на то, что что-то должно, произойти в ближайшем будущем. В немецком оригинале в этом случае может быть употреблен глагол *müssen*, а также *wollen* (в значении предстояния). Ср.:

- (8) Und wie damals wurde ihm unendlich bang und angst, und er glaubte, *ersticken* zu **müssen** (Patrick Süskind. Das Parfum: Die Geschichte eines Mörders. 1985) —
И как тогда, он испытал бесконечный ужас и страх и подумал, что **vom-vom** *задохнется* (Патрик Зюскинд. Парфюмер: История одного убийцы / Э. Венгерова. 1992);
- (9) Zwei- oder dreimal, an Nachmittagen, da es aussah, als ob die Sonne *hervorkommen* **wollte**, erschienen zur Table d'hôte ein paar Bekannte aus der Stadt, die sich gern ein wenig unabhängig von ihren Angehörigen unterhielten (Thomas Mann. Buddenbrooks. 1896–1900) —
Раза два или три, когда казалось, что **vom-vom** *проглянет* солнышко, из города приезжал кое-кто из знакомых, любителей поразвлечься вдали от семьи (Томас Манн. Будденброки / Н. Ман. 1953).

5. *Лучше* [Vinf] / *лучше бы* [Vpast]

Наличие модальной составляющей в этой конструкции вытекает из того, что идея «лучше» является основанием для мнения, что человек должен_d был бы так сделать. В немецком языке этот смысл передается глаголом *sollen* (в индикативе или конъюнктиве).

- (10) Wohl nach schon viertelstündiger Arbeit sagte die Mutter, man *solle* den Kasten doch lieber hier *lassen* (Franz Kafka. Die Verwandlung. 1912) —
Когда они провозились уже с четверть часа, мать сказала, что *лучше оста-
вить* сундук там, где он стоит (Франц Кафка. Превращение / С. Апт. 1964);
- (11) Ich dachte schon, wir *sollten* das Geld lieber *aufheben* und zur Bank bringen (Erich Kästner. Emil und die Detektive. 1929) —
Я думаю, *лучше* деньги эти *сберечь*, положить в банк (Эрих Кестнер. Эмиль и сыщики / Л. Лунгина. 1971);
- (12) Sie sagte nichts, nickte aber, und ich konnte genug von ihrem Gesicht sehen, um zu wissen, dass sie die Tränen zurückhielt. Sie *hätte weinen sollen*, heftig und lange (Heinrich Böll. Ansichten eines Clowns. 1963) —
Она промолчала, но кивнула, я увидел только краешек ее лица и все же понял, что она с трудом удерживается от слез. *Лучше бы* она *заплакала* — бурно, навзрыд (Генрих Бёлль. Глазами клоуна / Р. Райт-Ковалева. 1964);
- (13) „Erstaunt“, schrie ich, „Sie *sollten erstaunt sein* über die gedankenlosen Hunde, die ihre Frauen einfach als rechtmäßigen Besitz betrachten...“ (Heinrich Böll. Ansichten eines Clowns. 1963) —
— Поражены, — закричал я, — *лучше бы* вы *поражались* тупоголовым животным, для которых их жены — не что иное, как законная собственность... (Генрих Бёлль. Глазами клоуна / Р. Райт-Ковалева. 1964).

6. *Напрасно* [Vpast]

Напрасно (в данном типе употребления) означает фактически ‘кто-л. должен_d был поступить иначе’; ср. толкование оценочного значения слова *напрасно* в [Зализняк 2006: 121]: «некоторое R, которое могло бы быть вместо P, лучше, чем P (в частном случае P = отсутствие R)». Обратим внимание на то, что здесь присутствует как идея «лучше», так и идея «вместо» (ср. пункты 1, 5). В немецком это *sollen* в плюсквамперфекте конъюнктива и всегда с отрицанием, поскольку именно так передается идея, что нечто было бы лучше, но оно не случилось.

- (14) „Man *hätte ihn nicht* so frei herumlaufen *lassen sollen*“, sagte der Student, als wolle er der Frau eine Erklärung für Ks beleidigende Rede geben, „es war ein Missgriff“ (Franz Kafka. Der Prozess. 1914) —
Напрасно ему *разрешили* гулять на свободе, — сказал студент, словно хотел объяснить женщине обидные слова К., — это несомненный промах (Франц Кафка. Процесс / Р. Райт-Ковалева. 1965);

- (15) Ich **hätte** Ihnen überhaupt **nichts sagen sollen** (Gustav Meyrink. Der Golem. 1914) —
Я **напрасно** вам все это *говорила* (Густав Майринк. Голем / Д. Выгодский. 1922).

7. *Stoum* [Vinf]

Конструкция со словом *stoum* также выражает оценку, включающую модальный компонент. Можно сказать, что конструкция со словом *stoum* представляет собой «смягченное» *должен_d* плюс оценка говорящего “это правильно”. В том случае, когда *stoum* употреблено в вопросительном предложении, выражающем сомнение (ср. примеры (17) и (18)), оно квазисинонимично вопросу с *нужно ли*.

- (16) Ein schönes Fest **soll** man nicht **stören** (Friedrich Dürrenmatt. Der Verdacht. 1953) —
Не **stoum** *портить* праздник (Фридрих Дюрренматт. Подозрение / Н. Савинков. 1990);
- (17) Ich überlegte auch, ob ich wirklich die Lauretanische Litanei **sollte**; besser nicht: es könnte einer auf die Idee kommen, mich für einen Katholiken zu halten... (Heinrich Böll. Ansichten eines Clowns. 1963) —
Я размышлял также — **stoum** ли мне *неть* литанию деве Марии, пожалуй, не стоит, люди могут подумать, что я католик... (Генрих Бёлль. Глазами клоуна / Р. Райт-Ковалева. 1964);
- (18) Wollte er nur überlegen, ob er **den Kampf aufnehmen sollte** oder nicht? (Friedrich Dürrenmatt. Justiz. 1985) —
Хотел для себя решить вопрос, **stoum** ему *вступить в борьбу* или нет? (Фридрих Дюрренматт. Правосудие / С. Фридлянд. 1988).

8. *Vnory* [Vinf]

Слово *vnory* выражает следующую сложную установку по отношению к действию, обозначенному подчиненным инфинитивом: ‘на основании своей оценки имеющей место ситуации говорящий заключает, что он *должен_d* был бы совершить некоторый экстраординарный и, возможно, до какой-то степени абсурдный поступок (однако совершать его, скорее всего, не собирается)’⁵. В немецком оригинале могут быть все основные модальные глаголы: *sollen, können, müssen, mögen* (обычно в форме конъюнктива).

- (19) „Der **soll** den Bürgermeister zum Gevatter **haben!**“ hat der Konsul gerufen... (Thomas Mann. Buddenbrooks. 1896–1900) —
— Тут уж **vnory** *звать* в крестные самого бургомистра! — воскликнул консул (Томас Манн. Будденброки / Н. Ман. 1953);

⁵ Ср. несколько иное толкование в [Урысон 2016: 56].

- (20) Austausch der Arbeits- oder Wohnplätze <...> es wäre so still auf den Strassenkreuzungen, dass sie dort Mensch-ärgere-dich-nicht spielen **könnten** (Heinrich Böll. Ansichten eines Clowns. 1963) —
Но стоит людям поменяться работой и местожительством <...> там станет так тихо, что полицейским **внору** будет играть в рич-рач (Генрих Бёлль. Глазами клоуна / Р. Райт-Ковалева. 1964);
- (21) In Geschäfte der eintönigsten Art gezwungen oder vielleicht selber und freiwillig in diese Geschäfte gegangen — denn er führte sie mit einer Ordnung, mit einer Rechtlichkeit, mit einer Ausdauer, mit einer Anhänglichkeit an sie, daß man **staunen mußte**... (Adalbert Stifter. Der Nachsommer. 1857)–
Заваленный делами самого скучного рода или, может быть, ушедший в эти дела по собственной воле — ведь он вел их с такой аккуратностью, такой добросовестностью, с таким терпением и интересом, что **внору** было *дивиться*... (Адальберт Штифтер. Бабье лето / С. К. Апт. 1999);
- (22) Wenn Ihr so spricht, so **möcht** ich nur gleich *den Schwefelfaden, den ich wegwarf, wieder anzünden!* (Heinrich von Kleist. Michael Kohlhaas. 1808) —
Когда я слушаю ваши речи, я жалею, что выбросил серный шнур, мне **внору** сейчас *разыскать его и поджечь!* (Генрих фон Клейст. Михаэль Кольхаас / Н. Ман. 1969).

9. Значит [P]

Еще одно слово, в семантике которого неожиданным образом обнаруживается модальный смысл, — это *значит*. Его значение приблизительно может быть описано следующим образом: ‘на основании каких-то признаков ситуации я заключаю, что должно, иметь место P’.

- (23) „Es ist praktisch einfach unmöglich, daß du Alkohol getrunken hast, du **müßtest** denn auch die Flasche *verschluckt haben!*“ rief der Arzt verzweifelt aus (Friedrich Dürrenmatt. Der Verdacht. 1953) —
Однако практически это невозможно; **значит**, ты *проглотил* шнапс вместе с бутылкой! — воскликнул удивленный врач (Фридрих Дюрренматт. Подозрение / Н. Савинков. 1990);
- (24) Mochte es sich damit verhalten, wie es wollte, so stand sein Entschluß, in dieser Sache auch nicht das Glied eines Fingers zu regen, fester als jemals. Man **sollte sich verrechnet haben!** (Thomas Mann. Buddenbrooks. 1896–1900) –
Как бы там ни было, а его решение и пальцем не шевельнуть в пользу зятя теперь еще более утвердилось. Да, **значит** он *ошибся!* (Томас Манн. Будденброки / Н. Ман. 1953).

10. Трудно [Vinf]

Эта конструкция обозначает «смягченную невозможность». *Трудно* что-либо сделать — это значит ‘невозможно, это сделать, не приложив значительных усилий’. В немецком оригинале обычно употребляется модальный глагол *können* с отрицанием, т. е. немецкий оригинал в большинстве встретившихся в корпусе примеров более категоричен, чем русский перевод.

- (25) Dagegen *könne* man sich natürlich *nicht wehren*, denn das, was sie zwischen, vier Augen gesagt haben, ist eben auch nur zwischen vier Augen gesagt und lasse keine öffentliche Folgerung zu... (Franz Kafka. Der Prozess. 1914) – Против этого, конечно, *обороняться трудно*, ведь то, что сказано с глаза на глаз, так и остается сказанным с глаза на глаз и открыто обсуждаться не может... (Франц Кафка. Процесс / Р. Райт-Ковалева. 1965);
- (26) Sie war klein und ziemlich mager, sodass man beim besten Willen *nicht erkennen konnte*, ob sie erst acht oder schon zwölf Jahre alt war (Michael Ende. Momo. 1973); Она была маленькая и худая, и *трудно* было *угадать*, сколько ей лет — восемь или двенадцать (Михаэль Энде. Момо / Ю. И. Коринец, 1982);
- (27) „Vorgestern hatten Niederpaurs Abendgesellschaft, was wunderhübsch war, obgleich ich der Unterhaltung *nicht immer folgen konnte* und den Ton manchmal ziemlich équivoque fand“ (Thomas Mann. Buddenbrooks. 1896–1900) – Третьего дня Нидерпауры давали вечер, очень удачный, хотя временами мне *трудно* было *участвовать* в разговоре, да и весь тон казался мне несколько équivoque (Томас Манн. Будденброки / Н. Ман. 1953).

11. Никак не [Vpraes]

В немецком оригинале здесь всегда употребляется глагол *können* под отрицанием. Конструкция с *никак не* усиливает отрицание возможности (невозможно). Отметим, что, судя по материалу [НКРЯ], почти в половине (46,5%) случаев употребления *никак не* перед глаголом этим глаголом является *мочь*. В интересующей нас другой половине случаев⁶ *никак не* употребляется либо в контексте глагола со встроенным модальным компонентом (ср. *никак не удастся* в примерах (28) и (29)), либо в контексте формы презенса совершенного вида, допускающей, с утратой некоторых смысловых компонентов, перифразу с *не могу* (ср. *никак не пойму* \cong *не могу понять*), либо с *нельзя*, ср. *никак не скажешь* \cong *нельзя сказать*⁷.

- (28) „Es ist doch aber abscheulich, daß wir die fatale Maus *nicht vertilgen können*, die im Glasschrank so ihr Wesen treibt...“ (Ernst Theodor Amadeus Hoffmann. Nußknacker und Mausekönig. 1816) —

⁶ За исключением актантного значения слова *никак*, ср. *Этот рассказ никак не называется*.

⁷ О значениях конструкции «*никак не* + praesens perfectivum» см. [Зализняк 20156].

Что за гадость, **никак не** удается *известить* мерзкую мышь, которая хозяйничает в стеклянном шкафу (Эрнст Теодор Амадей Гофман. Щелкунчик и Мышиный король / И. Татарина. 1937);

- (29) Mein Gehalt reicht zwar nie aus für einen neuen Anzug — ich **kann** dafür einfach das Geld **nicht zusammensparen**... (Erich Maria Remarque. Der schwarze Obelisk. 1956) —
На новый костюм моего жалованья, правда, не хватает — просто **никак не** удается *скопить* нужную сумму... (Эрих Мария Ремарк. Черный обелиск / В. Станевич. 1961);
- (30) Da du sagst, daß auch die Familie durch den Prozeß in Mitleidenschaft gezogen würde — was ich für meinen Teil durchaus **nicht begreifen kann**, das ist aber Nebensache... (Franz Kafka. Der Prozess. 1914) —
Ты говоришь, что вся наша семья тоже будет втянута в процесс — правда, лично я этого **никак не пойму**, впрочем, это несущественно... (Франц Кафка. Процесс / Р. Райт-Ковалева. 1965);
- (31) Ich **kann** das andere Ende **nicht finden!** (Michael Ende. Momo. 1973) —
Я **никак не** *дойду* до конца! (Михаэль Энде. Момо. Ю. И. Коринец. 1982);
- (32) Wenn sie so ist, ist sie Jennie, eine mißtrauische, unangenehme Person, der man **nichts recht machen kann** — wenn sie anders ist, ist sie Isabelle (Erich Maria Remarque. Der schwarze Obelisk. 1956) —
Когда она такая, она — Женни, недоверчивая и несимпатичная особа, которой **никак не** *угодишь*, а когда она другая — это Изабелла (Эрих Мария Ремарк. Черный обелиск / В. Станевич. 1961);
- (33) <...> eine ganz andere, geradezu gegenteilige, sehr körperliche, sehr materielle, die man weder als schön, noch als sinnig, noch als fromm, noch auch nur als traurig eigentlich **ansprechen konnte** (Thomas Mann. Der Zauberberg. 1924) —
<...> ощущение чего-то совершенно противоположного, очень материального, очень плотского, о чем **никак не** *скажешь*, что оно *прекрасно*, глубоко, вызывает благоговение или хотя бы скорбь (Томас Манн. Волшебная гора / В. Станевич. 1959).

12. Именно [Р]

Фокусирующая частица *именно* и синонимичная ей (в определенном круге контекстов) частица *прямо* вряд ли сами по себе носители модальности, но в контексте переспроса, когда дословный перевод был бы (для примера (37)) «Это должно быть сейчас?» указывают на долженствование. Иными словами, спрашивая «Именно сейчас?» или «Прямо сейчас?», говорящий имеет в виду ‘должно_д ли это быть сейчас? (или может_д быть позже?)’.

- (34) „Jetzt? <...> **muß** es jetzt sein?“ (Franz Kafka. Der Prozess. 1914) —
— Сейчас? <...> **Именно** сейчас? (Франц Кафка. Процесс / Р. Райт-Ковалева. 1965).

В данной статье был предложен метод анализа, суть которого состоит в том, что неочевидные на первый взгляд семантические компоненты языковых единиц могут быть выявлены путем анализа условий их появления в переводах с другого языка, а именно с такого, где интересующий нас тип языкового значения имеет конвенциональный способ выражения. Мы использовали этот метод для выявления единиц (конструкций) русского языка с потенциально модальным значением, проанализировав способы передачи значений, выраженных в немецком оригинале конструкциями с модальными глаголами (составляющими в этом языке отчетливый семантико-грамматический класс). Относительно полученного таким образом множества конструкций русского языка — включающего, помимо безличных глаголов и предикативов, также разного рода дискурсивные слова и даже предлоги — естественно предположить, что они, по крайней мере в определенных контекстах, передают то или иное модальное значение, даже если это значение не фиксируется в словарях. Это предположение подтвердилось в ходе семантического анализа, предварительные результаты которого изложены в данной статье.

Предложенный метод может быть применен как для дальнейшего анализа конструкций с потенциально модальным значением на более обширном корпусном материале (в частности, при привлечении переводов с других языков, располагающих развитой системой средств выражения модальности), так и для выявления неочевидных семантических компонентов других типов.

Литература

Апресян Ю. Д. О Московской семантической школе // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 3–30.

АС — *Апресян Ю. Д., Апресян В. Ю., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Галактионова И. В., Гловинская М. Я., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Лопухина А. А., Птенцова А. В., Санников А. В., Урысон Е. В.* Активный словарь русского языка. Т. 2 : В–Г / отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. М. : Языки славянских культур, 2014. 736 с.

Добровольский Д. О., Зализняк Анна А. Немецкие конструкции с модальными глаголами и их русские соответствия: проект надкорпусной базы данных переводных эквивалентов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : сб. ст. по материалам международной конференции «Диалог–2018». Вып. 17 / гл. ред. В. П. Селегей. М. : Изд-во РГГУ, 2018. С. 172–184.

Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М. : Языки славянских культур, 2006. 672 с.

Зализняк Анна А. Лингвоспецифичные единицы русского языка в свете контрастивного корпусного анализа // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : сб. ст. по материалам международной конференции «Диалог–2015». Вып. 14 / гл. ред. В. П. Селегей. М. : Изд-во РГГУ, 2015а. С. 651–662.

Зализняк Анна А. Презенс совершенного вида в современном русском языке // *Dekonstruktion und Konstruktion. Zwischen Sprach- und Literaturwissenschaft. Festschrift für Ulrich Schweier zum 60. Geburtstag / Hrsg. von E. Graf, I. Mendoza, B. Sonnenhauser. München ; Berlin ; Leipzig ; Wien : Kubon & Sagner, 20156. S. 293–316.*

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru>

НРС — Немецко-русский словарь: актуальная лексика / под ред. Д. О. Добровольского. В печати.

Падучева Е. В. Модальность // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). М., 2016. Рукопись.

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М. : Изд-во РГГУ, 2011. 672 с.

РГ 1980 — Русская грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука, 1980.

Урысон Е. В. Изменение структуры полисемии и модальных рамок слова: наречие *впору* в XIX веке и теперь // *Русский язык в научном освещении*. 2016. №31. С. 24–61.

Bonola A. The parallel Italian-Russian-Italian Corpus as an Instrument for the Contrastive Study of Discourse and Textual Markers: the Case of *comunque* and Its Russian Translations // *Съпоставительно езиковзнание*. 2017. №4. С. 89–104.

Johansson, Oksefjell 1998 — *Corpora and Cross-linguistic Research: Theory, Method, and Case Studies* / ed. by S. Johansson, S. Oksefjell. Amsterdam : Rodopi, 1998. 376 p.

Noël D. Translations as Evidence for Semantics: An Illustration // *Linguistics*. 2003. №41(4). P. 757–785.

D. O. Dobrovolskij¹, Anna A. Zalizniak²

*¹Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Stockholm University*

*²Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Institute of Informatics Problems of the Federal Research Center “Computer Science
and Control” of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
dobrovolskij@gmail.com, anna.zalizniak@gmail.com*

RUSSIAN CONSTRUCTIONS WITH POTENTIALLY MODAL MEANINGS: AN ANALYSIS BASED ON PARALLEL CORPUS DATA

The present paper proposes the method of identifying Russian lexical units (constructions) with a potentially modal meaning by analyzing translational correspondences. The focus is on the ways in which the meanings expressed by German constructions with

modal verbs are transmitted in Russian translation. German modal verbs make up a distinct semantic and grammatical class. The paper considers only the basic modal values of ontological, deontic and epistemic possibilities and necessities. The set of functional equivalents actually encountered in translated Russian texts for German constructions with modal verbs includes a number of units whose ability of expressing modal meanings is not recorded in dictionaries. The article presents a preliminary list of lexical units whose definitions contain a modal component, and provides examples of relevant cross-linguistic correspondences. The proposed method can be used both for further analysis of constructions with potentially modal meanings based on more extensive corpus data (in particular, when involving translations from other languages that have a developed system of modality expressions), and for identifying non-obvious semantic components of other types.

Key words: modality, modal meaning, Russian, German, semantics, translation.

Acknowledgements

This work was supported by RFBR grants No. 20-012-00166 and 19-012-00505.

References

Apresyan Yu.D. [On the Moscow Semantic School]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2005, No. 1, pp. 3–30. (In Russ.)

Apresyan Yu.D., Apresyan V.Yu., Babaeva E.E., Boguslavskaya O.Yu., Galaktionova I.V., Glovinskaya M.Ya., Iomdin B.L., Krylova T.V., Levontina I.B., Lopukhina A.A., Ptentsova A.V., Sannikov A.V., Uryson E.V. *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka. T. 2* [Active Dictionary of the Russian Language. Vol. 2]. Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2014. 736 p.

Bonola A. The parallel Italian-Russian-Italian Corpus as an Instrument for the Contrastive Study of Discourse and Textual Markers: the Case of *comunque* and Its Russian Translations. *S"postavitelno ezikoznanie*, 2017, No. 4, pp. 89–104.

Corpora and Cross-linguistic Research: Theory, Method, and Case Studies. S. Johansson, S. Oksefjell (Eds.). Amsterdam, Rodopi Publ., 1998, 376 p.

Dobrovolskii D.O., Zaliznyak Anna A. [German Constructions with Modal Verbs and Their Russian Correlates: A Supracorpora Database Project]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii : sb. st. po materialam mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog–2018»*. Вып. 17 [Computer Linguistics and Intelligent Technologies: Collection of Articles Based on the Materials of the International Conference *Dialog-2018*. Iss. 17]. V.P. Selegei (Ed.). Moscow, Russian St. Univ. for the Humanities Publ., 2018, pp. 172–184. (In Russ.)

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [The National Corpus of the Russian Language]. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 15.02.2020)

Nemetsko-russkii slovar': aktual'naya leksika [German-Russian Dictionary: Current Vocabulary]. D.O. Dobrovolskii (Ed.). In print.

Noël D. Translations as Evidence for Semantics: An Illustration. *Linguistics*, 2003, No. 41(4), pp. 757–785.

Paducheva E. V. [Modality]. *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki* (<http://rusgram.ru>) [The Materials for the Structural Description of Russian Grammar Project (<http://rusgram.ru>)]. Moscow, 2016. Manuscript. (In Russ.)

Plungyan V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to the Grammatical Semantics: Grammatical Meanings and Grammatical Systems in World Languages]. Moscow, Russian St. Univ. for the Humanities Publ., 2011, 672 p.

Russkaya grammatika [Russian Grammar]. (Vols. 1–2). N.Yu. Shvedova (Ed.). Moscow, Nauka Publ., 1980.

Uryson E. V. [The Change of Polysemy and Modal Frames of the Word *vporu* (from the Beginning of the 19th Century until Now)]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2016, No. 31, pp. 24–61. (In Russ.)

Zaliznyak Anna A. *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya* [Polysemy and the Ways of Its Representation]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2006, 672 p.

Zaliznyak Anna A. [Language-Specific Russian Words in the Light of Contrastive Analysis]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii : sb. st. po materialam mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog–2015»*. Vyp. 14 [Computer Linguistics and Intelligent Technologies: Collection of Articles Based on the Materials of the International Conference *Dialog-2015*. Iss. 14]. V.P. Selegei (Ed.). Moscow, Russian St. Univ. for the Humanities Publ., 2015a, pp. 651–662. (In Russ.)

Zaliznyak Anna A. [*Praesens perfectivum* in Contemporary Russian Language]. *Dekonstruktion und Konstruktion. Zwischen Sprach- und Literaturwissenschaft. Festschrift für Ulrich Schweier zum 60. Geburtstag*. E. Graf, I. Mendoza, B. Sonnenhauser (Hrsg.). München, Berlin, Leipzig, Wien, Kubon & Sagner Publ., 2015b, S. 293–316. (In Russ.)

Б.Л. Иомдин¹, Л.Л. Иомдин²

*¹Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
НИУ «Высшая школа экономики»*

*²Институт проблем передачи информации РАН
Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, Москва)
iomdin@ruslang.ru, iomdin@iitp.ru*

ВАЛЕНТНОСТЬ ФАКТА И ВАЛЕНТНОСТЬ АРГУМЕНТАЦИИ*

В статье обсуждаются некоторые русские глаголы, в которых усматривается валентность содержания: *отнекиваться, извиняться, оправдываться, отговариваться, отбrehиваться, отпираться, возмущаться, возражать, спорить* и др. Высказывается гипотеза, что в таких случаях валентность содержания расщепляется на две валентности: валентность факта и валентность аргументации. Первый случай можно проиллюстрировать примером *Он извинился, что не пришел на мой день рождения*, а второй — примером *Он извинялся, что день рождения начинался слишком рано* (и потому он не мог успеть добраться вовремя). Поскольку обе валентности часто реализуются одинаковыми средствами, это неизбежно порождает неоднозначность; так, предложение *Я возражал, что его приняли на работу* может означать либо что я недоволен его приемом на работу, либо что я в отличие от других считаю, что его прием на работу имел место. Показано, что такое расщепление валентностей существенным образом отличается от ситуации, когда единая валентность содержания расщепляется на валентность собственно содержания (ср. *он не знал, что Петя уехал*) и валентность темы (*Он не знал о Пете*).

Ключевые слова: валентности предикатных слов, валентность содержания, валентность факта, валентность аргументации, неоднозначность.

* Исследование финансировано из средств гранта РФФИ № 19-012-00291А (рук. Б.Л. Иомдин), а также гранта РФФИ № 19-07-00842 (рук. И. М. Богуславский).

Дорогому Юрию Дерениковичу Апресяну в день рождения

1. Вводные замечания

Валентные свойства предикатных слов не перестают удивлять исследователей. Казалось бы, мы уже знаем так много о валентной структуре слова, о противопоставлении актантов и сирконстантов, о соотношении синтаксических и семантических валентностей, о способах их реализации, канонических и неканонических, о неоднозначности, которая объясняется тем, что разные валентности предикатного слова выражаются одними и теми же средствами, в том числе нетривиальными, о повторяемых и неповторимых валентностях, что и не ожидаем появления каких-либо принципиально новых фактов в этой области лингвистических знаний. Тем не менее такие факты нет-нет да и попадают в поле зрения лингвистов. Об одном из этих фактов и пойдет речь в настоящей статье. Поскольку тема неординарных семантических валентностей и их реализаций в русском языке уже не раз затрагивалась авторами (иногда обоими, иногда только одним из них), можно считать, что эта статья непосредственно продолжает данную тему [см., в частности: Iomdin 2009; Иомдин, Иомдин 2011; 2014; Iomdin & Iomdin 2013].

Конкретнее говоря, речь пойдет о неожиданных свойствах валентности предикатных слов, которую с некоторых пор принято называть валентностью содержания. Эта валентность характеризуется двумя существенными особенностями: 1) богатством способов выражения, 2) нетривиальным соотношением валентности содержания и близкой к ней валентности темы.

Нас в первую очередь будет интересовать вторая особенность этой валентности, а конкретнее говоря, тот факт, что единую валентность содержания бывает разумно расщепить, различая собственно валентность содержания и валентность темы. В качестве обоснования такого подхода, в первую очередь в рамках Московской семантической школы, приводятся два основных аргумента. Во-первых, в некоторых случаях валентность содержания предикатного слова выражается при этом слове дважды, ср.:

- (1) *Мы много говорили о Вас с Бельфором, который недавно сообщил мне о Вас последние новости* (А. С. Грибоедов. Письмо А. А. Добринскому. 1826);
- (2) *Известно о ней было лишь то, что видеть ее можно было ежедневно то с бидоном, то с сумкой, а то и с сумкой и с бидоном вместе* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

В примере (1) валентность содержания (в широком смысле слова) глагола *сообщать* выражается предложной группой, вводимой *о*, и именной группой *последние новости*, а в примере (2) валентность содержания предикатива *известно* выражается такой же предложной группой и придаточным с эксплетивом *то*.

Во-вторых, нередки ситуации, когда валентность содержания, выраженная определенным способом, имеет существенно разные значения. Ср., например:

- (3) *А потом был Новый год, с 1999 на 2000, когда Ельцин объявил о своей отставке* (С. Спивакова. Не всё);
- (4) *В конце концов парень объявил о цели своего прихода, сделав при этом постную мину горевестника* (Ф. Искандер. Лошадь дяди Кязыма).

Нетрудно заметить, что в примере (3) предложная группа *о своей отставке* действительно передает содержание объявления (отставка стала фактом), в то время как в примере (4) группа *о цели своего прихода* фиксирует лишь тему объявления: в чем именно состоит цель прихода, не сообщается. Соответственно, мы усматриваем в (3) валентность содержания глагола *объявить*, а в (4) — валентность темы. В предложениях же (1) и (2) выражены и валентность содержания предикатных слов, и валентность темы.

Рассмотрим аналогичную пару предложений (5) и (6):

- (5) *Амброджо отправился в Маньяно и сообщил о своих планах отцу* (Е. Водолазкин. Лавр);
- (6) *Это произошло после того, как МЧС сообщило о выпадении в Челябинске метеоритных осадков* (Lenta.ru. 15.02.2013).

В примере (5) предложная группа с предлогом *о* заполняет валентность темы (мы не узнаём из этой фразы, в чем именно состоят планы Амброджо, и ожидаем, что они раскрываются в другом месте текста — возможно, раньше, а возможно, позже), а в примере (6) — валентность содержания (мы узнаём, что в Челябинске выпали метеоритные осадки). Противоположная интерпретация валентностей в (5) и (6) невозможна или крайне затруднена.

Противопоставление валентностей темы и содержания осуществляется в Московской семантической школе уже довольно давно. Упомянем хотя бы работу [Июдин 1991], в которой валентности темы и содержания различаются при описании управляющих свойств предлога *по*; так, в конструкциях типа *операция по пересадке сердца* усматривается валентность содержания слова *операция*, а в официально-просторечных конструкциях типа *Обменяемся мнениями по этому кандидату, дискуссия по Прибалтике* заполнена валентность темы слов *мнение* и *дискуссия*.

В статье [Апресян 2001] подробно рассматриваются способы выражения валентности содержания у фактивных и путативных глаголов. В частности, приводятся следующие способы:

- (а) придаточное предложение, вводимое союзом *что*, ср.:
- (7) *Он знал <считал>, что катастрофа неизбежна;*
- (б) придаточное предложение, вводимое союзом *будто*, ср.:
- (8) *Многие считают <думают>, будто психоанализ является эффективным методом лечения душевных заболеваний;*
- (в) придаточное предложение, вводимое союзом *чтобы*, ср.:
- (9) *Я не видел, чтобы он целовал Лену.*

Там же подчеркивается, что валентность содержания может расщепляться на две синтаксические валентности — валентность темы и валентность собственно содержания, ср.:

- (10) — *Что ты знаешь о его планах? — Только то, что он собирается на Канары* [Апресян 2001: 22].

В [Апресян и др. 2010: 376] даются контрастные формулировки семантических ролей темы и содержания в рамках фундаментальной классификации предикатов: тема определяется как «то, что составляет предмет высказывания, мысли или информационного объекта», а содержание — как «то основное, к чему сводится существо нашего знания, мысли или высказывания или смысл нашего действия».

Различает валентность темы и содержания и Г. И. Кустова [2015], которая, однако, расценивает соотношение между этими валентностями несколько иначе, считая валентность темы редуccionей валентности содержания, а содержание — конкретизацией темы.

В любом случае факт расщепления казавшейся единой валентности содержания можно считать установленным.

2. Другое расщепление валентности содержания

В настоящем разделе мы опишем случаи, когда под валентностью содержания скрываются две другие сущности.

Начнем с глагола *отнекиваться*. В разных словарях для него даются следующие толкования:

- ‘не признаваться в чем-либо’: — *Что с тобою? — заботливо спросил он. — Что с тобою, Валя? Она сперва отнекивалась, уверяла, что с ней ничего* [БАС 8: 1485];
- ‘не соглашаться на что-либо, отказываться, не поддаваться уговорам’: *Отнекиваться от угощения. Отнекиваться от всех просьб. Отнекиваться нерешительно, с сомнениями* [БТС: 753];
- ‘не соглашаться на что-либо, отказываться от чего-либо, не признаваться в чем-либо’ [Ефремова 2000: 179].

Кажется очевидным, что местоимение *что-либо* во всех толкованиях выражает именно валентность содержания. Посмотрим, однако, на следующие примеры:

- (11) *Бабанов отнекивался, что брал кредит. Взяла жена... Он совсем не понимает, что жена, даже по законодательству, суть часть него, как и он ее.... Все вместе, все нажито совместным путем. И без его давления она в жизни не получила бы там кредит* (Diezel Forum. 29.05.2017);
- (12) *Эта тетрадка им же была и обрисована, но после, когда он [Н. В. Гоголь] приезжал в каникулы домой, взял, рассматривая в шкапу книги, и, как видно, истребил, и, когда начала ему выговаривать, зачем он лишил меня этого, то он отнекивался, что не брал* (Письмо матери Н. В. Гоголя С. П. Шевыреву. 24.02.1853).

Казалось бы, пропозиции, заполняющие в этих примерах валентность содержания, противоположны по смыслу: *брал vs. не брал*. Однако из контекста очевидно, что отнекивающиеся субъекты делают не противоположные, а *один и те же* утверждения: и в примере (11) Бабанов утверждает, что *не брал* (кредит), и в примере (12) Гоголь утверждает, что *не брал* (тетрадку). В обоих примерах можно заменить пропозицию на *отрицал, что брал* — и смысл не изменится. Почему же эти пропозиции выглядят как антонимические?

На наш взгляд, дело в том, что они на самом деле заполняют разные валентности. В примере (11) субъект (Бабанов) отрицает факт «Бабанов брал кредит», утверждая, что кредит брала его жена. Этот пример можно перефразировать, например, так: *Бабанов отнекивался от обвинения, что брал кредит*. В примере (12) же субъект (Гоголь) отрицает факт, что брал тетрадку, утверждая, что не брал. Этот пример можно перефразировать, например, так: *Он отнекивался, говоря, что не брал*. Таким образом, придаточное предложение, вводимое союзом *что*, в примере (11) описывает факт, а в примере (12) — слова субъекта.

Эти два случая мы и предлагаем системно различать, называя пропозицию в (11) выражающей валентность факта, а пропозицию в (12) — выражающей валентность аргументации.

При глаголе *отнекиваться* обе эти валентности выражаются одинаковым способом. Чаще всего при нем выражается именно валентность аргументации; ср. примеры (13)–(17). Характерно, что в них нельзя заменить *отнекиваться* на *отрицать*:

- (13) *Лецев попутно уговаривал меня выпить портвейну, а я отнекивался, что и так слишком много пью, хочу работать, а не спиваться и так далее* (Е. Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов»);
- (14) *Вы меня учили ухаживать за вашей женой, чтобы отвлечь ее от других поклонников, а я жеманился да отнекивался, что не умею, что мне совестно* (А. Н. Островский. На всякого мудреца довольно простоты);
- (15) *Когда же председатель стал отнекиваться, что в сельсовете кулаков нет, они пригрозили раскулачить его самого* (С. Голицын. Записки уцелевшего);
- (16) *«Они упорно отнекивались, что нет, ничего не знаем, не было, не видели», — рассказал первый замначальника главка* (Новый регион. 18.06.2010);
- (17) *Как-то я удивился: «Отчего не снимаете фильм о своей жизни?» Он начал отнекиваться, что это будет лишь слабой пародией на ту жизнь, которую он прожил* (Комсомольская правда. 21.03.2003).

Однако при глаголе *отнекиваться* возможно и выражение валентности факта, как в примере (11). Ср. пример (18), где именно такая интерпретация кажется более вероятной (ср. возможность замены *отнекиваться* на *отрицать*):

- (18) *Так вот почему она отнекивалась, что ест по ночам!* (П. Дрожжинова. Внутренние миры).

Похожая, но не тождественная интерпретация валентности факта имеет место в следующем предложении:

(19) *Она отнекивалась, что петь не хочет и не будет.*

Здесь речь идет скорее не об отрицании чего-либо отнекивающимся, а об его отказе выполнить просьбу.

Точно такая же двойственность характерна и для некоторых других глаголов, например *извиняться, оправдываться, отговариваться, отбрехиваться, отпираться, возмущаться, возражать*.

В примерах (20)–(26) придаточное, вводимое союзом *что*, выражает при соответствующих глаголах (они выделены полужирным шрифтом) валентность факта:

(20) Я **извинялся, что** пришел не вовремя, и кланялся, подвигаясь к дверям (Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника);

(21) — Ремонт у меня, — улыбался он многозначительно и кивал в направлении своей двери. — Не **возражаете, что** я здесь? (Г. Бакланов. Июль 41 года);

(22) Писал он жене очень часто, во всяком случае, время от времени он перед ней **оправдывается, что** вчерашний день пропустил (В. Шаров. Воскрешение Лазаря);

(23) А когда соседи **возмущались, что** она лает, говорил: «Мы получили письмо. Собака радуется» (И. Пивоварова. Однажды Катя с Манечкой);

(24) Никто бы не стал **возражать, что** башка у младшего Калдмана варит не хуже, чем у старшего (Д. Рубина. Русская канарейка);

(25) Интересно, как они будут **отбрехиваться, что** драпанули от всадников? Небось наплетут, что ничего и не испугались, а побежали, потому что другие побежали (А. Приставкин. Ночевала тучка золотая);

(26) Бывают случаи, когда они, не желая тратить время на дорогу, начинают сбывать сладкий товар прямо на площади «трех вокзалов», и санитарный врач просто узнает их в лицо. Но и тут некоторые **отпираются, что** это их дыни и арбузы (Труд-7. 30.08.2003).

В примерах (27)–(33) придаточное, вводимое союзом *что*, выражает валентность аргументации (ср. возможность замены *что* на *говоря, что*):

(27) И стала она приставать к сыну: «Свези да свези ты жену к Силе Ивановичу». А он все **отпирается, что** денег нет. — Бога ты, Костя, не боишься! Денег у тебя для жены нет (Н. С. Лесков. Житие одной бабы);

(28) В кассу театра явилась дама в сопровождении большой собаки из породы «бульдог» и потребовала два билета в партер для себя и собаки. Кассир стал **возражать, что** в зрительный зал собаки не допускаются (Ялтинский вестник. 1911);

(29) Я устроил хозяйке скандал, она **оправдывалась, что** знать не знает, ведавать не ведает (С. Голицын. Записки беспогонника);

- (30) Допустимо, конечно, **возмущаться, что**, мол, негоже обращаться с избирателями как с посетителями советской столовой, где надо было есть что дают (Комсомольская правда. 12.07.2006);
- (31) Мама опять начала **оправдываться, что** я, мол, болела, что это всё последствия (А. Жвалевский, Е. Пастернак. Время всегда хорошее);
- (32) Был, правда, случай, намекнула робко, что не мешало бы оформить отношения, да он **отговорился, что** красноармейцу без разрешения командира жениться нельзя (В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина);
- (33) Вот в этот-то приезд Чехов шутя приставал ко мне, что именно напишу я о нем в своих воспоминаниях. Я иногда **отбрехивался, что** это он будет писать обо мне, но он уверял, что я проживу до ста лет (И. А. Бунин. О Чехове).

Интересно, что другие союзы однозначно идентифицируют тип валентности. Так, придаточное с союзом *чтобы* при *возражать* выражает только валентность факта, но не аргументации, ср.:

- (34) Отец не **возражал, чтобы** я пошел (Ю. Никулин. Семь долгих лет).

Напротив, придаточное с союзом *будто* выражает только валентность аргументации:

- (35) К сожалению, игра в Лиге у Сергея не пошла. Его отправили в фарм-клуб, но и там не сложилось. <...> Ира и он вместе с ней начали **возмущаться, будто** я поспособствовал такому финалу (В. Фетисов. Овертайм);
- (36) Сколько угодно госсекретарь Соединенных Штатов Мадлен Олбрайт может сегодня **возражать, будто** «нет абсолютно никаких доказательств связи» между онкологическими заболеваниями среди натовских военных, служивших на Балканах, и урановыми боеприпасами (Труд-7. 11.01.2001).

Это хорошо согласуется с наблюдением Ю. Д. Апресяна о том, что придаточные с союзом *чтобы* характерны для фактивных предикатов, а придаточные с союзом *будто* — для путативных: очевидно, что валентность факта вводит факт, т. е. знание, а валентность аргументации — аргумент, т. е. мнение.

Бессоюзно может вводиться только валентность аргументации:

- (37) — Ты должен с нами выпить! Я **отнекиваюсь**: я же за рулем (Д. Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания).

Противопоставлены друг другу и предложно-падежные выражения валентностей факта и интерпретации. Так, предложная группа *против* <чего-л.> заполняет при *возражать* валентность факта:

- (38) *Чтоб спортсмены норвежские, шведские* Не могли возразить *против факта, Что всех лучше, конечно, советские* И коньки, и байдарки, и яхты! (Н. И. Глазков. Я хочу);

- (39) *Он вообще стал возражать против этого испытания, говоря, что это не испытание воли, а испытание здоровья.* (Ю. Трифонов. Дом на набережной).

Обратим внимание, что в примере (39) при *возражать* заполнены обе валентности — и факта (*против этого испытания*), и аргументации (*говоря, что...*).

С другой стороны, именная группа в вин. п. может заполнять при *возражать* валентность аргументации:

- (40) *Скажите, коллеги, ну что я мог возразить на такое блестящее заключение в стиле Бодуэна де Куртенэ или де Соссюра?* (А. Брандт. Яжпереводчик).

Предложения, заполняющие валентность аргументации, очень часто несут в себе маркеры несобственной прямой речи: *мол, дескать, де*, повторы и эллипсисы, характерные для разговорной речи, императивы и т. п., ср.:

- (41) *Чиновник из ратуши герр Эрик Айк проводил меня на кладбище. Он очень извинялся, что, мол, ранняя весна. После снега на кладбище еще не убрали, и на дорожках и могилах лежат листья* (Комсомольская правда. 31.03.2001);
- (42) *До сих пор художники, чьи выставочные проекты содержали хоть малейший намек на события 11 сентября, оправдывались: дескать, придумали все еще задолго до трагедии* (Известия. 18.12.2001);
- (43) *Хозяйка встретила меня какая-то растерянная, с заметным смущением, сунула мне в руки газету и, извиняясь, что сейчас, сейчас вернется меня занимать, скрылась куда-то внутрь квартиры* (А. В. Амфитеатров. Питерские контрабандистки);
- (44) *Мать начнет оправдываться, что никакой не дрянью, продукты свежие и мясо парное* (В. Панова. Конспект романа);
- (45) *В общем, я попыталась отбрехаться, что джинсы не гладят, и вообще я пеку блины, и гладь сам* [<https://www.facebook.com>].

Для некоторых глаголов, в семантику которых входит смысл отрицания, возникает сложный эффект: валентность факта возможна для них только в контекстах так называемой снятой утвердительности, или неверидикативности, которые подробно обсуждала в своих последних работах Е. В. Падучева [см., в частности: Падучева 2013; 2014].

Так, например, устроен глагол *возражать*, ср. выше примеры (21) и (24). Ср. также аналогичные примеры с глаголом *спорить*:

- (46) *Едва ли самые горячие поклонники Петра Великого будут спорить, что при нем эти издержки были необычайно высоки* (Вокруг света. 15.07.2004);
- (47) *Кто спорит, что реформа нужна?* (Санкт-Петербургские ведомости. 15.03.2003);
- (48) *Кто же будет спорить, что для страны социально-экономическая и политическая нестабильность, а также тесно связанная с ними коррупция — большая беда?* (Профиль. 21.07.2003);

- (49) *Вряд ли можно спорить, что в этом случае возможно двойное соотношение текста* (Ю. М. Лотман. Структура художественного текста);
- (50) *Сейчас вряд ли кому придет в голову спорить, что «Андрей Рублев» — классика, даже внутри «кинематографа Тарковского»* (М. Туровская. 7 с 1/2 и Фильмы Андрея Тарковского).

В примерах (46)–(50), представляющих неверидикативные контексты, *спорить* можно заменить на *отрицать*. Однако в утвердительных контекстах такая замена невозможна: глагол *спорить* в них, напротив, синонимичен глаголу *утверждать*, а придаточное с союзом *что* вводит валентность аргументации, мнения, ср. (51)–(55):

- (51) *Одни говорили, что Чонкин — это уголовник, бежавший из тюрьмы вместе со своими товарищами. Другие спорили, что Чонкин — белый генерал, который последнее время жил в Китае, а теперь вот напал на Советский Союз* (В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина).

Здесь субъект высказывания не соглашается с утверждением, что Чонкин — уголовник, аргументируя это своим мнением, что он беглый генерал.

- (52) *Начались охи и ахи. Кто-то из пьяных, уже несколько протрезвившийся, сказал: — Розовый гиацинт. Да, да, розовый, вы что думаете. Камень не ниже алмаза. Но Надя спорила, что это желтые сапфиры* (Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго);
- (53) *— Черт возьми! — вдруг остановился Федя и стал изучать что-то у себя под ногами. — Я хоть и не следопыт, а спорю, что человек прошел. Сапоги с подковкой. Размер только маловат* (К. С. Бадигин. Секрет государственной важности);
- (54) *Даже если это просто переход из теневого в светлый сектор экономики, я готов спорить, что это уже реальный рост* (Бизнес-журнал. 16.03.2004);
- (55) *Убежден и готов даже спорить, что именно такое внимание Васильева к слову и смыслу больше всего бесит ту часть критики, которая работает в русле, условно говоря, театра Жолдака* (Театральная жизнь. 28.07.2003).

Еще одно интересное различие двух рассматриваемых валентностей относится к области просодии. Как нам представляется, на предложение, вводящее валентность аргументации, обычно падает фразовое ударение, ср.:

- (56) *— Жулик из тебя растет! Я возражал, что не ↑растет, а вырос* (В. Шершеневич. Великолепный очевидец);
- (57) *Мне было стыдно. Я оправдывалась, что мы ведь ↓уезжаем и надо закрыть дом* (Наука и жизнь. 2006).

В придаточном предложении, вводящем валентность факта, фразовое ударение обычно отсутствует, зато оно может падать на сам глагол, у которого такая валентность выражена:

(58) *И усмехнулся, точно ↓оправдывался, что на него так сильно действует песня* (В. Шукшин. Случай в ресторане).

Это же просодическое различие есть и в примерах (11) и (12), ср. *Гоголь отнекивался, что не ↑брал тетрадку* vs. *Бабанов ↓отнекивался, что брал кредит*; при переносе ударения эти примеры получают противоположные интерпретации.

Наконец, интересно, что иногда обе валентности могут синкретично выражаться одним придаточным предложением со вложенной клаузой, например при глаголе *обидеться*, ср. примеры (59)–(60):

(59) *Любовь Слиска в шутку обиделась, что общалась с Гамовым много, а интервью он сделал только одно* (Комсомольская правда. 23.03.2010);

(60) *Муж мой обиделся, что я ему клятвенно пообещала блинчиков, а сама «неизвестно чем весь день занималась»* (https://eva.ru/static/forums/46/2004_10/212947.html).

Отметим в заключение, что в отличие от оппозиции «валентность темы — валентность содержания» валентности факта и аргументации почти не могут выражаться при предикатных словах одновременно одним и тем же способом, если отвлечься от синкретичного их выражения в сложных придаточных, как в примерах (59)–(60). Такая невыразимость, впрочем, не является чем-то уникальным и может затрагивать самые базовые валентности, такие как валентность субъекта и объекта, особенно если они выражаются одним и тем же средством (ср., например, невозможность выражений типа **поддержка президента парламента*).

Разумеется, представленный нами материал — это только первый шаг к исследованию данной темы. Мы убеждены, что глаголов и других предикатных слов, в модель управления которых входит валентность факта и валентность аргументации, значительно больше, чем мы привели выше.

Литература

Апресян Ю. Д. Системообразующие смыслы «знать» и «считать» в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 5–26.

Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Санников В. З. Теоретические проблемы русского синтаксиса: взаимодействие грамматики и словаря. М.: Языки славянских культур, 2010. 407 с.

БАС — Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / гл. ред. В. И. Чернышев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. М.: Русский язык, 2000.

Иомдин Б. Л., Иомдин Л. Л. Интерпретация актантной неоднозначности: пределы возможного // *Lingua Rusa, Visión del Mundo y Texto. Russian Language, World View*

and Text / ed. by E. F. Quero Gervilla, B. Barros García, T. R. Kopylova, E. J. Vercher García, G. M. Kharnásova. Granada : Universidad de Granada, 2011. P. 612–619.

Иомдин Л. Л. Словарная статья предлога ПО // Семиотика и информатика. 1991. Вып. 32. С. 94–120.

Иомдин Л. Л., Иомдин Б. Л. Валентности русских предикатных существительных и микросинтаксические конструкции // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : сб. ст. по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог–2014». Вып. 13 (20) / гл. ред. В. П. Селегей. М. : Изд-во РГГУ, 2014. С. 213–224.

Кустова Г. И. Валентности абстрактных существительных: Редукция vs. Конкретизация // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : сб. ст. по материалам международной конференции «Диалог–2015». Вып. 14 / гл. ред. В. П. Селегей. М. : Изд-во РГГУ, 2015. С. 363–373.

Падучева Е. В. Русское отрицательное предложение. М. : Языки славянских культур, 2013. 304 с.

Падучева Е. В. Снятая утвердительность и неверидикативность // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : сб. ст. по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог–2014». Вып. 13 (20) / гл. ред. В. П. Селегей. М. : Изд-во РГГУ, 2014. С. 489–505.

Iomdin B. Foresight or hindsight: the mystery of Russian *spxovatit'sja* // Proceedings of the 4th International Conference on *Meaning–Text Theory* / ed. by D. Beck, K. Gerdes, J. Milićević, A. Polguère. Montreal : OLST, 2009. P. 167–176.

Iomdin B., Iomdin L. Negation and Valencies of Russian Predicates // *Meaning–Text Theory: Current Developments* / ed. by V. Apresjan, B. Iomdin. München ; Berlin ; Wien : Verlag Otto Sagner, 2013. P. 53–64.

B. L. Iomdin¹, L. L. Iomdin²

¹*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
National Research University “Higher School of Economics”*

²*Kharkevich Institute for Information Transmission Problems
of the Russian Academy of Sciences*

*Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)*

iomdin@ruslang.ru, iomdin@iitp.ru

VALENCY OF FACT AND VALENCY OF ARGUMENTATION

The paper discusses certain Russian verbs that have so far been considered as having the valency of content: *otnekivat'sja* ‘to deny,’ *izvinjat'sja* ‘to apologize,’ *opravdyvat'sja* ‘to make excuses,’ *otgovarivat'sja* ‘to dissuade,’ *otbrevivat'sja* ‘to rebute,’ *otpirat'sja* ‘to disown,’ *vozmushchat'sja* ‘to resent,’ *vozrazhat'* ‘to object,’ *sporit'* ‘to argue,’ etc. We

hypothesize that in reality these valencies should be split into two notably different ones: the valency of fact and the valency of argumentation. The first case could be illustrated by an example like: *On izvinjalsja, čto ne prišel na moj den' roždenija* 'He apologized that he did not come to my birthday party,' and the second case by an example such as: *On izvinjalsja, čto den' roždenija načinalsja sliškom rano* 'He apologized that the birthday party started too early' (and as such he could not get there on time). Since both valencies are often implemented by the same means, it is certain to create ambiguities. E.g. the sentence *Ja vozražal, čto ego prinjali na rabotu* may mean either that I did not like the fact that he was hired; or that I don't believe, in contrast to others, that he was indeed hired.' It is shown that such a split of valencies is essentially different from the situation in which the valency of content is split into the content proper (as in *On ne znal, čto Petja uexal* 'He did not know that Pete had left') and the topic (as in *On ne znal o Pete* 'He did not know about Pete').

Key words: valencies of predicate words, valency of content, valency of fact, valency of argumentation, ambiguity.

Acknowledgements

This work was supported by RFBR grants No. 19-012-00291A and 19-07-00842.

References

Apresyan Yu.D. [The Core Meanings of "to Know" and "to Consider" in the Russian Language]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2001, No. 1, pp. 5–26. (In Russ.)

Apresyan Yu.D., Boguslavskii I.M., Iomdin L.L., Sannikov V.Z. *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: vzaimodeistvie grammatiki i slovary* [Theoretical Problems of the Russian Syntax: Interaction of Grammar and Lexicon]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2010, 407 p.

Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. S. A. Kuznetsov (Ed.). St Petersburg, Norint Publ., 1998, 1534 p.

Efremova T.F. *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi* [The New Explanatory and Derivational Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–2). Moscow, Russkii yazyk Publ., 2000.

Iomdin B. Foresight or Hindsight: the Mystery of Russian *spxvatit'sja*. *Proceedings of the 4th International Conference on Meaning–Text Theory*. D. Beck, K. Gerdes, J. Milićević, A. Polguère (Eds.). Montreal, OLST Publ., 2009, pp. 167–176.

Iomdin B., Iomdin L. Negation and Valencies of Russian Predicates. *Meaning–Text Theory: Current Developments*. V. Apresjan, B. Iomdin (Eds.). München, Berlin, Wien, Otto Sagner Publ., 2013, pp. 53–64.

Iomdin B.L., Iomdin L.L. [Valency Ambiguity Interpretation: What Can and What Cannot Be Done]. *Lengua Rusa, Visión del Mundo y Texto. Russian Language, World View and Text*. E.F. Quero Gervilla, B. Barros García, T.R. Kopylova, E.J. Vercher García, G.M. Kharnásova (Eds.). Granada, Univ. of Granada Publ., 2011, pp. 612–619. (In Russ.)

Iomdin L. L. [Lexical Entry of the Russian Preposition *po*]. *Semiotika i informatika*, 1991, Iss. 32, pp. 94–120. (In Russ.)

Iomdin L. L., Iomdin B. L. [Valencies of Russian Predicate Nouns and Microsyntactic Constructions]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: sb. st. po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog–2014»*. Vyp. 13 (20) [Computer Linguistics and Intelligent Technologies: A Collection of Articles Based on the Materials of the International Conference *Dialog-2014*. Iss. 13 (20)]. V. P. Selegei (Ed.). Moscow, Russian St. Univ. for the Humanities Publ., 2014, pp. 213–224. (In Russ.)

Kustova G. I. [Abstract Lexemes' Valencies: Reduction vs. Specification]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: sb. st. po materialam mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog–2015»*. Vyp. 14 [Computer Linguistics and Intelligent Technologies: A Collection of Articles Based on the Materials of the International Conference *Dialog-2015*. Iss. 14]. V. P. Selegei (Ed.). Moscow, Russian St. Univ. for the Humanities Publ., 2015, pp. 363–373. (In Russ.)

Paducheva E. V. *Russkoe otritsatel'noe predlozhenie* [The Russian Negative Sentence]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2013, 304 p.

Paducheva E. V. [Suspended Assertion and Nonveridicality]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: sb. st. po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog–2014»*. Vyp. 13 (20) [Computer Linguistics and Intelligent Technologies: A Collection of Articles Based on the Materials of the International Conference *Dialog-2014*. Iss. 13 (20)]. V. P. Selegei (Ed.). Moscow, Russian St. Univ. for the Humanities Publ., 2014, pp. 489–505. (In Russ.)

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [The Dictionary of the Modern Standard Russian Language] (Vols. 1–17). V. I. Chernyshev (Ed.). Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1950–1965.

Г. И. Кустова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
galinak03@gmail.com

О КОММУНИКАТИВНОМ СТАТУСЕ ВВОДНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С МЕНТАЛЬНЫМИ ПРЕДИКАТАМИ*

Работа посвящена вводным (парентетическим) конструкциям с ментальными глаголами (*знать, понимать, верить, представлять* и под.). Для ментальных глаголов основными являются два типа вводных употреблений и две группы вводных конструкций — модальная и аппеллятивная. В модальную группу входят в основном формы 1 л. глаголов мнения и знания: *думаю, полагаю, предполагаю, боюсь, надеюсь* и под.: *Его родственники, думаю / боюсь / надеюсь, ничего не знают; Вы, я знаю, не любите этого режиссера* (а также формы 2 л. глаголов мнения в вопросах). В аппеллятивную группу входят формы 2 л. (в том числе императива): *Сейчас у лифта, представляешь, встретила известного артиста*. Вводные конструкции модальной группы встречаются как в повествовательных предложениях (*Он, думаю, придет*), так и в вопросительных (*Он, думаешь, придет?*), при этом сами вводные конструкции имеют нейтральный («безударный») коммуникативный статус. Вводные конструкции аппеллятивной группы встречаются в повествовательных предложениях, но не встречаются в вопросительных. При этом сами вводные конструкции имеют вопросительный статус (*знаешь (-те)* и *понимаешь (-те)*) могут иметь также нейтральный статус: *Я, знаете, очень люблю науку*).

Ключевые слова: вводные (парентетические) конструкции, метатекст, парентеза, адресат, ментальные глаголы.

¹ * Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 17-29-09154 офи_м «Динамика языковой системы: корпусное исследование синхронной вариативности и диахронических изменений в текстах разных типов».

Юрию Дерениковичу Апресяну

1. Типы вводных конструкций с ментальными глаголами: модальные и аппеллятивные

В данной работе будут рассматриваться некоторые параметры вводных конструкций с ментальными глаголами (вводным, или парентетическим, конструкциям посвящена большая литература [ср., например: Зализняк, Падучева 1987; Кобозева 1999; Падучева 1996; Dehé, Kavalova 2007; Dehé, Wichmann 2010; Urmson 1963; Wierzbicka 1971]). Мы не будем разграничивать вводные слова, ср. *думаю, знаешь*, и близкие к ним вводные предложения, ср. *я думаю / ты знаешь*, и будем называть их обобщенно *вводными конструкциями* (сокращенно — ВК). Вмещающее предложение, в которое вставлена ВК, и соответствующую пропозицию будем обозначать как Р: *А я, знаете, на это и не рассчитывал*, Р = ‘я на это не рассчитывал’.

В грамматиках и пособиях по пунктуации традиционно выделяются несколько групп вводных (парентетических) конструкций. Для ментальных глаголов (глаголов пропозициональной установки) основными являются два типа вводных употреблений и, соответственно, две группы ВК. Первую группу назовем модальной — *думаю, полагаю, предполагаю, боюсь, надеюсь* и под.: *Его родственники, думаю / боюсь / надеюсь, ничего не знают*. Вторую группу назовем аппеллятивной, поскольку она выражает обращение (аппелляцию) к адресату: *Я, знаете ли / знаешь (ли), никогда об этом не задумывался*.

Целью нашей работы является описание коммуникативных (и связанных с ними семантико-синтаксических) особенностей ВК аппеллятивной группы. Эту группу удобно рассматривать на фоне модальной.

В разных источниках функции аппеллятивной группы формулируются по-разному: в учебной и справочной литературе отмечается, что эти ВК используются как контактоустанавливающие, с целью привлечь внимание собеседника к сообщаемому [ср.: Остроумова, Фрамполь 2009: 497; Правила 2006: 263], «выразить доверительный характер отношений» (*видите ли, знаете, поверьте*) [Скобликова 2006: 278] (в специальной работе по ментальным глаголам [Апресян 1995: 242] также отмечается, что вводное *знаешь* «имеет ослабленное значение “доверительности” — ‘хочу тебе <вам> сообщить’»); в [Розенталь и др. 1994: 118–119] подобные ВК характеризуются как акцентирующие, они «служат для подчеркивания, выделения того, что высказывается». В академической грамматике [РГ-80 2: 2221] соединены оба признака аппеллятивных ВК: у них усматривается «значение акцентирования, подчеркивания, выделения в сочетании <...> с обращенностью к адресату с желанием привлечь внимание собеседника»; при этом отмечается, что ВК *знаешь, понимаешь* могут функционировать как асемантические, «пустые вставки».

Поскольку эта группа ВК служит для аппелляции к адресату, ее характерным признаком является 2-е лицо. При этом в группу входят разные формы и их сочетания, ср. *знаешь / знаете (ли); вообрази(те); прости(те); пойми(те); согласитесь; представляешь (-те); ты только представь; можешь (-те) себе представить;*

(ты) не поверишь и др. Мы будем рассматривать только формы 2 л. настоящего времени.

Лексический состав апеллятивной группы неоднороден. В нее входят фактивные глаголы *знаешь, понимаешь, помнишь* и нефактивные *веришь, представляешь* (кроме того, в эту группу входят *видишь* и *слышишь*, которые мы не рассматриваем).

Для сравнения мы будем привлекать невводное употребление ментальных глаголов, когда они управляют зависимой клаузой: *Думаю, что начальник согласится; Ты ведь знаешь, что начальник не согласится*. Поскольку такой управляющий глагол принято называть матричным, употребление ментального глагола в составе главной клаузы тоже будем называть *матричным употреблением*, или *матричной позицией*, — в отличие от вводного употребления (вводной позиции), ср.: *Начальник, думаю, согласится*.

Предлагаемые в грамматиках классы вводных слов выделяются без эксплицитных критериев и не учитывают никаких параметров ментальных глаголов. Между тем ментальные глаголы не являются единой парадигмой, у которой все формы имеют одинаковые свойства и функции [ср.: Кустова 1998]. Наоборот, разные формы имеют разные свойства — особенно во вводных конструкциях.

Поскольку в грамматических описаниях различие в поведении разных форм ментальных глаголов во вводных конструкциях не учитывается и даже не обсуждается, формы путативных глаголов 1 л. (*думаю, полагаю, боюсь, надеюсь* и т. д.) попадают в группу модальных ВК, формы 2 л. фактивных глаголов (*знаешь, понимаешь*) попадают в апеллятивную группу, а формы 2 л. путативных глаголов (*думаешь, считаешь, полагаешь* и формы 1 л. фактивных глаголов *знаю, понимаю, помню* вообще никуда не попадают и в списках вводных слов отсутствуют. Чтобы не возвращаться к этому вопросу, сразу отметим, что формы 1 л. глаголов знания (*знаю*) и формы 2 л. глаголов мнения (*думаешь*) входят в модальную группу, хотя формы 1 л. глаголов мнения (*думаю*) являются для нее, конечно, основными.

2. Параметры описания вводных конструкций с ментальными глаголами

Есть несколько релевантных параметров, которые должны учитываться при описании ментальных глаголов, в том числе во вводной конструкции: 1) фундаментальное противопоставление глаголов знания (фактивных) и мнения (нефактивных, путативных); 2) лицо — прежде всего противопоставление 1 л. (говорящего) и 2 л. (адресата); 3) время (свойства ментальных предикатов различаются в настоящем и прошедшем времени [см.: Кустова 1998]; в данной работе нас это интересоваться не будет, так как в ВК прошедшее время не встречается, кроме конструкций типа *как я думал*); 4) коммуникативный статус (КС).

Для нашей темы ключевыми параметрами являются лицо и КС. Начнем с общих замечаний.

Лицо. 1-е и 2-е лицо ведут себя по-разному (несимметричны), в том числе с точки зрения КС. Вообще несимметричность 1 и 2 л. обнаруживается не только

у глаголов пропозициональной установки (как в матричной, так и во вводной позиции), но и у других предикатов. Для форм 1 л. прагматически естественны сообщения (*Я иду в кино*) и прагматически неестественны вопросы (*Я иду в кино?*), хотя, конечно, есть специальные условия и контексты, когда такие вопросы нормальны. Например, приведенный вопрос с ударением на глаголе: *Я иду / в кино?* (знаком / будем маркировать фразовое ударение, в данном случае — восходящее) — может имплицировать: *Ты купил / мне билет?*; *Ты разрешаешь / мне пойти в кино?* и т. п. Для форм 2 л. прагматически естественны вопросы (*Ты обедал?*) и прагматически менее естественны сообщения (*Ты обедал* — для таких сообщений, как и для вопросов в 1 л., требуется специальный контекст).

Коммуникативный статус. В грамматиках, пособиях по пунктуации и словарях служебных слов коммуникативный статус предложений Р, содержащих ВК, не учитывается. По умолчанию все предложения с вводными конструкциями считаются повествовательными, во всяком случае в литературе приводятся только такие примеры. Между тем вводные слова включаются и в вопросительные предложения (в побудительные тоже, но мы этого совсем не касаемся). При этом у разных вводных слов разные правила употребления в вопросах: некоторые свободно употребляются в вопросах (*Где, кстати, этот конверт?*); некоторые требуют определенной семантики вмещающего предложения (*видимо* не употребляется в специальном вопросе: **Где, видимо, эти документы?* — но употребляется в общем вопросе: *Документы, видимо, потеряны?*); некоторые ВК вообще несовместимы с вопросом (**Петя, к счастью, приехал?*).

Тем более никогда не ставится вопрос о коммуникативном статусе самой ВК, поскольку ВК не рассматривается как самостоятельная коммуникативная единица. Между тем КС у вводных конструкций тоже может быть разным, как и у вмещающего предложения Р.

В данной работе ввиду ограниченности объема мы будем рассматривать только два статуса вмещающего предложения Р — повествовательный, или невопросительный (т. е. сообщение; мы не пользуемся терминами *утверждение, ассертивный*, так как предложение может быть отрицательным, ср: *Он, представляешь, пришел* — *Он, представляешь, не пришел*), и вопросительный. При этом сообщение может быть экспрессивным (восклицательным: *Он, представляешь, не пришел!*). Вопрос тоже может быть экспрессивным, но в этом случае он не является настоящим вопросом и не предполагает ответа (поскольку ответ имплицирован самим вопросом), ср.: — *Он забрал все деньги себе.* — *А на что ты, собственно, надеялся?*

Для ВК, как и для вмещающего предложения Р, мы также будем рассматривать два статуса: нейтральный («безударный», редуцированный — это собственно «парентетическое», «вводное» произнесение), ср.: *Лекарства, думаю, здесь не помогут* — *нужен отдых; Да я, знаете ли, и не рассчитывал на его помощь*, — и вопросительный: *Вчера, представляешь [?], отменили собрание* (для обозначения вопросительного КС вводных слов будем использовать знак [?], как это предложено в работе [Кобозева 1999: 542]). В действительности это не настоящий вопрос, о чем будет сказано ниже.

Хотя в ВК аппеллятивной группы, как и в ВК модальной группы, входят ментальные глаголы (причем это могут быть одни и те же глаголы, которые отличаются всего лишь формой лица: *знаешь, помнишь* — аппеллятивная, *знаю, помню* — модальная), аппеллятивная группа имеет кардинальные отличия от модальной.

Ниже мы рассмотрим важнейшие из этих отличий: 1) аппеллятивные ВК могут быть (или обязательно являются) вопросительными — в отличие от модальных; 2) у аппеллятивных ВК субъект не совпадает с автором пропозиции Р. В заключение будет описан механизм формирования предложений с аппеллятивными ВК, который объясняет эти особенности.

3. Коммуникативный статус аппеллятивных вводных конструкций

Прежде чем перейти к рассмотрению КС аппеллятивных ВК, сразу же оговоримся, что они бывают не только вопросительными, но и побудительными (*поверь; пойми; представь; вспомни*), просто в силу ограниченности объема работы побудительные мы не рассматриваем. В целом можно сказать, что ненейтральный статус вводных конструкций аппеллятивной группы имеет одинаковую природу.

Термин *вопросительный* по отношению к ВК применяется условно. ВК — это, разумеется, не настоящий вопрос, и вопросительные ВК включаются в высказывание Р не для того, чтобы получить реальный ответ. Тем не менее такой термин, на наш взгляд, уместно использовать по следующим причинам.

Первое. Аппеллятивные ВК имеют восходящую интонацию, похожую на вопросительную и, что не менее важно, отчетливо противопоставленную нейтральной, ср.: *Знаешь [?], я примерно этого и ожидал vs. Я примерно этого, знаешь, и ожидал*. Некоторые ВК имеют только вопросительный вариант: *Он оказался, представляешь [?], сыном банкира; Он еще, помнишь [?], цветы тебе подарил*. На вопросительность / нейтральность ВК влияет, в частности, позиция: в препозиции по отношению к вмещающему высказыванию ВК всегда вопросительные, в интерпозиции могут быть и вопросительными (*Там еще цветы растут такие, знаешь [?], как фиалки*), и нейтральными (*Тут еще, знаешь, надо подумать*) — разумеется, те, которые в принципе имеют нейтральный вариант.

Второе. Важным подтверждением того, что интонация аппеллятивных ВК имеет именно вопросительную природу, является возможность присоединения вопросительной частицы *ли*: *знаете ли, видишь ли, веришь ли*.

Третье. Хотя вопросительные ВК не предполагают реального ответа и не рассчитаны на него, все же такой ответ может быть получен ср.: — *Он еще, помнишь [?], ко мне на день рождения приходил*. — *Помню / Не помню*; — *Я его вчера, представляешь [?], два часа прождал*. — *Очень даже представляю*.

То, что в аппеллятивной группе в качестве средства воздействия на адресата используется вопросительная интонация, закономерно. У вопроса как речевого акта есть разные аспекты, и один из важных аспектов вопроса (как и побуждения) — прямое воздействие на адресата. Вопрос сам по себе воздействует на адресата и привлекает его внимание. Если сообщение не требует специальной реакции (его

можно просто принять к сведению, но никак этого не выражать, при этом неизвестно, воспринял ли адресат информацию, ср. многочисленные идиомы *пропустить мимо ушей; в одно ухо влетело, в другое вылетело* и под.), вопрос требует немедленной реакции (прямого ответа или какой-либо другой). Поэтому вопрос (как и императив) широко используется в функции воздействия на адресата в самых разных типах косвенных речевых актов, когда реального запроса информации нет и буквальный ответ не предполагается: замечание, упрек, осуждение (а также — в широком смысле — разного рода речевая агрессия) часто имеют форму вопроса, ср.: *Ну, что встал?; А нельзя было форточку открыть?; Сколько можно повторять?!; Не стыдно?!* [см.: Кустова 2011]).

Теперь посмотрим, как соотносится коммуникативный статус ВК и вмещающего предложения Р для модальной и апеллятивной групп ВК.

Глаголы модальной группы в ВК ведут себя тривиально. Формы 1 л. глаголов мнения употребляются в сообщениях: *Он, [я] думаю / полагаю / боюсь / надеюсь, уехал*; формы 2 л. употребляются в вопросах: *Он, думаешь / полагаешь, уехал?*¹.

При этом сами ВК модальной группы всегда имеют нейтральный («безударный», редуцированный) статус: это прототипическая парентеза.

Апеллятивные ВК обнаруживают два принципиальных отличия от модальных.

1. Они никогда не употребляются в вопросительных предложениях Р, т.е. в предложениях типа **Он, знаешь, уехал/?; *Он, представляешь, увольняется/?* Они сочетаются только с сообщениями (аналогично ведут себя эмоциональные вводные слова типа *к счастью, к сожалению*, однако они семантически связаны с фактивными глаголами эмоциональной реакции типа *радоваться, сожалеть*, а среди апеллятивных ВК есть и нефактивные глаголы).

2. Напротив, для самих апеллятивных ВК основным режимом является вопросительный, что невозможно для модальных ВК.

4. Соотношение субъекта ВК и автора пропозиции Р

Еще одно важное отличие апеллятивной группы от модальной — парадоксальное соотношение субъекта ментального глагола вводной конструкции и автора пропозиции Р (что мы отмечали в работе [Кустова 2018]).

В общем случае ментальный глагол 1 л. вводит пропозицию говорящего, глагол 2 л. — пропозицию адресата. Это правило теоретически должно распространяться и на матричное употребление ментальных глаголов, и на вводное.

У глаголов мнения в повествовательных предложениях так и есть — субъект глагола и «хозяин» подчиненной пропозиции совпадают: субъект глагола 1 л. *думаю* — говорящий, подчиненная пропозиция Р — мнение говорящего: *Я думаю, что он откажется от нашего предложения*. Это же соотношение сохраняется и для вводного употребления глаголов мнения: *Он, я думаю, откажется*

¹ ВК 1 л. с глаголами знания (*знаю, помню*) ведут себя несколько иначе, но это не тема данной работы.

от нашего предложения — говорящий является автором гипотезы Р (и в качестве таковой она сообщается адресату).

Пропозиция, вводимая глаголом *думаешь* (и другими глаголами мнения 2 л.), принадлежит 2-му лицу — адресату (в повествовательном предложении!): *Ты думаешь, что он испугался* [а он просто передумал] — ‘у тебя есть мнение / предположение, что он испугался’. В вопросительном предложении с матричным глаголом 2 л.: *Ты думаешь, что он испугался?* — или с вводным глаголом 2 л.: *Он, думаешь, испугался?* — ситуация особая. Эта пропозиция пока еще никому не принадлежит (хотя и формулируется говорящим) — в силу неутвердительного статуса высказывания, тем не менее подобный вопрос — это вопрос о том, есть ли у адресата мнение (предположение) ‘он испугался’.

Казалось бы, такое соотношение, т.е. совпадение субъекта ментального глагола и автора пропозиции, должно сохраняться для любых предикатов, в том числе для фактивных глаголов 2 л. Однако для глаголов группы *знаешь* тезис о совпадении субъекта глагола и автора пропозиции верен лишь в определенных типах употреблений.

Для матричного употребления в повествовательном предложении субъект глагола и «хозяин» пропозиции совпадают: *Ты знаешь, что все уже решено*; *Ты знаешь, что он уехал, зачем же звонишь*. Субъект *знаешь* – адресат, пропозиция Р (‘все уже решено’; ‘он уехал’) – знание адресата. К вопросительным предложениям обратимся чуть позже.

Для ВК аппеллятивной группы (как вопросительных, так и нейтральных) ситуация совершенно другая: *Сейчас, представляешь* [?], *встретил у лифта школьного друга*; *Мне, знаешь* [?], *иногда кажется, что Алька — это я в детстве* (А. Берсенева. Полет над разлукой). Здесь субъект вводного глагола 2 л. (*знаешь, представляешь*) — адресат, а пропозиция Р — это знание говорящего, 1-го лица (именно знание — независимо от того, является ли вводный глагол фактивным, как *знаешь*, или нефактивным, как *веришь, представляешь*). Адресат этой информации не знал, она сообщается ему как новая, ранее не известная (за исключением ВК *помнишь*, см. ниже).

5. Объяснение

Оба рассмотренных признака — возможность вопросительного статуса ВК и несовпадение субъекта ВК и автора пропозиции Р — имеют одинаковое происхождение и связаны с особенностями формирования высказываний, содержащих аппеллятивные ВК, к рассмотрению которых мы и переходим.

Для наглядности по-прежнему будем прибегать к сравнению с модальной группой.

Для ментальных глаголов модальной группы вводную конструкцию можно рассматривать как результат редукции исходной структуры («понижение» матричного глагола в ранге), причем это относится как к повествовательным, так и к вопросительным предложениям, ср.: *Я думаю, что он уже не придет* → *Он, [я] думаю, уже не придет*; *Ты думаешь, что он уже не придет?* → *Он, [ты] думаешь, уже не придет?*

В противоположность этому вводную конструкцию с глаголами апеллиативной группы (*знаешь, веришь, представляешь*) невозможно представить как результат редукции исходного матричного глагола, т. е. как перенос матричного глагола исходного сложного предложения во вводную позицию. Так, в примере *Марек Терлецкий стал водителем автобуса, а для души в свободное время играл на гитаре в джазовом клубе. И, знаете [?], хорошо играл* (Д. Рубина. Медная шкатулка) предложение с ВК *знаете* не является преобразованием ни повествовательного, ни вопросительного предложения с матричным *знаете*: *И, знаете [?], хорошо играл* ≠ *Вы знаете, что он хорошо играл* ≠ *Вы знаете, что он хорошо играл?* Ср. также: *Я после этого случая, веришь [?], всю ночь не спал* ≠ *Ты веришь, что я всю ночь не спал?* — здесь не может стоять вопрос о вере, так как адресату сообщается факт из личного опыта говорящего.

Хотя предложения с апеллиативными ВК нельзя рассматривать как перенос матричного глагола во вводную позицию, так как они состоят из двух разнородных фрагментов — вводной конструкции 2 л., связанной с адресатом, и пропозиции Р, связанной с говорящим, — тем не менее у них, как и у предложений с модальными ВК, есть аналог на уровне невводных структур, и апеллиативная ВК тоже является результатом редукции.

Предложения с апеллиативными ВК можно рассматривать как контаминацию (компрессию) двух конструкций, двух высказываний — сообщения Р и апеллиативного высказывания (запроса реакции адресата), которое предупреждает адресата о важности сообщения: «*Ты знаешь, что я хочу тебе сказать? / Ты можешь в это поверить? / Ты можешь это представить? + Р*». Такое высказывание мы будем называть *иллюквативной рамкой* (по аналогии с *модальной рамкой*), ср.: *Я, знаешь [?] / представляешь [?], даже не сразу понял, кто это* ≈ ‘Знаешь, что я хочу тебе сказать / что ты должен принять к сведению / иметь в виду / представить себе?’ + ‘Я не сразу понял...’.

Коммуникативную мотивацию говорящего в обоих случаях (т. е. при отдельной формулировке рамки и пропозиции Р и при их компрессии) можно сформулировать примерно так: ‘Ты должен это знать / я хочу, чтобы ты это знал, так как это важно / интересно / удивительно’.

Такая модель позволяет объяснить, как в одном высказывании оказались предикат адресата и пропозиция говорящего: предикат адресата — это «перенос» из другого высказывания.

Это другое высказывание назовем *апеллиативным вопросом*. Этот тип вопросов принадлежит многочисленному семейству несобственно вопросов. Самый известный тип — риторический вопрос (экспрессивное отрицание: *Кто в это поверит?* ≈ ‘Никто в это не поверит’). Но есть и другие типы несобственно вопросов, не требующих прямого ответа, но, как правило, предполагающих какую-то реакцию адресата: *А ты куда смотрел?!; Где тебя носило?!* И т. п. (см. также примеры выше). Такие вопросы предполагают воздействие на адресата, но не получение ответа².

² При этом в апеллиативной группе есть такие ВК, которые довольно близки к настоящему вопросу. Различиям между разными ВК будет посвящена специальная работа, здесь мы этой проблемы не касаемся.

Ситуация, когда ментальный глагол связан с адресатом, а пропозиция — с говорящим, внешне похожа на два типа матричных употреблений фактивных глаголов в вопросительных предложениях.

Один из типов отмечен в работе [Апресян 1995]: *Знаешь, кто на тебя донес?* Слушающий уверен, что адресат не знает Р, и собирается сообщить ему Р, т. е. располагает знанием Р. Назовем эту конструкцию *предваряющим вопросом*. Такой вопрос — риторический прием. Говорящий задает его на всякий случай, чтобы выяснить — вдруг адресат все-таки знает. Кстати, это вполне возможно: адресат может знать ответ. При этом придаточное в данной конструкции — это косвенный вопрос, т. е. сам ответ (полная информация о ситуации Р) в предложении не содержится.

Вторая конструкция — обычный вопрос с союзным придаточным: *Ты знаешь, что Сидоров уехал?* Он не является вопросом по поводу ситуации Р (такой вопрос звучал бы так: *Сидоров уехал?*), а является, так сказать, вопросом второго порядка. Это запрос подтверждения. На него возможны ответы: *знаю и не знаю*. Однако в любом случае в самом вопросе говорящий информирует, т. е. факт Р, сообщил, ср. еще один возможный ответ: *теперь знаю*. Разумеется, информация Р содержится в вопросе не в виде утверждения, а в виде пресуппозиции, но она все равно передается.

Существенно, что вопрос с глаголом знания 2 л. содержит (пусть и в статусе пресуппозиции) знание 1-го лица (говорящего), а не адресата: *Ты знаешь, что Сидоров уехал?* ‘Сидоров уехал’ — знание говорящего, хотя наличие такого же знания у адресата не исключено. Таким образом, сочетание глагола 2 л. и пропозиции, принадлежащей 1-му лицу, встречается уже у матричного употребления фактивных глаголов — в вопросе.

В обоих рассмотренных случаях говорящий использует матричный глагол 2 л., но передает или намеревается передать свое собственное знание Р. В этом отношении данная коммуникативная ситуация похожа на предложения с аппеллятивными ВК. Но есть и существенное отличие.

В рассмотренных двух типах вопросов с матричным *знаешь* ситуация Р относится к общей сфере коммуникантов, существует какая-то предыстория, известная адресату, — что-то уже введено в поле зрения, так или иначе обсуждалось. Более того, ситуация Р прямо касается адресата — во всяком случае, говорящий считает, что касается. То есть говорящий собирается сообщить или сообщает на уровне пресуппозиции ситуацию Р, которая, по его мнению, интересна или важна для адресата. При этом он допускает, что информация Р уже известна. В конструкциях же с ВК говорящий, напротив, точно знает, что информация Р новая и она не просто неизвестна адресату, но никак не связана с адресатом, — ситуация Р касается говорящего (или других лиц и событий), она важна, интересна, удивительна для самого говорящего, и он хочет, чтобы адресат тоже обратил на нее внимание, принял ее к сведению, как-то отреагировал на нее.

Исключением могла бы быть ВК *помнишь*, где ситуация Р относится к общей истории коммуникантов: *Отец нам рассказывал, помнишь, какое это страшное место — Слепая елань, сколько погибло в нем людей и скота* (М.М. Пришвин.

Кладовая солнца), — но на самом деле говорящему не важно, помнит адресат Р или нет, тем более что он уже напомнил о Р. Ситуация Р важна для него как звено в его собственном повествовании. А ВК *помнишь* он употребляет потому, что здесь ситуация Р не является неизвестной и новой для адресата, поэтому говорящий не может использовать ВК *знаешь, понимаешь, представляешь, веришь*.

6. Выводы

Итак, общий вывод из проведенного анализа состоит в том, что предложения с ментальными глаголами тотально несимметричны: несимметричны фактивные и путативные глаголы, несимметричны 1-е и 2-е лицо, несимметричны информационный и вопросительный режимы. Это хорошо видно на примере ВК с ментальными глаголами: модальная группа ВК употребляется в составе как повествовательных, так и вопросительных Р, но сами ВК не могут быть вопросительными; аппеллятивные ВК могут быть вопросительными, но сочетаются только с повествовательными Р.

Конкретные выводы, касающиеся ВК с ментальными глаголами, состоят в следующем.

Вводные конструкции — это в широком смысле результат редукции некоторой исходной структуры. Редукция, «понижение» статуса единицы, утрата ею знаменательности, превращение в служебную наблюдается на разных участках языковой системы. В работе [Кустова 2012], посвященной специализации отдельных грамматических форм, было показано, что формы глаголов, вовлеченные в процесс грамматикализации, распределяются по двум большим сферам — собственно грамматической и иллокутивной (к иллокутивам относятся, например: *Идет; Постой; Хватит; Валяй; Брось; Отстань* и под. в качестве реплик-реакций или реплик-побуждений). Рассмотренные нами виды ВК тоже распределяются по двум типам. Модальные ВК направлены на текст — они обозначают модальный статус пропозиции Р. Аппеллятивные ВК имеют иллокутивную функцию — функцию воздействия на адресата.

Существенно различаются и механизмы образования ВК. Источник модальных ВК — матричный глагол в сложном предложении, который редуцируется до вводной конструкции. Аппеллятивные ВК не являются результатом преобразования исходного предложения с матричным глаголом, а вставляются в «отдельное» высказывание Р из другого предложения: источник аппеллятивных ВК — аппеллятивные вопросы. Они содержат не полноценную пропозицию, а пропозициональную форму, а сообщаемая пропозиция Р содержится в другом предложении. Этим объясняется и несовпадение субъекта ВК и автора пропозиции Р, и вопросительность аппеллятивных ВК.

Обнаруживается одно важное ограничение, которое не упоминается в синтаксических исследованиях: перенос матричного ментального глагола во вводную позицию возможен для глаголов мнения 1 и 2 л. и для глаголов знания 1 л., но нежелателен (а часто и невозможен) для глаголов знания 2 л. (и для нефактивных *веришь*

и представляешь), так как это место в системе уже занято аппеллятивными конструкциями. При этом сам по себе «перенос» форм глаголов знания 2 л. во вводную позицию семантически не запрещен, но для этого используются другие типы вводных конструкций (ср. *как ты знаешь*). Что касается предложений, где *ты знаешь* / *ты помнишь* / *ты понимаешь* произносятся с «нормальной», не нейтральной интонацией, то это не вводные, а так называемые вставные конструкции, которые формируются (и распространяются) по законам самостоятельных коммуникативных единиц, ср.: *Я еще на прошлой неделе — ты знаешь \ — обо всем с ними договорился* (знак \ обозначает нисходящую интонацию законченного высказывания), ср. распространенный вариант вставной конструкции: *Я еще на прошлой неделе — ты ведь знаешь \, я тебе рассказывал \ — обо всем с ними договорился*. Но это уже тема другого исследования.

Литература

Апресян Ю. Д. Проблема фактивности: *знать* и его синонимы // *Апресян Ю. Д.* Избр. тр. : в 2 т. М. : Языки русской культуры, 1995. Т. 2. С. 405–433.

Зализняк А. А., Падучева Е. В. О семантике вводного употребления глаголов // *Вопросы кибернетики. Прикладные аспекты лингвистической теории* / под ред. А. П. Ершова. М. : ВИНТИ, 1987. С. 80–96.

Кобозева И. М. О двух типах вводных конструкций с парентетическим глаголом // *Типология и теория языка: от описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика* / ред. Е. В. Рахилина, Я. Г. Тестелец. М. : Языки русской культуры, 1999. С. 539–543.

Кустова Г. И. Некоторые проблемы описания ментальных предикатов // *Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы.* 1998. № 2. С. 22–28.

Кустова Г. И. Косвенный речевой акт вопроса как средство речевой агрессии и негативной оценки в русской разговорной речи // *Вопросы культуры речи.* Вып. 10 / отв. ред. А. Д. Шмелев. М. : АСТ, 2011. С. 229–235.

Кустова Г. И. Об иллокутивной фразеологии // *Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты* : сб. ст. в честь 80-летия И. А. Мельчука / под общ. ред. Ю. Д. Апресяна. М. : Языки славянской культуры, 2012. С. 349–366.

Кустова Г. И. Ментальные предикаты 2-го лица в метатекстовых конструкциях // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии* : сб. ст. по материалам международной конференции «Диалог–2018». Вып. 17 / гл. ред. В. П. Селегей. М. : Изд-во РГГУ, 2018. С. 380–390.

Остроумова О. А., Фрамполь О. Д. *Словарь вводных слов, сочетаний и предложений. Опыт словаря-справочника.* М. : Изд-во СГУ, 2009. 501 с.

Падучева Е. В. *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива.* М. : Языки славянской культуры, 1996. 464 с.

Правила 2006 — *Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник* / под ред. В. В. Лопатина. М. : ЭКСМО, 2006. 480 с.

РГ-80 — Русская грамматика : в 2 т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Наука, 1980.
Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М. : Моск. междунар. шк. переводчиков, 1994. 400 с.

Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. 3-е изд., испр. и доп. М. : ФЛИНТА, 2006. 320 с.

Dehé, Kavalova 2007 — Parentheticals / ed. by N. Dehé, Y. Kavalova. Amsterdam : John Benjamins, 2007. 314 p.

Dehé N., Wichmann A. Sentence-initial *I think (that)* and *I believe (that)*. Prosodic Evidence for Use as Main Clause, Comment Clause and Discourse Marker // *Studies in Language*. 2010. Vol. 34. № 1. P. 36–74.

Urmson J. O. Parenthetical Verbs // *Philosophy and Ordinary Language* / ed. Ch. E. Caton. Urbana ; Chicago ; London : University of Illinois Press, 1963. P. 220–240.

Wierzbicka A. Metatekst w tekście // *Wierzbicka A.* O spójności tekstu. Wrocław ; Warszawa : Ossolineum, 1971. S. 105–121.

G. I. Kustova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

galinak03@gmail.com

ABOUT COMMUNICATIVE TYPES OF PARENTHETICAL CONSTRUCTIONS WITH MENTAL VERBS

The paper deals with parenthetical constructions (PC) with mental verbs (*znat* 'to know,' *ponimat* 'to understand,' *verit* 'to believe' and the like) in the 2nd person form. The appeal group (2nd person forms): *Smotri, Dolly! My, znaesh', mozhem eto proverit* 'Look, Dolly. We can check that, you know' is considered in comparison with the modal group (1st person forms): *V byuro gostinitsy gorbonosyi muzhchina s ochen' temnym, dumayu, proshlym, kotoroe stoilo by rassledovat', peredal mne soobshchenie, napisannoe ego rukoi* 'At the desk, a dignified Roman-nosed man, with, I would think, a very dark past, handed me a message written with his own hand'. Modal PCs are used in the declarative sentence P (*On, dumayu, pridet* 'He'll come, I think') and in the interrogative sentence P (*On, dumaesh', pridet?* 'Will he come, do you think?'); PC itself has a neutral communicative status. Appeal PCs are used only in the declarative sentence P, but PC itself has an interrogative communicative status, cf.: *Sto dvadtsat' odnu Margaritu obnaryzhili my v Moskve, i, verite li, ni odna ne podkhodit* 'We found one hundred and twenty-one Margaritas in Moscow, and, would you believe it, not one of them was suitable!' (*you know* and *you understand* have an interrogative and a neutral communicative status: *Ya, znaete, ochen' lyublyu nauku* 'I'm a great fan of science, you know').

Key words: parentheticals, metatext, addressee, mental verbs.

Acknowledgements

The research has been partly supported by RFBR project № 17-29-09154 of the form “The Dynamics of the language system: a corpus study of synchronic variation and diachronic changes in texts of diverse types”.

References

Apresyan Yu.D. [The Problem of Factivity: *znat'* ‘to Know’ and Synonyms]. Apresyan Yu.D. *Izbr. tr.: v 2 t.* [Selected Works]. (Vols. 1–2). Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1995, Vol. 2, pp. 405–433. (In Russ.)

Dehé N., Wichmann A. Sentence-initial *I think (that)* and *I believe (that)*. Prosodic Evidence for Use as Main Clause, Comment Clause and Discourse Marker. *Studies in Language*, 2010, Vol. 34, No. 1, pp. 36–74.

Kobozeva I. M. [On Two Types of Constructions with a Parenthetical Verb]. *Tipologiya i teoriya yazyka: ot opisaniya k ob"yasneniyu. K 60-letiyu A. E. Kibrika* [Typology and Linguistic Theory: from Description to Explanation. For the 60th birthday of Aleksandr E. Kibrik]. E. V. Rakhilina, Ya.G. Testelefs (Eds.). Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1999, pp. 539–543. (In Russ.)

Kustova G.I. [Some Problems of Descriptions of Mental Predicates]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Ser. 2. Informatsionnye protsessy i sistemy*, 1998, No. 2, pp. 22–28. (In Russ.)

Kustova G. I. [Indirect Speech Act of Question as a Mean of Verbal Aggression and Negative Evaluation in Russian Colloquial Speech]. *Voprosy kul'tury rechi. Vyp. 10* [Speech Culture Problems. Iss. 10]. A. D. Shmelev (Ed.). Moscow, AST Publ., 2011, pp. 229–235. (In Russ.)

Kustova G. I. [On Illocutionary Phraseology]. *Smysly, teksty i drugie zakhvatyvayushchie syuzhety: sb. st. v chest' 80-letiya I. A. Mel'chuka* [Meanings, Texts, and Other Exciting Things. A Festschrift to Commemorate the 80th Birthday of Professor I. A. Mel'čuk]. Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2012, pp. 349–366. (In Russ.)

Kustova G. I. [2nd Person Mental Predicates in Metatext Constructions]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: sb. st. po materialam mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog–2018»*. Vyp. 17 [Computer Linguistics and Intelligent Technologies: Collection of Articles Based on the Materials of the International Conference *Dialog-2018*. Iss. 17]. V. P. Selegei (Ed.). Moscow, Russian St. Univ. for the Humanities Publ., 2018, pp. 380–390. (In Russ.)

Ostroumova O. A., Frampol' O. D. *Slovar' vvodnykh slov, sochetanii i predlozhenii. Opyt slovarya-spravochnika* [A Dictionary of Parentheticals. A Working Dictionary]. Moscow, SGU Publ., 2009, 501 p.

Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa* [Semantic Investigations. Semantics of Time and Aspect in the Russian Language. Semantics of Narrative]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 1996, 464 p.

Parentheticals. N. Dehé, Y. Kavalova (Ed.). Amsterdam, John Benjamins Publ., 2007, 314 p.

Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik [Rules of Russian Spelling and Punctuation. Full Academic Handbook]. V. V. Lopatin (Ed.). Moscow, EKSMO Publ., 2006, 480 p.

Rozental' D. E., Dzhandzhakova E. V., Kabanova N. P. *Spravochnik po pravopisaniiyu, proiznosheniyu, literaturnomu redaktirovaniyu* [Handbook of Spelling, Pronunciation, and Literary Editing]. Moscow, Moscow International Transl. School Publ., 1994, 400 p.

Russkaya grammatika: v 2 t. [Russian Grammar] (Vols. 1–2). N. Yu. Shvedova (Ed.). Moscow, Nauka Publ., 1980.

Skoblikova E. S. *Sovremennyi russkii yazyk. Sintaksis prostogo predlozheniya* [Modern Russian: Syntax of a Simple Sentence] (3rd ed.). Moscow, FLINTA Publ., 2006, 320 p.

Urmson J. O. Parenthetical Verbs. *Philosophy and Ordinary Language*. Ch. E. Caton (Ed.). Urbana, Chicago, London, Univ. of Illinois Press Publ., 1963, pp. 220–240.

Wierzbicka A. [Metatext in the Text]. Wierzbicka A. *O spójności tekstu* [On the Coherence of the Text]. Wrocław, Warsaw, Ossolineum Publ., 1971, pp. 105–121. (In Polish)

Zaliznyak A. A., Paducheva E. V. [On the Semantics of Parenthetical Verbs]. *Voprosy kibernetiki. Prikladnye aspekty lingvisticheskoi teorii* [Problems of Cybernetics. Applied Aspects of Linguistic Theory]. A. P. Ershov (Ed.). Moscow, VINITI Publ., 1987, pp. 80–96. (In Russ.)

Ханс Роберт Мелиг
Университет им. Христиана Альбрехта
(Германия, Киль)
mehlig@slav.uni-kiel.de

**ГЛАГОЛЬНЫЙ ВИД И РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ПРЕДИКАЦИИ:
К РАЗЛИЧИЮ МЕЖДУ ОБЩЕФАКТИЧЕСКИМ И ЕДИНИЧНО-
ФАКТИЧЕСКИМ НЕСОВЕРШЕННЫМ ВИДОМ В ОТРИЦАТЕЛЬНОМ
ОТВЕТЕ НА ВЕРИФИКАТИВНЫЕ ВОПРОСЫ (ДА-НЕТ-ВОПРОСЫ)**

Предикации с фактическим несовершенным видом (далее — НСВ), во-первых, могут иметь общереферентный статус и отсылать к «типу» (Type) описываемой ситуации, сообщая, что в течение некоторого временного интервала по крайней мере один «экземпляр» (Token), одна ситуация данного типа имела или будет иметь место (общефактический НСВ). Во-вторых, предикации с фактическим НСВ могут отсылать и к конкретной, индивидуализированной ситуации, к «экземпляру» (Token) описываемой ситуации, не представляя ее как происходящую в ее процессуальности (единично-фактический НСВ). Общность между общефактическим и единично-фактическим НСВ состоит в том, что в обоих случаях никакая видовая характеристика описываемой ситуации не представлена. Различие между общефактическим и единично-фактическим НСВ является релевантным при отрицательном ответе на экзистенциальные и экспликативные общие вопросы. Экзистенциальные вопросы верифицируют существование описанной ситуации и относятся к модусному компоненту (modus) предикации. Экспликативные вопросы относятся к описанию ситуации, к диктумному компоненту (dictum) и верифицируют правильность обозначения ситуаций, существование которых предполагается. В статье показывается, почему экзистенциальные вопросы в совершенном виде (далее — СВ) допускают в ответе отрицание как с общефактическим НСВ, так и с единично-фактическим НСВ, а экспликативные вопросы — только с общефактическим НСВ.

Ключевые слова: категория вида в русском языке, фактический несовершенный вид, отрицание, экзистенциальные и экспликативные да-нет-вопросы, референциальный статус глагольных предикаций в тексте, тип - экземпляр.

1. Разграничение общефактического и единично-фактического несовершенного вида

Предикации с фактическим несовершенным видом (далее НСВ) в русском языке допускают две принципиально разные интерпретации. Во-первых, они могут иметь общереферентный статус и отсылать к «типу» (Type) описанной ситуации. В таком случае они сообщают о том, что в течение некоторого временного интервала по крайней мере один «экземпляр» (Token), одна ситуация данного типа имела или будет иметь место. Во-вторых, они могут иметь конкретно-референтный статус и отсылать к одной конкретной, индивидуализированной ситуации, к «экземпляру» (Token) описанной ситуации, не актуализируя ее аспектуальности, т. е. не представляя эту ситуацию в ее процессуальности [Мелиг 2013; Dübbers 2015, Mueller-Reichau 2018]. Обычно эти два варианта фактического НСВ терминологически не различаются. Для обоих вариантов употребляется термин *общефактический*. Однако различие между этими вариантами фактического НСВ имеет принципиальное значение для категории вида в славянских языках. Поэтому здесь, как и в [Падучева 1996: 43–48], употребляется термин *общефактический* только для предикаций, которые имеют общереферентный статус и отсылают к «типу» описываемой ситуации. Для предикаций с фактическим НСВ, которые имеют конкретно-референтный статус и отсылают к индивидуализированной, конкретной ситуации, не представляя ее в своем протекании, как происходящую, употребляется введенный А. М. Шелякиным термин *единично-фактический* [Шелякин 2007]³. При этом в отличие от работы Шелякина термин *единично-фактический* будет здесь использован только для предикаций, которые отсылают к конкретным, индивидуализированным ситуациям⁴. Общность между общефактическим и единично-фактическим НСВ состоит в том, что в обоих случаях ни протекание, ни достижение кульминационной точки описываемой ситуации не актуализуется, никакая видовая характеристика описываемой ситуации не представлена.

Если не знать контекст, то в случае с общим вопросом в НСВ типа *Вы уже передвигали пианино?*⁵ невозможно определить, имеем мы дело с общефактическим или с единично-фактическим значением НСВ. Если прямое дополнение имеет общереферентный статус, то наш пример допускает только общефактическую интерпретацию. Напротив, если прямое дополнение имеет конкретно-референтный статус и, таким образом, отсылает к определенному пианино, то НСВ допускает обе интерпретации. Общефактическая интерпретация присутствует тогда, когда

³ Е. В. Падучева [1996: 48–52] использует термин *акциональное значение НСВ*.

⁴ А. М. Шелякин [2007] употребляет термин *единично-фактический НСВ* не только для предикаций с фактическим НСВ, которые описывают конкретные, индивидуализированные ситуации, но также и для предикаций с общефактическим НСВ, которые отсылают к типу описываемой ситуации, если они по прагматическим причинам отсылают ровно к одной ситуации описываемого типа, как в примере *Ты обедал сегодня?*

⁵ Малыми прописными буквами обозначается слово, на которое приходится фразовый акцент.

спрашивается, имело ли место во временном интервале, начало которого остается неопределенным и который простирается до момента речи, хотя бы одно передвижение пианино:

(1) *Вы когда-нибудь передвигали ваше пианино?*

При этом число ситуаций остается неопределенным. Его можно в дальнейшем контексте уточнить: *Да, передвигали, но только раз / даже два раза*. При общефактической интерпретации НСВ описание ситуации имеет референциальный статус неспецифической (в другой терминологии — нереферентной) неопределенности. При преобразовании предикации в бытийное предложение номинализованное описание ситуации в артиклевом языке, таком как английский, должно быть введено с так называемым неспецифическим неопределенным артиклем или другим показателем нереферентной неопределенности:

(1a) *Has there ever been a movement of the piano?*

Предикации с общефактическим НСВ отсылают к типу (type) описываемой ситуации. Отсылка к типу в бытийной парафразе предикации в английском языке может быть маркирована местоимением *such*⁶, употребляемым в катафорической функции, соответственно в русском языке — местоименным прилагательным *такой*:

(1б) **Такая ситуация, как X**, имела место?
Has **such a situation as X** taken place?

Отсылка к типу предполагает, что в релевантном пространстве имеется больше чем один «экземпляр» этого типа. Для общефактического НСВ это обозначает, что описываемые ситуации должны быть потенциально повторяемыми, т. е. воспроизводимыми во времени [Шатуновский 2009: 140–147]. В русском языке при отнесенности предикации к типу ситуации допускается употребление только НСВ. Тем самым русский язык отличается, например, от чешского, где при отсылке к типу употребляется как совершенный вид (далее - СВ), так и НСВ [Dübbers 2015].

Предикации с фактическим НСВ, однако, могут отсылать не только к «общим» ситуациям, но и к конкретным, индивидуализированным, не представляя их в своем протекании. В таком случае мы имеем дело с единично-фактическим НСВ. В нашем примере *Вы уже передвигали пианино?* эта интерпретация НСВ имеет место, если говорящий знает, что у адресата вопроса было намерение переставить пианино, и предикация, таким образом, отсылает к «ожидаемой» ситуации, т. е. к ситуации, которую адресат вопроса может идентифицировать⁷.

(2) *Вы уже передвигали пианино, как вы собирались?*

⁶ О местоимении *such* 'такой' как о показателе отсылки к типу см. [Landman, Morzyski 2003].

⁷ «Эффект ожидаемости» у предикации в СВ подробно описан в [Зельдович 2012: 170–180]. Как показывает наш пример, он может возникнуть и у предикаций в НСВ, а именно тогда, когда предикация с единично-фактическим НСВ имеет верификативный коммуникативный статус.

В такой интерпретации описание ситуации имеет референциальный статус специфической определенности. При преобразовании предикации в бытийное предложение в артиклевом языке, таком как английский, номинализованное описание ситуации должно быть введено с определенным артиклем или другим показателем специфической определенности:

(2а) *Has the movement of the piano already taken place?*

В русском языке описание ситуации в бытийной парафразе должно образовывать тему бытийного предложения:

(2б) *Передвижение пианино уже имело место?*

При отнесенности нашего примера к «экземпляру», к конкретной, индивидуализированной ситуации русский и чешский языки ведут себя одинаково. В обоих языках может быть употреблен как СВ, так и НСВ. При употреблении СВ актуализуется достижение внутренней кульминационной точки описываемой ситуации. Спрашивается, достигла ли описываемая ситуация своего результата:

(2в) — *Вы уже передвинули ваше пианино?*

— *Да, передвинули и нашли ему хорошее место.*

При употреблении единично-фактического НСВ от этой точки абстрагируются, ее достижение оказывается нерелевантным. Вопрос относится не к непосредственному результату описываемой ситуации, а к сопутствующим обстоятельствам:

(2г) — *Вы уже передвигали ваше пианино, как вы собирались?*

— *Да, передвигали. Нам помогли соседи. / Весь пол исцарапан.*

В отличие от общефактического НСВ употребление единично-фактического НСВ не предполагает, что описываемая ситуация является потенциально повторяемой. Однако имеются ограничения в плане семантики предиката. Единично-фактический НСВ невозможен для предикатов, которые описывают случайные ситуации, «happenings» в классификации Э. Баха [Bach 1986: 6], «single achievements» в классификации З. Вендлера [Vendler 1967: 27], например, такие как *упасть на улице* или *потерять паспорт*. Эти предикаты описывают непредвиденные, «неожиданные» ситуации. Поэтому они не допускают ни в русском, ни в чешском языке интерпретации НСВ как единично-фактического. В таком примере, как (3), НСВ может быть проинтерпретирован только как общефактический.

(3) *Саша уже терял свой паспорт?*

Как показывает бытийная парафраза, предикация отсылает к типу описываемой ситуации.

(3а) *Такая ситуация, как потеря паспорта, уже имела место?*

2. Разграничение экзистенциальных и экспликативных вопросов

Глагольные предикации являются бытийными высказываниями. Они содержат двойную информацию. Они сообщают о существовании некоторой ситуации в рамках данного текста и в то же время дают описание ситуации, о существовании которой сообщается. Такое высказывание, как (4), во-первых, сообщает о том, что какая-то ситуация имела место, а во-вторых, описывает эту ситуацию как «передвижение пианино»:

(4) *Вчера наши соседи передвигали пианино.*

Двойная функция финитной формы предиката может быть продемонстрирована через преобразование предикации в бытийное предложение, где информация о существовании ситуации и ее описание даны раздельно:

(4а) *Вчера имело место передвижение пианино.*

Ш. Балли [Bally 1950: 39] различает эти два компонента глагольных предикаций терминологически — как *modus et dictum*, Ч. Филлмор [Fillmore 1968: 23] — как *modality constituent* и *proposition*. Верификативные вопросы (да-нет-вопросы) могут относиться как к модусному, так и диктумному компонентам предикации [Мелиг 2008]. Если они относятся к модусному компоненту, то мы имеем дело с экзистенциальным вопросом, или (в другой терминологии) с общим вопросом. Экзистенциальные вопросы верифицируют существование описываемой ситуации в рамках данного текста и в русском языке характеризуются тем, что у них фразовое ударение всегда падает на финитную форму предиката.

(5) *Вы вчера передвинули пианино? Нашли ему хорошее место?*

Если экзистенциальный вопрос подвергается отрицанию, то мы имеем дело с так называемым общим, в другой терминологии — тотальным, или полным, отрицанием. Общее отрицание имеет экзистенциальное значение. Оно относится к предикативному компоненту предикации. Отрицается существование описываемой ситуации в рамках данного текста:

(5а) — *Вы вчера передвинули пианино?*
— *Нет еще. Не передвинули.*

При общем отрицании в бытийной парафразе предикации отрицательная частица *не* находится перед бытийным компонентом предикации, в терминологии Ш. Балли — перед модусом:

(5б) Ситуация X не имела места.

Верификативные вопросы, однако, могут относиться и к диктумному компоненту предикации и верифицировать правильность описания ситуации, существование которой предполагается. В таком случае мы имеем дело с экспликативным вопросом, в другой терминологии — с частным, или контрастным, вопросом. Эта

вторая интерпретация верификативных вопросов для нашего примера иллюстрируется следующими контекстами:

- (6) <У вас в комнате стало уютнее.> Вы передвинули пианино?
(7) <Что это за шум был вчера за стеной?> Соседи передвигали пианино?

В отличие от экзистенциальных вопросов, в которых фразовое ударение всегда падает на финитную форму предиката, положение фразового ударения в экспликативных вопросах является подвижным. Оно зависит от того, какие компоненты описания известны адресату, а какие — новые. Экспликативные вопросы характеризуются тем, что языковое выражение, на которое падает фразовое ударение, может быть перенесено в позицию перед предикатом.

- (7а) <Что это за шум был вчера за стеной?> Соседи пианино передвигали?

Экспликативные вопросы допускают опровержение посредством так называемого частного, в другой терминологии — противопоставительного отрицания. В отличие от общего отрицания частное отрицание относится не к существованию, а к описанию ситуации.

- (7б) — Соседи пианино передвигали?
— Нет, они не пианино передвигали, а шкаф переставляли.

С помощью частного отрицания подтверждается предположение говорящего о существовании ситуации и одновременно корректируется ее описание. Поэтому отрицательная частица *не* в бытийной парафразе предикации находится не перед бытийным компонентом, а перед описанием ситуации, в терминологии Ш. Балли — перед диктумом.

- (7в) Имела место не ситуация X, а ситуация Y.

Экспликативные вопросы допускают и опровержение посредством общего отрицания с последующей корректировкой описания ситуации, как показывает следующий пример:

- (7г) — Соседи пианино передвигали?
— Нет, они не передвигали пианино. Они шкаф переставляли.

3. Употребление вида в отрицательных ответах на экзистенциальные вопросы

Экзистенциальные вопросы в НСВ допускают отрицательный ответ только в НСВ, и это не зависит от того, отсылают они к типу описываемой ситуации, как в примере (8), или к «экземпляру», к ожидаемой ситуации, как в примере (9).

- (8) — Саша уже когда-нибудь заполнял анкету для получения визы? Может быть, он знает, как ответить на шестой вопрос?
— Нет, еще не заполнял. Не знает.
(→ Такой ситуации, как X, еще не было);

- (9) — *Саша уже заполнял анкету, которую ему дали в посольстве? Как он ответил на шестой вопрос?*
— *Он ее еще не заполнял. Спроси Виктора. Может быть, он ее уже заполнял.*
(→ **Ситуации X** еще не было).

В отличие от этого экзистенциальные вопросы в СВ допускают отрицательный ответ в обоих видах. Как мы видели, экзистенциальные вопросы в СВ всегда отсылают к конкретной, индивидуализированной ситуации, которую адресат, по предположению говорящего, может идентифицировать («эффект ожидаемости»). В таком экзистенциальном вопросе, как *Саша заполнил анкету для получения визы?*, описание ситуации имеет референциальный статус специфической определенности. При преобразовании предикации в именное бытийное предложение в артиклевом языке описание ситуации должно быть введено определенным артиклем: *Has the situation X taken place?* Если экзистенциальный вопрос в СВ отвергается посредством общего отрицания, то возможно употребление как СВ, так и НСВ. При этом НСВ в зависимости от контекста допускает как единично-фактическую, так и общефактическую интерпретацию. Начнем с единично-фактической интерпретации НСВ, которая представлена в следующих примерах:

- (10) — *Саша заполнил анкету для получения визы?*
— *Нет, он ее еще не заполнил / еще не заполнял.*
(11) — *Ты сократил свою статью?*
— *Нет еще. Не сократил / не сокращал. Но обязательно сокращу.*

Независимо от употребления видов описание ситуации в отрицательном ответе имеет референциальный статус специфической определенности точно так же, как и описание ситуации в вопросе: *The situation X has not yet taken place*. Отрицаемые предикации, так же как и вопросы, относятся к преднастоящему (prepresent), т. е. к временному интервалу, который простирается до момента речи. Поэтому при переводе на английский язык требуется употребление Present Perfect независимо от того, употребляется СВ или НСВ.

- (10a) — *Has Sasha filled in the application form for the visa?*
— *No, he hasn't filled in the form yet.*
(11a) — *Have you shortened your article?*
— *Not yet. I haven't shortened it.*

В обоих видах отрицаемые предикации сообщают о том, что запрашиваемые ситуации в момент речи не осуществлены. При употреблении союза *пока* и/или частицы *еще* сообщается о том, что осуществление ситуации в более позднее время еще возможно, т. е. не исключено после момента речи. Такие предикаты, как *заполнить / заполнять анкету* и *сократить / сокращать статью*, являются предикатами accomplishment [Vendler 1967]. В классификации М. Я. Гловинской [2001: 91–100] они принадлежат к первому типу видовой оппозиции. Они описывают ситуации, могущие быть прерванными и реализованными поэтапно. Поэтому имеется четкое семантическое различие между отрицанием с глаголом СВ и с глаголом

НСВ. При осуществлении отрицания с СВ отрицается только достижение кульминационной точки описываемой ситуации, и без дальнейшего контекста остается открытым вопрос о том, началась уже описываемая ситуация в момент речи или нет. Как показывает пример (12а), отрицательный ответ на вопрос *Ты прочитал мою статью?* в СВ может отсылать как к ситуации, которая еще не началась, так и к ситуации, уже частично осуществленной:

(12а) *Я не прочитал вашу статью, только начал / даже не начал читать ее.*

При отрицательном ответе в НСВ мы имеем дело с единично-фактическим НСВ.

(12б) — *Ты уже прочитал мою статью?*
— *Нет, я ее еще не читал.*

В таком случае никакой видовой характеристики описываемой ситуации нет. Отрицается ее фактичность, а таким образом, и ее процессуальный компонент. Тем самым сообщается о том, что сокращение статьи в момент речи еще не началось. В обоих видах предикация отсылает к конкретной ожидаемой ситуации, на основе контекста не отрицается, что описываемая ситуация в более позднее время может еще состояться.

Единично-фактическое употребление НСВ возможно и тогда, когда предикация относится не к моменту речи, а к другой, указанной в контексте точке отчета, как в следующем примере, где мы имеем дело с предпрошедшим (prepast zone). В английском переводе требуется употребление Past Perfect.

(13) *Когда мы приехали, делегаты еще не обсудили / обсуждали данный вопрос.*
'When we arrived, the delegates had not yet discussed the question'.

И эта предикация отсылает к ожидаемой и, таким образом, индивидуализированной, конкретной ситуации. При отрицании в СВ сообщается, что обсуждение вопроса к моменту нашего приезда еще не достигло своей внутренней кульминационной точки. При этом обсуждение непременно уже началось. При отрицании в НСВ обсуждение вопроса еще не было начато.

Экзистенциальные вопросы в СВ допускают отрицательный ответ с единично-фактическим НСВ и в случае предикатов, которые не имеют процессуального компонента, т. е. тогда, когда мы имеем дело с предикатами, которые З. Вендлер [Vendler 1967] классифицирует как achievements, Э. Бах [Bach 1986: 6] — как culminations, например *заказать / заказывать такси, вызвать / вызывать врача* или *ответить / отвечать на письмо*. В классификации М. Я. Гловинской [2001: 103–107] эти предикаты принадлежат к третьему типу видовой оппозиции.

(14) — *Ты заказал такси?*
— *Нет еще. Не заказал / не заказывал.*

(15) — *Саша вызвал врача, как он собирался?*
— *Нет, пока не вызвал / пока не вызывал.*

- (16) — *Саша ответил на письмо от брата?*
— *Нет, еще не ответил / не отвечал.*

И в таком случае при отрицании с НСВ никакой видовой актуализации описываемой ситуации не имеется. Отрицание относится к ситуации в целом и, таким образом, к ее возможным предварительным стадиям. Сообщается, что к осуществлению ожидаемой ситуации еще не приступали. Относительно этих предикатов можно при общем отрицании, как предложила Е. В. Падучева [2008: 12], говорить о квазисинонимии между СВ и единично-фактическим НСВ, которая отсутствует при опровержении accomplishment-предикатов посредством общего отрицания.

Как мы видели, единично-фактическая интерпретация НСВ предполагает, что мы имеем дело с контролируруемыми ситуациями. Поэтому такие предикаты, как *узнать / узнавать, получить / получать* или *оставить / оставлять книгу в библиотеке*, которые могут описывать как контролируемые, так и неконтролируемые ситуации, при единично-фактическом НСВ обязательно описывают контролируемые ситуации. Это показывает сопоставление примеров (17) и (18):

- (17) *Саша еще не получал посылку от родителей.*
(18) *Саша еще не получал пятерку.*

Предикат *получать посылку* в примере (17) описывает контролируемую ситуацию. Поэтому НСВ допускает как общефактическую, так и единично-фактическую интерпретацию. При этом интерпретация зависит от референциального статуса прямого дополнения. Если прямое дополнение имеет общереферентный статус, то предикация относится к типу описанной ситуации и мы имеем дело с общефактическим НСВ.

- (17а) **Такая ситуация**, как X (получение посылки), еще не имела место.

Если же прямое дополнение в примере (17) имеет конкретно-референтный статус и отсылает, например, к посылке от родителей, получение которой ожидается, то и предикация имеет конкретно-референтный статус. Такой предикат, как *получать (определенную) посылку*, в соответствии с нашим знанием о мире описывает ситуацию с неотменяемым непосредственным результатом [Declerck 2006: 302] — уникальную, неповторимую ситуацию. Одна и та же посылка не может быть получена несколько раз. Поэтому НСВ в этом контексте должен быть проинтерпретирован как единично-фактический. Сообщается, что Саша еще не приступал к получению (определенной) посылки от родителей, т. е. еще не ходил на почту, чтобы ее получить.

- (17б) **Ситуация X** (получение посылки) еще не имела место.

В отличие от этого НСВ в примере (18) допускает только общефактическую интерпретацию, так как предикат *получать пятерку* описывает неконтролируемую ситуацию:

- (18а) **Такая ситуация**, как X (получение пятерки), еще не имела место.

Экзистенциальные вопросы в СВ, однако, допускают общее отрицание не только с единично-фактическим НСВ, но и с общефактическим НСВ. Это показывают следующие примеры:

- (19) — *Ты вчера написал брату?*
 — *Нет, не писал. Я ему позвонил.*
- (20) — *Ты заказал такси?*
 — *Не заказывал. И не буду заказывать: Антон отвезет нас на станцию.*
- (21) — *Саша вызвал врача, как он собирался?*
 — *Знаешь, не вызывал. Решил не вызывать. Больному стало лучше.*
- (22) — *Саша ответил на письмо от брата?*
 — *Нет, не отвечал и не будет отвечать. На такие письма не отвечают.*

При употреблении общефактического НСВ сообщается о полном отсутствии описываемой ситуации как таковой и тем самым отрицается, что ее осуществление можно еще ожидать в более позднее время. В отличие от единично-фактического НСВ предикация с общефактическим НСВ отсылает к временному промежутку, который разобщен с моментом речи. Поэтому при переводе на английский язык употребляется Simple Tense. При отрицании с общефактическим НСВ описание ситуации отсылает к типу описываемой ситуации и имеет референциальный статус неспецифической неопределенности: *Такая ситуация, как X, не имела места*. Происходит изменение референциального статуса предикации, а именно переход от специфической определенности в вопросе к неспецифической (нереферентной) неопределенности в отрицательном ответе. Вопрос в СВ имеет конкретно-референтный статус и отсылает к конкретному «экземпляру» ситуации, а отрицательный ответ с общефактическим НСВ имеет общереферентный статус и отсылает к «типу» описываемой ситуации.

Эти две возможности, а именно отсылка предикации с общим отрицанием в НСВ к «экземпляру» или к «типу» описываемой ситуации, имеют соответствие в области именных выражений, где это различие может быть выражено синтаксически, как показывает следующий пример из [Падучева 1985: 107]:

- (23) *Гостиница не построена.*
 (24) *Гостиницы не построено.*

В личном предложении существительное *гостиница* имеет референциальный статус специфической определенности, и в переводе на английский язык существительное должно быть введено с определенным артиклем:

- (23a) *The hotel has not been built.*

А в безличном предложении существительное имеет референциальный статус неспецифической неопределенности и требует отрицательной формы неопределенного артикля:

- (24a) *No hotel has been built.*

4. Употребление вида в отрицательных ответах на экспликативные вопросы

Экпликативные вопросы относятся не к модусному, а к диктумному компоненту предикации. Они верифицируют правильность описания ситуации, существование которой предполагается. В именной парафразе фразовое ударение падает не на бытийный глагол, а на описание ситуации: *Какая ситуация имела место? Имела место ситуация X?*

(25) *Откуда ты об этом знаешь? Ты читал об этом в газетах?*

(26) *Почему у тебя пальто такое грязное? Ты упал?*

(27) *Где ключ? Ты его потерял?*

(28) *Где письмо, которое мы вчера получили? Ты его выбросил?*

Экпликативные вопросы, точно так же как и экзистенциальные вопросы, могут отсылать к «типу» и к «экземпляру» описываемой ситуации. В примере (25) описание ситуации имеет общереферентный статус и отсылает к «типу» описываемой ситуации, а в остальных примерах — к конкретным, индивидуализированным ситуациям, к «экземплярам», при этом в примерах (26) и (27) — к случайным ситуациям, к «happenings» в классификации Баха [Bach 1986: 6]. В примере (28) без дальнейшего контекста остается неизвестным, имеем ли мы дело с ожидаемой или случайной ситуацией и — в зависимости от этого — с экзистенциальным или экспликативным вопросом.

Как мы видели, экзистенциальный вопрос в СВ всегда отсылает к ситуации, которую адресат вопроса, по предположению говорящего, может идентифицировать, которую он знает (эффект ожидаемости). Для экспликативных вопросов это неверно. Экпликативные вопросы в СВ, точно так же как и экзистенциальные вопросы в СВ, отсылают к конкретным, индивидуализированным ситуациям, но в отличие от экзистенциальных вопросов — к ситуациям, которые адресат вопроса не может идентифицировать. В экспликативном вопросе с СВ описание ситуации имеет референциальный статус не специфической определенности, а специфической неопределенности. При преобразовании экспликативного вопроса с СВ в бытийное предложение номинализованное описание ситуации вводится с неопределенным артиклем, см. следующее сопоставление:

1) Экзистенциальный вопрос в СВ: *Саша встретился с Машей?* (Встреча с Машей имела место? 'Has **the meeting** with Masha taken place?');

2) Экпликативный вопрос в СВ: *Откуда Саша об этом знает? Он с Машей встретился?* (Имела место встреча с Машей? 'Did **a meeting** with Masha take place?').

Поскольку в экспликативных вопросах с СВ описание ситуации отсылает к ситуациям, которые адресат вопроса не может идентифицировать, в них в отличие от экзистенциальных вопросов могут быть употреблены также предикаты, которые описывают случайные ситуации, см. примеры (26) и (27) выше.

Экпликативные вопросы допускают отрицательный ответ с так называемым частным, противопоставительным отрицанием. Частное отрицание имеет экспликативную функцию, под отрицание попадает только описание ситуации.

- (25а) — *Откуда ты об этом знаешь? Ты читал об этом в газетах?*
 — *Нет, не в газетах читал, а узнал от Антона.*
- (26а) — *Почему у тебя пальто такое грязное? Ты упал?*
 — *Нет, не упал, а к машине твоей прислонился.*
- (27а) — *Где ключ? Ты его потерял?*
 — *Нет, не потерял, а дома забыл.*
- (28а) — *Где письмо, которое мы вчера получили? Ты его выбросил?*
 — *Нет, не выбросил, а дал прочитать брату.*

Посредством частного отрицания подтверждается предположение говорящего, что какая-то ситуация имела место, и одновременно вносится корректировка описания ситуации. В бытийной парафразе отрицательная частица стоит перед описанием ситуации: *Имела место не ситуация X, а ситуация Y*. При частном отрицании никакого изменения вида не происходит. В отрицательном ответе употребляется тот же вид, что и в вопросе.

Однако корректировка описания ситуации экспликативного вопроса также может быть реализована и в два этапа, а именно через предикацию с общим отрицанием и последующую предикацию с правильным описанием ситуации, как показывают следующие примеры:

- (25б) — *Откуда ты об этом знаешь? Ты читал об этом в газетах?*
 — *Нет, я не читал об этом в газетах. Я от Антона узнал.*
- (26б) — *Почему у тебя пальто такое грязное? Ты упал?*
 — *Нет, я не упал. Я прислонился к твоей машине.*
- (27б) — *Где ключ? Ты его потерял?*
 — *Нет, я его не потерял. Я его дома забыл.*
- (28б) — *Где письмо, которое мы вчера получили? Ты его выбросил?*
 — *Нет, я его не выбросил. Я его брату дал прочитать.*

С помощью общего отрицания опровергается существование описанной в экспликативном вопросе ситуации. Затем, в следующем высказывании, происходит нужное исправление посредством высказывания, которое имеет экспликативный статус. Если экспликативный вопрос, как в примере (22), отсылает к типу описываемой ситуации, то в отрицательном ответе возможно употребление только НСВ, поскольку, как мы видели, при отсылке к типу описываемой ситуации употребление СВ исключено. Если же предикации относятся к индивидуализированным, конкретным ситуациям, к «экземплярам» описываемой ситуации, как в примерах (26), (27) и (28), то имеется видовая конкуренция.

Исправление, как показывают приведенные выше примеры, может быть осуществлено посредством общего отрицания в СВ. При общем отрицании в СВ имеется анафорическая отсылка к описанию ситуации, введенной в вопросе, и отрицается ее существование. При этом описания ситуации в вопросе и в ответе имеют один и тот же референциальный статус, а именно статус специфической неопределенности.

Однако корректировка описания ситуации экспликативного вопроса возможна и посредством общего отрицания в НСВ, как показывают следующие примеры:

- (26в) — *Почему у тебя пальто такое грязное? Ты упал?*
— *Нет, я не падал. Я к машине прислонился.*
- (27в) — *Где ключ? Ты его потерял?*
— *Нет, я его не терял. Я его дома забыл.*
- (28в) — *Где письмо, которое мы вчера получили? Ты его выбросил?*
— *Нет, я его не выбрасывал. Я его брату дал прочитать.*

При употреблении НСВ описание ситуации, введенное в вопросе, повторно упоминается как тип: *Такая ситуация, как X, не имела место. Имела место ситуация У.*

В таком случае мы имеем дело с общефактическим НСВ. Происходит изменение референциального статуса описания ситуации, а именно изменение специфической неопределенности в вопросе на неспецифическую неопределенность в ответе. В отличие от экзистенциальных вопросов, у которых в отрицательном ответе возможен как единично-фактический, так и общефактический НСВ, НСВ в отрицательном ответе на экспликативный вопрос допускает только общефактическую интерпретацию, так как экспликативный общий вопрос отсылает к ситуации, которую адресат вопроса не может идентифицировать.

Отрицание посредством общефактического НСВ может быть усилено путем замены вин. п. прямого дополнения на род. п.

- (27г) — *Где ключ? Ты его потерял?*
— *Нет, не терял я ключа. Я его дома забыл.*
- (27д) — *Где ключ? Ты его потерял?*
— *Нет, не терял я никакого ключа. Я его дома забыл.*

Если общее отрицание производится с СВ, как в примере (27б), то замена вин. п. на род. п. невозможна, потому что при употреблении СВ между введенным в вопросе референтом и его повторным упоминанием в отрицательном ответе имеется референциальная идентичность. Вопрос и ответ относятся к одному и тому же референту, существование которого в данном дискурсе предполагается.

Корректировка описания ситуации экспликативного вопроса в СВ через общее отрицание с общефактическим НСВ имеет соответствие в области именных выражений, как показывает следующий пример из [Арутюнова, Ширяев 1983: 63]. Такой вопрос, как *У тебя в корзине яблоки?*, осмысливается благодаря нулевой форме бытийного глагола как экспликативный вопрос. Если на этот вопрос дается отрицательный ответ, то допускается частное (29) и общее (30) отрицание:

- (29) *У меня в корзине не яблоки, а грибы.*
(30) *У меня в корзине нет яблок. В корзине грибы.*

При этом общему отрицанию (30) соответствует в области глагольных предикаций отрицание с общефактическим НСВ.

Заключение

В статье разграничиваются экзистенциальные (общие) и экспликативные (частные) верификативные вопросы (да-нет-вопросы). Экзистенциальные вопросы допускают только общее отрицание. Если экзистенциальный вопрос в СВ отрицается ответом с НСВ, то НСВ может иметь как единично-фактическое, так и общефактическое осмысление. При отрицании с единично-фактическим НСВ ситуация вопроса отсылает, так же как и вопрос в СВ, к конкретной ожидаемой ситуации, но без видовой актуализации. Если общее отрицание осуществляется с общефактическим НСВ, то имеет место изменение референциального статуса предикации, а именно переход от специфической (референтной) определенности в вопросе к неспецифической (нереферентной) неопределенности в ответе. Отрицается ситуация как тип, как таковая.

В отличие от экзистенциальных вопросов экспликативные вопросы отсылают к описанию ситуации, существование которой предполагается. Они допускают и частное, и общее отрицание. В случае общего отрицания имеется видовая конкуренция, при этом НСВ допускает только общефактическую интерпретацию, поскольку экспликативные вопросы отсылают к ситуациям, которые адресат вопроса, по предположению говорящего, не может идентифицировать.

Литература

Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип. М. : Русский язык, 1983. 198 с.

Гловинская М. Я. Многозначность и синонимия в видовременной системе русского языка. М. : Азбуковник : Русские словари, 2001. 319 с.

Зельдович Г. М. Прагматика грамматики. М. : Языки славянских культур, 2012. 643 с.

Мелиг Х. Р. «Модус» и «диктум» у Ш. Балли // Язык. Культура. Человек : сб. науч. ст. к юбилею проф. М. В. Всеволодовой / ред. М. Л. Ремнева и др. М. : МАКС Пресс, 2008. С. 240–255.

Мелиг Х. Р. Общефактическое и единично-фактическое значение несовершенного вида в русском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2013. № 4. С. 19–47.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М. : Наука, 1985. 271 с.

Падучева Е. В. Семантические исследования. М. : Языки русской культуры, 1996. 464 с.

Падучева Е. В. Имперфектив отрицания в русском языке // Вопросы языкознания. 2008. № 3. С. 3–21.

Шатуновский И. Б. Проблемы русского вида. М. : Языки славянских культур, 2009. 349 с.

Шелякин М. А. Категория аспектуальности русского глагола. М. : ЛКИ, 2007. 268 с.

Bach E. The Algebra of Events // *Linguistics and Philosophy*. 1986. №9. P. 5–16.

Bally Ch. *Linguistique générale et linguistique française*. Bern : Francke, 1950. 440 p.

Declerck R. *The Grammar of the English Verb Phrase*. Vol. 1 : *The Grammar of the English Tense System*. Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2006. 846 p.

Dübbers V. *Konzeptuelle Motivationen des Verbalaspekts und seiner Variationen mit besonderer Berücksichtigung von Iterativität und der „faktischen Funktion“ im Russischen und Tschechischen* (unpublished doctoral dissertation). Universität Tübingen, 2015. 451 S.

Fillmore Ch.J. *The Case for Case // Universals in Linguistic Theory* / ed. by E. Bach, R. T. Harms. London : Holt, 1968. P. 1–88.

Landman M., Morzycki M. *Event-Kinds and the Representation of Manner // Proceedings of the Western Conference in Linguistics (WECOL)*. Vol. 11 / ed. by N. M. Antrim. Fresno : California State University Press, 2003. P. 1–12.

Mueller-Reichau O. *Das Rätsel allgemeinfaktischer Interpretationen im Aspektsystem des Russischen*. Wiesbaden : Harrasowitz, 2018. 200 p.

Vendler Z. *Verbs and Times*. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca : Cornell University Press, 1967. P. 97–121.

Hans Robert Mehlig
Christian-Albrecht University
(Germany, Kiel)
mehlig@slav.uni-kiel.de

VERBAL ASPECT AND THE REFERENTIAL STATUS OF PREDICATIONS: GENERAL FACTUAL AND SINGULAR FACTUAL IMPERFECTIVE ASPECT IN NEGATIVE ANSWERS TO YES-NO QUESTIONS

Predications with a factual imperfective aspect may relate to the “type” of the denoted situation and inform us that within a certain time interval at least one “token” of the denoted “type” has occurred or will occur at some point (General-factual ipf. aspect). Otherwise, they can relate to concrete individualized situations without actualization of their aspectuality, i.e. they are not characterized as ongoing (Singular-factual ipf. aspect). This distinction is relevant to the negation of existential and explicative general questions. Existential general questions verify the existence of the denoted situation, whereas explicative general questions verify the correctness of the description of situations whose existence are presupposed. It will be shown that existential questions in the pf. aspect can be negated with both general-factual and singular-factual ipf. aspect. Explicative questions in the pf. aspect can only be negated with the general-factual ipf. aspect.

Key words: verbal aspect in Russian, factual imperfective aspect, negation, existential and explicative questions, referential status of verbal predications, Type — Token reference.

References

- Arutyunova .D., Shiryayev E.N. *Russkoe predlozhenie. Bytiinyi tip* [The Russian Sentence. The Existential Type]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1983, 198 p.
- Bach E. The Algebra of Events. *Linguistics and Philosophy*, 1986, No. 9, pp. 5–16.
- Bally Ch. *Linguistique générale et linguistique française*. Bern, Francke Publ., 1950, 440 p.
- Declerck R. *The Grammar of the English Verb Phrase. Vol. 1: The Grammar of the English Tense System*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2006, 846 p.
- Dübbers V. *Konzeptuelle Motivationen des Verbalaspekts und seiner Variationen mit besonderer Berücksichtigung von Iterativität und der „faktischen Funktion“ im Russischen und Tschechischen* (Dr. phil. sci. diss.). Universität Tübingen, 2015. 451 S.
- Fillmore Ch.J. The Case for Case. *Universals in Linguistic Theory*. E. Bach, R. T. Harms (Eds.). London, Holt Publ., 1968, pp. 1–88.
- Glovinskaya M.Ya. *Mnogoznachnost' i sinonimiya v vidovremennoi sisteme russkogo yazyka* [Ambiguity and Synonymy in the Aspect-Time System of the Russian Language]. Moscow, Azbukovnik Publ., Russkie slovari Publ., 2001, 319 p.
- Landman M., Morzycki M. Event-Kinds and the Representation of Manner. *Proceedings of the Western Conference in Linguistics (WECOL). Vol. 11*. N.M. Antrim (Ed.). Fresno, California St. Univ. Press, 2003, pp. 1–12.
- Mehlig H.R. [Ch. Bally's Definition of *Modus* and *Dictum*]. *Yazyk. Kul'tura. Chelovek: sb. nauch. st. k yubileyu prof. M. V. Vsevolodovoi* [Language. Culture. The Human: A Collection of Articles in Honour of M. V. Vsevolodova's Birthday]. M.L. Remneva et al. (Eds.). Moscow, MAKS Press Publ., 2008, pp. 240–255. (In Russ.)
- Mehlig H.R. [Singular Factual and General Factual Meanings of the Imperfect Aspect in Russian]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 2013, No. 4, pp. 19–47. (In Russ.)
- Mueller-Reichau O. *Das Rätsel allgemeinfaktischer Interpretationen im Aspektsystem des Russischen*. Wiesbaden, Harrasowitz Publ., 2018, 200 p.
- Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu* [Utterance and its Correlation to Reality]. Moscow, Nauka Publ., 1985, 271 p.
- Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya* [Semantic Research]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1996, 464 p.
- Paducheva E. V. [Negation with the Imperfect Aspect in Russian]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2008, No. 3, pp. 3–21. (In Russ.)
- Shatunovskii I.B. *Problemy russkogo vida* [Problems of the Russian Aspect]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2009, 349 p.
- Shelyakin M. A. *Kategoriya aspektual'nosti russkogo glagola* [The Category of Aspectuality of the Russian Verb]. Moscow, LKI Publ., 2007, 268 p.
- Vendler Z. *Verbs and Times. Linguistics in Philosophy*. Ithaca, Cornell Univ. Press, 1967, pp. 97–121.
- Zel'dovich G.M. *Pragmatika grammatiki* [Grammar Pragmatics]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2012, 643 p.

С. П. Тимошенко

*Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН
(Россия, Москва)
timoshenko@iitp.ru*

ЕЩЕ РАЗ О ВНЕШНЕМ ПОСЕССОРЕ: СРАВНЕНИЕ КОНСТРУКЦИЙ С ДАТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ И С ПРЕДЛОГОМ К*

В статье рассматриваются случаи синонимии конструкций с дательным падежом (дативная конструкция) и с предлогом *к*, управляющим дательным падежом (*к*-конструкция): (1) *Вор лезет ей / к ней в сумочку*. Во многих исследованиях каждая из этих конструкций рассматривается как частный случай экстрапозиции посессора. Этот подход хорошо объясняет отличия каждой из них от генитивной группы, способной передать то же отношение элементов (*лезет в ее сумочку*), но не может однозначно ответить на вопрос, каковы различия между ними и каким образом эти различия нейтрализуются в рассматриваемых синонимичных примерах. Примеры показывают, что *к*-конструкция обладает собственной семантикой, которая особенно отчетливо выступает в сочетаниях с предикатами, не имеющими в своем значении компонента ‘перемещение’ (*одеться к подружке на улицу*). Во всех случаях, когда *к*-конструкция рассматривается как оформление внешнего посессора, эта семантика сохраняется. Это приводит нас к выводу, что *к*-конструкция, скорее всего, не является грамматикализованным способом оформления внешнего посессора. Посессивный компонент добавляется к семантике *к*-конструкции тогда, когда предикат накладывает соответствующие ограничения на актанты, как в случае *лезть* ‘проникать куда-либо с целью воровства’. Дативная конструкция, вероятно, действительно возникает в результате подъема посессора со всеми присущими ему прагматическими изменениями.

Ключевые слова: расщепленная валентность, внешний посессор, экстрапозиция посессора, дативная конструкция, предлог *к*, валентность конечной точки.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 16-18-10422-П.

1. Вступление

Наше внимание привлекли примеры, в которых одна и та же характеристика глагольного дополнения или обстоятельства, выраженного предложной группой с предлогом направления, может оформляться как дательным падежом, так и предложной группой с предлогом *к*. См., например:

- (1a) *Однажды она рассказала, как на рынке предупредила женщину о том, что вор лезет к ней в сумочку...* (М. Тарковский. Жизнь и книга. 2002)²;
 (1b) *Женщина указала на парня, который лез ей в сумочку* (В. Доценко. Тридцатого уничтожить! 2000).

На подобные примеры уже обращалось внимание, поэтому изложение материала будет предварено историей вопроса. В разделе 2 мы подробно изложим самую новую гипотезу, которую нам удалось найти и которая кажется нам не вполне удовлетворительной. В разделе 3 приводятся контрастные примеры интересующих нас конструкций, т. е. такие, в которых возможна только какая-то одна из двух конструкций, а также такие, где замена конструкции приводит к очевидному изменению смысла. На основе этих примеров в разделе 4 предлагается описание их семантики и функционирования. В разделе 5 мы возвращаемся к примерам типа (1) и предлагаем объяснение возникновения синонимии. Для краткости мы будем называть сочетания вида «дополнение / обстоятельство + именная группа в дат. п.» дательной конструкцией, а сочетания вида «дополнение + предложная группа с предлогом *к*» — *к*-конструкцией.

2. История рассмотрения

Существуют разные теоретические подходы к описанию конструкций, иллюстрируемых примерами (1). Если рассматривать их с позиций Московской семантической школы, то в них можно увидеть частный случай расщепления валентности — смещение актанта. Определение расщепления валентности, ставшее классическим, приводится Ю. Д. Апресяном в работе [Апресян 1995: 153–156]. Среди перечисленных в ней случаев расщепления валентности примеров с *к*-конструкцией нет, однако позже Е. В. Муравенко, анализируя глаголы движения, имеющие валентность конечного пункта, предложила усматривать расщепление валентности в тех случаях, когда на заполнение валентности конечной точки претендуют сразу несколько предложных групп (*прийти в университет на лекцию к профессору Кибрику, поехать на семинар к Ю. Д. Апресяну*) [Муравенко 1998]. Возможность замены расщепленной валентности генитивной группой, составленной из тех же элементов, была отмечена в [Апресян 1995: 153–156], но рассматривалась лишь как тест, косвенное свидетельство того, что перед нами пример расщепленной валентности. Для примеров (1) такая замещающая генитивная группа — (*в*) *её сумочку*.

² Здесь и далее примеры, источник которых указан в круглых скобках, взяты из [НКРЯ].

Ровно 20 лет назад в юбилейном сборнике «Слово в тексте и словаре» была опубликована статья А. Е. Кибрика, в которой случаи такого расщепления валентностей, когда расщепленным валентностям соответствует генитивная группа, рассматривались как частный случай «высвобождения» посессора, «являющегося зависимой составляющей в составе неэлементарной именной группы» [Кибрик 2000: 435]. С этой статьи начались масштабные исследования конструкций с внешним посессором в русском языке, а в рассмотрении и объяснении интересующих нас случаев на первое место вышла генитивная группа — все остальные конструкции стали описываться как производные от нее. Посессивные конструкции были разделены на конструкции с внутренним посессором (собственно генитивная группа), конструкции с внешним посессором, где экстрапонирован посессор, и конструкции с внешним посессором, где экстрапонировано обладаемое. Дативная конструкция и *к*-конструкция отнесены А. Е. Кибриком к конструкциям с экстрапонированным посессором. Помимо них, к этому типу относится конструкция с предлогом *у*. Любопытно, что в числе иллюстрирующих примеров на датив и на предложную группу с *к* приводятся парные примеры, аналогичные (1):

(2а) *Палка упала ему на голову.*

(2б) *Записка упала к ней на колени.*

Комментарий А. Е. Кибрика такой: «Предложная группа “К НЕМУ” мотивирована направительным значением глагола. Выражение дативом совмещает направительное и адресатное значения. Датив в этой конструкции коррелирует также с присущим этому падежу значением лица, затронутого данным событием» [Кибрик 2000: 440].

Итоги корпусного исследования изложены в статье [Кибрик и др. 2006]. Проанализированы следующие параметры, способные «благоприятствовать» конструкциям с внешним посессором: морфосинтаксический тип конструкции, семантический тип посессивного отношения, тематический (семантический) класс вершинного предиката, семантическая (тематическая) роль актанта, выражаемого прототипической посессивной конструкцией (т. е. генитивной группой). Читателю, который, подобно нам, интересуется спецификой дативной конструкции и *к*-конструкции, не может не броситься в глаза тот факт, что, несмотря на декларируемую значимость морфосинтаксической характеристики самой конструкции, все данные, приводимые в статье, касаются трех обобщенных классов конструкций: конструкций с внутренним посессором, с экстрапонированным посессором и с экстрапонированным обладаемым. И среди примеров экстрапонированного посессора нет ни одного с *к*-конструкцией.

Год спустя А. П. Леонтьев опубликовал статью, озаглавленную «Корреляция генитивных отношений и конструкций с внешним посессором: трудности, возникшие при описании» [Леонтьев 2007], и большая ее часть посвящена как раз сопоставлению конструкций с дативом и с предлогом *к*. Отталкиваясь от очередной пары «практически полностью синонимичных» примеров (3), автор делает предположение, что эти конструкции должны «предпочитать» одни и те же семантические типы генитивных отношений, однако данные их корпуса показывают, что

к-конструкция в отличие от дативной конструкции наиболее часто встречается с отношением бытования, а не части тела.

(3а) *Все грязные миски ставят Шухову в окошко.*

(3б) *Все грязные миски ставят к Шухову в окошко.*

А.П. Леонтьев рассматривает гипотезу, согласно которой конструкция с *к* — это эквивалент дативной конструкции для глаголов движения, однако в корпусе, по которому исследовались конструкции с внешним посессором, не наблюдается «хорошего» дистрибутивного распределения рассматриваемых конструкций по семантическим классам глаголов, т. е. встречаются примеры, где при глаголах движения употреблена дативная конструкция, а не конструкция с *к*.

В итоге А.П. Леонтьев предлагает следующее объяснение: «Дативная конструкция и конструкция с предлогом *к* семантически различны. В конструкции с предлогом *к* посессор является получателем того объекта, который перемещался, и при этом необязательно, что его интересы этим самым сильно затронуты. Последнее отличает *к*-конструкцию от дативной, где затронутость интересов посессора обязательна» [Леонтьев 2007: 366]. Делается вывод, что семантика конструкции оказывается важнее, чем тип генитивного отношения, имеющегося между ее компонентами: «...чтобы возникла та или иная конструкция, необходимо не столько какое-то отношение между посессором и обладаемым — гораздо более важной является семантическая роль посессора» [Там же: 367]. Эти выводы кажутся нам неубедительными по нескольким причинам. Во-первых, утверждение, что посессор является получателем перемещаемого объекта, неприменимо к некаузативным глаголам перемещения³. В частности, непонятно, как его применить к примеру (1). Во-вторых, непонятно, что такое затронутость интересов посессора и проявляется ли она в чем-либо, помимо выбора дательного падежа. В-третьих, предполагается, что семантическая разница между примерами с дативной конструкцией и с *к*-конструкцией есть всегда, коль скоро они различны. Почему же тогда это семантическое различие столь неочевидно для примеров (1), (2) и (3)?

3. Контрастные примеры

3.1. Примеры случаев, в которых дативная конструкция и *к*-конструкция не взаимозаменяемы

Выяснение разницы между дативной конструкцией и *к*-конструкцией разумнее начинать с тех случаев, когда они не взаимозаменяемы. А.П. Леонтьев приводит два таких примера:

³ Под некаузативными глаголами перемещения мы понимаем глаголы типа *есть*, в которых перемещается первый актант. Мы отличаем их от глаголов каузированного перемещения (*отправлять*) и глаголов сопутствующего перемещения (*транспортировать*). Последние два типа имеют второй актант, выражаемый прямым дополнением, и для их семантики существенно, что он перемещается.

- (4) **К нам в город** <***нам в город**> эвакуировали беженцев;
(5) *Мальчик посмотрел мне в глаза* <***ко мне в глаза**> [Леонтьев 2007: 365]

К примеру (4) предлагаемое автором объяснение применяется таким образом: семантика глагола *эвакуировать* предполагает, что соответствующие действия производятся в интересах того, кто эвакуируется, но не в интересах «принимающей стороны». Пример (5) в статье [Леонтьев 2007] оставлен без объяснения.

Для полноты картины к примеру (4) следует добавить, что замена *к*-конструкции на дативную невозможна во всех случаях, когда эта конструкция оформляет конечную точку перемещения, обозначенного некаузативным глаголом перемещения. «Интерес» тут никакой роли не играет: запрет сохраняется даже в тех случаях, когда в качестве посессора выступает местоимение *себя*:

- (6) *А я поняла, что нужно пробираться к себе в город* <***себе в город**> (Наука и религия. 2008).

Для примера (5) можно также найти примеры, где *к*-конструкция используется при глаголе *смотреть*: *Один посмотрел вверх и увидел меня, что я в окно гляжу. Дядя встал, посмотрел к нам в окно и говорит: — Ты что же это в звонок звонишь?* (Б. С. Житков. Что я видел. 1937).

Список примеров, в которых рассматриваемые нами конструкции не взаимозаменяемы, легко пополнить.

Обследуя [НКРЯ] на предмет сочетания глагола *лезть* с интересующими нас конструкциями, мы обнаружили, что фразеологическая единица *кусок в горло не лезет* встречается только в вариантах с дат. п.:

- (7) *Никакой кусок не лез мне в горло* (М. Шишкин. Всех ожидает одна ночь. 1993–2003).

Фразеологическая единица *лезть в душу* допускает и датив, и *к*-конструкцию, если нет дополнения в твор. п. с инструментальным значением. В противном случае (см. 11а) возможен только дат. п.

- (8а) *Я не смею лезть к тебе в душу* (А. И. Куприн. Яма. 1909–1915);
(8б) *Она считала, что раньше для того, чтобы никто не лез тебе в душу, приходилось прикладывать гораздо большие усилий, чем теперь* (А. Берсенева. Возраст третьей любви. 2005);
(9а) *Но только не лезьте ему сапогом в душу!* (В. Аграновский. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике. 1976–1999);
(9б) *Макар у нас — парень щетинистый и не дюже долюбливает, когда в грязных сапогах лезут к нему в чистую душу...* (М. А. Шолохов. Поднятая целина. Книга 2. 1959).

Еще один пример, в котором возможен только дат. п.:

- (10) *Узнав смутно, где противник, лезли ему в лоб* (Родина. 1995).

Но есть среди примеров с глаголом *лезть* и такие, где возможна только *к*-конструкция. Эти случаи хорошо описываются с помощью одного из генитивных отношений из классификации [Кибрик и др. 2006], так называемого группового:

- (11) *Вы ведь с ним тоже приятели: все лезет к нам в Общество...* (Д. С. Мережковский. Александр Первый. 1922).

Приведем также примеры невзаимозаменяемости конструкций при глаголе другой семантической группы, каузации местонахождения:

- (12a) *Я сунул ему в руку деньги, и он отправился вверх по пыльной дороге, на ходу вынимая из кармана неизменную принадлежность холостяка — мелко вязанную сетку* (В. Астафьев. Затеси. 1999);
 (12b) *Он сунул ей в лицо конверт: — Смотри, Мур, мы едем в Грецию, на остров Серифос!* (Л. Улицкая. Пиковая дама. 1995–2000).

3.2. Примеры, выявляющие разницу в семантике конструкций

Нижеследующие примеры были отобраны из выборки [НКРЯ], полученной по запросу: «дат. п.; на расстоянии 1 от него *на*; на расстоянии 1 от *на* сущ. *крыша* в вин. п.; в окрестности от -5 до 2 от *крыша* глагол движения (t:move)». Существительное *крыша* было выбрано потому, что оно, с одной стороны, является типичным местом, с другой стороны — типичной частью, чтобы обнаружить примеры типа *дому на крышу*, если таковые имеются.

- (13a) — *Чердачный, ты чего это тут расселся, свесив ноги, и не работаешь по специальности, — удивленно спросил Домовой. — Ты что, забыл, что ли, что ты обязан пугать всякого, кто пожалует к тебе на крышу?* (В. Постников. Удивительные похождения нечистой силы. 1996);
 (13b) *Таранец влез к Лаптю на крышу и, загибая пальцы на руках, ответил, что стоять будем сорок минут, умываться можно возле той башни, а завтрак у Федоренко уже приготовлен и когда угодно можно начинать* (А. С. Макаренко. Педагогическая поэма. Часть 3. 1935);
 (13c) *Лезай к Чубуку на крышу и все, что ему оттуда видно будет, передавай на опушку мне!* (А. П. Гайдар. Школа. 1929);
 (13d) *Это вернулся щенок. Он прыгнул к волчихе на крышу, потом в дыру и, почувствовав себя дома, в тепле, узнав своих овец, залаял еще громче...* (А. П. Чехов. Белолобый. 1895);
 (14a) *Только один раз племянница поинтересовалась узнать, правда ли, что в Италии живут на крышах. — А тебе зачем это понадобилось? — сейчас же строго крикнула на нее Липа. — Себе на крышу хочешь залезть, бесстыдница?* (П. С. Романов. Русская душа. 1920–1928);
 (14b) *Мои труды, как голуби, от меня летят, кому-то на крышу сядут, только не ко мне* (А. Н. Толстой. Хождение по мукам. Книга третья. Хмурое утро. 1941).

Во всех примерах в (13) предложная группа с *к* обозначает участника, находящегося на крыше. А замена *к*-конструкции на дативную приводит к изменению смысла: *влез Лаптю на крышу* означает 'на крышу помещения, которым Лапоть владеет / населяет' (отношение обладания по классификации генитивных отношений [Кибрик и др. 2006]). Примеры дативной конструкции с этим значением — (14). Экспериментальная замена дативной конструкции на конструкцию с *к* дает предсказуемое изменение смысла: *к кому-то на крышу сядут* означает, что этот кто-то будет на крыше находиться.

4. Семантика и функционирование конструкций

Если посмотреть на примеры, где дативная конструкция не заменяема или заменяема с отчетливым изменением смысла, с одной стороны, и на примеры, где *к*-конструкция не заменяема или заменяема с отчетливым изменением смысла — с другой, то открываются некоторые закономерности. Позволим себе коротко повторить релевантные примеры, опуская однотипные.

- (15) Дативная конструкция:
(15a) *посмотрел мне в глаза*;
(15b) *кусок не лез мне в горло*;
(15c) *не лезьте ему сапогом в душу*;
(15d) *лезли ему <противнику> в лоб*;
(15e) *сунул ей в лицо конверт*;
(15f) *себе на крышу хочешь залезть*;
(15g) *кому-то на крышу сядут*.
(16) *К*-конструкция:
(16a) *к нам в город эвакуировали*;
(16b) *пробираться к себе в город*;
(16c) *лезет к нам в Общество*;
(16d) *прыгнул к волчихе на крышу*;
(16e) *влез к Лаптю на крышу*.

Примеры с *к*-конструкцией — это глаголы перемещения в своем основном значении (кроме 16с). Показательно, что ни в одном случае между элементами, входящими в конструкцию, не устанавливаются базовые посессивные отношения: нет ни частей тела, ни предметов в чьем-то владении.

Примеры с дативной конструкцией, напротив, демонстрируют как раз базовые типы посессивных отношений между элементами конструкции и большее разнообразие семантических классов глаголов. Помимо глаголов перемещения, здесь есть глагол каузации местонахождения и глагол восприятия.

Подведем итоги: ядро глаголов, при которых возможна *к*-конструкция, составляют глаголы перемещения, а сама конструкция оформляет одушевленное лицо. Во всех случаях, кроме (16с), *к*-конструкция может и сама по себе заполнять семантическую валентность конечной точки перемещения (*эвакуировали к нам*,

пробираться к себе, прыгнул к волчихе, влез к Лантю). В сочетании же с другой предложной группой, заполняющей ту же валентность, она приобретает дополнительный смысл, состоящий в том, что одушевленный участник находится в месте, обозначаемом именной группой при предлоге направления. Эта семантика конструкции проявляется в сочетании с самыми разными глаголами (см. 17). Если в контексте подразумевается перемещение, его конечная точка может быть выражена с помощью *к*-конструкции.

- (17) *Моя тоже «зависает» время от времени, хотя девица очень шустрая (энерджайзер этакий). Но вот когда голодна или нужно одеться к подружке на улицу — мухой все делает* (Наши дети: Дошколята и младшие школьники. Форум. 2005).

Дативная конструкция, которая не допускает замены на *к*-конструкцию, — (15) — объединяет тела и их части, а также обладателя и его собственность, т. е. между ее элементами усматриваются самые основные посессивные отношения.

5. Нейтрализация различий

Прежде чем объяснить наши (квази)синонимичные примеры, позволим себе рассмотреть еще одну очень наглядную пару.

- (18a) *Ошеломленный неожиданным отпором, комиссар, видимо, первые минуты не знал, что предпринять, и лишь затем, спохватившись, стал звать себе на помощь стоявших на улице полицейских сержантов и агентов* (Н. Э. Гейнце. Самозванец. 1898);
- (18b) *Случился, видимо, спазм, а она не сочла возможным звать к себе на помощь Нору в момент ее любви* (Г. Щербакова. Актриса и милиционер. 1999).

(18) нельзя интерпретировать как экстрапонирование посессора, так как значение конструкций не является производным от генитивной группы: даже если заменить *себя* на полную именную группу, *к Ивану / Ивану на помощь* ≠ *на помощь Ивана*. В дативной и *к*-конструкции *Иван* — получатель помощи, а в генитивной — субъект помощи. Не является (18) и примером расщепленной валентности. Если сопоставить эти примеры с описанием ЗВАТЬ из «Активного словаря русского языка» [АС: 700], то (18b) структурно сближается с *звать* 1.2 ‘приглашать’, которая имеет четыре семантических актанта: ‘человек А1 просит человека А2 прийти в место А3 с целью А4’. Третий актант заполняется любой подходящей группой, в том числе с предлогом *к* (*к себе*), а четвертый актант может заполняться именной группой «*на* + вин. п.» (*на блины, на вечеринку*). То есть *к себе* и *на помощь* в (18b) заполняют разные семантические валентности предиката. А форму дат. п. в (18a) можно анализировать как заполнитель валентности слова *помощь*. Таким образом, в случае (18) мы имеем совпадение морфосинтаксических характеристик конкретных выражений с морфосинтаксическими характеристиками конструкций с внешним посессором и конструкций с расщепленной валентностью. Синонимия

в парных примерах (1) и (8), на наш взгляд, является результатом схожего совпадения: дативная конструкция, вероятно, действительно возникает в результате подъема посессора со всеми присущими ему прагматическими изменениями, а *к*-конструкция существует независимо, но семантически совпадает с дативной. Это в общем не должно нас удивлять, коль скоро речь идет о таких фундаментальных отношениях, как «человек — часть тела» и «человек — собственность».

Обилие парных примеров с глаголом *лезть* связано с его многозначностью, причем не все его значения сводятся к перемещению. На наш взгляд, в парных примерах (1) и (8) глагол *лезть* употреблен в разных значениях. Это доказывается корреляцией с разными формами совершенного вида: *в сумочку лезть / полезть* ‘забираться рукой во что-нибудь закрытое’ — *в душу лезть / залезть / влезть* (т. е. те же корреляты, что у значений с вершинным компонентом ‘перемещаться’). В словаре Ушакова в словарной статье «ЛЕЗТЬ» под номером 4 выделяется значение ‘проникать, забираться куда-нибудь (в чужое помещение, владение) с целью воровства’, иллюстрируемое примерами *Воры лезут в квартиру; Лезть в чужой карман* [Ушаков 2: 21]⁴. Для такого значения тот, кого обкрадывают, является семантическим актантом ситуации и может претендовать на отдельную, факультативную синтаксическую валентность. Ее реализацию мы и усматриваем в примере (1a). Мы не склонны объяснять его возникновение механизмом экстрапозиции посессора. Этот механизм реализован только в примере (1b). Считать также и пример (1a) результатом его действия — значит предполагать, что этот механизм, в одних и тех же условиях будучи примененным к одной исходной структуре, может дать два разных результата.

Фразеологизм *лезть в душу*, с одной стороны, опирается на образ перемещения в пространстве, а с другой стороны, семантически сближается со значением *лезть* ‘приставать’. Это последнее значение, несомненно, имеет семантический актант, обязательно одушевленный, выражаемый на синтаксическом уровне сочетанием «к + дат. п». Мы склонны усматривать его и в случае выражения *лезть в душу*. Поэтому синонимия (8a) и (8b) объясняется так же, как и в предыдущем случае: *к*-конструкция — это реализация некоторой отдельной валентности, а дативная конструкция — результат грамматической операции по выносу посессора.

6. Вывод

Все вышесказанное наводит на мысль, что в примерах с *к*-конструкцией вообще не имеет места экстрапозиция посессора. Подобная идея уже один раз высказывалась — в заключении соответствующего раздела своей диссертации М. М. Брыкина пишет: «Строго говоря, “к + ИГ Дат” (именная группа в дательном падеже. — С. Т.)

⁴ Это значение является спорным: [МАС] при описании этого глагола заимствует некоторые значения из словаря Ушакова, однако рассматриваемое четвертое в их число не входит. Зато в [МАС 2: 172–173] под номером 3 приводится такое значение: ‘проникать, входить куда-л. тайком, крадучись’, которое как будто описывает очень похожую ситуацию, также предполагающую некоторого дополнительного участника, от которого таится агент.

не является конструкцией с внешним посессором, так как эта предложная группа либо имеет семантическую роль, либо выступает как локальный посессор» [Брыкина 2009: 102].

Выведение *к*-конструкции из числа конструкций с внешним посессором — это опровержение некоторого положения и потому «отрицательный» результат. Положительный же результат, помимо объяснения того, как возникает омонимия примеров типа *лез к ней / ей в сумочку*, состоит в том, что в случае, когда валентность конечной точки при глаголе перемещения заполнена двумя предложными группами, одной из которых является группа с предлогом *к*, управляющая одушевленным существительным (*лез к X-у в место Z*), выявлен нетривиальный семантический компонент ‘X находится в Z-е’. И поскольку эти случаи близки к классическим случаям расщепления валентности, уместно поставить вопрос о существовании разных типов расщепления валентности, различающихся наличием семантического приращения. Элегантность понятия валентности и практическая польза инструментов, опирающихся на это понятие, не нуждаются в обосновании, но именно поэтому хочется, чтобы с его помощью было описано как можно больше явлений, в том числе и тех, которые до сих пор находились на периферии теории валентностей.

Литература

Апресян Ю. Д. Избр. тр. Т. 1 : Лексическая семантика. М. : Языки русской культуры, 1995. 472 с.

АС – Апресян Ю. Д., Апресян В. Ю., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Галактионова И. В., Гловинская М. Я., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Лопухина А. А., Птенцова А. В., Санников А. В., Урысон Е. В. Активный словарь русского языка. Т. 3 : Д-3 / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М. ; СПб. : Нестор-История, 2017. 768 с.

Брыкина М. М. Языковые способы кодирования посессивности (на материале корпусного исследования русского языка) : дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2009. 229 с.

Кибрик А. Е. Внешний посессор как результат расщепления валентностей // Слово в тексте и словаре : сб. ст. к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 429–441.

Кибрик А. Е., Брыкина М. М., Леонтьев А. П., Хитров А. Н. Русские посессивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования // Вопросы языкознания. 2006. № 1. С. 16–45.

Леонтьев А. П. Корреляция генитивных отношений и конструкций с внешним посессором: трудности, возникшие при описании // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : сб. ст. по материалам международной конференции «Диалог–2007» / под ред. Л. Л. Иомдина и др. М. : Изд-во РГГУ, 2007. С. 364–368.

МАС — Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Русский язык : Полиграфресурсы, 1999.

Муравенко Е. В. О случаях нетривиального соответствия семантических и синтаксических валентностей глагола // Семиотика и информатика. 1998. Вып. 36. С. 71–81.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru>

Ушаков — Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935–1940.

S. P. Timoshenko

*Kharkevich Institute for Information Transmission Problems
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
timoshenko@iitp.ru*

THE EXTERNAL POSSESSOR IN RUSSIAN: COMPARING DATIVE CONSTRUCTION AND THE CONSTRUCTION “*k* (‘TOWARDS’) + NP_{DAT}”

This paper examines the ways of possession expression in Russian. We focus on two of them: the dative construction and the “*k* (‘towards’) + NP_{Dat}” construction. In some cases they seem to be synonymous: (1) *Vor lezet ei / k nei v sumochku* ‘The thief is trying to reach something in her (other person's) purse.’ Many researchers consider them to be external possessor constructions and treat them as transformations of genitive noun phrases. This approach successfully explains some characteristics of the constructions in question, it even catches some subtle shifts in the semantics that come along with the choice between the dative construction and the genitive NP or between the *k*-construction and the genitive NP. However, it fails to explain how the synonymy like (1) occurs. Examples show that the *k*-construction has its own semantics, which become plain in combination with predicates that do not have the ‘translocation’ component in their meaning at all (*odet'sya k podruzhke na ulitsu* ‘dressing (to go) to a friend (awaiting) outdoors’). In all cases when the *k*-construction is considered to express the external assessor, this semantics is preserved, that leads us to the conclusion that the *k*-construction is presumably not a grammaticalized way of possessor raising, it rather expresses the same semantics in some cases. Most of these cases are due to the semantics of the predicate that imposes restrictions on the actants, as in the case of *lezt'* ‘to penetrate somewhere for the purpose of theft.’ The dative construction probably does arise as a result of possessor raising.

Key words: valency split, external possessor, possessor raising, dative construction, preposition *k* ‘towards,’ semantics of terminal point.

Acknowledgements

The research has been supported by the Russian Science Foundation grant No. 16-18-10422-II.

References

Apresyan Yu.D. *Izbr. tr. T. 1: Leksicheskaya semantika* [Selected Works. Vol. 1: Lexical Semantics]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1995, 472 p.

Apresyan Yu.D., Apresyan V.Yu., Babaeva E.E., Boguslavskaya O.Yu., Galaktionova I.V., Glovinskaya M.Ya., Iomdin B.L., Krylova T.V., Levontina I.B., Lopukhina A.A., Ptentsova A.V., Sannikov A.V., Uryson E.V. *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka. T. 3* [The Active Dictionary of the Russian Language. Vol. 3]. Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, St Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017. 768 p.

Brykina M.M. *Yazykovye sposoby kodirovaniya possessivnosti (na materiale korpusnogo issledovaniya russkogo yazyka)* [Possession Coding in Language (Based on the Corpus Study of Russian)] (Dr. phil. sci. diss.). Moscow, Moscow St. Univ., 2009, 229 p.

Kibrik A.E. [The External Possessor as a Result of Valency Split]. *Slovo v tekste i slovare: sb. st. k 70-letiyu akad. Yu.D. Apresyana* [The Word in Text and in the Dictionary: A Collection of Articles for the 70th Anniversary of Y.D. Apresian]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, pp. 429–441. (In Russ.)

Kibrik A.E., Brykina M.M., Leont'ev A.P., Khitrov A.N. [Russian Possessive Constructions in the Light of Statistical Corpus Study]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2006, No. 1, pp. 16–45. (In Russ.)

Leont'ev A.P. [Correlation between External Possessor Constructions and Genitive Relations: Problems that Arise during Research]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: sb. st. po materialam mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog–2007»* [Computer Linguistics and Intelligent Technologies: A Collection of Articles Based on the Materials of the International Conference *Dialog–2007*]. L.L. Iomdin et al. (Eds.). Moscow, Russian St. Univ. for the Humanities Publ., 2007, pp. 364–368. (In Russ.)

Muravenko E.V. [Cases of Nontrivial Correspondence between Semantic and Syntactic Verb Valencies]. *Semiotika i informatika* [Semiotics and Computer Science], 1998, Iss. 36, pp. 71–81. (In Russ.)

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [The National Corpus of the Russian Language]. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 26.01.2020)

Slovar' russkogo yazyka [Russian Language Dictionary] (Vols. 1–4, 4th Ed.). A.P. Evgen'eva (Ed.). Moscow, Russkii yazyk Publ., Poligrafresursy Publ., 1999.

Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–4). D.N. Ushakov (Ed.). Moscow, St. Publ. of Foreign and National Dictionaries, 1935–1940.

Е. В. Урысон
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
uryson@gmail.com

ОБ ОДНОМ ТИПЕ РУССКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ТОЖДЕСТВА (ПЛАТЬЕ И ПЛАТЬЕ, НИЧЕГО ОСОБЕННОГО)*

Основной объект работы — русские тавтологичные предложения, состоящие из двух формально тождественных именных групп в им. п. со словом *и* между ними: ср. *Платье и платье (ничего особенного)*; *Девушка и девушка (совершенно обычная)*. Подобная структура представляет собой фразеосхему, или конструкцию: ее значение не является «простой суммой» значений единиц, входящих в ее состав. В статье демонстрируется, что данную структуру удобно представлять как результат последовательного применения двух трансформаций к некоторой исходной структуре, а именно к хорошо известному типу тавтологичных предложений со связкой *есть*, ср.: *Платье есть платье, Девушка есть девушка*. Первая трансформация состоит во введении в данную исходную структуру частицы *и*, ср.: *Платье и есть платье, Девушка и есть девушка*. В работе на основе подробного описания семантики частицы *и* уясняется вклад этой частицы в значение исходного тавтологичного предложения: частица *и* указывает здесь на то, что данный объект уже упоминался. Вторая трансформация состоит в элиминации из данной структуры связки *есть*, точнее в замене связки *есть* на нулевую связку. Демонстрируется, что применение этого обычного синтаксического правила сопровождается определенной трансформацией значения исходной структуры. В работе сделана попытка описать эту семантическую трансформацию.

Ключевые слова: тавтология, предложения тождества, фразеосхема, конструкция, дейксис, анафора, денотативный статус, нулевая связка, частица *и*.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект 19-02-00291А).

Юрию Дерениковичу Апресяну к юбилею

1. Введение

Объект работы — русские предложения, состоящие из двух тождественных именных групп (ИГ) в им. п. с частицей *и* между ними, ср. *Платье и платье (ничего особенного)*; *Девушка и девушка (ничем она не примечательна)*; *Дети и дети (ничем не лучше наших)*. Очевидно, что подобные структуры представляют собой фразеосхемы (по Д. Н. Шмелеву), или конструкции (в терминах грамматики конструкций). Другими словами, подобное высказывание выражает семантику, которая не является «суммой» значений единиц, его составляющих. Цель предлагаемой работы — предложить системное описание данных случаев.

Обсуждаемые именные предложения внешне очень напоминают тавтологичные предложения тождества, в которых тоже повторяется ИГ в им. п., ср. *Война есть война, Война — это война*. Эти тавтологичные предложения тоже представляют собой фразеосхемы (или конструкции): они выражают смысл, который не является «простой суммой» значений единиц, составляющих данную структуру. Действительно, подобные тавтологии должны быть как минимум неинформативными или бессмысленными [Апресян 1995; Шмелев 1973], тем не менее они выражают вполне определенный смысл, причем схема типа «*X есть X*» выражает одну семантику, а схема типа «*X — это X*» — другую [Николина 1984; Шмелев 1973]¹.

Между случаями типа *Платье и платье* и данными тавтологичными предложениями есть принципиальное различие. Специфика предложений типа *Война есть война, Война — это война* состоит единственно в их тавтологичности, т. е. в повторе именной группы; но сама по себе схема предложения «*X есть X*» или «*X — это X*» вполне нормальна. Ср. обычные предложения: *Квадрат есть равносторонний прямоугольник, Волхонка — это улица в Москве, Маша — это моя невестка*. Что касается наших случаев *Платье и платье, Книга и книга* и т. п., то здесь перед нами как будто действительно совершенно уникальный, в каком-то смысле изолированный случай. Продемонстрируем, что это не так. Начнем с синтаксиса.

2. Предложения типа *Платье и платье* с точки зрения синтаксиса

Обратимся к тавтологичным предложениям со связкой *есть*, ср. *Платье есть платье, Начальник есть начальник, Дети есть дети*. Существенно, что эти предложения допускают вставку частицы *и* перед связкой. Ср. *Платье и есть платье, Начальник и есть начальник, Дети и есть дети*². Наше предположение состоит в следующем.

¹ Семантика подобных тавтологичных предложений в других языках впервые была описана А. Вежбицкой [Wierzbicka 1987].

² Вставка *и* перед связкой иногда является частью более существенной трансформации всего предложения, ср. *Начальник — он и есть начальник, Сыр — он и есть сыр*. Мы сейчас от этого отвлекаемся.

С синтаксической точки зрения обсуждаемая структура (ср. *Платье и платье, Статья и статья*) — это результат элиминирования связки *есть* из структуры типа *Платье и есть платье*. Более точно: связка *есть* в структуре типа *Платье и есть платье* заменяется нулевой связкой. Отсутствие связки *быть* в форме настоящего времени (иначе — выражение ее «нулевой связкой») — хорошо известная черта русского языка. Ср. предложения тождества (идентификации) типа *Этот человек — мой брат, Наш учитель — Петр Иванович*, а также характеризующие предложения типа *Мой брат — учитель*. В подобных случаях отсутствие связки *быть* практически обязательно. Случаи, когда связка не опускается, очень немногочисленны и требуют особого описания. К таким случаям относится структура типа *Платье есть платье*: действительно, элиминирование из такого предложения связки приводит к его аграмматичности, ср. **Платье — платье*. Однако при наличии *и* перед связкой *есть* такая элиминация становится возможной, ср. *Платье и есть платье* → *Платье и платье*.

Подтвердим синтаксическую интерпретацию обсуждаемых тавтологических предложений семантическим анализом.

3. Частица *и* в предложениях типа *Платье и платье*

Начнем с разбора исходных предложений *Платье и есть платье, Начальник и есть начальник, Колбаса и есть колбаса*. Прежде всего уясним, каков вклад слова *и* в семантическую структуру этих предложений. Для этого воспользуемся описанием семантики слова *и*, предложенным в [Урысон 2000; 2005; 2011б]. Слово *и*, как показано в этих работах, многозначно. Ограничимся тем его значением, в котором оно представлено в рассматриваемых предложениях.

Частица *и* в интересующем нас значении представлена в двух типах контекстов:

- (1) *Вот <вон> и озеро.*
- (2) *Этот человек и есть твой отец.*

Частицу *и* в этом значении мы называем «*и* отсылки к упомянутому объекту».

Начнем с контекстов типа (1).

Высказывания вида *Вот <вон> и X* уместны лишь при соблюдении двух условий: а) объект *X* появляется в поле зрения говорящего и адресата, причем говорящий, возможно, указывает на *X*; б) речь об *X*-е уже шла. Произнося высказывание *Вот <вон> и X*, говорящий идентифицирует данный объект, называемый *X*, с уже упоминавшимся объектом³.

Ясно, что ограничения (а) и (б) создаются всем комплексом частиц *вот <вон> и*. При этом данные ограничения являются компонентами семантики этого сочетания. Иными словами, сочетания *вот и* и *вон и* выражают и дейксис (а), и анафору (б). Однако каждая частица в комплексе имеет свое четко очерченное значение.

³ Более точно: референт данной синтаксической группы *X* идентифицируется с референтом одноименной группы *X* из предтекста.

На долю *вот* <вон> приходится дейксис как таковой, ср. высказывания *Вон Петя, а вон Машиа, Вот моя последняя картина* и т. п., в которых выражен только дейксис. На долю частицы *и* приходится анафора. Действительно, при невыполнении условия (б) частица *и* неуместна. Ср.:

(3а) *А вот и наш лучший студент Петя Иванов* (о Пете Иванове уже говорили)
vs.

(3б) *А вот наш лучший студент Петя Иванов* (Петя Иванов, скорее всего, упоминается впервые).

Указывая на тождество данного объекта уже упоминавшемуся, частица *и* сближается с определенным артиклем: она «является оператором определенности, снижая неопределенность имени, характерную для позиции конца русского высказывания: *Вот мальчик* (опред. / неопред.) и *Вот и мальчик* [Birkenmaier 1979]» [Николаева 1985: 11–12]. Все же частица *и* не вполне подобна определенному артиклю: она может указывать на тождество данного объекта какому-то одному из подразумеваемого множества. Ср.:

(4) *Вам следует обратиться к профессору Меркулову. Вот и врач из его отделения* (частица *и* указывает на тождество данного врача одному из врачей, входящих в подразумеваемое множество сотрудников профессора Меркулова).

Ясно, что, несмотря на такую предупомянутость, слово *врач* в приведенном тексте требует неопределенного артикля.

Перейдем к контекстам типа (2), очень характерным для частицы *и* и особенно важным для нашего исследования. Ср.:

(5) *Екатерина Андреевна Карамзина и есть эта «утаенная любовь» Пушкина* (пример из работы [Падучева 1987]).

Высказывание вида *X и есть Y* уместно лишь в том случае, если, во-первых, референт именной группы *X* тождествен референту именной группы *Y*; и, во-вторых, обе эти ИГ обозначают референты, уже упоминавшиеся в тексте. Действительно, «предложение *Екатерина Андреевна Карамзина и есть эта «утаенная любовь» Пушкина* (пример из работы [Падучева 1987]) просто не может быть употреблено, если в предшествующем тексте не шла уже речь о Е. А. Карамзиной и некоей женщине, которую тайно любил Пушкин» [Шатуновский 1990: 62].

Тождество референтов *X* и *Y* обозначается здесь связочным глаголом *быть*, который в форме настоящего времени имеет форму *есть* (и не опускается в контексте данной частицы *и*). А на тождество референта *X* некоторому ранее упомянутому объекту (равно как и референта *Y* некоторому другому упоминавшемуся объекту) указывает частица *и*.

Предложения типа (2)–(5) входят в класс предложений тождества, которому посвящена большая литература [см., в частности: Арутюнова 1990; Вайс 1985;

Падучева 1987; Шатуновский 1990]. В двух последних работах подробно исследуются и предложения типа *X и есть Y*. Однако в большинстве исследований рассматривается значение всего этого комплекса. Мы описываем комплекс *X и есть Y* по аналогии с комплексом *Вот <вон> и X* (а также со случаями ниже), т. е. приписываем частице *и* анафорическое значение: именно она указывает на то, что данные объекты уже упоминались в предтексте⁴.

Теперь перейдем к тавтологичным предложениям тождества и выясним специфику конструкции типа *Платье и платье*.

4. Тавтологичные предложения тождества типа *Платье и есть платье, Платье и платье*

Обратимся сначала к предложениям типа *X есть X* без частицы *и*, ср.: *Платье есть платье, Война есть война, Соседи есть соседи, Реклама есть реклама*. Значение этой конструкции было предложено представлять так: «все манифестации X-а, т. е. члены класса $X <...>$ в общем одинаковы, и нет оснований ожидать от манифестации, с которой мы имеем дело, чего-то другого» [Булыгина, Шмелев 1997: 506].

На наш взгляд, обе ИГ употреблены здесь в родовом статусе: в высказывании типа *Реклама есть реклама* утверждается, что всякая (любая) реклама относится к классу объектов «реклама». А уже из этого утверждения следует, что «нет оснований ожидать от манифестации, с которой мы имеем дело, чего-то другого» [Булыгина, Шмелев 1997: 506].

Эта интуиция подтверждается языковым материалом: допустимы высказывания *Всякая женщина есть женщина, Любая реклама есть реклама*, но аномальны (или бессмысленны) высказывания *Эта женщина есть женщина, Моя жена есть жена* и т. п.

Теперь выясним, каков вклад частицы *и* в семантику высказывания *Дети и есть дети, Жена и есть жена*.

Прежде всего заметим, что высказывание *Жена есть жена* или *Жена и есть жена* уместно, если уже шла речь о каком-то конкретном объекте из класса X или этот конкретный объект хотя бы подразумевался. Действительно, подобное высказывание обычно «подводит итог» разговору о чьей-то жене.

Обратимся теперь к моделированию речевой деятельности. Общеизвестное предположение состоит в том, что, упоминая конкретный объект, говорящий «держит в уме» представление о классе данных объектов, о его среднем представителе, о прототипе. Следовательно, класс объектов X, если и не упоминался, то, безусловно, имелся в виду. Но тогда частицу *и* в данном контексте естественно интерпретировать как «и отсылки к упомянутому объекту». Иными словами, высказывание типа *Жена и есть жена, Дети и есть дети* вполне аналогично высказыванию

⁴ Роль частицы *и* как специального показателя тождества в предложениях этой структуры отмечается в работе [Аошун Тань 1990]. Правда, в этой работе имеется в виду тождество X-а Y-у, а не тождество каждого из этих объектов уже упоминавшимся.

Екатерина Андреевна Карамзина и есть эта «утаенная любовь» Пушкина — с той разницей, что во втором примере устанавливается тождество конкретных объектов, которые считались разными, а первый пример устанавливает тождество класса самому себе.

В примерах выше, в высказывании типа *X есть X* обе ИГ употреблены в родовом статусе. Однако эти ИГ могут иметь и конкретно-референтный статус. Ср. пример из [Булыгина, Шмелев 1997: 506]: *Таня есть Таня, обижаться на нее невозможно* (В. Астафьев). В этом случае в высказывании утверждается, что «все “инстанты” индивида $X <...>$ в общем одинаковы, и нет оснований ожидать от манифестации, с которой мы имеем дело, чего-то другого» [Там же]. Вставка частицы *и* в конструкцию *X есть X* возможна и в этом случае. Ср. *Таня и есть Таня, Петька и есть Петька*. Очевидно, что подобное высказывание уместно, если данный конкретный объект уже упоминался. Следовательно, частица *и* и здесь употреблена в значении «*и* отсылки к упомянутому объекту».

Итак, вставка частицы *и* в тавтологичную конструкцию *X есть X* указывает на то, что класс X уже упоминался или имелся в виду говорящим. Частица *и* подчеркивает здесь отсутствие новизны. Действительно, сама семантика «все манифестации X -а, т. е. члены класса $X <...>$ в общем одинаковы, и нет оснований ожидать от манифестации, с которой мы имеем дело, чего-то другого» [Булыгина, Шмелев 1997: 506] представляет собой некую прописную истину, безусловно известную адресату. И при этом еще сообщается, что и объект X уже упоминался, т. е. и он известен адресату.

Перейдем теперь к конструкции X_1 и X_2 , где X_1 тождественен X_2 ; ср. *Платье и платье*, *Дети и дети* и т. п. По нашему предположению, эта конструкция является результатом элиминации связки *есть* в конструкции X и *есть X* или, точнее, замены связки *есть* на нулевую связку. Опишем семантические сдвиги, которые сопровождают эту трансформацию.

Высказывания типа X_1 и X_2 , где X_1 тождественен X_2 , ср. *Платье и платье*, *Дети и дети* и т. п., уместно, когда речь идет о конкретном объекте (конкретном платье, конкретных детях и т. п.). Конструкция указывает на то, что данный конкретный объект X_1 не отличается от среднего однотипного объекта X_2 , т. е. от объекта того же класса [Урысон 2011а]. Ср. обычное продолжение подобного контекста:

- (ба) *Реклама и реклама, ничего особенного.*
 (бб) *Дети и дети, ничем не отличаются от наших.*

Тем самым второй компонент этой конструкции (X_2) обозначает среднего «представителя» того же класса, т. е. указывает на класс, в который входит данный объект X_1 . Иными словами, существительное X_1 выступает здесь в конкретно-референтном денотативном статусе, а формально тождественное ему существительное X_2 имеет родовой денотативный статус. Элиминация связки из схемы « X_1 и *есть X₂*», где X_1 тождественен X_2 , приводит к изменению референциального статуса первой именной группы: она становится конкретно-референтной.

В результате конструкция *X* и *X* семантически отдалается от исходной конструкции *X есть X* и сближается с совершенно другой тавтологичной конструкцией: *X как X*, ср. *Платье как платье (ничего особенного)*, *Девушка как девушка*, *Деревня как деревня* и т. п. Действительно, в конструкции *X как X* первая ИГ обозначает конкретный объект, о котором идет речь, т. е. выступает в конкретно-референтном денотативном статусе, а вторая ИГ, формально тождественная первой, указывает на класс объектов, однотипных данному, т. е. имеет родовой денотативный статус.

С рассмотренными предложениями сближаются предложения с повторяющимся предикатом, в частности с личным глаголом и той же частицей *и* между ними, ср.: *Опоздал и опоздал (ничего страшного)*; *Не получилось и не получилось (в другой раз получится)*; *У нее нос картошкой! — Ну, картошкой и картошкой (с лица воду не пить)*.

Глагольные предложения типа *Опоздал и опоздал (ничего страшного)*, *Ну, развелся и развелся (есть о чем говорить)* мы предлагаем интерпретировать по аналогии с именными предложениями типа *Платье и платье*. Глагольное предложение данного типа указывает на то, что конкретная ситуация (например, ‘некто опоздал’) относится к классу ситуаций (‘опоздать’) и является обычным ее элементом, причем сам класс данных ситуаций тоже не представляет собой ничего отклоняющегося от среднего.

5. Заключение

Конструкция вида X_1 и X_2 , где X_1 и X_2 выражены одинаковыми именными группами (ср. *Доклад и доклад*, *Платье и платье*, *Соседи и соседи*), указывает на то, что данный конкретный объект *X* не отличается от среднего однотипного объекта того же класса. Эта структура близка по смыслу другому русскому тавтологичному предложению тождества: X_1 есть X_2 (где X_1 и X_2 тождественны), ср. *Платье есть платье*, *Соседи есть соседи*.

С синтаксической точки зрения конструкцию *X* и *X* можно рассматривать как результат трансформации структуры *X есть X*. Эта трансформация состоит из двух этапов, вполне стандартных для русского языка.

Первый этап представляет собой введение в данную структуру частицы *и*: *Платье есть платье* → *Платье и есть платье*. В статье показано, что частица *и* представлена здесь в значении «*и* отсылки к упомянутому объекту».

Второй этап данной трансформации — это элиминирование из схемы *X* и *есть X* связки *есть*. Ср. *Платье и есть платье* → *Платье и платье*. Однако применение этого обычного для русского языка правила в данном случае влечет за собой неожиданное следствие: первая именная группа меняет свой референциальный статус — она становится конкретно-референтной. В результате данная конструкция синонимична тавтологичной конструкции с союзом *как*, ср. *Платье как платье*, *Фильм как фильм*, *Улица как улица*.

Обратим внимание на то, что в предложениях типа *Платье есть платье* наличие связки *есть* обязательно: элиминирование ее приводит к аграмматичному

результату, ср. *Платье — платье. В русском языке такие случаи являются редкостью. Но конструкция типа *Платье и платье* представляет собой еще большую редкость: в ней парадоксальным образом не опускается словечко *и*. Это — яркая особенность данной структуры. Действительно, с синтаксической точки зрения частица *и* в русском языке не бывает обязательной (что касается союза *и*, то он обязателен в случае, если с его помощью оформляется множественный актант симметричного предиката, ср. *Петя и Маша поженились* при невозможности **Петя, Маша поженились* [Урысон 2000; 2011б]).

Конструкция *X и X* представляет собой образец взаимодействия разных типов правил (преобразований). С одной стороны, эта конструкция интерпретируется как результат применения вполне обычных синтаксических преобразований к исходной структуре *X есть X*. С другой стороны, применение этих правил влечет за собой изменение денотативного статуса именных групп в ее составе. С учетом этих правил системным образом описывается и тонкая семантика этой конструкции, равно как и конструкции *X и есть X*.

Литература

Аошунан Тань. Предложение тождества и акт отождествления (на материале китайского языка) // Логический анализ языка. Тождество и подобие. Сравнение и идентификация / под ред. Н. Д. Арутюновой. М. : Ин-т языкознания РАН, 1990. С. 69–83.

Апресян Ю. Д. Языковая аномалия и логическое противоречие // *Апресян Ю. Д.* Избр. тр. : в 2 т. Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. М. : Языки славянских культур, 1995. С. 598–621.

Арутюнова Н. Д. Тождество и подобие (заметки о взаимодействии концептов) // Логический анализ языка. Тождество и подобие. Сравнение и идентификация / под ред. Н. Д. Арутюновой. М. : Ин-т языкознания РАН, 1990. С. 7–32.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Парадоксы идентификации // *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. : Языки славянских культур, 1997. С. 497–514.

Вайс Д. Высказывания тождества в русском языке: опыт их отграничения от высказываний других типов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15 : Современная зарубежная русистика / отв. ред. Т. В. Булыгина, А. Е. Кибрик. М. : Прогресс, 1985. С. 434–463.

Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании: на материале славянских языков. М. : Наука, 1985. 170 с.

Николина Н. А. Структурно-семантические особенности предложений «Жизнь есть жизнь» // Предложение как многоаспектная единица языка / под ред. В. В. Бабайцевой. М. : МГПИ, 1984. С. 38–46.

Падучева Е. В. Предложения тождества: семантика и коммуникативная структура // Язык и логическая теория / под ред. Н. Д. Арутюновой. М. : Наука, 1987. С. 152–164.

Урысон Е. В. Русский союз и частица *И*: структура значения // Вопросы языкознания. 2000. № 3. С. 95–114.

Урысон Е. В. Материалы к описанию русского слова *И* // Язык. Личность. Текст : сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / отв. ред. В. Н. Топоров. М. : Языки славянских культур, 2005. С. 374–390.

Урысон Е. В. *НОРМА, ОБРАЗЕЦ, ЭТАЛОН, СТАНДАРТ, ШАБЛОН*: заметки о полисемии // Слово и язык : сб. ст. к 80-летию акад. Ю. Д. Апресяна / отв. ред. И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. М. : Языки славянских культур, 2011а. С. 347–356.

Урысон Е. В. Опыт описания семантики союзов. Лингвистические данные о деятельности сознания. М. : Языки славянских культур, 2011б. 336 с.

Шатуновский И. Б. Тождество и его виды // Логический анализ языка. Тождество и подобие. Сравнение и идентификация / под ред. Н. Д. Арутюновой. М. : Ин-т языкознания РАН, 1990. С. 52–68.

Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М. : Наука, 1973. 280 с.

Birkenmaier W. Artikelfunktionen in einer artikellosen Sprache. Studien zur nominalen Determination im Russischen. München : W. Fink. 1979. 159 S.

Wierzbicka A. Boys Will Be Boys: Radical Semantics vs. Radical Pragmatics // Language. 1987. Vol. 63. № 1. P. 95–114.

E. V. Uryson

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
uryson@gmail.com*

**RUSSIAN TAUTOLOGICAL SENTENCES OF THE *NOUN GROUP I*
AND *NOUN GROUP* TYPE (*PLATJE I PLATJE, NICHEGO OSOBENNOGO*
'A DRESS LIKE ANY OTHER DRESS, NOTHING SPECIAL')**

The object of this paper is Russian tautological sentences consisting of two identical noun groups with the particle *i* 'and' between them (*NP i NP*), cf. *Platje i platje (nichego osobennogo)*, lit. 'A dress like any other dress (nothing special),' *Devuska i devushka (sovershenno obychnaja)* 'A girl like any other girl (completely ordinary).' It is obvious that the meaning of this type of sentence is not a "sum" of the meanings of its constituents, a pattern such as this exemplifies a Russian construction that is a sort of a phraseological unit. I demonstrate that this construction is a result of consecutive application of two well-known rules (or transformations) to a well-known Russian tautological identity proposals *NP est* 'is' *NP*, cf. *Mal'chiki est mal'chiki* 'Boys will be boys,' lit. 'Boys are boys;' *Platje est platje*, lit. 'Dress is dress;' *Devushka est devushka*, lit. 'Girl is girl.' In the first step of the transformation the particle *i* is inserted ahead of *est* 'is,' cf. *Mal'chiki i*

est' mal'chiki; Platje i est' platje; Devushka i est' devushka. I show that *i* in such contexts denotes that the given object has been mentioned in previous context. In the second step, the copular verb *est'* is omitted. Certain semantic shifts accompany the application of the last rule. These shifts are described in the paper.

Key words: tautological sentence, identity sentence, construction, deixis, anaphora, denotative status, zero copula, particle *i* 'and'.

Acknowledgements

The research has been partly supported by RFBR project № 19-02-00291A “Work on the 4th volume of *Active Dictionary of the Russian Language*”.

References

Aoshuan Tan'. [Sentences of Identification and the Act of Identification (Based on Chinese)]. *Logicheskii analiz yazyka. Tozhdestvo i podobie. Sravnenie i identifikatsiya* [Logical Analysis of Language. Identity and Similarity. Comparison and Identification]. N. D. Arutyunova (Ed.). Moscow, Inst. Of Linguistics of the RAS Publ., 1990, pp. 69–83. (In Russ.)

Apresyan Yu.D. [Abnormal Utterances and Logical Contradiction]. Apresyan Yu.D. *Izbr. tr.: v 2 t. T. 2: Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected Works. Vol. 2: The Integrated Description of Language and Systemic Lexicography]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 1995, pp. 598–621. (In Russ.)

Arutyunova N. D. [Identity and Similarity (Notes on the Interaction of Concepts)]. *Logicheskii analiz yazyka. Tozhdestvo i podobie. Sravnenie i identifikatsiya* [Logical Analysis of Language. Identity and Similarity. Comparison and Identification]. N. D. Arutyunova (Ed.). Moscow, Inst. Of Linguistics of the RAS Publ., 1990, pp. 7–32. (In Russ.)

Birkenmaier W. *Artikelfunktionen in einer artikellosen Sprache. Studien zur nominalen Determination im Russischen*. München, W. Fink Publ., 1979, 159 S.

Bulygina T.V., Shmelev A.D. [Paradoxes of Identification]. Bulygina T.V., Shmelev A.D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Language Conceptualization of the World (Based on Russian Grammar)]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 1997, pp. 497–514. (In Russ.)

Nikolaeva T.M. *Funktsii chastits v vyskazyvanii: na materiale slavyanskikh yazykov* [Functions of Particles in Utterances (Based on Slavic Languages)]. Moscow, Nauka Publ., 1985, 170 p.

Nikolina N.A. [Peculiarities of Semantic Structures of Sentences *Zhizn' est' zhizn'* ‘Life is life’]. *Predlozhenie kak mnogoaspektnaya edinitsa yazyka* [The Sentence as a Multi-Aspect Language Unit]. V. V. Babaitseva (Ed.). Moscow, Moscow St. Pedagogical Inst. Publ., 1984, pp. 38–46. (In Russ.)

Paducheva E. V. [The Semantics and Communicative Structure of Identity Proposals]. *Yazyk i logicheskaya teoriya* [Language and the Theory of Logic]. N. D. Arutyunova (Ed.). Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 152–164. (In Russ.)

Shatunovskii I. B. [Identity and its Types]. *Logicheskii analiz yazyka. Tozhdestvo i podobie. Sravnenie i identifikatsiya* [Logical Analysis of Language. Identity and Similarity. Comparison and Identification]. N. D. Arutyunova (Ed.). Moscow, Inst. Of Linguistics of the RAS Publ., 1990, pp. 52–68. (In Russ.)

Shmelev D. N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki (na materiale russkogo yazyka)* [Problems of Semantic Analysis of Lexis (Based on the Material of the Russian Language)]. Moscow, Nauka Publ., 1973, 280 p.

Uryson E. V. [The Semantic Structure of the Russian Conjunction and Particle *i* ‘and’]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2000, No. 3, pp. 95–114. (In Russ.)

Uryson E. V. [Materials for the Description of the Russian Word *i* ‘and’]. *Yazyk. Lichnost'. Tekst: sb. st. k 70-letiyu T. M. Nikolaevoi* [Language. Personality. Text. A Collection of Articles for the 70th Anniversary of T. M. Nikolaeva]. V. N. Toporov (Ed.). Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2005, pp. 374–390. (In Russ.)

Uryson E. V. [Russian words *NORMA* ‘Norm,’ *OBRASEC* ‘Pattern,’ *ETALON* ‘Standard,’ *STANDART* ‘Standard,’ *SHABLON* ‘Template:’ Notes on Polysemy]. *Slovo i yazyk: sb. st. k 80-letiyu akad. Yu. D. Apresyana* [The Word and the Language: A Collection of Articles for the 80th Anniversary of Y. D. Apresian]. I. M. Boguslavskii, L. L. Iomdin, L. P. Krysin (Eds.). Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2011a, pp. 347–356. (In Russ.)

Uryson E. V. *Opyt opisaniya semantiki soyuzov. Lingvisticheskie dannye o deyatelnosti soznaniya* [Experience in Describing Semantic Conjunctions. Linguistic Data on the Activity of Consciousness]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2011b, 336 p.

Weiss D. [Sentences of Identification in Russian: an Attempt to Distinguish these Sentences and Other Types of Sentences]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 15: Sovremennaya zarubezhnaya rusistika* [New Works in Foreign Linguistics. Iss. 15: Modern Russian Studies Abroad]. T. V. Bulygina, A. E. Kibrik (Eds.). Moscow, Progress Publ., 1985, pp. 434–463. (In Russ.)

Wierzbicka A. Boys Will Be Boys: Radical Semantics vs. Radical Pragmatics. *Language*, 1987, Vol. 63, No. 1, pp. 95–114.

В. С. Храковский
Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, Санкт-Петербург)
khrakovv@gmail.com

**ДВЕ ПАРЫ ГЛАГОЛОВ: РАДОВАТЬ (НСВ) И РАДОВАТЬСЯ
(НСВ), ОБРАДОВАТЬ (СВ) И ОБРАДОВАТЬСЯ (СВ). СЕМАНТИКА
И СИНТАКСИС***

В статье на примере двух пар соотносительных эмотивных глаголов несовершенного и совершенного вида (*радовать* и *радоваться*, *обрадовать* и *обрадоваться*) рассматриваются такие их семантические, синтаксические и деривационные свойства, которые могут оказаться существенными для общей характеристики эмотивных глаголов. Ситуация, обозначаемая непереходными эмотивами, содержит двух участников: экспериенцера, который испытывает данную конкретную эмоцию, и стимула, который, существуя до положительной или отрицательной эмоции у экспериенцера, создает ее. Стимул по своему статусу отличается от других семантических ролей. В этой роли может выступать личный участник, предмет и ситуация, а валентность стимула соответственно может реализоваться с помощью различных формальных средств. К тому же эта роль может выражаться не только в приглагольной актантной позиции, но и в предтексте. Содержательно стимул включает в себя две стандартные роли: причину и условие. Что касается переходных эмотивов, то у них два значения: каузативное и конверсивное. При каузативном значении у них три роли: каузатор, экспериенцер и средство каузации (потенциальный стимул). При конверсивном значении у них те же две роли, что и у непереходного эмотива: стимул и экспериенцер. Соответственно, в этом случае соотносительные непереходный и переходный эмотивы отличаются друг от друга только диатезами. Вопрос о соотношении каузативного и конверсивного значений у переходных эмотивов *радовать* и *обрадовать* остается дискуссионным. Известно, что они вошли в язык не раньше XVIII в. При этом первоначально глагол *радовать* употреблялся только в конверсивном значении, а глагол *обрадовать* — только в каузативном значении. Особо в статье рассмотрен вопрос об отрицательных конструкциях, образуемых глаголами *обрадовать* и *обрадоваться*. Показано, что в одних случаях употребляется обычное контрадикторное отрицание, а в других случаях отрицание маркирует антонимичное значение глагольной лексемы.

Ключевые слова: глагол, каузативное значение, конверсивное значение, несовершенный вид, совершенный вид, семантическая роль, отрицание.

* Я сердечно благодарю Адриана Барентсена и Сергея Юрьевича Дмитренко, которые прочитали текст этой статьи и сделали ряд полезных замечаний.

В этой небольшой публикации анализируются две пары эмотивных глаголов, входящих в кластер «РАДОСТЬ», которые соотносятся друг с другом лексически и формально. Это пара *радовать* и *радоваться* (несовершенный вид, далее — НСВ) и пара *обрадовать* и *обрадоваться* (совершенный вид, далее — СВ). Глаголы *радовать* и *обрадовать* являются формально исходными переходными глаголами, а глаголы *радоваться* и *обрадоваться* — формально производными непереходными рефлексивными глаголами, которые образованы от исходных глаголов с помощью потенциально многозначного постфикса *-ся*. Принятый нами формат описания позволяет достаточно подробно охарактеризовать те особенности семантики и синтаксиса отдельных эмотивных глаголов, которые остаются недостаточно раскрытыми или вообще не упоминаются в обобщающих работах, посвященных эмотивным глаголам, и которые тем не менее могут оказаться существенными для общей характеристики этих глаголов¹.

Свою работу мы хотим начать с констатации следующего важного обстоятельства. Как было доказано Ю. Д. Апресяном в работе [Апресян 1998], в парах соотносительных переходных и непереходных эмотивных глаголов исходными являются непереходные глаголы, несмотря на то что с формальной точки зрения они являются более сложными, поскольку образуются от переходных глаголов с помощью постфикса *-ся*. По этой причине прежде всего естественно охарактеризовать особенности семантики и синтаксиса непереходных эмотивных глаголов на примере глаголов *радоваться* (НСВ) и *обрадоваться* (СВ).

Непереходные эмотивные глаголы неоднократно служили предметом описания, а их итоговая разноаспектная характеристика представлена в работах [Апресян 2015; Ovsjannikova, Say: в печати]. В соответствии с существующими представлениями ситуация, обозначаемая такими глаголами, содержит двух участников: личного участника, выступающего в роли экспериенцера, испытывающего данную конкретную эмоцию, и участника, выступающего в роли стимула, который, существуя до возникновения соответствующей положительной или отрицательной эмоции у экспериенцера, создает ее [ср.: Croft 1993]. Специфическая особенность непереходных эмотивных глаголов НСВ состоит в том, что они обозначают н а л и ч и е у экспериенцера инициируемого стимулом определенного эмоционального состояния, а специфическая особенность переходных эмотивных глаголов СВ состоит в том, что они обозначают инициируемое стимулом в х о ж д е н и е экспериенцера в определенное эмоциональное состояние².

¹ О причинах, побудивших выбрать именно указанные пары для анализа, мы скажем несколько позже.

² Может быть, следует состояние радости более точно характеризовать как «активное состояние», поскольку человек, испытывающий эту эмоцию, не пассивен, а активен в том смысле, что он может демонстрировать внешние проявления своей эмоции, см. примеры (20)–(22) [ср.: Вежица 1996].

Личный участник, выступающий в роли экспериенцера, занимает в конструкции позицию первого актанта «подлежащего» и представляет собой имя или личное местоимение в им. п. В качестве заместителя участника может выступать обозначение какого-либо его реального или воображаемого органа чувств типа *глаз, душа*:

- (1) *Душа радуется, когда открываешь сегодняшнюю костромскую прессу* (А. Зябликов)³;
- (2) — *Красота! Утром вышел на балкон — глаз радуется! Горы, скалы... а Енисей* (Э. Русаков).

Что касается стимула, то и по своему формальному, и по своему содержательному статусу он заметным образом отличается от других семантических ролей. Так, в этой роли может выступать и личный участник, и предмет, и ситуация, а валентность стимула соответственно может реализоваться с помощью различных формальных средств.

Стандартно и личный участник, выступающий в роли стимула, а также различные предметы и ситуации, выступающие в этой роли, оформляются именем в дат. п.⁴:

- (3) *Светлячок так обрадовался гостям, что выставил на стол все, что у него было* (Г. Юдин);
- (4) *Молится. Радуетя летнему незаходящему солнцу, радуется зимней ночи незаходящей, радуется грешным и праведным, радуется смерти, когда смерть придет* (Е. И. Замятин);
- (5) *В этот день Штрум не радовался торжеству своей работы, которую, казалось, загнали навек в ящик его домашнего стола* (В. Гроссман);
- (6) *Экс-чемпион мира по шахматам обрадовался терактам в США* (Р. Средиземский).

По нашим наблюдениям, не подкрепленным никакими подсчетами, личный участник в роли стимула относительно редко встречается при глаголе *радоваться*.

Стимульные ситуации могут выражаться и деепричастным оборотом:

- (7) *Радовался так, как охотник радуется, победив, скажем, тигра в обстановке, близкой к рукопашной* (Э. Лимонов);
- (8) *Дожив до воли, обрадовался, как амнистированный* (Ю. Давыдов).

Стимульные ситуации выражаются также придаточными предложениями, вводимыми союзами *что, когда, потому что*:

- (9) *Он радуется тому, что скоро поедет во Францию* (А. Геласимов);
- (10) *Таня же утверждала, что сын ее радуется, потому что она нашла ему правильного отца* (Л. Улицкая);

³ Здесь и далее: примеры со ссылкой в круглых скобках взяты из [НКРЯ].

⁴ Личный участник — это, можно думать, протагонист стимульной ситуации, вычитываемой из контекста. Так, в примере (3) подразумевается ситуация прихода гостей.

- (11) *Сама же ГлюкоЗа только обрадовалась, что Савичева ее будет показывать* (Комсомольская правда. 29.04.2013);
- (12) *Последнего я знаю со студенческих лет и очень обрадовался, когда узнал, что он становится музыкальным директором театра* (Известия. 05.09.2001).

Особо следует отметить, что стимульные ситуации могут выражаться и придаточными предложениями, вводимыми союзом *если*, что, насколько я могу судить, ранее не отмечалось:

- (13) *Впрочем, я первый буду радоваться, если ты окажешься права и в результате нечаянной встречи джентльменов погаснет их нелепая вражда* (Р. Штильмарк);
- (14) *Я смотрю на Ивана Васильевича и, как это ни странно, со всей очевидностью понимаю: он обрадуется, если я уеду* (В. Д. Пришвина);
- (15) *Твой прадед, который пришел в Шали из Дагестана пасти баранов и убирать навоз, наверняка обрадовался бы, если бы смог видеть, каким его потомок стал убежденным чеченцем* (Г. Садулаев);
- (16) *Если бы тебя отец отлупил, ты бы обрадовался?* (А. П. Гайдар).

Функцию условного придаточного предложения может выполнять и оборот, вводимый формой императива:

- (17) *Позвони мне та же Ирина или Нина, или еще кто из нашей далекой юности, голоса которой звучат все глуше и глуше, то и я бы обрадовался* (Е. Шкловский).

Эти и подобные примеры нуждаются в комментариях. Дело в том, что термин *стимул* практически равнозначен термину *причина*, которым некоторые исследователи вообще предпочитают пользоваться [см., например: Апресян 2004: 914]. А в приведенных примерах в соответствии с принятой номенклатурой терминов речь идет о стимуле, который представляет собой не причину, а условие. Однако на самом деле это противоречие только кажущееся, поскольку условие — это та же причина, только существующая не в реальном, а в возможном или в ирреальном мире. Соответственно, можно считать, что термин *стимул* включает в себя и термин *причина*, и термин *условие* в их стандартном употреблении.

Еще одна специфическая особенность стимула, отличающая эту роль от других семантических ролей, заключается в том, что она не обязательно выражается в актантной приглагольной позиции. Стимульная ситуация может выражаться в предтексте. При этом необходимо учитывать, что выражение стимульной ситуации в предтексте наиболее часто встречается при глаголе *обрадоваться*, что вполне естественно, поскольку при этом глаголе маркируется инициируемое стимулом вхождение экспериенцера в данное эмоциональное состояние.

- (18) *Иду по коридору, вижу: идет дорогой мне товарищ Сеницын в коричневом костюме, брюки у него растянуты. Я обрадовался, кричу: — Товарищ Сеницын!* (Г. Горин);

- (19) *Проведите опрос среди знакомых и пришлите мне результаты. Я обрадуюсь. За самую интересную историю обещаю приз* (М. Кирцер).

Хотя сама по себе эмотивная реакция экспериенцера недоступна внешнему наблюдению, она может сопровождаться внешним проявлением эмоции:

- (20) *Рядом с Шуховым Алешика смотрит на солнце и радуется, улыбка на губы сошла* (А. Солженицын).

Особенно характерно речевое проявление эмоции:

- (21) — *А я за тобой, значит, Лида, буду, — радуется вторая старушка, признавшая, видно, по голосу в пришедшей чуть раньше свою знакомую. — Будь, будь, Зоенька! — радуется встрече и Лида* (Н. Березовский);
 (22) *И очень приятно, что вы меня поздравляете, — обрадовалась актриса* (Комсомольская правда. 26.02.2013).

Наконец, существенно подчеркнуть, что протагонист стимульной ситуации, планируя эту ситуацию, может создавать ее специально для того, чтобы у экспериенцера возникла соответствующая эмоциональная реакция:

- (23) *Сегодня скажу Юрке, что все будет тип-топ. То-то обрадуется* (В. Аксенов).

Можно думать, что в языковом сознании такая эмоция, как радость, трактуется как агентивно выполняемая. Во всяком случае, свободно допускается сочетаемость имени лица, желающего радоваться, с такими агентивными глаголами, как *стараться, пытаться*. При этом данные глаголы, в свою очередь, сочетаются с инфинитивом глагола *радоваться*, но не *обрадоваться*⁵.

- (24) *Но в принципе статусу фаворита я старалась радоваться* (Советский спорт. 04.09.2011);
 (25) *Тебе было тесно с нами, ты сирота на земле, бедняжка, ты жила в богатом доме и пыталась радоваться как могла* (И. Садур).

Также свободно допускается употребление императива глагола *радоваться*. В [НКРЯ] зафиксировано 828 вхождений формы *раду́йся* и 373 вхождения формы *раду́йтесь*.

- (26) *На воле твоя последняя вера терниями загложнет. Ты раду́йся, что ты в тюрьме! Здесь тебе есть время о душе подумать!* (А. Солженицын);
 (27) *Если спаржа в ваших руках сломалась, не переживайте, а раду́йтесь — она свежая* (Г. Деперинс).

В то же время в [НКРЯ] зафиксировано всего три вхождения формы *обраду́йся*, два из которых мы приводим, и ни одного вхождения формы *обраду́йтесь*.

⁵ Нельзя исключить того, что выражение *стараться радоваться* значит 'стараться делать вид, что радуешься'.

- (28) *Полюби свое дерьмо, — учат мудрецы — и обрадуйся жизни* (С. Бобровский);
- (29) *И скажи это честно Богу, и покаяйся, если нужно, и пожалеяй, — или обрадуйся* (митрополит Антоний Блум).

И при глаголе *радоваться*, и при глаголе *обрадоваться* личный участник в роли стимула может обозначаться именем, вводимым предлогом *за*, а неличный участник может обозначаться именем, вводимым предлогом *из-за*:

- (30) *Она старалась радоваться за него, но уже ясно понимала, о чем с ним сейчас можно и о чем бесполезно говорить* (Ф. Кнорре);
- (31) *Я радовалась ему, но как бы он не подумал, что я радуюсь из-за прекрасных вещей, которые он каждый раз привозит* (А. Терехов);
- (32) *Мы все очень обрадовались за Вас, когда узнали, что Вы намерены жениться на графине Румянцевой* (Б. Окуджава);
- (33) *Я так обрадовалась из-за апельсина, а ты...* (В. Аксенов).

Еще одна важная особенность роли стимула, впервые, если я не ошибаюсь, отмеченная в работе [Апресян 2015], состоит в том, что реально различаются два типа стимулов. В первом случае речь идет о стимулах, которые вызывают эмоциональную реакцию экспериенцера, оказавшись, можно сказать, в его поле зрения:

- (34) *Он будет радоваться солнечному свету, синему небу, щебету птиц и попросту ничегонеделанию* (А. Грачев);
- (35) *В конце концов — вокруг совершенно атеистическая страна, и если однажды среди миллионов атеистов я встречу протестанта, я скорее обрадуюсь этой встрече, все-таки близкая душа* (А. Кураев);
- (36) *Открыв дверь, Соня вовсе не обрадовалась гостю* (С. Таранов).

Во втором случае речь идет о стимулах, которые представляют собой информацию, полученную экспериенцером, осознание которой и вызывает соответствующую эмоциональную реакцию:

- (37) — *Я так сильно обрадовалась, когда Наташа сообщила мне по телефону о том, что у них с Антуаном будет маленький, — взволнованно рассказывает бабушка топ-модели Лариса Гавриловна* (А. Инешин);
- (38) *Узнав от журналистов «КП» о найденной подложке, Галина Морозова очень обрадовалась* (Комсомольская правда. 12.07.2013);
- (39) *Я честно признаюсь, что журналистка из Москвы. И Оля искренне радуется этому известию* (Е. Костикова).

Что касается переходных эмотивных глаголов, то, насколько я могу судить, им внимания уделяется меньше [см., однако: Падучева 2001; 2004; Апресян 2015], но в целом предполагается, что они по семантике принципиально не отличаются от непереходных рефлексивных эмотивных глаголов. Ср.: «Emotive reflexives denote roughly the same propositional content as their transitive counterparts and have the same set of semantic participants, viz. an experiencer and a stimulus» [Ovsjannikova,

Say: в печати]. Если принять эту точку зрения, то переходные эмотивы отличаются от непереходных иерархией участников ситуации, обозначаемой глаголом: стимул у переходных эмотивов занимает позицию первого актанта — подлежащего, а экспериенцер — позицию второго актанта — прямого дополнения, тогда как у непереходных эмотивов позицию первого актанта занимает экспериенцер, а позицию второго актанта — косвенного дополнения — стимул. Еще одно отличие заключается в следующем. Если в конструкции с непереходным эмотивным глаголом первый личный участник, выступающий в роли экспериенцера, имел стандартное оформление (имя в им. п), а второй участник, выступающий в роли стимула, имел множественное оформление, то в конструкции с переходным эмотивным глаголом оба участника имеют стандартное оформление: первый участник, выступающий в роли стимула, оформляется как подлежащее, а второй участник, выступающий в роли экспериенцера, — как прямое дополнение. Иными словами, переходный эмотив и соотносительный рефлексивный эмотив отличаются друг от друга только диатезами [Падучева 2001; 2004]. Ср.:

(40а) *Мой звонок из Москвы в его родной Красноярск очень обрадовал Дмитрия* (Н. К. Архипова);

(40б) *Дмитрий очень обрадовался моему звонку из Москвы в его родной Красноярск.*

Эта точка зрения кажется привлекательной, однако она не учитывает того обстоятельства, на которое обратил внимание Ю. Д. Апресян в своей относительно давней работе, о которой мы уже упоминали [Апресян 1998: 274–275]. Характеризуя эмотивные глаголы, он пишет следующее: «Как показала Л. Н. Иорданская в своем словарном описании глаголов со значением чувства-состояния <...> некоторые глаголы этого класса, например *радовать*, могут иметь два разных значения. В одном из них они являются каузативами к глаголам типа *радоваться* (*Он радуется этим известием* = ‘Он каузирует то, что я радуюсь этому известию’, т. е. *радовать* = ‘каузировать радоваться’), а в другом — конверсивами (*Успехи молодежи радуют старого гроссмейстера* < *Старый гроссмейстер радуется успехам молодежи*)»⁶ [Там же]. Действительно, при названном первом употреблении переходный эмотив является семантическим каузативом непереходного рефлексивного эмотива и позицию первого актанта у переходного эмотива занимает не участник, выступающий в роли стимула, а личный участник, выступающий в роли агенса, или, может быть, точнее, каузатора. Этот участник, ставя своей целью каузировать у участника, выступающего в роли экспериенцера и занимающего позицию второго актанта, соответствующее эмоциональное состояние, выбирает для достижения своей цели соответствующий способ, или, если угодно,

⁶ Собственно говоря, указание Ю. Д. Апресяна о том, что глагол *радовать* в одном случае является каузативом глагола *радоваться*, а в другом случае — его конверсивом, и побудило нас вновь обратиться к соотносительному анализу этой пары глаголов, дополнив его анализом пары *обрадовать* — *обрадоваться*.

средство каузации. Это средство одновременно является потенциальным стимулом будущего эмоционального состояния экспериенцера. В примере (41) средством каузации является рассказ каузатора, а в примере (42) средством каузации является приезд каузатора.

- (41) *Я радую метра рассказом о реакции Л. Ю. на возрожденный им фильм «Барышня и хулиган»* (В. Смехов);
(42) *Я знал, что обрадую его своим приездом* (Р. Нахапетов).

В этих примерах роль средства каузации выполняет имя в твор. п. Вместе с тем средством может быть и деепричастный оборот (см. пример 43), и придаточное предложение, см. пример (44):

- (43) *Петр Петрович меня обрадовал, сообщив, что мне присвоено звание майора* (Ч. Абдуллаев);
(44) *Не уверена, что обрадую вас тем, о чем собираюсь с вами говорить, но все равно приходите* (К. Симонов).

Средством может быть и прямая речь каузатора:

- (45) *Зато в сентябре 2001 года прямо на разводе офицер строевой части «обрадовал» меня: «Саша, ты уволен»* (О. Березовский).

Существенно обратить внимание на то, что средство каузации эмоционального состояния, т. е. его будущий стимул, может подсказать каузатору сам экспериенцер.

- (46) *Если есть возможность, дай мне хоть маленькую весточку о Марье Францевне. Ты меня обрадуешь* (А. П. Чехов).

Коль скоро в данном случае ситуация, называемая глаголом, является агентивной, то каузатор может предварительно принять решение об ее осуществлении:

- (47) *Путин собравшихся решил обрадовать с самого начала: им подписан указ о выделении государственных грантов 11 коллективам* (Известия. 24.12.2007).

Агентивность ситуации обеспечивает и возможность употребления повелительного наклонения. В [НКРЯ] зафиксировано 12 вхождений формы *радуи*, 13 вхождений формы *радуите*, 25 вхождений формы *обрадуи* и 8 вхождений формы *обрадуите*.

- (48) *Ты живи да радуйся, да других радуи* (В. Шукшин);
(49) *Живите весело и радуйте тех, кто с Вами общается* (А. А. Реформатский);
(50) *Хотите чаю? — Обрадуите, милуша! Люблю очень, когда вы соловушкой заливаешься* (Б. А. Лавренев);
(51) *Завтра утром я еду на Весляну лечить зуб, обрадуи маму* (С. Довлатов).

Стандартно потенциальный стимул становится реальным, однако в принципе в силу различных обстоятельств он может остаться потенциальным.

- (52) *Филипп выбежал из храма, хотел обрадовать княгиню неожиданным известием, но она обморочная не внимала ему* (Л. Васильева).

Особых комментариев заслуживают примеры типа:

- (53) *Он радовал меня своей распорядительностью и своим умением решать вопросы* (Н.С. Хрущев);
 (54) *Но 5 июня (дата у меня записана) она обрадовала меня своим спокойным видом* (Э. Герштейн).

Как и во всех уже рассмотренных примерах, здесь три участника ситуации, но только один участник сохраняет свою роль экспериенцера. Остальные два участника выступают в других ролях. Личный участник — это неагентивный субъект, а неличный — это некоторое свойство этого субъекта, и комплексно они выступают в роли стимула. Фактически такие примеры составляют базу для перехода от каузативного употребления к конверсивному употреблению или, если угодно, к конверсивному значению. Совершенно естественно пример (53) абсолютно синонимичен примеру (55), а пример (54) — примеру (56), который представляет собой конверсивное употребление переходного эмотива.

- (55) *Меня радовали его распорядительность и его умение решать вопросы.*
 (56) *Но 5 июня (дата у меня записана) меня обрадовал ее спокойный вид.*

Итак, если при каузативном употреблении переходного эмотива ситуация, называемая глаголом, включает трех участников — каузатора, средство каузации эмоционального состояния (иначе — потенциальный стимул каузируемого эмоционального состояния) и экспериенцера, — то при конверсивном употреблении переходного эмотива ситуация, называемая глаголом, включает только двух участников, а именно стимул и экспериенцера, и только в этом случае непереходный и соотносительный переходный эмотивы отличаются друг от друга диатезами. В диатезе непереходного эмотива первый участник — экспериенцер — занимает позицию подлежащего, а второй участник — стимул — занимает позицию косвенного дополнения; а в диатезе переходного эмотива первый участник — стимул — занимает позицию подлежащего, а второй участник — экспериенцер — занимает позицию прямого дополнения: диатеза непереходного эмотива является исходной, а диатеза переходного эмотива — производной. Ср. (55) и (56), (57) и (58):

- (57) *Я радовался его распорядительности и его умению решать вопросы.*
 (58) *Но 5 июня (дата у меня записана) я обрадовалась ее спокойному виду.*

Заслуживает внимания вопрос об оформлении участников ситуации в диатезе переходного эмотива при его конверсивном употреблении. В целом стандартным является оформление участника ситуации, выступающего в роли экспериенцера. Этот участник занимает позицию прямого дополнения и оформляется вин. п. Важно обратить внимание, что, как и при непереходном эмотиве, в роли этого участника может выступать в качестве заместителя участника обозначение какого-либо его реального или воображаемого органа чувств типа *глаз, душа*.

- (59) *Только краеведческий музей радует глаз* (В. Лейбин, Г. Тарасевич);
(60) *Пустынный пейзаж не радовал глаз, и отчаяние охватывало первых поселенцев* (С. Аксентьев).

Сложнее обстоит дело с оформлением участника, выступающего в роли стимула, который занимает позицию первого актанта — подлежащего. С самого начала отметим, что у переходного эмотива нет диатезы, которая бы соответствовала такому употреблению непереходного эмотива, когда стимул выражается не в приглагольной позиции, а в предтексте, см. примеры (18)–(19). У переходного эмотива все участники ситуации занимают приглагольные позиции. Важно обратить внимание на следующее обстоятельство. У непереходного эмотива позицию первого актанта стандартно занимает личный участник, который, если не учитывать слово *дита*, всегда является словом мужского или женского рода, и это слово согласуется с формой того же рода глагола прошедшего времени. Что касается переходного эмотива, то при нем позицию первого актанта занимает слово, выступающее в роли стимула, которое вполне может быть именем или местоимением среднего рода, соответственно, согласующееся с формой глагола прошедшего времени среднего рода.

- (61) *После продолжительного «царства женщин» появление на троне императора радовало не одних гвардейцев* (И. Андреев);
(62) *Псковичи как жители большого города у Арсения тоже ничего не спрашивали, и Арсения это радовало* (Е. Водолазкин);
(63) *В Гибралтаре всех обрадовало солнце, было похоже на раннюю весну* (И. А. Бунин);
(64) *Приветствие это ничуть не обрадовало Никанора Ивановича* (М. А. Булгаков).

Обратим внимание на то, что именно такая форма глагола, как и форма глагола 3 л. ед. ч., употребляется, если стимул представляет собой придаточное предложение.

- (65) *Особенно меня радует, что на концертах фестиваля бывает много детей* (И. К. Архипова);
(66) *Меня радует то, что труды мои и пролитая кровь не пропали даром* (А. А. Авдеев);
(67) *Меня, естественно, обрадовало, что все магазины здесь открыты престижными фирмами зарубежных держав* (С. Есин).

Специально отметим, что в этой роли может выступать и личный участник, который не является в данном случае каузатором:

- (68) *Сергей Лынявин за судьбами своих подопечных, окончивших обучение, старается следить. Кто-то радует, кто-то не очень* (А. Бернашвили);
(69) *Молодец Кузнецова, ты меня искренне радуешь* (В. П. Катаев).

Обычны в этой роли предметные имена и имена, обозначающие ситуации, а также заменяющие их местоимения:

- (70) *В остальном встречный экскаватор не радовал глаз* (С. Носов);
 (69) *В итальянском обувном магазине терпко пахло хорошо выделанной кожей. Марию радовал этот запах* (В. Михальский);
 (71) *Возня с детворой ее больше не радовала* (И. Грекова);
 (72) *И наконец, нас радует это, как радует всякая история любви* (Ю. Пешкова).

Что касается сущностных различий конверсивного и каузативного употребления переходного эмотива, то они могут быть сформулированы следующим образом. При конверсивном употреблении переходного эмотива и соотносительном употреблении непереходного эмотива экспериенцер приходит в соответствующее эмоциональное состояние благодаря наличию стимула.

При каузативном употреблении переходного эмотива каузатор целенаправленно вызывает у экспериенцера соответствующее эмоциональное состояние, называемое непереходным эмотивом, с помощью специального средства, которое становится стимулом этого эмоционального состояния.

Естественно возникает вопрос о соотношении конверсивного и каузативного употреблений переходных глаголов. Данными об употреблении переходных эмотивов до XVIII в. мы не располагаем. Похоже, что переходные глаголы *радовать* и *обрадовать* вошли в употребление не раньше XVIII в., а XVIII в. демонстрирует противоречивую картину. Согласно [НКРЯ], глагол *радовать* в это время употребляется только в конверсивном значении⁷, ср.:

- (73) *Мысль, что каждую минуту приближаюсь к отечеству, живет и радует мое сердце* (Н. М. Карамзин);
 (74) *Меня очень радует, что юношество делает успехи в гимназии и кое-чем выделяется, желаю дальнейших успехов* (В. Н. Татищев).

Что касается глагола *обрадовать*, то он, напротив, употребляется только в каузативном значении:

- (75) — *Хорошо, — отвечал я, — поди и сторгуй сажень с тридцать. Но слуга вскоре обрадовал меня ответом, что сажень с перевозом продается по рублю* (Н. И. Новиков);
 (76) *На другой день, поутру, еще не успело рассветнуть, любовник мой пожаловал ко мне для посещения; он меня чрезвычайно обрадовал, сказав, что отец его совсем выздоровел и что мы очень скоро опять отправимся в город* (М. Д. Чулков).

Такое распределение употреблений требует объяснения, которого у меня пока нет. Могу лишь предположить, что оно связано с видовой спецификой глаголов. НСВ, как известно, маркирует отсутствие изменения ситуации. При конверсивности изменения ситуации практически не происходит. По этой причине в своих первых употреблениях глагол *радовать* выступает в конверсивном значении. СВ,

⁷ Указанием на наличие подобных примеров я обязан А. В. Птенцовой.

напротив, маркирует изменение ситуации, и, соответственно, глагол *обрадовать* в своих первых употреблениях выступает в каузативном значении.

Если до сих пор мы рассматривали проблемы, общие для всех эмотивных глаголов, то теперь мы кратко охарактеризуем семантические особенности отрицательных конструкций, образуемых глаголами *обрадоваться* и *обрадовать*. Дело в том, что наряду со стандартными употреблениями таких конструкций, в которых обозначается то, что экспериенцер не входит в позитивное эмоциональное состояние, имеются и нестандартные употребления таких конструкций, в которых обозначается, что экспериенцер входит в противоположное — негативное — эмоциональное состояние типа *огорчиться*, причем такая интерпретация обычно имеет и соответствующую контекстную поддержку. Иначе говоря, в первом случае употребляется обычное контрадикторное отрицание, а во втором случае отрицание маркирует антонимичное значение глагольной лексемы.

Что касается глагола *обрадоваться*, то у его форм прошедшего времени муж. р. ед. ч. (125 вхождений в [НКРЯ]), жен. р. ед. ч. (58 вхождений в [НКРЯ]) и мн. ч. (21 вхождение в [НКРЯ]) как будто бы без заметного предпочтения есть употребления обоих типов. Стандартное употребление демонстрируют следующие примеры:

- (77) *Игорь Борисович не удивился и не рассердился, но и не обрадовался* (В. Крапивин);
(78) *И потом, когда укол сделали, он не обрадовался, хотя весь класс ему теперь завидовал* (Ф. Искандер).

Нестандартное употребление представлено в следующих примерах:

- (79) *Увидев милицию у ворот, я, естественно, не обрадовался* (Д. Коралис);
(80) — *Ну ладно, может, Индия — это и не так плохо, — неожиданно перерешила Нюрка, но таким тоном, что я не обрадовался* (Г. Прашкевич, Н. Богдан).

Иначе обстоит дело с формами будущего времени 3 л. ед. ч. (32 вхождения в [НКРЯ]) и мн. ч. (5 вхождений в [НКРЯ]). На наш взгляд, стандартное употребление этих форм 3 л. встречается относительно редко.

- (81) *Может, он мне вовсе и не обрадуется* (М. Петросян).

Нестандартное употребление этих форм 3 л. встречается чаще, и оно является типичным для форм 2 л. ед. ч. (42 вхождения в [НКРЯ]) и мн. ч. (9 вхождений в [НКРЯ])⁸.

- (82) *Твоя мама точно не обрадуется, если в придачу к папиному аресту получит и тебя на больничной койке. — Не обрадуется, — пришлось согласиться мне* (Т. Сахарова);
(83) — *Ну, теперь этот гад у нас не обрадуется* (В. Пьецух);

⁸ Форм 1 л. в стандартном и нестандартном употреблении в [НКРЯ] не зафиксировано.

- (84) *Молчи, они сейчас булочника позовут и такое обвинение на тебя состроят, что не обрадуешься* (О. Д. Форш);
 (85) *Подожди, я вам тут шорох наведу — не обрадуешься* (Д. Коралис).

У форм прошедшего времени муж. р. ед. ч. (22 вхождения в [НКРЯ]), жен. р. ед. ч. (25 вхождений в [НКРЯ]) и мн. ч. (9 вхождений в [НКРЯ]) глагола *обрадовать* также есть как стандартные, так и нестандартные употребления. При этом, на наш взгляд, вряд ли можно говорить о заметном предпочтении тех или других употреблений. В следующих примерах приводятся стандартные употребления:

- (86) *Непонятно было только, почему не обрадовала эта наконец обретенная свобода от прошлого* (А. Берсенева);
 (87) *Его не удивила и не обрадовала победа над акулами* (С. Жемайтис).

Нестандартное употребление демонстрируют следующие примеры:

- (88) *Когда пришла призывная пора, меня этот факт не обрадовал* (О. Фукс);
 (89) *Известие о том, что у него есть жена, совсем ее не обрадовало* (А. Берсенева).

Что касается форм будущего времени глагола *обрадовать*, то ситуация, на наш взгляд, выглядит следующим образом. У форм 3 л. ед. ч. (17 вхождений в [НКРЯ]) и мн. ч. (3 вхождения в [НКРЯ]) без каких-либо предпочтений есть как стандартные, так и нестандартные употребления. В следующем примере представлено стандартное употребление:

- (90) *И даже если книжка будет куплена, это его не обрадует* (К. Крылов).

Ниже приводится пример нестандартного употребления:

- (91) — *Есть новости?* — *Есть, но они вас не обрадуют. Объявился подозреваемый* (Т. Сахарова).

В [НКРЯ] есть всего четыре вхождения форм 2 л. ед. ч. и одно вхождение форм мн. ч., в которых представлено стандартное употребление. Вот один из таких примеров:

- (92) — *Почему не обрадуешь стариков и не вернешься домой?* (С. Романов).

Также в [НКРЯ] представлено всего четыре вхождения форм 1 л. ед. ч. и одно вхождение формы 1 л. мн. ч., в которых представлено нестандартное употребление. Приводим один такой пример:

- (93) *В то же время не обрадую и тех, кого полностью устраивает статус-кво* (Д. Медведев).

Отсутствие у экспериенцера позитивного эмоционального состояния, а не вхождение в негативное эмоциональное состояние, насколько мы можем судить, стандартно обозначается в вопросительной отрицательной конструкции:

- (94) *Послушай, Буратино, а вдруг она не обрадуется?* (А. Н. Толстой).

Наше итоговое заключение минимально. При детальном исследовании семантики, синтаксиса и деривационной специфики всего двух пар эмотивных глаголов получены результаты, которые, по нашему мнению, в определенной степени существенны для всего класса эмотивных глаголов, а также для теории семантических ролей.

Литература

Апресян В. Ю. Валентность стимула у русских глаголов со значением эмоций: связь семантики и синтаксиса // Русский язык в научном освещении. 2015. № 1. С. 28–66.

Апресян Ю. Д. Каузативы или конверсивы? // Типология. Грамматика. Семантика : сб. ст. к 65-летию В. С. Храковского / ред. Н. А. Козинцева, А. К. Оглоблин. СПб. : Наука, 1998. С. 273–281.

Апресян Ю. Д., Радоваться // Апресян Ю. Д., Апресян В. Ю., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Галактионова И. В., Гловинская М. Я., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Птенцова А. В., Санников А. В., Урысон Е. В. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М. ; Вена : Языки славянской культуры, 2004. С. 914.

Вежбицка А. Русский язык // Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1996. С. 33–88.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru>

Падучева Е. В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 52–79.

Падучева Е. В. Роли участников и диатезы глаголов эмоции // Типологические обоснования в грамматике : сб. ст. к 70-летию проф. В. С. Храковского / отв. ред. А. П. Володин. М. : Знак, 2004. С. 379–389.

Croft W. Case Marking and the Semantics of Mental Verbs // Semantics and the Lexicon / ed. by J. Pustejovsky. Dordrecht : Kluwer, 1993. P. 55–72.

Ovsjannikova M., Say S. The Instrumental Case in the Diachrony of Russian Reflexive Verbs of Emotion: From Cause to Content. В печати.

V. S. Xrakovskij

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences

(Russia, St Petersburg)

khakovv@gmail.com

**TWO VERB PAIRS: *RADOVAT'* 'MAKE HAPPY' (IPFV) AND
RADOVAT'S'A 'BE HAPPY' (IPFV), *OBRADOVAT'* 'MAKE HAPPY' (PFV)
AND *OBRADOVAT'S'A* 'GET HAPPY' (PFV).
THEIR MEANINGS AND SYNTAX**

Based on two pairs of correlative emotive Russian verbs (*radovat'* 'make happy' and *radovat's'a* 'be happy' vs. *obradovat'* 'make happy' and *obradovat's'a* 'get happy'), the paper looks into their semantic, syntactic, and derivational properties. Intransitive emotive situations include two participants: the experiencer of the specific emotion, and the stimulus producing the experiencer's corresponding positive/negative emotion. The semantic role of a stimulus differs from all other semantic roles in both formal and substantive status. It can be performed by either a personal participant or an object/situation, with the stimulus's valency marked by various corresponding formal devices. Notably, this role can be expressed not only in an adverbial argument position, but in the preceding text as well. The meaning of stimulus includes two standard roles: cause and condition. Transitive emotives can have two (causative or conversive) meanings. With a causative meaning, they can show three roles: causer, experiencer, or causation instrument (a potential stimulus). With a conversive meaning, they show the same two roles as intransitive emotives. Thus, in this case correlative intransitive and transitive emotives only differ in their diatheses. The issue of the correlation between the causative and the conversive meanings of the transitive emotives *radovat'* and *obradovat'* is still unresolved. They are known to have appeared in Russian not earlier than in the 18th c. Initially, *radovat'* was only used in its conversive meaning, and *obradovat'*, in its causative meaning. The paper makes a special focus on negated constructions with the verbs *obradovat'* and *obradovat's'a*.

Key words: verb, causative meaning, conversive meaning, imperfective aspect, perfective aspect, semantic role, negation.

References

Apresyan V. Yu. [Stimulus Valency in Russian Emotive Verbs: Meaning vs. Syntax Relations]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2015. No. 1, pp. 28–66. (In Russ.)

Apresyan Yu. D. [Causatives or Conversives?]. *Tipologiya. Grammatika. Semantika: sb. st. k 65-letiyu V. S. Xrakovskogo* [Typology. Grammar. Semantics: A Collection of Articles for the 65th Anniversary of V. S. Xrakovskij]. N. A. Kozintseva, A. K. Ogloblin (Eds.). St Petersburg, Nauka Publ., 1998, pp. 273–281. (In Russ.)

Apresyan Yu. D. [*Radovat's'a* 'To Be Happy']. Apresyan Yu. D., Apresyan V. Yu., Baeva E. E., Boguslavskaya O. Yu., Galaktionova I. V., Glovinskaya M. Ya., Iomdin B. L.,

Krylova T. V., Levontina I. B., Ptentsova A. V., Sannikov A. V., Uryson E. V. *Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka* [The New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms] (2nd Ed.). Yu. D. Apresyan (Ed.). Moscow, Vienna, Yazyki slavyan-skoï kul'tury Publ., 2004, p. 914. (In Russ.)

Croft W. Case Marking and the Semantics of Mental Verbs. *Semantics and the Lexicon*. J. Pustejovsky (Ed.). Dordrecht, Kluwer Publ., 1993, pp. 55–72.

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [The National Corpus of the Russian Language]. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 14.10.2019)

Ovsjannikova M., Say S. *The Instrumental Case in the Diachrony of Russian Reflexive Verbs of Emotion: From Cause to Content*. In print.

Paducheva E. V. [Causatives and Decausatives in the Russian Language]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2001, No. 1, pp. 52–79. (In Russ.)

Paducheva E. V. [Participant Roles and Diatheses of the Emotive Verbs]. *Tipologicheskie obosnovaniya v grammatike: sb. st. k 70-letiyu prof. V. S. Khrakovskogo* [Typological Justifications in Grammar: A Collection of Articles for the 70th Anniversary of prof. V. S. Khrakovsky]. A. P. Volodin (Ed.). Moscow, Znak Publ., 2004, pp. 379–389. (In Russ.)

Wierzbicka A. [The Russian Language]. Wierzbicka A. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Knowledge]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1996, pp. 33–88. (In Russ.)

Т. Е. Янко
Институт языкознания РАН
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
(Россия, Москва)
tanya_yanko@list.ru

НАРЕЧИЕ ДАВНО И ВИДОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА: ДАННЫЕ ЗВУЧАЩЕГО КОРПУСА*

Двадцать лет назад была высказана гипотеза о том, что в контексте видовременных глагольных значений, соотносящихся с положением дел, ушедшим в прошлое и не оставившим актуальных результатов, наречие *давно* служит ремой. На роль канонического контекста, соотносящегося с прошлым, прежде всего было выдвинуто общефактическое значение несовершенного вида. В настоящее время в связи с созданием корпусов звучащей речи появилась возможность проверить эту гипотезу на обширном и реальном материале. Коль скоро выразителем коммуникативных значений вообще и ремы в частности служит просодия, она может быть средством доступа к коммуникативной структуре. Анализ просодии предложений с *давно* в целом подтвердил исходную гипотезу, однако и внес определенные уточнения. Так, было показано, что в предложениях с отрицанием и в предложениях с глаголами речи в контексте общефактического значения несовершенного вида связь положения дел, которое возникло давно, с моментом речи может сохраняться, что не ведет к обязательной рематичности *давно*. Гипотезы, связанные с рематичностью *давно* в контексте других видовременных значений (а именно аористического значения и значения имперфекта), настоящее корпусное исследование полностью подтвердило.

Ключевые слова: русский язык, глагольный вид, общефактическое значение несовершенного вида, наречие *давно*, рема, коммуникативная структура, просодия, звучащий корпус.

* Работа поддержана РНФ (проект 18-18-00462 «Коммуникативно-синтаксический интерфейс: типология и грамматика», реализуемый в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина).

1. Вступительные замечания

В статье рассматривается один из случаев взаимодействия лексических, видо-временных и прагматических значений. Значения единиц различных уровней анализируются с целью объяснения уникальных коммуникативных особенностей наречия *давно*.

Ю. Д. Апресян обращает внимание на существование у лексических единиц определенных коммуникативных и просодических свойств [Апресян 2005: 9]. В работах [Апресян 2005: 9; 2006: 111] просодические и коммуникативные параметры слов фигурируют как условия применения правил, моделирующих взаимодействие значений. Так, правила формирования значений могут содержать «ссылки на <...> просодию (особенно на способность — неспособность нести главное фразовое ударение) и на связанную с просодией коммуникативную структуру (как правило, на способность — неспособность быть темой или ремой высказывания)» [Апресян 2005: 9]. В нашей работе ставится задача соотнесения коммуникативных особенностей лексической единицы с ее значением и значением контекста. При этом в качестве маркеров коммуникативной структуры и показателей коммуникативной роли слова рассматриваются просодические параметры. Просодическая структура — это средство выражения коммуникативных значений, и, соответственно, она может служить средством доступа к ним.

Более двадцати лет назад в работе Е. В. Падучевой [1997] было указано, что слово *давно* не бывает в предложении темой¹, а в контексте общефактического значения (ниже — ОФ) несовершенного вида (НСВ) *давно* не только «антитематично», но и «рематично»: *Папа покупал эти часы **давно***. Полуужирным шрифтом здесь обозначается акцентоноситель — акцентированное слово (или так называемый носитель главного фразового ударения) ремы. Впоследствии в работах [Янко 2001: 255–269; Янко 2003] была высказана гипотеза о том, что рематическая полярность у слова *давно* возникает не только в контексте общефактического, но и в других видо-временных контекстах, которые обозначают временную удаленность события от точки отсчета, в частном случае — от момента речи. Видо-временные контексты, поддерживающие семантику давности события, удаленности его от акта коммуникации, в соответствии с этой гипотезой должны приводить к рематичности *давно*. Соответственно, было предложено различать видо-временные формы, обозначающие события, которые, даже если и начались давно, сохраняют свою актуальность в точке

¹ В предложении *Давно не приходил **Ипполит*** наречие *давно* служит не темой, как может это показаться на первый взгляд, а компонентом ремы. Это доказывается, в частности, тем, что *давно* в этом предложении не может нести прототипического акцента темы ИК-3 [Брызгунова 1982: 97–122]. ИК-3 — подъем на ударном слоге словоформы-акцентоносителя плюс падение на заударных слогах, если они есть. У *давно* заударных нет, но они могут быть сформированы начальными безударными, принадлежащими последующим словоформам. В рассматриваемом примере на начальном *давно* фиксируется акцент типа ИК-6 [Там же]. Это подъем на ударном слоге плюс ровный тон на заударных, если они есть. Здесь ИК-6 говорит о том, что *давно* служит начальным компонентом ремы, но не темой.

отсчета, и формы, которые обозначают ситуацию, имевшую место до точки отсчета и ушедшую в небывтие. Так, актуально-длительное (*Вася давно спит*) и перфектное (*Вася давно заснул*) значения глагола обозначают событие или состояние, которое сохраняется в точке отсчета (например, в момент речи), что не ведет к обязательной рематичности *давно*. Следовательно, в контексте настоящего времени и при перфектном значении глагола *давно* может быть как ремой, так и неакцентированным компонентом ремы. Между тем в контексте видовременных значений, таких как значение имперфекта ('событие началось, протекало некоторое время и завершилось до точки отсчета') и аориста ('событие началось и закончилось до точки отсчета'), *давно*, как и при общефактическом, служит ремой: *Это происходило с Васей давно*; *Это произошло в Москве давно* (но не ?*Это происходило давно с Васей*; ?*Это с Васей давно происходило*; ?*Это произошло давно в Москве*); *Это было давно*; *Случилось это давно, еще до войны, где-то в Европе, в маленьком заштатном городке*; *Разлука с отцом произошла давно* [НКРЯ]. Выявленный набор глаголов со значением имперфекта и аориста — *происходило, было, произошло, случилось, приключилось*.

Склонностью к роли ремы *давно* отличается, например, от наречия *недавно*, которое, наоборот, легко принимает на себя и роль темы: *...недавно был огромный репортаж по Второму каналу* [НКРЯ]. В последнем примере *недавно* служит полноценной начальной темой, несущей соответствующий акцент. Акцентоноситель ремы — словоформа *каналу*. *Давно* в таком контексте было бы неграмматичным: **Давно был огромный репортаж по Второму каналу*. Для выражения соответствующего смысла в данном контексте в качестве ремы можно было бы использовать только *давно*: *Давно был репортаж по Второму каналу (Репортаж по Второму каналу был давно)*. Что же касается *недавно*, то оно может быть не только темой, но и ремой: *Я в этом отряде недавно* [НКРЯ].

Таким образом, *давно* обозначает событие или состояние, удаленное от говорящего во времени, а идея о том, что языковые единицы, входящие в состав предложения на разных уровнях, которые имеют референцию к странному, неожиданному, отличному от нормы, далекому от говорящего (во времени и в пространстве), чужому по отношению к нему, имеют рематическую полярность, и двадцать лет назад не была новой. Ср. идеи, высказанные по поводу коммуникативной роли «рематических» слов *редко* и *мало* [Булыгина, Шмелев 1988; 1997: 203], *редкий* [Падучева 1989: 21], *долго* (в отличие от *недолго*) [Богуславский 1996: 63], придаточных предложений с *чтобы* с так называемой антицелью, которые в отличие от стандартных предложений цели могут быть только ремой: *...в 1827 году он станет первым президентом освобожденной Греции, чтобы в 1831-м погибнуть за нее* [НКРЯ].

Существует универсальный набор контекстов, нейтрализующих рематическую полярность лексических единиц, таких как *давно, редко* и *мало*. К таким контекстам относится коммуникативная нерасчлененность и контраст. Так, в примере <*Вы не узнаете меня? Бабка закивала головой. — Да как же, узнала теперь.*>²

² В угловые скобки помещается релевантный для анализа предложений с *давно* контекст.

Редко заходишь, деточка [НКРЯ] предложение *редко заходишь* представляет собой цельную рему, содержащую объяснение, почему старая женщина не узнала девочку. В соответствии с известными принципами выбора акцентоносителя в предложении, которое представляет собой цельную рему, акцентоносителем ремы служит не наречие³. Аналогично ремагический акцент может покидать слово с ремагической полярностью в контексте контраста: *Интересным оказался <...> вывод, полученный при исследовании рекордсменов-штангистов: дышать нужно не редко и глубоко, а часто и поверхностно* [НКРЯ]. В последнем примере с контрастной конструкцией *не..., а* акцентоносителем ремы служит словоформа *поверхностно*, а не слово с ремагической полярностью *редко*. Коммуникативная нерасчлененность и контраст возмущают семантические и коммуникативные законы взаимодействия значений [см.: Янко 2001: 270].

В настоящее время в связи с созданием звучащих корпусов устной речи открылась возможность проверить гипотезы относительно коммуникативных предпочтений лексических единиц на реальном и представительном материале. Коль скоро просодия дает доступ к коммуникативной структуре, анализ звучащего текста позволяет уточнить, какие конкретно коммуникативные роли играет наречие *давно* в коммуникативной структуре русского предложения. Источником материала послужил мультимедийный подкорпус «Национального корпуса русского языка» [НКРЯ], содержащий звучащие записи. Это лекции, доклады, пресс-конференции, телепередачи и фильмы. На контексты с *давно* в мультимедийном корпусе приходится около 1 500 примеров. Результат поиска по ключевому слову *давно* и составил рабочий массив исследования.

Забегая вперед, можно констатировать, что корпусный анализ (который был поддержан инструментально⁴) в целом подтвердил гипотезу о ремагической полярности *давно*, однако расширение эмпирической базы внесло важные уточнения. Так, кардинальную поправку внес анализ атрибутивных оборотов, которые ранее отдельно не рассматривались. Было показано, что в составе определительных придаточных и оборотов (причастий и прилагательных с зависимыми) *давно* может принадлежать не только реме, но и быть компонентом темы: *От первого, раннего, давно забытого брака у него осталась дочка* [НКРЯ]. Здесь наречие *давно* входит в состав темы *от первого, раннего, давно забытого брака*. Акцентоноситель темы — существительное *брака*. Поясним, что тем в предложении может быть более одной. Акцентоноситель ремы здесь — словоформа *дочка*. Рема — *осталась дочка, у него* — вторая тема.

При анализе устного массива коммуникативная роль *давно* устанавливалась в соответствии с известными просодическими средствами выражения собственно рем (акцентоносителей рем), компонентов рем и тем. Так, рема повествовательного предложения маркируется нисходящим движением тона на ударном слоге

³ О принципах выбора акцентоносителя в нерасчлененном предложении см. [Янко 2008: 46].

⁴ Анализ просодического рисунка высказываний проводился с помощью компьютерной системы анализа звучащей речи «Praat» [<http://www.praat.org/>].

словоформы — акцентоносителя ремы плюс падением частоты тона на заударных слогах, если они есть (ИК-1 или ИК-2 — по [Брызгунова 1982]). У *давно* заударных слогов нет, но они могут быть сформированы безударными слогами словоформ, следующих за *давно*. К средствам выражения компонентов рем (но не собственно рем) относятся акцент типа ИК-6 [Там же] и безакцентная (т. е. не несущая релевантных движений тона) артикуляция. Подъемами — ИК-3 и ИК-6 — маркируются тема и дискурсивная незавершенность, а также, дополнительно, акцентом ИК-4⁵ — некоторые виды дискурсивной незавершенности (детали семантики и просодии дискурсивной незавершенности см. в [Янко 2008: 128–170; 2018]).

2. Результаты анализа материала

Анализ просодии примеров с *давно* из мультимедийного подкорпуса [НКРЯ] показал, что за исключением атрибутивных оборотов *давно* действительно служит либо ремой повествовательного предложения (*Тебе ж давно предлагали Катерину грохнуть* [НКРЯ]; на *давно*-рему приходится около половины всех рассмотренных примеров), либо компонентом ремы (*Они вообще уже давно ничего не думают* [НКРЯ]; около трети выявленных встречаемостей *давно*). В круг рематических употреблений *давно* мы также условно включаем *давно* в роли неизвестного *да-нет*-вопроса, например: *Вы в бельевую давно заглядывали?* [НКРЯ]. Отличие между ремой как коммуникативным компонентом, формирующим иллюкутивную силу сообщения, и неизвестным вопроса, формирующим иллюкутивную силу вопроса, безусловно, весьма существенное, но в данном случае это различие не принципиально: и то и другое служит собственно иллюкутивным компонентом речевого акта определенного вида. Таким образом, неизвестное *да-нет*-вопроса мы при анализе рематичности *давно* рассматриваем как аналог ремы. Остальные примеры из корпуса — это в основном *давно* в составе конструкций, в которых рематическая полярность *давно* снимается: *когда-то давно, как-то давно, очень давно, давным-давно, давно-давно, уже давно, не так давно*. Из конструкций и лексем, производных от *давно*, наследует рематичность *давно* только наречие *давненько* (*давнехонько*). На то, что *давным-давно* в отличие от *давно* может быть не только ремой, но и темой, впервые обратил внимание Ю. Д. Апресян еще в 1988 г. [Апресян 1988]⁶. Семантическое объяснение утраты рематичности *давно* в производных словах и конструкциях было предложено в нашей работе [Янко 2001: 265]⁷.

⁵ ИК-4 представляет собой падение или ровный низкий тон на ударном слоге носителя акцента плюс подъем на заударных слогах, если они есть. Если заударных слогов нет, интегральное нисходяще-восходящее движение тона фиксируется на последнем или единственном слоге носителя акцента [Брызгунова 1982: 97–122].

⁶ Ср. примеры из корпуса: *...любили мы, конечно, друг друга давным-давно* (рема) vs. *Когда-то давным-давно* (тема) *жил в этом селе один богатый мельник...* [НКРЯ].

⁷ Сущность объяснения коммуникативных различий между *давно* и *давным-давно* (*когда-то давно, очень давно*) состоит в том, что в предложениях с конструкциями, производными от *давно*, имеется дополнительный компонент значения, который говорит о существовании события: ‘Было

2.1. Давно в контексте глаголов было, случилось, происходило

Что касается глаголов *было*, *случилось* и *произошло* в так называемом аористическом значении совершенного вида ('нечто произошло и не оставило актуальных результатов'), то все имеющиеся примеры, во-первых, действительно содержат *давно* в функции ремы, во-вторых, не допускают сдвигов «рематической» (нисходящей в повествовательном предложении) просодии на другую словоформу в клаузе. Таким образом, гипотеза о рематичности *давно* в контексте аористических *было*, *произошло* и *случилось* подтверждается. Употреблений глагола *происходило* в так называемом имперфектном значении в звучащем подкорпусе [НКРЯ] не обнаружено, но примеры, которые удается интерпретировать и без обращения к звучащему материалу, можно найти в основном (письменном) корпусе: ...*события, о которых мы рассуждаем, происходили давно...* [НКРЯ]. Анализ материала с *давно* плюс значение имперфекта также поддерживает гипотезу о рематичности *давно* в контексте прошлого.

Между тем *давно* в контексте общефактического значения несовершенного вида (ОФ НСВ) обнаруживает более сложную картину, которая говорит о том, что в этом случае гипотеза о рематичности *давно* требует уточнений.

2.2. Давно и общефактическое значение НСВ

Релевантные контексты для *давно* плюс общефактическое НСВ в имеющемся рабочем массиве представлены следующими основными классами:

- 1) повествовательные предложения без отрицания с глаголами разнообразной семантики, кроме глаголов речи (с сентенциальным дополнением);
- 2) *да-нет*-вопросы;
- 3) повествовательные предложения с отрицанием;
- 4) повествовательные предложения с глаголами речи и сентенциальным дополнением.

2.2.1. Повествовательные предложения без отрицания

Повествовательные предложения без отрицания с глаголами, которые не являлись бы глаголами речи с сентенциальным дополнением, в рабочем массиве представлены небольшим количеством примеров: <— *А это дяди Шурика сапожки! — Какого Шурика? — Какого-какого. Будто не знаешь,*> какой у нас *давно* ночевал [НКРЯ]. Примеры полностью соответствуют положению о рематичности *давно* в контексте ОФ НСВ.

так, что Р. Р было *давно*'. Квантификация существования снимает обязательную рематичность, присущую *давно* (ср. пару *редко* vs. *изредка* с тем же соотношением коммуникативных ролей и структурой толкования значений).

2.2.2. *Да-нет-вопросы*

В *да-нет-вопросах* представлены глаголы самой разнообразной семантики: — *Вы в бельевую давно заглядывали?*; *Ты ей памперсы давно менял?*; <Посмотри на себя, во что ты превратилась!> *Взвешивалась давно?*; <И себе налей.> *Ела давно?* [НКРЯ]. Эти примеры без исключения также поддерживают гипотезу о релативности *давно* в контексте ОФ НСВ. М. Я. Гловинская [1982: 140] замечает, что в вопросительном предложении общефактическое значение у глагола НСВ возникает чаще, чем в повествовательном, и приводит такой пример: *Дождь прекращался* (актуально-длительное) vs. *Дождь прекращался?* (общефактическое). И. Б. Шатуновский [2009: 146] дает этому следующее объяснение. Он считает, что *да-нет-вопросы* с общефактическим значением глагола более частотны, чем повествовательные предложения, потому что для вопроса скорее, чем для повествовательного предложения, находится дискурсивная интерпретация, или то, что должно служить естественным обоснованием совершения речевого акта. У повествовательного предложения с глаголом в ОФ НСВ должно быть логическое продолжение: *Поступал, но провалился; Он оканчивал университет, и теперь он образованный человек; Встречался с Романом Якобсоном, и теперь у нас есть что вспомнить*. Вопросы же с общефактическим значением относительно независимы от контекста: *В Кутаиси давно был?* [НКРЯ]. Таким образом, вопросы с ОФ НСВ должны встречаться чаще, чем повествовательные предложения. Материал корпуса это полностью подтверждает.

2.2.3. *Повествовательные предложения и да-нет-вопросы с отрицанием*

В повествовательных предложениях и *да-нет-вопросах* с отрицанием также представлены разнообразные глаголы: <Так мы ж договорились ушами... Форум потерял.> *Давно не шевелил; Давно не пробовала; Давно мы не сталкивались с гвардейцами кардинала!* [НКРЯ]. Примеры с отрицанием говорят о том, что контекст «общефактическое плюс отрицание» не приводит к обязательной релативности *давно*. В таком контексте *давно* может быть не только ремой, но и компонентом ремы: *Давно не пробовала; Давно не шевелил*.

Утрата обязательной релативности *давно* в контекстах с отрицанием требует объяснения. Если исходить из того, что к релативности *давно* ведет не собственно ОФ НСВ, а семантика удаленности релевантного положения дел от точки отсчета и отсутствие актуальных результатов в настоящем, то это условие в контекстах с отрицанием не выполняется. Контекст отрицания говорит о том, что отсутствие некоторого положения дел сохраняется начиная от удаленной точки во времени вплоть до точки отсчета, потому что при отрицании ситуация концептуализуется не как давность произошедшего события определенного типа, а как то, что в течение длительного времени подобное событие не имело места, возможно, включая и точку отсчета: *Сынок, чего-то я давно не видел твой дневник* [НКРЯ]. Последний пример означает, что отец не видел дневника сына долгое время и, весьма возможно, продолжает не видеть его и в момент речи.

Существенно, что интерпретация давности события определенного типа как отсутствие наступления его новых инстанций (шевеления ушами, стычек с гвардейцами кардинала, приема лекарства и прогулок с собакой) возможна только для тех ситуаций, которые понимаются как способные (или даже склонные) к повторению, дискретные (по М. Я. Гловинской [1982: 134]): из того, что нечто было давно, может следовать, что после того, как некое событие произошло, на протяжении долгого времени ни одна из инстанций события такого рода не имела места. Однако потенциальной повторяемости события может быть недостаточно для установления денотативного тождества ситуаций *Р было давно* и *Р давно не было*. При интерпретации может оказаться существенной и онтологическая сущность события. Так, из *Обедал я давно* можно сделать вывод, что пора поужинать, а из *Давно не обедал* — что долгое время приходилось питаться всухомятку, без супа и компота. Эта пара примеров не соответствует формуле *Р было давно* \approx *Р давно не было*. Кроме того, запрет на отрицательную интерпретацию ситуации давности может возникнуть и при конкретной референции участника ситуации. Так в предложении *Папа давно покупал эти часы* замена на *Папа давно не покупал эти часы* практически невозможна, потому что здесь идет речь не о каких-то часах вообще, а об одних и тех же, определенных часах.

Таким образом, можно заключить, что русским языком для указания на временную удаленность разработана замещающая концептуальная модель, которая означает, что в течение длительного времени подобного события не было. Отсутствие события понимается как особое положение дел, которое в отличие от абсолютной давности события может восстанавливать связь некоего положения дел (теперь уже не самого события, а его отсутствия) с моментом речи. Как показывают данные корпуса, модель с отрицанием в повествовательном предложении с *давно* более частотна, чем модель без отрицания.

Соответственно, при установлении условной эквивалентности положительной и отрицательной интерпретаций предложений с *давно* (*Видел дневник давно* \approx *Давно не видел дневника*) решающую роль играют два фактора: это референциальный статус различных участников ситуации и ее онтологическая структура. При обсуждении ОФ НСВ об этих факторах говорят многие авторы [см., например: Гловинская 1982: 134–135]. Определенность участников, времени и места события в целом препятствует возникновению общефактического значения. Между тем в связи со структурой жизненной — внеязыковой — ситуации добавим, что если представить себе нестандартный случай, при котором один раз купленные часы по какой-либо причине утрачиваются и становится возможной их повторная покупка, как если бы папа работал антикваром, регулярно скупающим и продающим старые часы, то предложение *Папа давно не покупал эти часы* может обрести смысл.

Итак, примеры с отрицанием говорят о том, что контекст ОФ НСВ не служит абсолютным условием рематичности *давно*. Того, что глагол принимает общефактическое значение, еще недостаточно для того, чтобы *давно* с обязательностью было ремой. Решающим фактором для рематичности *давно* служит отсутствие актуальности события, его прямых последствий или его результата в точке отсчета.

2.2.4. Повествовательные предложения с глаголами речи и сентенциальным дополнением

В повествовательных предложениях с глаголами речи в общефактическом значении (*говорить, предлагать, объяснять*), которые представлены в рабочем корпусе, *давно* воплощено в виде ремы: *Я же давно говорил, что <...> возникнет и виртуальный брак в сети, и виртуальные дети; Она мне давно про тебя разъясняла, что ты в Аглаю Епанчину как кошка влюблен; Я ей давно говорила: не брошишь его, прокляну; Я давно говорил: попугаи у нас не приживутся* [НКРЯ].

Между тем в предложениях анализируемого класса перенос рематического акцента с *давно* на другую словоформу возможен: соответственно, рематичность *давно* в этих контекстах не абсолютна.

Обратимся к глаголам с сентенциальным дополнением. Особенность глаголов передачи информации состоит в том, что они имеют импликацию сохранения информации в сознании получателя после того, как акт передачи информации состоялся. Если А сказал В, что Р, то с известной вероятностью В будет знать, что Р. Сохранение информации в сознании получателя не препятствует тому, чтобы А говорил В о Р вновь и вновь: *много раз говорил, что Р, не раз говорил, всегда говорил*. Однако в данном случае итерация акта говорения может быть связана не с сообщением действительно новой информации, а с повторением того, что уже известно, например с целью напомнить, заставить слушающего лишний раз задуматься над проблемой.

Таким образом, то, что контекст глаголов речи в ОФ НСВ благоприятствует рематичности *давно*, мы объясняем тем, что если локутивный акт (факт говорения) имел место по крайней мере один раз в прошлом и это было давно, то это может приводить к рематичности *давно*. Здесь рематичность связана с ассертивной частью значения предложения, а именно с локутивным актом. Между тем рематичность *давно* здесь не абсолютна, ибо, как уже говорилось, большинство имеющихся примеров допускает перенос акцента с *давно* на глагольную группу. Возможную утрату рематичности *давно* мы объясняем тем, что в предложениях с глаголами передачи информации имеется импликация, состоящая в том, что локутивный акт достиг своей цели и был воспринят (слушающий знает, что Р), что может создавать эффект сохранения положения дел в точке отсчета. Это, наоборот, может отменять рематичность *давно*.

Рассмотрим возможный перенос акцента с *давно* на другую словоформу в предложении. Так, в примере из речи министра иностранных дел *давно* — рема: *... мы давно говорили, что искоренение терроризма <...> является <...> более важной задачей, чем смена режима* [НКРЯ]. В записи звучащего примера нисходящий акцент приходится на *давно*. В этом случае сообщение понимается так, что идея о борьбе с терроризмом высказана уже давно и существенна давность ее возникновения. Между тем, поскольку эта идея актуальна до момента речи, *давно* может уступать роль ремы глагольной группе с сентенциальным дополнением. Акцент ремы в таком случае покидает *давно* и перемещается на дополнение. Таким

образом, в этом примере с изначальным *давно*-ремой перенос функции ремы с *давно* на глагольную группу оказывается возможным. При утрате словоформой *давно* рематичности пример получает следующую артикуляцию: *давно* произносится безакцентно, на глаголе *говорили* фиксируется восходящий акцент незавершенности, затем в синтаксическом дополнении формируются акценты, соответствующие его синтаксической и коммуникативной структуре. Акцентоносителем ремы становится словоформа *режима*: *...мы давно говорили, что искоренение терроризма <...> является <...> более важной задачей, чем смена **режима***. В результате рематический акцент покидает *давно*.

Эффект сохранения информации может объяснить и то, что предложения с глаголами речи не всегда имеют отрицательные корреляты. Поскольку большинство глаголов речи обозначает ситуацию передачи и сохранения в памяти слушающего информации, которую сообщил ему говорящий, а информация, как известно, в идеале сохраняется, повторное сообщение той же информации оказывается если не невозможным, то нелогичным. Мы предполагаем, что сохранение единожды полученной информации в сознании слушающего ограничивает употребление глаголов говорения с отрицанием при *давно*: *³давно не говорил / не рассказывал тебе, что Р* (ср. *давно не приходил, давно не приезжал, давно не ночевал дома, давно не шевелил ушами*).

Анализ звучащего корпуса показал, что контекст общефактического значения несовершенного вида русского глагола не служит абсолютным условием рематического функционирования наречия *давно* в предложении. Общефактическое значение глаголов с отрицанием и глаголов речи с синтаксическим дополнением допускает утрату *давно* рематической функции. Это объясняется семантикой сохранения некоторого положения дел, начиная от удаленного момента в прошлом вплоть до точки отсчета. Вопрос о том, существуют ли другие классы ситуаций, обозначаемых глаголом в общефактическом значении НСВ, кроме ситуаций, выражающихся глаголом с отрицанием или глаголом речи с синтаксическим дополнением, которые лишают *давно* обязательной рематичности, мы оставляем открытым. Возможно, при дальнейшем исследовании и расширении корпуса будут обнаружены новые контексты утраты наречием *давно* рематического акцента в контексте общефактического. В любом случае можно заключить, что условие рематичности *давно* следует формулировать не терминах общефактического значения, а в терминах временной удаленности события и его результатов от точки отсчета.

Литература

Апресян Ю. Д. Типы коммуникативной информации для толкового словаря // Язык: система и функционирование / под ред. Ю. Н. Караулова. М. : Наука, 1988. С. 10–22.

Апресян Ю. Д. Правила взаимодействия значений и словарь // Русский язык в научном освещении. 2005. №1 (9). С. 7–45.

Апресян Ю. Д., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Санников А. В., Урысон Е. В. Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М. : Языки славянских культур, 2006. С. 33–162.

Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. М. : Языки русской культуры, 1996. 464 с.

Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика : в 2 т. / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука, 1982. Т. 1. С. 97–122.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Несколько замечаний о словах типа *несколько* (к описанию квантификации в русском языке) // Язык: система и функционирование / под ред. Ю. Н. Караулова. М. : Наука, 1988. С. 44–54.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. : Языки славянских культур, 1997. 577 с.

Гловинская М. Я. Семантические типы видового противопоставления русского глагола. М. : Наука, 1982. 155 с.

НКРЯ — НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru>

Падучева Е. В. К интонационной транскрипции для предложений произвольной синтаксической сложности // Вопросы кибернетики. Вып. 159 : Семиотические исследования / под ред. В. А. Успенского. М. : Изд-во АН СССР, 1989. С. 18–29.

Падучева Е. В. *Давно и долго* // Логический анализ языка: Язык и время / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. М. : Индрик, 1997. С. 253–267.

Шатуновский И. Б. Проблемы русского вида. М. : Языки славянских культур, 2009. 351 с.

Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М. : Языки славянских культур, 2001. 384 с.

Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М. : Языки славянских культур, 2008. 312 с.

Янко Т. Е. Речевые акты в структуре связного дискурса: показатели незавершенности по данным корпусов звучащей речи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : сб. ст. по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог–2018». Вып. 17 (24) / гл. ред. В. П. Селегей. М. : Изд-во РГГУ, 2018. С. 791–802.

Yanko T. The Communicative Effects on the Interaction between the Verbal Aspectual Categories and Temporal Adverbials in Russian // Journal of Slavic linguistics. 2003. Vol. 11. №11. P. 199–215.

T. E. Yanko

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Pushkin State Russian Language Institute

(Russia, Moscow)

tanya_yanko@list.ru

RUSSIAN ADVERB *DAVNO* ‘LONG AGO’ AND ASPECTUAL VERB FORMS: SPOKEN CORPORA DATA

Twenty years ago, it was hypothesized that in the context of the aspectual forms of Russian verbs relating to past events and having no reference to the real results of action at the moment of speech the adverb *davno* ‘long ago’ is the rheme. As a canonical context to refer to the past the general factual meaning of the Russian imperfective aspect was singled out. Presently, the new sound corpora give an opportunity to verify this hypothesis on extensive and real material. Since the prosody of oral speech is the main means of expressing the communicative structure as a whole and the rheme in particular, it can open the access to the communicative structure. The prosodical analysis of the spoken sentences with *davno* has on the whole verified the main hypothesis, but some interesting specifications have also appeared. It has been demonstrated that in sentences with negation and in sentences with verbs of speech in the general factual meaning, the state of things that arose long ago may keep up to the point of reference (moment of speech). This, therefore, does not obligatorily demand *davno* to be the rheme. In contrary to what was meant before, *davno* in composition with the general factual meaning of the imperfective case is not an absolute condition for *davno* to function as the rheme.

Key words: the Russian language, general factual, prosody, temporal adverbs, verb aspect, rheme, spoken corpora.

Acknowledgements

This study has been supported by the Russian Science Foundation, project No. 8-18-00462 “The communicative-syntax interface: typology and grammar” realized at Pushkin State Russian Language Institute.

References

Apresyan Yu.D. [The Types of Communicative Information for an Explanatory Dictionary]. *Yazyk: sistema i funkcionirovanie* [Language: It’s System and Functions]. Yu.N. Karaulov (Ed.). Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 10–22. (In Russ.)

Apresyan Yu.D. [Rules for the Interaction of Meanings and Vocabulary]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2005, No. 1 (9), pp. 7–45. (In Russ.)

Apresyan Yu.D. [The Base for System Lexicography]. Apresyan V.Yu., Apresyan Yu.D., Babaeva E.E., Boguslavskaya O.Yu., Iomdin B.L., Krylova T.V.,

Levontina I. B., Sannikov A. V., Uryson E. V. *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Language Worldview and System Lexicography]. Yu. D. Apresyan (Ed.). Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2006, pp. 33–162. (In Russ.)

Boguslavskii I. M. *Sfera deistviya leksicheskikh edinits* [The Scope of Lexical Units]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1996, 464 p.

Bryzgunova E. A. [Intonation]. *Russkaya grammatika* [Russian Grammar, Vol. 1]. N. Yu. Shvedova (Ed.). Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 97–122. (In Russ.)

Bulygina T. V., Shmelev A. D. [Some Remarks on the Words Like *neskoljko* 'Some, a Few' (To the Description of Quantification in Russian)]. *Yazyk: sistema i funkcionirovanie* [Language: It's System and Functions]. Yu. N. Karaulov (Ed.). Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 44–54. (In Russ.)

Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Language Conceptualization of the World (Based on Russian Grammar)]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 1997, 577 p.

Glovinskaya M. Ya. *Semanticheskie tipy vidovogo protivopostavleniya russkogo glagola* [Semantic Types of the Aspectual Opposition of the Russian Verb]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 155 p.

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [The National Corpus of the Russian Language]. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 12.02.2020).

Paducheva E. V. [On the Intonation Transcription of Sentences with Random Syntactic Complexity]. *Voprosy kibernetiki. Vyp. 159. Semioticheskie issledovaniya* [Problems of Cybernetics. Iss. 159: Semiotic Researches]. V. A. Uspenskii (Ed.). Moscow, USSR AS Publ., 1989, pp. 18–29. (In Russ.)

Paducheva E. V. [Davno 'Long Ago' and Dolgo 'for a Long Time']. *Logicheskii analiz yazyka: Yazyk i vremya* [Logical Analysis of Language: Language and Time]. N. D. Arutyunova, T. E. Yanko (Eds.). Moscow, Indrik Publ., 1997, pp. 253–267. (In Russ.)

Shatunovskii I. B. *Problemy russkogo vida* [Problems of the Russian Aspect]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2009, 351 p.

Yanko T. The Communicative Effects on the Interaction between the Verbal Aspectual Categories and Temporal Adverbials in Russian. *Journal of Slavic linguistics*, 2003, Vol. 11, No. 11, pp. 199–215.

Yanko T. E. *Kommunikativnye strategii russkoi rechi* [The Communicative Strategies of Russian Speech]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2001, 384 p.

Yanko T. E. *Intonatsionnye strategii russkoi rechi v sopostavitel'nom aspekte* [Intonation Strategies of Russian Speech from a Comparative Perspective]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008, 312 p.

Yanko T. E. [Speech Acts in the Structure of Coherent Discourse: the Markers of Incompleteness According to Data of the Spoken Speech Corpora]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: sb. st. po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog–2018»*. Vyp. 17 (24) [Computer Linguistics and Intelligent Technologies: A Collection of Articles Based on the Materials of the International Conference *Dialog-2018*. Iss. 17 (24)]. V. P. Selegei (Ed.). Moscow, Russian St. Univ. for the Humanities Publ., 2018, pp. 791–802. (In Russ.)

ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Бьёрн Вимер

Университет Йоханнеса-Гутенберга

(Германия, Майнц)

wiemerb@uni-mainz.de

О СИНОНИМАХ И СУППЛЕТИВИЗМЕ НЕСКОЛЬКО ИНАЧЕ, ТО ЕСТЬ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ОСНОВ

В статье указывается, что проблемы, возникающие в связи с супплетивизмом, в известном смысле можно признать обратной стороной явлений, которые Ю. Д. Апресян рассматривал как проявления избыточности в парадигме глагольных основ, образующих так называемые видовые тройки. Как процессы, ведущие к супплетивизму, так и процессы, обуславливающие «переполнение» клеток в предполагаемых парадигмах, заставляют принимать решения о соотношении единиц словаря и грамматики. На этом фоне пересматривается классификация типов супплетивизма И. А. Мельчука и ряд положений, касающихся понятий лексемы и парадигмы. В результате обосновывается целесообразность ревизии представлений о морфологической парадигме и ее связи с понятием лексемы, которая учитывала бы глагольные основы как единицы, на которых строятся функциональные противопоставления, имеющие ключевую роль для грамматики русского языка. Вместе с тем выдвигается предложение учитывать в типологии супплетивизма не только степень регулярности формального соотношения объединяемых парадигматическими связями морфологических единиц, но и продуктивность морфологических образцов, причем как на уровне словарных единиц (включая варианты), так и на уровне текста (*type vs. token frequency*).

Ключевые слова: русский язык, парадигма, лексема, супплетивизм, видовые тройки, системная лексикография, глагольные основы, грамматические категории.

В настоящей статье я хочу показать, что хорошо известные идеи о роли структуры парадигм для системной лексикографии могут быть представлены в ином свете. Отправной точкой для этих рассуждений послужил ряд работ юбиляра, затрагивающих проблему «излишества» в парадигматических связях между единицами, морфологическим и лексикографическим отношениям которых обычно приписывался разный статус. Я стремлюсь к сопоставлению явлений, которые до сих пор в морфологических и лексикографических исследованиях скорее разъединялись

(хотя бы частично), с тем, чтобы указать их сходство и чтобы высказаться за несколько измененный подход к «формату» единиц, соединяемых в парадигматических связях. Из соображений экономии места я ограничусь общей типологией затронутых здесь явлений и рядом частных вопросов.

1. Исходные положения

В «Лексической семантике» Ю. Д. Апресян [1995а: 173–175], рассматривая супплетивные отношения между разнокорневыми словами, обсуждал тройки слов типа:

- (1а) *бастовать* — *стачка* / *забастовка*;
- (1б) *посещать* — *визит* / *посещение*;
- (1в) *постановлять* — *резолуция* / *постановление*;
- (1г) *стоить* — *цена* / *стоимость*.

В этих тройках выступают по два синонимичных (в определенной степени) существительных, из которых второе связано с глаголом словообразовательными аффиксами, а первое — нет. Поскольку в дополнительные отношения в качестве «именного репрезентанта» лексического концепта, выраженного глаголом, вступает уже второе, однокоренное существительное, то первое, разнокорневое существительное на право супплетивного отношения с глаголом претендовать не может. В этом смысле его в такой тройке можно считать лишним.

Такую «избыточность» Апресян сравнивал с ситуацией в несупплетивных тройках типа:

- (2а) *паковать* — *запаковать* — *запаковывать*;
- (2б) *множить* — *умножить* — *умножать*.

В отличие от троек в (1) все члены троек в (2) однокоренные и связаны словообразовательными аффиксами, все относятся к одной и той же части речи и у всех одно и то же лексическое значение. Однако в связи с принадлежностью к другому виду у среднего члена кардинально иное грамматическое распределение, чем у левого и правого членов, а эти два «крайних» члена между собой могут различаться всего лишь тонкими условиями употребления. В любом случае возникает вопрос, не нужно ли считать один из них лишним.

Тройки в (1) и в (2) роднит то, что между их членами наблюдается регулярное («нормальное») семантическое соотношение в рамках некоего лексического концепта; в этом смысле их члены могут считаться синонимами, но один из них может показаться излишним: в (1) это два члена, разделенные косой чертой, а в (2) это два крайних члена по отношению к среднему. Однако степень формального различия разная; разными также являются причины близкого семантического родства⁸.

⁸ В отличие от троек типа (2) между членами троек типа (1) наблюдается не только различное этимологическое происхождение, но и намного больше разнообразия в семантических

Поскольку и в формальном, и в семантическом плане члены троек типа (2) заметно ближе друг к другу, чем члены троек типа (1), то с их лексикографической трактовкой возникает больше проблем. Видимо, именно поэтому Ю.Д. Апресян [1995а: 174, сноски 4] подчеркивал, что иллюстрировать проблемы, связанные с супплетивизмом, удобнее как раз на примере троек типа (2). В более поздней работе [Апресян 1988], в основном воспроизведенной в [Апресян 1995б], юбиляр на примере этих троек разбирает вопрос синонимии и вариантов. Тройки типа (2) известны как видовые тройки, точнее как биимперфективные видовые тройки: «...на роль имперфективного коррелята претендует сразу два глагола» [Зализняк и др. 2015: 58 и след.]. По отношению к ним часто обсуждался вопрос, за каким из этих двух глаголов нужно признавать право быть «собственно видовым» коррелятом.

2. Супплетивизм, синонимия и распределение по грамматическим функциям

Прежде чем обратиться к этому вопросу, хотелось бы осветить теоретический фон, на котором Апресян провел нестандартную аналогию между тройками типа (1) и видовыми тройками. Исходной точкой для этой аналогии послужили положения Мельчука о супплетивизме⁹. Они эксплицитно учитывают продуктивные образцы в словообразовании и даже за его пределами [см.: Мельчук 2001: 420–441]. Так, например, в [Mel'čuk 1994: 363; Мельчук 2001: 438 и след.] супплетивизм усматривается даже между полной фраземой и семантически соответствующим именем деятеля:

(3а) *говорить красиво* — *краснобай*;

(3б) *молоть языком* — *пустозвон*.

Эти пары слов в целом могут быть охарактеризованы как антонимы друг к другу, а в формальном плане соотношения между членами каждой из пар одинаковые, хотя морфологически почти ничего общего между ними нет¹⁰. Столь далеко идущее применение понятия супплетивизма показывает, что различия между словоизменением и словообразованием (как бы они ни определялись) не имеют значения. Мельчуку в первую очередь важно охватить л ю б ы е образцы семантического соотношения между единицами языка, которые в какой-то заметной степени отклоняются от регулярных способов его формального выражения [см.: Mel'čuk 1994:

отношениях. Апресян здесь приводит такие примеры, как *действовать* — *эффект* / *действие*, *создавать* — *автор* / *создатель*, а также примеры с другими частями речи, например *единственный* — *только* / *единственно*, *совпадать* — *тождественный* / *совпадающий*.

⁹ Хотя точной ссылки в данном месте книги не дается, понятно, что Апресян опирался на работу [Мельчук 1972]. Ее положения отразились и в более известной статье [Mel'čuk 1994].

¹⁰ Видимо, мысль о супплетивизме возникает именно из-за антонимии, позволяющей построить аналогичную схему:

говорить красиво : *молоть языком*
краснобай : *пустозвон*

344; Veselinova 2006: 164]. При этом степень продуктивности выделяемых образцов, видимо, роли не играет¹¹.

Что касается различия между словоизменительным и словообразовательным супплетивизмом, то считается, что в первом случае супплетивные знаки относятся к одной и той же лексеме (и поэтому здесь говорится о «формах»), а в случае второго — к разным лексемам, связанным отношениями производности [Мельчук 2001: 429].

Кроме этих особенностей, нужно отметить следующие положения Мельчука.

1. Понятие «супплетивизм» применяется к парам минимальных знаков, а таковыми считаются как морфы и мегаморфы (т. е. морфологически неразложимые сегменты, обслуживающие более одного грамматического и/или лексического значения)¹², так и фразеологизованные словосочетания [Мельчук 2001: 421, 423], примеры которых можно увидеть в (3).

2. Супплетивизм — градуальное свойство, которое зависит от степени формальной нерегулярности [Мельчук 2001: 426–428, 439]. Самая сильная степень супплетивизма достигается, когда какие-либо два соотнесенных парадигматически знака S_1 и S_2 нельзя свести ни друг к другу, ни к какому-либо третьему знаку с помощью активных морфонологических чередований (например, *реб-ён-ок* — *дет-и*, но также *четыре* — *сорок*). Со слабым супплетивизмом мы имеем дело, когда обнаруживается какое-либо уникальное чередование, но «формальное сходство между S_1 и S_2 не слишком велико, чтобы признать их безоговорочно супплетивными» [Там же: 440]; ср. англ. *child* — *child-ren*, лит. *žmog-us* ‘человек’ — *žmon-ės* ‘люди’, а также *при-еха-ть* — *при-езжа-ть*.

3. Как супплетивные могут определяться отношения не только среди лексических морф, т. е. аллолексов (например, франц. *all-ons* — *i-r-ons* ‘(мы) идем — пойдем’, а также *all-ons* — *va-i-s* ‘(мы) идем — (я) иду’, рус. *и-е-л* — *ид-ет*, а также *ид-ет* (или *ид-ти*) — *ход-о*, но и среди морф с грамматическими значениями (включая и словообразовательные), например (*много*) *стол-ов*, *деревь-ев*, *словар-ей*, *книг-о*. Тем самым алломорфизм в области аффиксов трактуется как частный случай супплетивизма [Мельчук 2001: 422, 429, 433].

4. Мегаморфы могут выражаться в виде целых словоформ, представляющих сплав лексического значения с функциями грамем, т. е. корни неотделимы от грамматических показателей, а точнее говоря, корни сами выступают показателями грамматических значений в рамках определенных парадигм (ср. англ. *am* — *are* — *is* — *was* — *were* — *be*).

5. Между тем исключается супплетивизм между лексическими синонимами, если между ними нет никаких грамматических различий (например, *огромн-ый* — *громадн-ый*). Хотя это явно не сказано, но причина очевидным образом состоит

¹¹ Как раз с этой точки зрения примеры (3) очень сомнительны. В общем и целом проблемы с продуктивностью редко когда подвергались критической оценке в работах по супплетивизму: «The issue of productivity and generality of a derivational pattern is rarely discussed at length in relation to suppletion» [Veselinova 2006: 13]. Систематический обзор см. [Там же: 9–18, 163–169].

¹² Более принятый термин — *морфемы-портманто*.

в том, что «обыденные» синонимы не обладают свойством дополнительного распределения по отношению к грамматическим морфам [Мельчук 2001: 424 и след.] и вместе с тем не входят в парадигматические отношения, обусловленные грамматическими противопоставлениями.

В связи с пунктом 5 стоит отметить ряд примеров, которые Мельчук [2001: 432] приводит в качестве иллюстрации супплетивизма основ-мегаморф при словоизменении. Примеры эти представляют собой супплетивные видовые пары (основы выделены полужирным шрифтом; СВ = совершенный вид, НСВ = несовершенный вид):

(4)	НСВ	СВ
	говор(-ить)	сказ-ать
	бр-ать	вз-ять
	клас-ть	полож-ить

Таким образом, признается, что основы объединяют в себе лексическое значение и указание на принадлежность к СВ или НСВ. Лексическое значение совпадает, но каждой основе «целиком» приписан либо СВ, либо НСВ¹³. А если добавить показатели времени и лица-числа (выступающие как мегаморфы в непрошедшем и как отдельные морфы в прошедшем времени), грамматические значения основ-мегаморф не изменяются. Так что непонятно, почему Мельчук относит вид к словоизменяемым категориям. Его характеристика супплетивизма в (4) определяет вид в отношении основы, а не окончания¹⁴, и он не меняется в зависимости от форм парадигмы, которые выражаются морфемами за пределами основы. Данное положение дел полностью соответствует определению классифицирующей категории из работы [Зализняк 1967: 31–32]: «граммемы словоизменяемых грамматических категорий характеризуют отдельные словоформы парадигмы, противопоставляя их другим словоформам той же парадигмы. Граммема классифицирующей грамматической категории, напротив, характеризует парадигму в целом, противопоставляя ее другим парадигмам». Если попарные основы в (4) сохраняют статус супплетивных членов в отношении категории вида, то получается, что перед нами случаи супплетивизма лексических синонимов. Такую ситуацию Мельчук в принципе исключал (см. выше п. 5). На деле она оказывается вполне реальной и даже в известном пределе предсказуемой, если за видом признается статус классифицирующей категории. Но тогда появляется другая проблема. Понятия парадигмы и лексем (в понимании Московской семантической школы) не только тесно связаны, но, с точки зрения Мельчука и Зализняка, а также Апресяна, они обуславливают друг друга (подобно парам понятий типа *левый* : *правый*, *верх* : *низ*): все формы одной и той же лексем определяются по отношению к единой парадигме,

¹³ В соответствии с [Veselinova 2006] такой случай можно назвать категориальным супплетивизмом по отношению к виду: у каждой из основ имеется своя (частная) парадигма форм по времени и лицу-числу.

¹⁴ Тем самым Мельчук сам ставит эти примеры на одну доску с крайними случаями сплыва лексического корня с показателями граммем (ср. англ. *am* — *is* — *was* в п. 4).

а единая парадигма мыслима только по отношению к лексеме; понятия эти создают замкнутый круг. Если же следовать определению классифицирующей категории, данному в [Плунгян 2011: 53], то единства парадигмы по отношению к парным основам СВ и НСВ нет: «определенное множество лексем данного языка без остатка разбивается на непересекающиеся подклассы, каждый из которых характеризуется своим значением некоторой грамматической категории. Эта категория приписана, таким образом, лексемам, а не словоформам и задает грамматическую классификацию лексики» (курсив в оригинале).

В частном случае парные основы могут быть супплетивными, и то как исключения на фоне регулярных образцов, в соответствии с которыми глагольные основы связаны между собой деривационными аффиксами. А откуда тогда берутся значения граммем СВ : НСВ, которые приписываются этим основам? Очевидно, они выводятся только из глобального распределения морфологически соотносительных основ по разным группам функций. Грубо говоря, основы класса СВ выступают только в одних группах контекстов, основы класса НСВ встречаются, соответственно, в других, а контексты (функции) обоих классов в идеале распределены дополнительно. Отсюда и грамматический характер оппозиции СВ : НСВ, и непересекающиеся подклассы (см. выше цитату из Плунгяна). Чтобы завершить круг рассуждений, нужно осознать, что разнокорневые, но синонимичные основы объединяются в видовые пары потому, что между ними наблюдается в принципе то же распределение, что и между членами видовых пар, образованных по регулярным аффиксальным образцам. Нужным может оказаться еще дополнительное условие, что такие разнокорневые основы не имеют регулярных соответствий противоположного вида. Почему без этого условия лексикографическая трактовка материала усложняется, станет понятным в § 3.4.

Далее, нужно понимать, что видовые пары — это всего лишь случаи полной лексической синонимии между основами с разным распределением по выше упомянутым контекстам, т.е. между представителями противопоставленных грамматических классов. Разное распределение между понимаемыми так синонимами включает устойчивые условия замены одного члена пары другим. Наиболее распространенные условия замены получили название *частновидовые функции*. К ним относятся и те, в которых глагол НСВ мыслится как «заместитель» СВ в событийном значении (нарративное настоящее, многократное, а отчасти и общефактическое); эти условия получили название *тривиальные*¹⁵. Разумеется, все эти условия и распределение по контекстам применяются по отношению к лексемам, представителями которых выступают основы. Но большая (если не преобладающая) часть споров о том, какие основы СВ и НСВ считать видовыми парами, вытекала из разных представлений о лексической синонимии и о тождестве лексических концептов. При этом нужно осознавать, что даже в бесспорных видовых парах толкования члена СВ и члена НСВ часто расходятся. Это показано, например, в работе [Гловинская 1982].

¹⁵ Более систематическое представление дается в [Зализняк, Шмелев 2000; Вимер 2001; 2017].

3. Избыточность... чего? — вариантов, синонимов или функций?

В дальнейшем я хочу обсудить, что в русской видовой системе делает супплетивные синонимы возможными. Заодно хочется указать на ряд проблем, которые возникают вследствие жесткой взаимной «увязки» понятий парадигмы и лексемы.

3.1. Вариативные суффиксы

Для обсуждения этих вопросов полезно вернуться к лексикографической трактовке видовых троек, изложенной в двух статьях нашего юбиляра [Апресян 1988; 1995б]. В них обсуждались не только биимперфективные тройки, но также тройки, в которых две основы НСВ отличаются суффиксами {a}/{va}¹⁶ и {iva}; например:

(5)	СВ	НСВ	НСВ
	<i>завернуть</i>	– <i>заворачивать</i>	/ <i>завертывать</i> (<i>покупку в бумагу</i>)
	<i>заготовить</i>	– <i>заготавливать</i>	/ <i>заготовлять</i> (<i>дрова на зиму</i>)
	<i>осмыслить</i>	– <i>осмыслять</i>	/ <i>осмысливать</i> (<i>увиденное</i>)
	<i>рассеять</i>	– <i>рассеивать</i>	/ <i>рассевать</i> (<i>пепел по ветру</i>)
	<i>нарезать</i>	– <i>нареза́ть</i>	/ <i>нарезывать</i> (<i>хлеб</i>)

Эти суффиксы вряд ли имеют статус отдельных морфем и даже статус алломорфов, поскольку сложно понять, на чем основывается их распределение. Сосуществующие основы НСВ практически не отличаются друг от друга значением, так что их следует считать вариантами, а вопрос о разных лексемах не встает. Именно этим данный тип троек кардинально отличается от биимперфективных троек (см. § 3.2). В тройках типа (5) основным вариантом НСВ обычно считается первый (перед косой чертой), а второй ущербен в том смысле, что он употребляется реже и часто ощущается как архаичный. Поскольку не удается установить общие правила распределения вариантов, каждый случай нуждается в индивидуальном словарном описании. В этом смысле он неудобен как для лексикографического описания, так и для установления связей с грамматическими правилами.

Как варианты Апресян оценивает также сосуществующие основы на *-стичь* и *-стигнуть*. Стоит отметить, что эти основы связанные, т. е. они не встречаются без приставок¹⁷. На самом деле такие варианты создают тройки, прямо противоположные тройкам в (5), поскольку две вариантные основы СВ противостоят одной основе НСВ, например:

(6)	СВ	СВ	НСВ
	<i>достичь</i>	/ <i>достигнуть</i>	– <i>достигать</i>

¹⁶ Для данного рассуждения не имеет значения, нужно ли считать {a} и {va} разными алломорфами или нет.

¹⁷ Ср. с *-нять* (*по-нять, при-нять, за-нять* и т. д.) и рядом других случаев. О связанных корнях и основах см. [Плунгян 2000: 50–51].

Однако вариантные основы СВ обнаруживают тенденцию к дополнительному распределению финитных и нефинитных форм: от основ *-стичь* преимущественно образуются формы прошедшего времени, тогда как от основ *-стигнуть* — формы будущего времени и все нефинитные формы¹⁸ [Апресян 1988: 37], т. е. вариативные основы начинают «делить между собой» совокупность флективных форм, включая и те, которые входят в расширенную парадигму нефинитных форм.

По мере того как распределение приближается к дополнительному, о простой вариативности говорить не приходится. Поэтому в плане взаимодействия с грамматическими правилами тройки типа (6) нуждаются в более пристальном внимании, чем тройки типа (5), у которых тенденции к дополнительному распределению флективных финитных и нефинитных форм не наблюдается (по крайней мере, мне неизвестно, чтобы кто-либо такую тенденцию отмечал). Тем не менее тройки в (5) и (6) роднит то, что вариативность основ не влечет за собой семантических последствий, в частности нет сколько-нибудь заметной тенденции к дополнительному распределению по видовым функциям.

То же самое в принципе можно сказать и о другом типе, который Апресян обсуждал в связи с вариативностью суффиксов. Речь идет о случаях, когда основа без дополнительного суффикса ведет себя как двувидовая, но имеется и дериват с суффиксом {iva}, который принимает на себя функции НСВ; ср., например, *арестовать* — *арестовывать*. Апресян трактует двувидовую основу как представителя двух форм глагола: одной для СВ и одной для НСВ. О проблемах со словоизменительной трактовкой видовой оппозиции СВ : НСВ уже говорилось выше. Альтернативно на данные случаи можно смотреть и так: имеются основы, которые на фоне всей классифицирующей системы не ведут себя однозначно ни как НСВ, ни как СВ, но есть и дериваты, которые нужно расценить как основы НСВ, хотя они и недостаточно «надежны» (т. е. предсказуемы — в зависимости от контекстов, требующих или предпочитающих либо СВ, либо НСВ), и поэтому основа без этого суффикса может по-прежнему выполнять функции, «предусмотренные» для НСВ¹⁹. Такая ненадежность и приводит к тому, что информация о возможности использования несуффиксированной основы как НСВ заносится в индивидуальную словарную статью. В плане распределения видовых функций между такими основами получается асимметрия.

3.2. Биимперфективные тройки

В обсуждении биимперфективных троек полезно различать две вещи: принципиальные рассуждения относительно их лексикографической трактовки, с одной стороны, и критерии их подразделения, с другой. Мы начнем с первого вопроса;

¹⁸ В соответствии с [Veselinova 2006] такое распределение характерно для некатегориального супплетивизма (non-categorical suppletion).

¹⁹ Вместе с тем, как указывал Апресян, многие основы без суффикса {iva} ущербны в плане частновидовых функций, а их суффиксальные дериваты склонны использоваться в дополнительных частновидовых функциях [Апресян 1988: 36]. По сути это обратная сторона того же явления.

для него окажется существенным понимание парадигмы и ее соотношения с понятием лексемы, т. е. той единицы, которая по сути является основным объектом лексикографического описания. В тройках бесприставочную основу НСВ я в дальнейшем буду называть НСВ₁, а основу вторичного имперфектива (с другим суффиксом) — НСВ₂. Ср., например:

- (7) НСВ₁ СВ НСВ₂
 множить – *умножить* – *умножать*
 места – *подместа* – *подметать*

Ю. Д. Апресян [1988; 1995б] рассматривает три альтернативные трактовки; первые две из них на деле реализованы в русской лексикографической практике. В соответствии с первой трактовкой в пару объединяются СВ и НСВ₂:

НСВ₁ СВ НСВ₂
 IPFV tantum²⁰ пара

С ней проблема в основном такова, что семантически НСВ₁ отстоит от СВ не больше, чем НСВ₂ от СВ. Предположение о том, что нет, например, **сделывать*, **написывать* (и что поэтому НСВ₁ *делать* и *писать* объединяются с СВ *сделать* и *написать* в пары), а существует НСВ₂ *умножать* и т. д., само по себе не дает основания усматривать разницу лексического значения между НСВ₁ и НСВ₂ [Апресян 1988: 39 и след.]. Вместе с тем представленное выше решение нельзя распространить на все тройки; ср., например, *есть* — *съесть* — *съесть*: тут скорее НСВ₂ отстоит от двух остальных основ (см. ниже).

Второй подход состоит в выделении двух равноправных пар таким образом, что СВ оказывается «шарниром», выступая членом СВ сразу в двух разных парах:

НСВ₁ СВ НСВ₂

При таком решении проблема заключается в том, что «*умножить* объявляется формой СВ от двух разных слов, т. е. элементов двух разных парадигм. Такое пересечение парадигм лингвистическая теория считает невозможным. <...> Получается парадокс: *множить* и *умножать* суть разные лексемы (синонимы), входящие в грамматическую парадигму одной и той же лексемы *умножить*» [Апресян 1988: 38]. Существенно, что данный парадокс возникает, оттого что между лексемой и парадигмой устанавливается одно-однозначная связь; поэтому нельзя «перекрестить» две парадигмы или, что при словоизменительном подходе равнозначно, две лексемы.

Желая избежать такого парадокса, мы могли бы обсудить еще и третье решение. Оно сводилось бы к тому, чтобы объединить все три члена тройки в единую парадигму:

НСВ₁ СВ НСВ₂

²⁰ То есть основа НСВ без соотносительной основы СВ.

Тогда НСВ₁ и НСВ₂ объявлялись бы вариантами друг друга, т. е., по сути дела, за ними признавался бы такой же статус, как за основами с вариативными суффиксами (типа *засеивать* / *засевать*; см. 5), хотя формальное различие между НСВ₁ и НСВ₂ больше, чем между такими суффиксальными вариантами.

Такую трактовку Апресян принципиально отвергает: «признание *множить* — *умножить* — *умножать* формами одного слова и, следовательно, элементами одной парадигмы логически приводит к такой ревизии глагольных парадигм, которая ни в какую реалистическую картину языка не укладывается» [Апресян 1988: 39]. Такой подход нужно считать «протоестественным», поскольку мы признавали бы, что «язык позволяет себе роскошь иметь от двух до пяти одинаково жизнеспособных вариантов одной и той же грамматической формы, порождаемых к тому же вполне живыми, а иногда и продуктивными процессами видо- и словообразования» [Там же: 40]. Дело бы не кончилось одними тройками, а распространялось бы дальше — на четвертки, пятерки и т. д., например:

- (8) *менять (иголки на шкуры)* — *обменять* — *обменивать* — *поменять*;
платить (за проезд) — *уплатить* — *уплачивать* — *заплатить*;
рвать (отношения) — *разорвать* — *разрывать* — *порвать*;
- (9) *готовить (инструмент)* — *приготовить* — *приготавливать* — *приготавливать*;
мерить (туфли) — *примерить* — *примерять* — *примеривать*;
- (10) *кутать (ребенка в платок)* — *закутать* — *закутывать* — *укутать* — *укутывать*;
лечить (ребенка от кори) — *вылечить* — *вылечивать* — *излечить* — *излечивать*;
молотить (рожь) — *обмолотить* — *обмолачивать* — *смолотить* — *смолачивать*;
- (11) *копить (деньги)* — *накопить* — *накапливать* — *накоплять* — *скопить* — *скапливать* — (разг.) *скоплять*

В связи с этими принципиальными возражениями Апресян пишет, что разная номенклатура (словоизменение, словообразование, классификационная категория, видообразование) вряд ли поможет понять «сущность русского вида». С тем, что терминология, если она сводится лишь к замене ярлыков, сама по себе ничего не решает, нельзя не согласиться. Однако интересно, что Апресян сам часто говорит о «видообразовании», очевидно потому, что этот термин более «безопасен», чем традиционное деление на словоизменение и словообразование: этот термин не заставляет определять морфологический статус обсуждаемых операций и единиц по отношению к грамматике и словарю²¹. Все равно мы оказались в тупике: ни одна из рассмотренных трактовок

²¹ Не желая вступать здесь в эту дискуссию, я хотел бы лишь указать на довольно длительную историю этого понятия, применяемого как своего рода «стратегия избегания». Эта история начинается по меньшей мере с работы [Исаченко 2003 (1960): 137] и продолжается поныне; ср. недавнюю статью [Горбова 2015].

не оказалась безупречной. Тем важнее предложение Апресяна, как выбраться из этого тупика: не следует впадать в иллюзию, будто возможно дать всем биимперфективным тройкам одинаковую трактовку; сходство их формального устройства необязательно говорит о том, что они тождественны также и содержательно.

Тем самым мы переходим к подразделению биимперфективных троек. Апресян [1988; 1995б] выделял четыре подтипа, причем представляют они собой лишь наиболее яркие участки некоторого континуума. Полужирным шрифтом обозначаются члены, которые, по Апресяну, имеют наибольшие права на парность:

НСВ₁ — СВ — НСВ₂ например: *вить (гнездо) — свить — свивать*

НСВ₁ — СВ — НСВ₂ например: *жать (итангу) — выжать — выжимать*

(НСВ₁) — СВ — НСВ₂ например: *гореть — сгореть — сгорать*

НСВ₁ — СВ — (НСВ₂) например: *пить — выпить — выпивать*

Интерес вызывает прежде всего второй подтип. В нем право на видовую парность признается за СВ и НСВ₂, а НСВ₁ считается IPFV tantum, синонимичным с парой СВ — НСВ₂. Однако НСВ₁ употребляется взамен форм этой пары в речи, если у говорящего «возникает в этом необходимость, например: *Ты что сейчас делаешь?* — **Пакую** вещи. — *Когда **запакуешь**, зайди*» [Апресян 1995а: 175; 1988: 42; 1995б: 111]. См. также:

(12) — *Что ты делаешь?* — **Мету** пол. — *Когда **подметешь**, вымой посуду.*

В таких случаях говорится о «несобственных формах» и указывается на параллель со словообразовательным супплетивизмом из (1): — *Сколько **стоит** эта книга?* — *Пять.* — *За такую **цену** ее никто не купит*, хотя тут о (несобственных) формах той же лексемы нет речи.

В этом механизме Апресян усматривает компенсацию «дефектной парадигмы одной лексемы за счет форм другой, синонимичной ей лексемы» [Апресян 1988: 42], и здесь он вводит разграничение между системой (фиксируемой в словаре) и узусом (наблюдаемым в речи). Тут напрашивается вопрос, почему вообще парадигма видовой пары считается дефектной; иначе говоря, почему в примерах типа (12) не употребляется НСВ₂ *подметаю*? Если *подметать* и *мести* синонимичны, но только *подметать* определяется в качестве «парного» НСВ к СВ *подмести*, то естественно ожидать, что *подметать* может выбираться во всех основных видовых функциях, свойственных основам НСВ, в том же лексическом значении, что и СВ, или что *подметать* имеет хотя бы больше видовых функций, чем *мести*, в разных типах контекстов, в которых СВ заменяется на равнозначный НСВ. А если НСВ₁ и НСВ₂ возможны в равной мере, то весь вопрос сводится к тому, какой из них чаще на деле реализуется в каком-то достаточно четко определенном типе контекстов (т.е. в том или ином частновидовом значении). А то, что окажется более частотной реализацией, будет соответствовать системе или узусу?

Подобное явление, как и подобный вопрос, возникает применительно к НСВ₁ из третьего подтипа, ср.:

- (13) — *Спасибо скажи, что не пишу протокол, не привлекаю. — Не дам... Я лучше сожгу его! — Жги...* — *спокойно ответил участковый и поднял глаза, огляделся. — Жги. Как раз ветерок к твоей хате. Ветер и вправду с утра шумел, серебря маковки тополей, легко пригибая их* (Б. Екимов. Пиночет. 1999) [НКРЯ].

В третьем подтипе НСВ₁ считается более отдаленным от СВ — НСВ₂, потому что приставочные основы не могут употребляться в контекстах, в которых предел подавляется (или он нерелевантен); ср.: *В комнате горит / *сгорает лампа* или *Костер горит ≠ сгорает быстро*. Напротив, в четвертом подтипе НСВ₂ считается более отдаленным от НСВ₁ — СВ, поскольку НСВ₂ употребителен в многократных контекстах, но неприменим или избегается в процессной функции (ср. *Смотри, он пьет / *выпивает*)²². Здесь стоит обратить внимание, что обоснования для определения «собственно видовой пары» из двух НСВ в каждом из двух случаев разные: в четвертом подтипе обоснование опирается на ограниченный набор частновидовых функций у НСВ₂, тогда как в третьем подтипе обоснованию подлежат различия в семантическом потенциале и вместе с тем разные синтаксически реализуемые валентности.

На самом деле одни и те же исследователи, подразделяя типы бимперфективных троек, исходят из разных критериев. Их можно вкратце охарактеризовать следующим образом.

1. Какой НСВ заменяет СВ в тривиальных условиях? Здесь на первом плане стоит возможность онтологического тождества обозначаемой ситуации.

2. Имеют ли НСВ₁ и НСВ₂ тенденцию к дополнительному распределению по частновидовым функциям (включая тривиальные), т. е. различаются ли оба НСВ в семантическом (акциональном) плане, но каждый из них может лексически заменить СВ? Если да, то следует ли это расценить как свидетельство того, что оба НСВ образуют с СВ совместную парадигму (как в формальном, так и в функциональном отношении)? Апресян от такой возможности категорически отказался, назвав ее «противоестественной» (см. выше).

3. Какой из НСВ обладает более широким набором частновидовых (в том числе тривиальных) функций и выступает в них чаще, чем другой НСВ? И какие из этих значений следует признать основными? В принципе такой вопрос был задан в [Апресян 1997], но трудно сказать, какие значения следует признать (более) основными.

4. У какого из НСВ больше совместных с СВ лексических значений (включая их варианты) с учетом синтаксически реализуемых валентностей? Этот вопрос четче всех ориентирован на лексикографическое описание. См. соответствующий анализ в [Храковский 2005: 53–57], а также анализ «биперфективной» тройки в [Богуславская 2012] (см. § 3.3).

Эти критерии практически нигде эксплицитно не различаются, хотя во многих случаях они приводят к разным результатам, прежде всего в оценке троек [см.: Вимер 2019: 49–56].

²² Точнее говоря, процессная функция возможна, но только если дополнительно вводятся количественные ограничители действия; ср.: *Смотри, он выпивает одну кружку за другой*.

Как бы то ни было, способность НСВ₁ заменять СВ, особенно в тройках подтипов 3 и 4, Ю. Д. Апресян [1995б] охарактеризовал как функцию «джокера»: НСВ₁ способен обозначать тот же лексический концепт, что и СВ (и парный с ним НСВ₂), только менее точно; уточнение же вносит речевой контекст. И тут снова возникает вопрос о том, что в каком-то определенном типе контекстов реализуется чаще. Конечно, на этот вопрос можно ответить только после корпусного исследования, в котором тщательно контролируются контекстные условия. Но даже если такое — весьма трудоемкое — исследование будет проведено и окажется, что в тройках, относящихся к любому из указанных выше подтипов (по Апресяну), НСВ₁ заменяет СВ чаще, чем НСВ₂, то какой вывод можно будет из такого результата извлечь для словарного описания? Нельзя отрицать существование НСВ₂, но НСВ₁ может оказаться более предсказуемым в качестве «лексической копии» СВ в тех контекстах, в которых СВ употребляться не может (или избегается).

Оппозиция между системой и узусом становится шаткой (или вообще распадается), если то, что считают «потенциалом системы», лишь изредка реализуется в речи (или не реализуется вообще). Апресян сам, хотя и косвенно, приходит к подобному выводу в двух моментах. Первый момент просматривается в критериях выделения четвертого подтипа биимперфективных троек, в которых НСВ₂ признается искусственным. Такие НСВ₂ «могут быть получены по продуктивным моделям видообразования, но скорее в виде потенциальных, чем реально используемых форм» [Апресян 1988: 41]. Второй момент был уже отмечен выше в связи с первой из возможных лексикографических трактовок биимперфективных троек: нельзя сказать, что объединение НСВ₂ (например, *умножать*) и СВ (*умножить* и т. д.) в видовую пару само по себе может быть достаточным основанием для того, чтобы признать соотносительный НСВ₁ (*множить* и т. д.) IPFV tantum, и наоборот — что самим отсутствием НСВ₂ (например, *сделывать*, *написывать*) можно обосновать решение, чтобы признать бесприставочную основу НСВ и соотносительную основу СВ видовой парой (*делать* — *сделать*, *писать* — *написать* и т. д.). В обоих лексикографических рассуждениях за исходное берется реализуемое, а не потенциальное. Вместе с тем вряд ли случайно, что искусственное отождествляется с редким, т. е. частотность хотя бы на интуитивном уровне влияет на предварительную сортировку материала по лексикографическим типам.

Вернемся еще ко второму из упомянутых только что рассуждений: ошибкой было бы считать бесприставочную основу глаголом IPFV tantum по одной лишь причине, что имеется НСВ₂ от соотносительной основы СВ²³. Для лексикографии проблемы создает особенно то обстоятельство, что вторичные имперфективы стали самым продуктивным способом образования основ НСВ из основ СВ. Существует много окказиональных и прочих образований, не принятых современной лексикографией, но иногда проживающих «подпольно» очень долгое время. Например,

²³ Обратной стороной той же медали является мнение разных ученых, что НСВ₂ следует считать излишним, если имеется однокоренной НСВ₁ (= бесприставочная основа). См., например, мнение П. С. Кузнецова в [Виноградов 1952: 320].

написывать в [НКРЯ] (старая версия, запрос делался в середине июля 2019 г.) имеет всего лишь девять вхождений в восьми документах, а последнее вхождение приходится на 1920 г.:

- (14) *Я в беспрерывном творчестве. Но вовсе не ведаю, что мне делать с **написывающимися** стихами* (К. Д. Бальмонт. Письма М. А. Волошину. 1920).

Между тем запрос в «Гугл» (середина июля 2019 г.) позволил убедиться, что основа НСВ₂ *написывать* (во всех основных употреблениях НСВ₁ *писать*) по-прежнему «жива». Нетрудно найти примеры типа:

- (15) *Почему девушки часто начинают **написывать** бывшим парням в соцсети после того, как случайно их встретят на улице?* [<https://otvet.mail.ru/question/215265044>].

Ввиду таких фактов постоянно возникает проблема учета «избыточности» с точки зрения лексикографии. На их примере можно убедиться в том, что язык (так сказать, через речь) постоянно позволяет себе роскошь излишества, причем несущественно, какой морфологический (и грамматический) статус мы будем признавать за наблюдаемой избыточностью (словоизменение, словообразование или, во избежание лишних дискуссий, видообразование). Намного интереснее понять, какие факторы приводят к тому, что одни варианты пробивают себе путь, другие вытесняются, а третьи могут сосуществовать довольно долго. И интересно, примет ли системная лексикография вызов, чтобы отражать эту динамику в своем моделировании.

«Редундантные отношения», стоящие за появлением вторичных имперфективов и за устройством той части видовой системы, которая связана с тройками (в частности, с биимперфективными), часты. Они могут появиться и снова исчезнуть в отдельных случаях, но как общее, динамическое явление они, видимо, будут сохраняться, пока вторичная имперфективация не перестанет быть продуктивной, а бесприставочные основы не исчезнут, — а ни на то, ни на другое не похоже.

Замечательно, что подобная динамика учитывалась в двух случаях супплетивизма, из которых один прямым образом связан с видом (§ 3.3), а другой показывает рост тенденции к дополнительному распределению этимологически различных, но синонимичных основ (§ 3.5). К этому можно добавить случаи наложения супплетивизма на видовые тройки, расположенные будто бы посередине (§ 3.4). Все эти явления хорошо вписываются в типологию соотношений супплетивизма и синонимии. Поэтому ими хочется завершить настоящий обзор.

3.3. Особый случай: биперфективная видовая тройка

В работе [Богуславская 2012] был проведен анализ корпусных данных, показывающих, как на протяжении примерно 250 лет в морфологически регулярной паре НСВ — СВ член СВ заменялся на другой, этимологически (почти) не соотносительный: в паре *возвращать* — *возвратить* на смену *возвратить* все больше

приходил *вернуть*; аналогичная ситуация имела место и относительно возвратного *возвращаться* — *возвратиться* / *вернуться*²⁴. Замена не дошла до конца, поэтому и сегодня *вернуть(ся)* и *возвратить(ся)* сосуществуют рядом практически во всех своих значениях и на этом основании имеют почти одинаковое право на видовую парность с НСВ *возвращать(ся)*.

Правда, *вернуть(ся)* сегодня намного частотнее, чем *возвратить(ся)*. С одной стороны, более старый член СВ (*возвратить(ся)*) лучше укоренен в языковой системе в том смысле, что у него более развиты словообразовательные связи (ср. *возврат*, *невозвратный* и т. д.); от этой основы также образуется причастие в пассиве, тогда как *вернуть* не образует нужных для пассива форм причастий, т. е. его парадигма слегка дефектна. Заодно перед нами дополнительное распределение, подобное распределению у связанных основ типа *-стичь/-стигнуть* (см. § 3.1). С другой стороны, у *вернуть* и *вернуться* чуть более развита полисемия (с вариантами значений), чем у *возвратить* и *возвратиться* [см.: Богуславская 2012: 77–82]. В то же время необходимо учесть также приставочные дериваты обеих основ СВ. Для *возвратить* таких дериватов нет (может быть, потому, что в эту основу уже входит приставка), зато у *вернуть* их множество, ср. неполный список: *ввернуть*, *вывернуть*, *повернуть*, *свернуть*, *завернуть*, *провернуть*, *развернуть*, *отвернуть*, *перевернуть*, *подвернуть* (аналогично для *вернуться* vs. *возвратиться*).

Устройство тройки *возвращаться* — *возвратиться* / *вернуться* представляет собой зеркальное отражение устройства биимперфективных троек, и поэтому ее можно назвать биперфективной. Но на этом, пожалуй, сопоставимость кончается. Во-первых, биперфективная тройка строится на супплетивной замене (см. сноску 17); бывшая видовая пара *возвращаться* — *возвратиться* в формальном отношении подверглась расподоблению. Во-вторых, насколько мне известно, такой случай для русского языка единичен, в то время как биимперфективных троек весьма много. Эта уникальность объясняется, видимо, тем, что *верну-* — одна из немногих бесприставочных основ (из славянского фонда морфем), которые относятся к СВ, а также тем, что *вернуть(ся)* с точки зрения морфемной структуры не обладает (с середины XVIII в.²⁵) эквивалентом НСВ. Поэтому до того, как эти основы «вторглись» на место *возвратить(ся)*, их можно было отнести к *perfectiva tantum*. Есть, правда, случаи (тоже единичные), в которых основа СВ с одной приставкой

²⁴ Корни *верт(еть)* / *вер(нуть)* и *ворот(ить)* этимологически родственны в очень далеком прошлом [подробнее см.: Богуславская 2012: 76], но вряд ли распознаваемы как однокоренные в современном языке, а *врат(ить)* — церковнославянское соответствие полногласного *ворот(ить)*. Оба тем самым изначально являются вариантами, но (как обычно в литературном русском языке при «дублетах» славянизма и его восточнославянского эквивалента) сейчас находятся в практически дополнительном лексическом распределении. К тому же *-вратить* превратилось в связанную основу.

²⁵ Судя по данным [НКРЯ] и по словарю В. И. Даля [1: 182], *вертеть* и *вертеться* по крайней мере с середины XVIII в. выступали только в тех значениях, которые известны в современном языке. Однокоренные основы *верте(ть)* и *верну(ть)* должны были семантически разъединиться достаточно давно.

«подшивается» под однокоренную пару с другой приставкой; ср. *уснуть* по отношению к *заснуть* — *засыпать*. Но в таком случае, как правило, о тройке не говорится. Видимо, это не столько потому, что *уснуть* стилистически маркировано и вместе с тем встречается несколько реже, чем *заснуть* (7 809 против 11 206 вхождений в [НКРЯ] — новая версия, запрос от 22 ноября 2019 г.), сколько потому, что мену приставок не считают проявлением алломорфизма, даже если получаемые основы синонимичны (в отличие от мены суффиксов; см. § 3.1). Следовательно, однокоренные основы с разными приставками трактуются как разные лексемы.

3.4. Обязательно ли супплетивизм противодействует лексическому единству в тройке?

На этом фоне интересно отметить, что возникновение супплетивной пары НСВ — СВ может помешать образованию биимперфективной тройки. См. соотношения основ в (16):

- (16) *брать(ся)* — *забрать(ся)* — *забирать(ся)*
 |
 взять(ся) (vs. *взимать*: IPFV tantum)

Когда-то основа СВ *взять(ся)* семантически отъединилась от «родственной» основы НСВ *взимать(ся)*. *Взимать* обособилось как imperfectivum tantum, но *взять(ся)* вступило в дополнительное грамматическое распределение со своим синонимом *брать(ся)*, так что обе основы стали одной из самых частотных, если не самой частотной видовой парой. Теперь на момент отвлечемся и прикинем, что случилось бы, если бы основы НСВ *брать(ся)* не «нашли себе» дополнительных партнеров СВ *взять(ся)*. Тогда было бы трудно отказаться от мысли, что *брать(ся)* имеет смысл рассматривать как НСВ₁ к *забрать(ся)* — *забирать(ся)*, а все три основы вместе — как биимперфективные тройки. По сути дела, и сегодняшний супплетивизм *брать(ся)* — *взять(ся)* в принципе не мешает рассматривать такую нестандартную трактовку: в (16) была бы представлена биимперфективная тройка с одним разнокорневым синонимом, дублирующим функции члена СВ. Насколько я могу судить, лексикографическая практика такую альтернативную трактовку не учитывает. И если это так, то такая практика имплицитно признает супплетивизм по виду более адекватным «отражением реальности», чем возможность объединения бесприставочных основ НСВ в тройки (или соединения супплетивизма с тройкой).

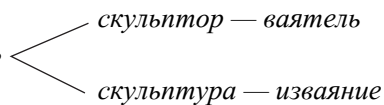
Что, однако, делать в случае, когда от бесприставочной основы НСВ образуется сразу два деривата СВ с разными приставками и каждый из этих дериватов, в свою очередь, образует вторичный имперфектив? При этом все пять основ имеют одинаковое лексическое значение. См., например:

- (17) *паковать*
 / *запаковать* — *запаковывать*
 \ *упаковать* — *упаковывать*

Такие случаи не обособлены, так что ими пренебречь нельзя (см. подробный разбор в [Janda et al. 2013: §§ 5–6]). Перед нами как будто две вставленные друг в друга биимперфективные тройки четвертого подтипа (см. § 3.2), а вдобавок оба приставочных СВ имеют равное право считаться «собственно видовым» коррелятом НСВ *наковать*. В [Апресян 1995а: 174–175] эта ситуация представляется как своего рода дилемма (с точки зрения словоизменения), поскольку не только *наковать* соотносится одновременно с двумя синонимичными дериватами СВ, но и все дериваты СВ и НСВ с приставками *за-* и *у-* синонимичны друг другу и поэтому могут в пределах «своих» частновидовых значений заменять друг друга.

Думается, что дилемма снимается, если допустить полностью синонимичные отношения между однокорневыми видовыми парами с разными приставками, а в дополнение — «спаренные» через НСВ₁ биимперфективные тройки. Если НСВ₁ *наковать* все равно признается «джокером» (см. § 3.2), то оно с лексикографической точки зрения и так стоит особняком, а «группировки родственных основ», как в (17), предстают как крайние случаи, когда вследствие деривации основ в пределах одной части речи лексическое значение остается неизменным. В конце концов, тройкам как таковым в праве существования не отказывают (см. § 3.2), а существуют также синонимичные видовые пары, образованные от разных корней, у которых распределение видовых функций (в большей или меньшей мере) совпадает, но никто не думает объединять их в одну парадигму; ср., например, близкозначные пары *зарывать* — *зарыть* и *закапывать* — *закопать*, *спешить* — *поспешить* и *торопиться* — *поторопиться*, *притворяться* — *притвориться* и *прикидываться* — *прикинуться*, *отнимать* — *отнять* и *отбирать* — *отобрать*.

Здесь можно вернуться к началу статьи и указать на аналогию между «пятеркой» в (17) и словообразовательной пятеркой с меной части речи и супплетивными членами, как в (18):

- (18) *(из)ваять*

Исходный глагол становится «шарниром» для двух пар синонимов, в каждой из которых один член делит корень с исходным глаголом. Соотношение между *ваять* и *скульптор* / *ваятель* (или между *изваять* и *скульптура* / *изваяние*) вряд ли можно считать тройкой, но собственно только потому, что ни между синонимичными существительными (в каждой паре), ни между глаголом и любой из пар существительных нет грамматических условий распределения (кроме «тривиальных» условий, требующих той или иной части речи).

3.5. Слияние неполных парадигм синонимов в единую супплетивную парадигму

В работе [Апресян 2002: § 2.1] описывается процесс взаимного дополнения парадигмы финитных и нефинитных форм двух близкозначных глаголов — *хотеть* и *желать*: *хотеть* стилистически нейтрально употребляется в финитных формах

утвердительных и вопросительных предложений, а *желать* — в нефинитных формах и в императиве, к тому же этот глагол обладает более развитыми словообразовательными связями (ср. *желание, пожелание, желательный*). Апресян подводит следующий итог: «Распределение личных и неличных форм глаголов *хотеть* и *желать* еще не приобрело той стройности, которая характеризует дополнительное распределение. В частности, у обоих есть нейтральный инфинитив» [Там же: 19]. Тем не менее: «Налицо тенденция к слиянию двух неполных парадигм близко синонимичных глаголов в одну супплетивную парадигму. <...> В результате *желать* и *хотеть* тяготеют к слиянию в один глагол с супплетивной грамматической и словообразовательной парадигмами, в которых все члены стилистически нейтральны» [Там же: 19].

Как этот пример, так и пример с *вернуть(ся)* в § 3.3 уместно считать случаями превращения «несобственных форм», заполняющих лакуны в парадигме другой основы, в супплетивные эквиваленты²⁶. Впрочем, даже среди членов достаточно бесспорных видовых пар синонимия может оказаться неполной. Так, например, А. Д. Шмелев [2012: 584] показал, что НСВ *ударять* не может заменять «свой» СВ *ударить* в сочетании *ударить по воротам*. В этом (и видимо, только в этом) сочетании место *ударять* занимает *бить (по воротам)*. Такой идиосинкратический случай иллюстрирует зачаток развития фразем, включающих супплетивизм. Заодно такие зачатки создают лексикографические проблемы различения вариантов и синонимов.

Конечно, для каждого отдельного случая встает вопрос, действительно ли лакуны возникли до того, как их стали заполнять формы другой основы (pull-in effect), или же регулярные формы парадигмы вытеснялись вроде бы «излишними» формами синонимичной основы (push-out effect). Но сравнение таких случаев показывает, что подобные процессы приводят к изменениям в видовой парности так же, как и в более традиционных парадигматических отношениях (обсуждаемых в рамках словоизменения).

4. Заключение

Явления, в которых можно усмотреть супплетивизм, крайне интересны для оценки «серой зоны» между словарем и грамматикой [Veselinova 2006], и тем самым для фундаментальных задач системной лексикографии. Супплетивные отношения нельзя считать просто случайными причудами языка. Напротив, они свидетельствуют о том, что парадигматические структуры подвержены изменениям, и в большой мере из-за того, что между членами этих структур часто наблюдается асимметрия, а семантически или функционально близкие средства, у которых по разным причинам меняется продуктивность, способны занимать «слабые звенья» (или клетки) в парадигмах. Это верно независимо от того, какой

²⁶ Этот механизм хорошо описан в [Veselinova 2006], причем как для категориального, так и для некатегориального супплетивизма.

морфологический статус признается за задействованными единицами; как справедливо сказано в [Veselinova 2006: 10]: «...it is not always entirely clear where one is to draw the line between suppletive forms related in a derivational way on the one hand, and separate lexical items on the other. In this respect, suppletion draws the limit of the possible word». Как я попытался показать, в известном смысле обратной стороной супплетивизма являются рассмотренные Апресяном типы избыточности форм в парадигме. Процессы, ведущие к супплетивизму, равно как процессы, обуславливающие «переполнение» клеток в предполагаемых парадигмах, заставляют принимать решения о соотношении единиц словаря (а такая единица принимается как общее для всех форм парадигмы значение) и грамматики (в которой определяются правила соединения словарных единиц с членами парадигмы).

Заодно решения, которые принимаются в серых зонах, много говорят о модели, заложенной самими лингвистами. С особой остротой проблемы вырисовываются, когда мы углубляемся в исследование типов образования глагольных основ в русском языке. Поскольку вид относится к стержневым грамматическим категориям в любом славянском языке, а в дополнение он теснейшим образом связан с глагольной лексикой (не только в славянских языках), эти проблемы оказывались устойчивыми с момента возникновения аспектологических разысканий также и для русского языка и, естественно, для концепции интегрального словаря. Сомнительно, что эти проблемы удастся преодолеть, если вокруг видообразования ведутся споры о том, нужно ли рассматривать русский вид как словоизменительную категорию или как другой тип категории, а не спрашивается просто о том, какой тип единиц создает парадигматические отношения — и на основании каких семантических (или функциональных) противопоставлений. Вместе с тем необходимо определиться, сколь жестко понимается лексическое тождество и как поступать с зачатками идиосинкратического ограничения лексической сочетаемости (ср. пример *бить* / **ударять* — *ударить по воротам*, приведенный в § 3.5), а также как расценивать различия в частотности вариантов или синонимов (см. § 3.1–3.2). В связи с супплетивизмом Мельчук задавал шкалу регулярности (по форме), но очевидным образом мы нуждаемся также в шкале по продуктивности применения морфологических образцов, причем отдельно для продуктивности в отношении словарных единиц (включая варианты) и в отношении реализации на уровне текста (type vs. token frequency). Уместно расширить учет супплетивизма на уровень соотношения основ, связанных словообразовательными отношениями в пределах одной части речи. Мельчук предпринял этот шаг фактически именно на примере супплетивных видовых пар, хотя тем самым он показал неправомерность одной из своих предпосылок (см. § 2). Супплетивные видовые пары строятся на синонимии глагольных основ с дополнительным распределением по грамматически релевантным контекстам. Вдобавок хотя бы одна из этих основ должна была «лишиться» своего коррелята оппозитивного вида; если же у другой основы осталась связь с синонимичной и словообразовательно «родственной» основой противоположного вида (или со стандартной видовой парой), возможные супплетивные и регулярные отношения накладываются друг на друга (ср. пример 16).

Предложенное расширение типологии супплетивизма позволяет увидеть градуальность и сходство в соотношениях между корнями, основами и аффиксами, т. е. между единицами разного морфологического «формата» (и способами их соединения). В связи с этим стоило бы подумать над ревизией представлений о морфологической парадигме и ее связи с понятием лексемы. В частности, почему нельзя признать единую парадигму за родственными, но разными лексемами, например в видовых тройках?

Литература

Апресян Ю. Д. Морфологическая информация для толкового словаря // Словарные категории / отв. ред. Ю. Н. Караулов. М. : Наука, 1988. С. 31–53.

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М. : Языки русской культуры, 1995а. 481 с.

Апресян Ю. Д. Трактовка избыточных аспектуальных парадигм в толковом словаре // *Апресян Ю. Д.* Избр. тр. Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. М. : Языки русской культуры, 1995б. С. 102–113.

Апресян Ю. Д. Лексикографическая трактовка вида: нетривиальные случаи // Труды аспектологического семинара Филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 2 / отв. ред. М. Ю. Черткова. М. : Изд-во МГУ, 1997. С. 7–20.

Апресян Ю. Д. Взаимодействие лексики и грамматики: лексикографический аспект // Русский язык в научном освещении. 2002. №3 (1). С. 10–29.

Богуславская О. Ю. Близкие синонимы: 250 лет соперничества // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты : сб. ст. в честь 80-летия И. А. Мельчука / отв. ред. Ю. Д. Апресян и др. М. : Языки славянских культур, 2012. С. 75–86.

Вимер Б. Аспектуальные парадигмы и лексическое значение русских и литовских глаголов (Опыт сопоставления с точки зрения лексикализации и грамматикализации) // Вопросы языкознания. 2001. №2. С. 26–58.

Вимер Б. О роли приставок и суффиксов на ранних и поздних этапах истории славянского вида // The Role of Prefixes in the Formation of Aspectuality (Issues of Grammaticalization) / ed. by R. Benacchio, A. Muro, S. Slavkova. Firenze : Firenze University Press, 2017. P. 219–253.

Вимер Б. О семантически инвариантном и грамматически тривиальном в русском виде // Сборник статей к 85-летию В. С. Храковского / отв. ред. Д. С. Герасимов, С. Ю. Дмитренко, Н. М. Заика. М. : Языки славянских культур, 2019. С. 43–66.

Виноградов В. В. Современный русский язык. Морфология (Курс лекций). М. : Изд-во МГУ, 1952. 519 с.

Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М. : Наука, 1982. 155 с.

Горбова Е. В. Видообразование русского глагола: префиксация и/или суффиксация? // Вопросы языкознания. 2015. №1. С. 7–38.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956.

Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М. : Наука, 1967. 760 с.

Зализняк А. А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. Русская аспектология: в защиту видовой пары. М. : Языки славянских культур, 2015. 392 с.

Зализняк А. А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М. : Языки славянских культур, 2000. 226 с.

Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. 2. М. : Языки славянских культур, 2003. 570 с.

Мельчук И. А. О супплетивизме // Проблемы структурной лингвистики — 1971 / отв. ред. С. К. Шаумян. М. : Наука, 1972. С. 396–438.

Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 4. Ч. 5 : Морфологические знаки. М. ; Вена : Языки славянских культур, 2001. 580 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/>

Плунгян В. А. Общая морфология (Введение в проблематику). М. : URSS, 2000. 384 с.

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М. : Изд-во РГГУ, 2011. 672 с.

Храковский В. С. Аспектуальные тройки и видовые пары // Русский язык в научном освещении. 2005. № 1. С. 46–59.

Шмелев А. Д. Супплетивизм или синонимия? // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты : сб. ст. в честь 80-летия И. А. Мельчука / отв. ред. Ю. Д. Апресян и др. М. : Языки славянских культур, 2012. С. 573–586.

Janda L. A., Endresen A., Kuznetsova J., Lyashevskaya O., Makarova A., Nesset T., Sokolova S. Why Russian Aspectual Prefixes Aren't Empty (Prefixes as Verb Classifiers). Bloomington, Indiana : Slavica, 2013. 212 p.

Mel'čuk I. A. Suppletion: Toward a Logical Analysis of the Concept // Studies in Language. 1994. № 18 (2). P. 339–410.

Veselinova L. N. Suppletion in Verb Paradigms. Amsterdam, Philadelphia : Benjamins, 2006. 236 p.

Björn Wiemer

Johannes Gutenberg University Mainz

(Germany, Mainz)

wiemerb@uni-mainz.de

A DIFFERENT LOOK AT SYNONYMS AND SUPPLETION, THAT IS FROM THE PERSPECTIVE OF STEMS

The article deals with problems related to suppletion and demonstrates that, to some extent, these problems mirror phenomena which Ju.D. Апресян qualified as redundant in the paradigms of verb stems entering into so-called aspect triplets. Both types

of processes, those leading to suppletion and those conditioning an “overfill” of cells in assumed paradigms, require decisions concerning the relation between lexical units and grammar. Using this background, the article evaluates I. A. Mel'čuk's classification of suppletion and a couple of claims concerning the notions of lexeme and paradigm. Eventually, reasons are formulated which make us revise the conceptions of morphological paradigms and their relation to the notion of the lexeme. Such a conception should account for verb stems as units which form the basis of functional oppositions with a key role in Russian grammar. Concomitantly, it is suggested that a typology of suppletion should account not only for the degree of regularity in the formal relation between the units which are connected paradigmatically, but also for the productivity of morphological patterns. This applies to both the links between units in the lexicon and their realization on the discourse level (type vs. token frequency).

Key words: the Russian language, paradigm, lexeme, suppletion, aspect triplets, systemic lexicography, verb stems, grammatical categories.

References

Apresyan Yu.D. [Morphological Information for an Explanative Dictionary]. *Slovarnye kategorii* [Categories of the Lexicon]. Yu.N. Karaulov (Ed.). Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 31–53. (In Russ.)

Apresyan Yu.D. *Leksicheskaya semantika: sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical Semantics: Means of Synonymy in Language]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1995a, 481 p.

Apresyan Yu.D. [The Treatment of Redundant Aspectual Paradigms in the Explanatory Dictionary]. Apresyan Yu.D. *Izbr. tr. T. 2: Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected Works. Vol. 2: The Integral Description of Language and Systemic Lexicography]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1995b, pp. 102–113. (In Russ.)

Apresyan Yu.D. [The Lexicographic Treatment of Aspect: Nontrivial Cases]. *Trudy aspektologicheskogo seminara Filologicheskogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova. T. 2* [Studies of the Aspectological Seminar of the Faculty of Philology of the Moscow State University. Vol. 2]. M.Yu. Chertkova (Ed.). Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 1997, pp. 7–20. (In Russ.)

Apresyan Yu.D. [The Interaction between Lexicon and Grammar: Lexicographic Aspect]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2002, No. 3 (1), pp. 10–29. (In Russ.)

Boguslavskaya O.Yu. [Close Synonyms: 250 years of Competition]. *Smysly, teksty i drugie zakhvatyvayushchie syuzhety: sb. st. v chest' 80-letiya I. A. Mel'chuka* [Senses, Texts and Other Exciting Topics : A Collection of Articles for Igor A. Melchuk on the Occasion of his 80th Anniversary]. Yu.D. Apresyan et al. (Eds.) Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2012, pp. 75–86. (In Russ.)

Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Contemporary Great Russian Language] (Vols. 1–4). Moscow, St. Publ. of Foreign and National Dictionaries, 1956.

Glovinskaya M.Ya. *Semanticheskie tipy vidovykh protivopostavlenii russkogo glagola* [The Semantic Types of Aspect Oppositions of the Russian Verb]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 155 p. (In Russ.)

Gorbova E. V. [Aspect Formation of the Russian Verb: Prefixation and/or Suffixation?]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2015, No. 1, pp. 7–38. (In Russ.)

Isachenko A. V. *Grammaticheskii stroi russkogo yazyka v sopostavlenii s slovatskim. Morfologiya. Ch. 2* [The Grammatical Structure of Russian in Contrast with Slovak Morphology. Iss. 2]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2003, 570 p.

Janda L. A., Endresen A., Kuznetsova J., Lyashevskaya O., Makarova A., Nessel T., Sokolova S. *Why Russian Aspectual Prefixes Aren't Empty (Prefixes as Verb Classifiers)*. Bloomington, Indiana, Slavica Publ., 2013, 212 p.

Khrakovskii V. S. Aspektual'nye troiki i vidovye pary [Aspect Triplets and Pairs]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2005, No. 1, pp. 46–59. (In Russ.)

Mel'chuk I. A. [On Suppletion]. *Problemy strukturnoi lingvistiki — 1971* [The Problems of Structural Linguistics — 1971]. S. K. Shaumyan (Ed.). Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 396–438. (In Russ.)

Mel'čuk I. A. Suppletion: Toward a Logical Analysis of the Concept. *Studies in Language*, 1994, No. 18 (2), pp. 339–410.

Mel'chuk I. A. *Kurs obshchei morfologii. T. 4. Ch. 5: Morfologicheskie znaki* [A Course on General Morphology. Vol. 4. Part 5: Morphological Signs]. Moscow, Vienna, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2001, 580 p.

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [The National Corpus of the Russian Language]. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 15.07.2019, 22.11.2019)

Plungyan V. A. *Obshchaya morfologiya (Vvedenie v problematiku)* [General Morphology (An Introduction to Problems)]. Moscow, URSS Publ., 2000, 384 p.

Plungyan V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to Grammatical Semantics: Grammatical Meanings and Grammatical Systems in the Languages of the World]. Moscow, Russian St. Univ. for the Humanities Publ., 2011, 672 p.

Shmelev A. D. [Suppletion or Synonymy?]. *Smysly, teksty i drugie zakhvatyvayushchie syuzhety: sb. st. v chest' 80-letiya I. A. Mel'chuka* [Senses, Texts and Other Exciting Topics : A Collection of Articles for Igor A. Melchuk on the Occasion of his 80th Anniversary]. Yu. D. Apresyan et al. (Eds.). Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2012, pp. 573–586. (In Russ.)

Veselinova L. N. *Suppletion in Verb Paradigms*. Amsterdam, Philadelphia, Benjamins Publ., 2006, 236 p.

Vinogradov V. V. *Sovremennyi russkii yazyk. Morfologiya (Kurs lektsii)* [Contemporary Russian Language. Morphology (A Series of Lectures)]. Moscow, Moscow St. Univ., 1952, 519 p. (In Russ.)

Wiemer B. [Aspectual Paradigms and the Lexical Meanings of Russian and Lithuanian Verbs (A Contrastive Study from the Point of View of Lexicalization and Grammaticalization)]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2001, No. 2, pp. 26–58. (In Russ.)

Wiemer B. [On the Role of Prefixes and Suffixes at the Early and Late Stages in the History of the Slavic Aspect]. *The Role of Prefixes in the Formation of Aspectuality (Issues of Grammaticalization)*. R. Benacchio, A. Muro, S. Slavkova (Eds.). Firenze, Firenze Univ. Press, 2017, pp. 219–253. (In Russ.)

Wiemer B. [On the Semantically Invariant and Grammatically Trivial Components in the Russian Aspect]. *Sbornik statei k 85-letiyu V.S. Khrakovskogo* [A Collection of Articles for the 85th Anniversary of V.S. Khrakovsky]. D.S. Gerasimov, S.Yu. Dmitrenko, N.M. Zaika (Eds.). Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tu Publ., 2019, pp. 43–66. (In Russ.)

Zaliznyak A. A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie* [Russian Nominal Inflection]. Moscow, Nauka Publ., 1967, 760 p.

Zaliznyak A. A., Mikaelyan I. L., Shmelev A. D. *Russkaya aspektologiya: v zashchitu vidovoi pary* [Russian Aspectology: in Defence of the Aspect Pair]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2015, 392 p.

Zaliznyak A. A., Shmelev A. D. *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu* [Introduction to Russian Aspectology]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2000, 226 p.

О. Ю. Богуславская
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
boguslavskaya.olga@gmail.com

МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИСЕМИИ У АНАФОРИЧЕСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ*

Исследуются механизмы развития полисемии у анафорических прилагательных *такой, другой, иной, этот, тот* и некоторых других близких к ним слов. Для них не характерны такие распространенные источники полисемии, как метафора и метонимия. Тем не менее все эти слова многозначны (не менее четырех значений по данным словарей). Рассмотрены следующие основные источники полисемии для рассматриваемого лексикографического типа. 1. Переход от анафорических употреблений к дейктическим, характерный для всех рассматриваемых слов. 2. Элиминация семантических компонентов, в ряде случаев приводящая к изменению числа валентностей. Например, *такой* в основном, анафорическом значении приписывает свойства ранее упомянутого объекта объекту, обозначаемому существительным, от которого *такой* зависит. Но в одном из производных значений *такой* сигнализирует о том, что объект имеет свойства, которые будут описаны далее. Ср. *У меня такое предчувствие, что он уже не вернется сюда* (К. Симонов). 3. Развитие особых типов сравнительных конструкций, указывающих на одинаковую степень свойства у двух объектов или ситуаций. Ср. *У сына не было такого яркого дарования, как у отца*. 4. Добавление семантических компонентов. Ср., например, добавление указания на неопределенность в случае прилагательного *иной* в примерах типа *Иные люди от природы наделены большой физической силой*. 5. Субстантивация.

Ключевые слова: семантика, лексикография, лексикографический тип, анафора, полисемия.

* Работа поддержана грантом РФФИ № 19-012-00291 А «Подготовка третьего выпуска Активного словаря русского языка».

Ю. Д. Апресяну с глубокой благодарностью за язык,
на котором можно говорить о семантике

1. Постановка задачи

Настоящая работа продолжает исследование семантики анафорических единиц, начатое автором еще в 1980-х гг. и продолженное под руководством Ю. Д. Апресяна в рамках Лексикографической школы, прошедшей в Тарусе зимой 1990 г. В сборнике «Семиотика и информатика», изданном по результатам работы этой школы, представлены образцы словарных статей для толкового словаря русского языка [СИ]. Структура словарной статьи и язык лексикографического описания соединяют элементы структуры словарей [АС 2014а; АС 2014б; АС 2017] и [НОСС] при повышенном внимании к описанию синонимов, что дает возможность дополнительного уточнения семантики заглавного слова.

В коллективной работе [Апресян и др. 2019] на большом языковом материале, в первую очередь на материале [АС 2014а; АС 2014б; АС 2017], описываются механизмы семантической деривации у существительных, глаголов и прилагательных. В данной работе исследуются механизмы развития полисемии у анафорических прилагательных *такой, другой, иной, этот, тот* и некоторых других близких к ним слов.

Проблемы лексикографического описания семантики анафорических единиц связаны с метаязыковым характером этих единиц и их воздействием на референциальный компонент значения высказываний. Такие распространенные источники полисемии, как метафора и метонимия, очевидным образом затруднены для анафорических лексем, не имеющих в своем основном значении семантических компонентов, которые могли бы послужить материалом для метафорических или метонимических переносов.

Источниками полисемии у анафорических прилагательных служат в первую очередь следующие типы переносов:

- 1) переход от анафоры к дейксису;
- 2) употребление в сравнительной конструкции со значением одинаковой степени свойства;
- 3) элиминация семантических компонентов, сопровождаемая изменением состава актантов;
- 4) добавление семантических компонентов;
- 5) субстантивация.

Ниже, в п. 2, мы обсудим толкования основных анафорических значений рассматриваемых прилагательных, а затем, в п.п. 3.1–3.4, рассмотрим источники образования некоторых производных значений у этих прилагательных. Будет показано, как при переходе от основного значения к производным снимаются разные компоненты значения, добавляются новые компоненты значения и что в итоге остается в производных значениях от исходного.

2. Анафорические значения рассматриваемых прилагательных

Прилагательное *такой* в основном значении имеет три валентности: сопоставляемые объекты или ситуации A1 и A2 и общее для них свойство A3.

Толкование состоит из асертивной части и пресуппозиции.

Такой A1 = 'A1, имеющий общее с A2 свойство A3 и выделяемый на этом основании из некоторого класса, притом что говорящий считает, что A2 может быть названо так же, как A1'.

- (1) *Гаскойн отлил несколько икон из чугуна весом по пяти пудов [A2]. Шкипер как-то попытался один поднять такую икону [A1]* (К. Паустовский).

В примере (1) валентность A1 заполнена словом *икона*, валентность A2 — группой *несколько икон из чугуна весом по пяти пудов*, валентность A3 — двумя несогласованными определениями *из чугуна* и *весом по пяти пудов*.

- (2) *Студентка, казненная богемой [A2]. Государству нужны такие жертвы [A1]* (Ю. Домбровский).

В примере (2) валентность A1 заполнена словом *жертвы*, валентность A2 — назывным предложением, валентность A3 — определением *казненная богемой*. *Студентка, казненная богемой* может быть названа *жертвой*. Таким образом, условие совместимости наименований выполняется.

Если при существительном, от которого зависит *такой*, имеется обособленное определение, то оно описывает свойства, отличающие A1 и A2.

- (1a) *Гаскойн отлил несколько икон из чугуна весом по пяти пудов. Шкипер как-то попытался один поднять такую икону, загоразживающую проход.*

В (1a) *иконы* из первого предложения нельзя назвать *иконами, загоразживающими проход*.

В случае, когда именная группа с *такой* помещена в позицию контрастной темы, условие совместимости наименований может ослабляться.

- (3) *У него умные и сильные враги. Таких друзей† он не приобрел.*

В [Богуславская 1995] приводится ряд аргументов в пользу рассмотрения *такой же* в качестве отдельной лексикографической единицы, а не сочетания *такой* с частицей *же*. Такое решение, разумеется, расходится с традицией. Приведем здесь лишь самый главный аргумент в его пользу.

Частица *же* в подавляющем большинстве случаев может быть опущена без существенного изменения смысла и без нарушения грамматической правильности предложения¹. Исключения представляют только сочетания *такой же* и *тот же*. Здесь мы рассмотрим только случай *же*, следующего за *такой*.

¹ Так, в словаре [АС 2017: 374–375] во всех примерах, приводимых на значение 3.1, называемое отождествительным (кроме примера на сочетание *тот же*), *же* может быть опущено.

В примерах типа (4) опущение *же* приводит к появлению неприемлемого (4а).

- (4) *От белой, в голубых цветочках, короткой кофты и такой же юбки <...> она казалась чернее* (И. Бунин).
 (4а) **От белой, в голубых цветочках, короткой кофты и такой юбки она казалась чернее.*

Неприемлемость примера (4а) объясняется тем, что не выполняется условие совместимости наименований. Можно считать, что ассертивная часть толкования у *такой* и *такой же* совпадает, а пресуппозиции различаются.

Обратимся еще раз к примеру (1).

Замена в примере (1) *такой* на *такой же* изменит смысл: в (1б) речь идет о какой-то иконе, о которой в первом предложении текста не говорится:

- (1б) *Гаскойн отлил несколько икон из чугуна весом по пяти пудов. Шкипер как-то попытался один поднять такую же икону.*

На основании таких примеров можно сделать вывод, что у *такой же*, в отличие от *такой*, нет пресуппозиции совместимости наименований A1 и A2, но есть пресуппозиция, накладывающая ограничения на соотношение объектов или ситуаций A1 и A2.

Такой же A1 = 'A1, имеющий общее с A2 свойство A3, причем A1 и A2 обозначают разные объекты или ситуации, и если A2 обозначает некоторое множество, то A1 не может быть одним из элементов этого множества'.

Подобный в одном из своих значений выступает как близкий синоним *такой* и *такой же*. Ассертивная часть толкования у него совпадает с ассертивной частью толкования *такой* и *такой же*, но пресуппозитивная часть особая.

Подобный A1 = 'A1, имеющий общее с A2 свойство A3, причем говорящий считает, что A2 может быть названо так же, как A1, и A1 и A2 обозначают разные объекты или ситуации, и если A1 обозначает некоторое множество, A2 является его подмножеством'.

- (5) *Он только и мечтал, чтобы дом снесли или объявили жактом, но от подобных развалин всякий разумный Совет откажется* (Н. Мандельштам).

В примере (5) A2 — *дом*, A1 — *развалины*; *дом*, о котором говорится в первом предложении, может быть назван *развалиной*, и он может быть отнесен к множеству развалин, от которых захочется отказаться. В примере (5) *подобный* может быть заменен на *такой* без заметного изменения смысла, но замена на *такой же* невозможна.

Другой и *иной* также имеют три валентности. Они сопоставляют объекты или ситуации A1 и A2. Ассертивная часть толкования сводится к утверждению о том,

В случаях, когда частица *же* следует за анафорическими местоимениями и наречиями, она лишь дополнительно указывает на отождествление. Ср. пары *Она поступила подобным же образом* — *Она поступила подобным образом*; *В дверь позвонили, и тут же зазвонил телефон* — *В дверь позвонили, и тут зазвонил телефон*.

что у антецедента А2 имеется некоторый набор свойств А3, который отличает его от А1. Оба прилагательных имеют пресуппозицию совместимости наименований.

Только *другой* употребляется в тех случаях, когда речь идет о несовпадении двух разных объектов, относящихся к одному классу, а качественные различия между ними остаются в тени.

- (6) *Вдруг две лошади [А2] на полном скаку коротко ударились друг о друга крупами. <...> Другие лошади [А1] шарахнулись в сторону, к самым трибунам* (А. Мишарин, А. Тарковский).

Поэтому только *другой* употребляется в сочетании с *такой* и *такой же*, где подчеркивается отсутствие существенных разных свойств.

- (7) *Сколько с тобой хожено, говорено, выдуманно! Не было в жизни другого такого друга* (И. Грекова).

Иной указывает на качественные различия между объектами. В таких контекстах *иной* и *другой*, как правило, взаимозаменяемы².

- (8) *Лучшим воспоминанием было море [А2], но и всякая другая вода [А1] в летний день хороша* (Ф. Искандер).
(9) *Многие цветки, которые кажутся нам белыми, предстают перед пчелами в ином обличье* (А. Зайцев).

В сравнительных конструкциях *иной* употребляется чаще.

- (10) *И самый воздух в первопрестольной был иной, чем петербургский: куда крепче, ядренее, легче, хмельнее и свободнее* (А. Куприн).

3.1. Дейктические употребления характерны для многих анафорических прилагательных. Их можно рассматривать как отдельные значения (как в [Богуславская 1991] для *такой* и в [Богуславская 1995] для *такой же*) или в качестве особого употребления³ в рамках основного, анафорического значения. Если при анафорическом употреблении семантический материал для заполнения валентностей местоимений черпается из предшествующего текста, то в дейктических употреблениях происходит обращение к речевой ситуации, причем состав валентностей остается прежним.

Этот, тот, такой, подобный часто используются при указании на что-либо в ситуации непосредственного восприятия:

- (11) *Видели ли вы что-то подобное <такое>?*
(12) *Хочу почитать эту <ту> книгу.*
(13) *Цельный день я ходил какой-то тупелый, и мать спросила: — Ты чего сегодня такой? — Какой «такой»?* (А. Мишарин, А. Тарковский).

² О сходстве и различиях между *другой* и *иной* см. [НОСС: 299–302; Богуславская, Муравьева 1987].

³ О понятии употребления см. [Апресян и др. 2010: 95–100].

Другой и *такой же* могут быть использованы в подобных контекстах, хотя для них это менее характерно. *Иной* таким образом не употребляется.

Другой часто употребляется дейктически, для указания на время и место, отличные от места и времени речи:

- (14) *Не могли бы мы перенести наш разговор на другое время?* (Е. Сухов).
- (15) *Тягостной мне казалась невозможность вдруг рассердиться на все и уйти домой; дом был далеко от меня, в другом городе* (Г. Газданов).

Иной дейктически употребляется в подобных случаях реже и только тогда, когда на первый план выходит подчеркивание качественного отличия какого-либо места или времени от места и времени речи:

- (16) *Его откровенность подбила меня на вопрос, который в иное время я ни за что бы не задал* (Р. Киреев).
- (17) *Случись в той переписке какие-либо криминальные в отношении него сведения, разговор этот, конечно, происходил бы в ином месте* (Л. Леонов).

3.2. Источником полисемии может служить изменение состава актантов, сопровождающее устранение одного из компонентов значения. Двухвалентное *такой* сигнализирует о том, что объект или ситуация, описываемая существительным, от которого *такой* зависит, имеет свойство, описываемое обычно далее в независимом предложении. В отличие от основного, анафорического значения отсылки к свойствам другого объекта или другой ситуации не происходит. Поэтому *такой* в этом значении имеет две валентности, а не три:

- (18) *У оленей такая судьба. Или их волки задирают, или убивает охотник* (Ф. Искандер).

Независимое предложение может и предшествовать предложению, содержащему группу с *такой*:

- (19) *В часы бессонницы предметы тяжелее, Как будто меньше их — такая тишина* (О. Мандельштам).

Такой A1 = 'A1 имеет свойство A2, которое выделяет A1 из ему подобных'.

В том же значении *такой* выступает в качестве соотносительного слова, вводящего относительные придаточные или придаточные дополнительные:

- (20) *Но я боюсь таких высот, где устоять я не умею* (А. И. Фет).
- (21) *У меня такое предчувствие, что он уже не вернется сюда* (К. Симонов).
- (22) *Была ранняя весна, в феврале пошла капель, солнце такое, что можно было открывать окна* (А. Мишарин, А. Тарковский).

В примерах (20) и (21) соотносительное *такой* может быть опущено. При этом элиминируется идея выделенности описываемого объекта из класса подобных. Ср. модификации примеров (21а) и (22а):

(20а) *Но я боюсь высот, где не умею устоять.*

(21а) *У меня предчувствие, что он уже не вернется сюда.*

Аналогичным образом в роли соотносительного слова при придаточных предложениях употребляется прилагательное *тот*:

(23) *Но скандал — это тот конь, на котором можно и не усидеть* (Е. Евтушенко).

Как и в случае с *такой*, *тот* в подобных контекстах может быть опущено.

3.3. Добавление компонентов

3.3.1. Добавление компонента одинаковости степени свойства. *Такой* и *такой же* в сравнительной конструкции указывают на одинаковую степень определенного свойства у двух объектов или явлений.

(24) *У моего отца к этому времени не было <...> такого прилежания к саду, как у бабушки, и сад потихонечку начал запускаться* (В. Солоухин).

Такой в этом значении чаще употребляется под отрицанием, стоящим непосредственно перед анафорическим прилагательным или перед глаголом, от которого зависит группа с *такой*. В утвердительном контексте, напротив, употребляется *такой же*.

(25) *Разве Чаадаев не характерное русское явление, такое же русское, как его тезка Петр Великий* (С. Аверинцев).

Такой A1 <*Такой же* A1> = 'A1 и A2 в одинаковой степени обладают свойством A3'.

Возможно также употребление *такой* в случае внутреннего отрицания, в контексте предлогов, указывающих на отсутствие чего-либо. Ср. пример (26), где контекст предлога *без* делает возможным употребление *такой*, и (26а), где из-за отсутствия обычного или внутреннего отрицания *такой* было бы невозможно:

(26) *У подъезда стояли еще два офицера в ярких мундирах, но без таких пышных эполет, как у первого.*

(26а) *У подъезда стояли еще два офицера в ярких мундирах, с такими же пышными эполетами, как у первого.*

3.3.2. Добавление компонента субъективной оценки. Прилагательные *такой* и *этот* в одном из неанафорических значений указывают на то, что, по мнению говорящего, объекту или ситуации в высокой степени присуще некоторое свойство. Это свойство может быть выражено определениями при имени существительном, от которого зависит *такой*, но часто остается невыраженным. Это значение характерно для устной эмоциональной речи в ситуации непосредственного общения.

(27) *Это такое чудо!*

(28) *Дано мне тело — что мне делать с ним, Таким единым и таким моим* (О. Мандельштам).

- (29) *Никогда не думал, что такая может быть тоска на белом свете* (К. Симонов).
- (30) *Вы не знаете этих русских, они не сдадутся* (Е. Гришковец).
- (31) *Ох уж эти миллениалы!*

Этот в указанном значении может быть употреблено даже при именах собственных:

- (32) *Сто лет ничего не случилось... А с этим Федей не могло не случиться* (М. Палей).

3.3.3. Добавление компонента неопределенности. У *иной* имеется неанафорическое значение, указывающее на неопределенность объекта или ситуации.

Иной $A1 A2 =$ 'Существует объект или ситуация $A1$, у которой есть свойство $A2$ '.

- (33) *Иные люди от природы наделены большой физической силой.*
- (34) *Брусника может пережить иной дуб — оттого, что живет по триста лет* (З. Прилепин).

В этом значении в разговорной речи может быть употреблено и *другой*, но только в выражении *другой раз*. Ср. обычное, анафорическое значение *другой* в примере (35), не имеющее стилистических ограничений, и в примере (36), где представлено значение неопределенности:

- (35) *Один раз я его просил доставить мне две очень важные для меня книги, другой раз он водил меня по отделам и показывал книжные редкости* (Ю. Домбровский).
- (36) *Другой раз сидит у себя в комнате, ветер пахнёт, уверяет, что простудился, ставнем стукнет, он вздрогнет и побледнеет; а при мне ходил на кабана один на один...* (М. Ю. Лермонтов).

Иной тоже употребляется в сочетании с *раз* и тоже скорее в разговорной речи.

- (37) *Иной раз так прихватит, что хоть ложись и помирай* (И. Грекова).

3.4. Субстантивация. Этот тип образования новых значений имеется у прилагательных *другой, иной, этот и тот*.

Другой имеет два субстантивированных значения. Одно из них указывает на человека, противопоставленного упомянутому ранее или подразумеваемому участнику ситуации (мужского или женского пола).

- (38) *Был друг, и тот ушел к другой* (А. Колмогоров).
- (39) [*Судье*] *было лет тридцать, и на лице ее не было величия человека, решающего судьбы других* (А. Алексин).

Другое субстантивированное значение прилагательного *другой* (в форме среднего рода) указывает на объект или ситуацию, противопоставленную упомянутой ранее или подразумеваемой.

- (40) *Я говорил, перескакивал с одного на другое, чего-то уточнял, растолковывал* (Е. Гришковец).

Аналогичным образом *иной* также имеет два субстантивированных значения. Одно из них указывает на неопределенного человека мужского или женского пола.

- (41) *Иные рассчитывали с карандашом в руках, что она [ихуна] едва дойдет до Новой Земли* (В. Каверин).

Другое субстантивированное значение прилагательного *иной* (в форме среднего рода) указывает на неопределенный объект или ситуацию, противопоставленные ранее упомянутым или подразумеваемым объекту или ситуации и качественно отличающимися от них.

- (42) *Многое я принимал, иное отвергал, особенно все, что казалось мне пренебрежением к прошлой культуре* (К. Паустовский).

Этот и *тот*, субстантивируясь, также противопоставляют значения, указывающие на человека мужского или женского пола и указывающие на объект и ситуацию (в форме среднего рода).

Употребления субстантивированного *этот* для указания на людей возможны только в разговорной речи и часто выражают пренебрежительное или неодобрительное отношение говорящего к описываемому таким образом человеку:

- (43) *Ирина даже не захотела выговорить имя «Олег». «Этот знает?»* (В. Токарева).

В стилистически нейтральной речи в примере (43) было бы уместно личное местоимение *он*.

Тот способно заменять личное местоимение и в стилистически нейтральной речи:

- (44) *В этом курфюрстве многие были убеждены, что даже солнце всходит и заходит по воле Курфюрста. Но почему столь высокий выбор того пал на ничем не примечательного библиотекаря, Готлиб понять не мог* (В. Быков).

Употребление субстантивированного *этот* применительно к объектам или ситуациям стилистически нейтрально.

- (45) *Профессор, листая книгу, протянул равнодушно: «Да что вы говорите?» И в тот, первый раз на этом кончилось* (Ю. Трифонов).

- (46) *В те времена в наших краях доблесть мужчины проверялась способностью с наибольшей дерзостью угнать чужого коня, стадо овец или в крайнем случае корову. Это была своеобразная восточная джентльменская игра* (Ф. Искандер).

4. Заключение

Рассмотрены основные источники развития полисемии у анафорических прилагательных. Показано, что, хотя анафорические прилагательные не могут образовывать новые значения за счет метонимии и метафоры, у них остается много возможностей для развития полисемии. Источниками полисемии для них служат переход от анафорических употреблений к дейктическим, элиминация семантических компонентов, в ряде случаев приводящая к изменению числа валентностей, развитие особых типов сравнительных конструкций, добавление семантических компонентов, в первую очередь субъективных оценок, субстантивация.

Литература

Апресян Ю. Д., Апресян В. Ю., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Галактионова И. В., Гловинская М. Я., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Птенцова А. В., Санников А. В., Урысон Е. В. Проспект активного словаря русского языка / отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. М. : Языки славянских культур, 2010. 784 с.

Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д., Драгой О. В., Иомдин Б. Л., Лауринавичюте А. К., Левонтина И. Б., Лопухин К. А., Лопухина А. А., Урысон Е. В. О методе комплексного семантического, статистического и психолингвистического анализа многозначности // Русская речь. 2019. № 1. С. 8–17.

АС 2014а — Апресян Ю. Д., Апресян В. Ю., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Галактионова И. В., Гловинская М. Я., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Лопухина А. А., Птенцова А. В., Санников А. В., Урысон Е. В. Активный словарь русского языка. Т. 1 : А–Б / отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. М. : Языки славянских культур, 2014а. 408 с.

АС 2014б — Апресян Ю. Д., Апресян В. Ю., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Галактионова И. В., Гловинская М. Я., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Лопухина А. А., Птенцова А. В., Санников А. В., Урысон Е. В. Активный словарь русского языка. Т. 2 : В–Г / отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. М. : Языки славянских культур, 2014б. 736 с.

АС 2017 — Апресян Ю. Д., Апресян В. Ю., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Галактионова И. В., Гловинская М. Я., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Лопухина А. А., Птенцова А. В., Санников А. В., Урысон Е. В. Активный словарь русского языка. Т. 3 : Д–З / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М. ; СПб. : Нестор-История, 2017. 768 с.

Богуславская О. Ю. Словарная статья местоимения *такой* // Семиотика и информатика. 1991. Вып. 32. С. 42–45.

Богуславская О. Ю. Словарная статья местоимения *такой же* // Теоретическая лингвистика и лексикография: опыты системного описания лексики / ред. Ю. Д. Апресян. М. : Русские словари, 1995. С. 44–61.

Богуславская О. Ю., Муравьева И. А. Механизмы анафорической номинации // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / под ред. А. Е. Кибрика, А. С. Нариньяни. М. : Наука, 1987. С. 78–128.

НОСС — Апресян Ю. Д., Апресян В. Ю., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Галлактионова И. В., Гловинская М. Я., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Птенцова А. В., Санников А. В., Урысон Е. В. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М. ; Вена : Языки славянской культуры, 2004. 1418 с.

СИ — Семиотика и информатика. 1991. Вып. 32. 248 с.

O.Yu. Boguslavskaya

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)*

boguslavskaya.olga@gmail.com

MECHANISMS OF POLYSEMY DEVELOPMENT FOR ANAPHORIC ADJECTIVES

The paper studies the mechanisms of the polysemy development of anaphoric adjectives *takoj* ‘such,’ *drugoj* ‘another,’ *inoj* ‘different,’ *etot* ‘this,’ *tot* ‘that’ and some other similar words. Such common sources of polysemy as metaphor and metonymy are not typical for them. Nevertheless, all of these words are polysemic and according to dictionaries, each of them has no less than four meanings. We identified the following major sources of polysemy for this lexicographic type. 1) Transition from anaphoric to deictic uses, which is characteristic of the whole group. 2) Elimination of certain semantic components, which results in valency reduction in some cases. For example, the main anaphoric sense of *takoj* ‘such’ assigns the properties of an object mentioned earlier to the noun to which *takoj* is linked. However, one of the senses derived from this one only signals that the object has some properties that will be presented later, without assigning these properties to any other object. Cf. *U menja takoe predchuvstvie, chto on uzhe ne vernetsja sjuda* “I have such a presentiment that he will not come here again.” 3) Development of special types of comparative constructions which states that two objects or situation have the same degree of some property. Cf. *U syna ne bylo takogo jarkogo darovanija, kak u otca* “The son did not have such a brilliant talent as his father.” 4) Adding new semantic components. For example, *inoj* ‘different’ adds the idea of indefiniteness in cases like *Inye ljudi ot prirody nadeleny bol’shoj fizicheskoj siloj* “Some people are endowed by nature with great physical fortitude.” 5) Nominalization.

Key words: semantics, lexicography, lexicographic type, anaphora, polysemy.

Acknowledgements

The research has been supported by the RFBR grant No. 19-012-00291A “Compilation of the Active Russian Dictionary (third issue)”.

References

Apresyan V.Yu., Apresyan Yu.D., Dragoi O. V., Iomdin B. L., Laurinavichyute A. K., Levontina I. B., Lopukhin K. A., Lopukhina A. A., Uryson E. V. [On the Method of a Complex Semantic, Statistic, and Psycholinguistic Analysis of Polysemy]. *Russkaya rech'*, 2019, No 1, pp. 8–17. (In Russ.)

Apresyan Yu.D., Apresyan V.Yu., Babaeva E. E., Boguslavskaya O.Yu., Galaktionova I. V., Glovinskaya M.Ya., Iomdin B. L., Krylova T. V., Levontina I. B., Ptentsova A. V., Sannikov A. V., Uryson E. V. *Prospekt aktivnogo slovarya russkogo yazyka* [The Prospectus of the Active Dictionary of the Russian Language]. Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2010. 784 p.

Apresyan Yu.D., Apresyan V.Yu., Babaeva E. E., Boguslavskaya O.Yu., Galaktionova I. V., Glovinskaya M.Ya., Iomdin B. L., Krylova T. V., Levontina I. B., Lopukhina A. A., Ptentsova A. V., Sannikov A. V., Uryson E. V. *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka. T. 1* [Active Dictionary of the Russian Language. Vol. 1]. Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2014a. 408 p.

Apresyan Yu.D., Apresyan V.Yu., Babaeva E. E., Boguslavskaya O.Yu., Galaktionova I. V., Glovinskaya M.Ya., Iomdin B. L., Krylova T. V., Levontina I. B., Lopukhina A. A., Ptentsova A. V., Sannikov A. V., Uryson E. V. *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka. T. 2* [Active Dictionary of the Russian Language. Vol. 2]. Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2014b. 736 p.

Apresyan Yu.D., Apresyan V.Yu., Babaeva E. E., Boguslavskaya O.Yu., Galaktionova I. V., Glovinskaya M.Ya., Iomdin B. L., Krylova T. V., Levontina I. B., Lopukhina A. A., Ptentsova A. V., Sannikov A. V., Uryson E. V. *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka. T. 3* [Active Dictionary of the Russian Language. Vol. 3]. Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, St Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017. 768 p.

Apresyan Yu.D., Apresyan V.Yu., Babaeva E. E., Boguslavskaya O.Yu., Galaktionova I. V., Glovinskaya M.Ya., Iomdin B. L., Krylova T. V., Levontina I. B., Ptentsova A. V., Sannikov A. V., Uryson E. V. *Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms] (2nd Ed.). Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, Vienna, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 1418 p.

Boguslavskaya O.Yu. [The Dictionary Article of the Pronounce *Takoj* 'Such']. *Semiotika i informatika* [Semiotics and Computer Science], 1991, Iss. 32, pp. 42–45. (In Russ.)

Boguslavskaya O.Yu. [The Dictionary Article of the Pronounce *Takoj zhe* 'The Same']. *Teoreticheskaya lingvistika i leksikografiya: opyty sistemnogo opisaniya leksiki* [Theoretical Linguistics and Lexicography: Experiments of System Description of Vocabulary]. Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, Russkie slovari Publ., 1995, pp. 44–61. (In Russ.)

Boguslavskaya O.Yu., Murav'eva I. A. *Mekhanizmy anaforicheskoi nominatsii* [The Mechanisms of Anaphoric Nomination]. *Modelirovanie yazykovoi deyatel'nosti v intellektual'nykh sistemakh* [Modeling of Language Activity in Intelligent Systems]. A. E. Kibrik, A. S. Narin'yani (Eds.). Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 78–128. (In Russ.)

Semiotika i informatika [Semiotics and Computer Science], 1991, Iss. 32, 248 p.

И. В. Галактионова
МГУ им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
ig@philol.msu.ru

ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ *ЕГО, ЕЕ И ИХ* В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ*

Один из принципов работы над «Активным словарем русского языка» — обращение к лексикографической традиции, ее учет или аргументированное отступление от нее, опирающееся на результаты научных исследований. Единицы *его, ее, их* в притяжательном значении (*его дом, ее путешествие, их семья*) трактуются в словарях, грамматических описаниях и лингвистических исследованиях по-разному. В статье рассмотрены представленные в литературе аргументы в пользу различения двух рядов омонимичных единиц: отдельных притяжательных местоименных слов *его, ее, их* и форм род. п. личных местоимений *он / оно, она, они*. Первые по своим свойствам сходны с притяжательными местоимениями *мой, твой, наш, ваш*, вторые — с формами род. п. других личных местоимений. Следовательно, *его, ее, их* в притяжательном значении должны быть описаны в отдельных вокабулах. Слова *его, ее, их* всегда определяют существительное, однако ведут себя в этой позиции не совсем одинаково: так, некоторые особенности есть в случаях, когда они отсылают к объекту (*его <ее, их> изучение*). Такие особенности должны быть отмечены в соответствующей зоне вокабулы. В статье делается попытка показать, что рассматриваемые единицы имеют лишь одно, самое общее значение ‘относящийся к...’, аналогичное значению притяжательных прилагательных, с которыми они входят в один лексикографический тип. Конкретные смысловые отношения между местоимениями и определяемыми существительными зависят от семантики этих существительных и от того контекста, в который данное сочетание входит. Примеры сочетаний с разными смысловыми отношениями должны быть приведены

* В настоящей работе развиваются идеи, кратко изложенные автором в докладе на конференции «Русская лексикография XXI века: проблемы и способы их решения», проходившей в ИРЯ РАН в 2016 г. Работа поддержана грантом РФФИ № 19-012-00291 А «Подготовка четвертого выпуска Активного словаря русского языка».

в зоне сочетаемости и не могут служить основанием для выделения у местоимений второго, третьего и т. д. значений.

Ключевые слова: притяжательные местоимения, лексикография, лексикографический тип, лексическое значение, реализация значения в контексте.

В каждой трудной ситуации можно найти оптимальное лексикографическое решение, однако для этого бывает необходимо взвесить большое число аргументов «за» и «против», т. е. провести, хотя бы мысленно, очень конкретное мини-исследование.

Ю. Д. Апресян

В данной работе на очень небольшом языковом материале рассматриваются традиционные для лексикографа вопросы:

- в каких случаях мы имеем дело с омонимичными словами, в каких — с разными значениями (лексемами) одного и того же слова, а в каких — с различными употреблениями одной и той же лексемы;
- если решено, что вокабул, лексем или употреблений у описываемой единицы нужно выделить несколько, то как правильно распределить по ним все ее вхождения;
- как должно выглядеть толкование каждой из выделенных лексем и как описывать употребления.

Объектом анализа являются местоименные единицы *его, ее и их*, которые достались автору при распределении вокабул между членами коллектива, работающего над написанием «Активного словаря русского языка» [АС].

Теоретическая концепция этого словаря создана Ю. Д. Апресяном, основана на принципах разработанного им же интегрального описания языка и — шире — на идеях Московской семантической школы [см., например: Апресян 1995; 2009; 2010а]. Все перечисленное хорошо известно заинтересованным лингвистам и не нуждается в пересказе. Ограничимся только упоминанием принципа системности, предполагающего разумный баланс между унификацией и индивидуализацией описания слов и лексем [см.: Апресян 2010а: 31–33], и связанных с этим принципом понятий лексикографического типа и лексикографического портрета [см.: Апресян 1995: 503–511].

Обычно каждый лексикографический тип включает близкие по своим свойствам слова и лексемы одной и той же части речи. Лексические единицы *его, ее и их*, обсуждаемые в данной работе, современная морфология считает — наряду с *мой, твой, наш, ваш, свой* — местоименными притяжательными прилагательными¹. Мы

¹ Такая характеристика этих слов принята и в [АС]. Поскольку все притяжательные местоименные слова считаются прилагательными, для их обозначения мы будем использовать более короткое название *притяжательные местоимения*, имея в виду не их частеречную

исходим из естественного предположения, что все эти слова относятся к тому же лексикографическому типу, что и все обычные, неместоименные, притяжательные прилагательные или, по крайней мере, часть из них. Поэтому в работе мы будем обращаться к практике описания в словарях не только местоименных, но и обычных прилагательных.

Само же обращение к лексикографической традиции, ее учет или аргументированное отступление от нее являются одними из принципов работы над «Активным словарем русского языка».

1. Вопрос о существовании притяжательных местоимений *его, ее и их*

Вопрос о существовании отдельных притяжательных местоимений *его, ее, их* затрагивает любая грамматика, включая или не включая местоимения 3-го лица в список притяжательных местоимений. Ответы на этот вопрос могут быть прямо противоположными.

В.В. Виноградов отказывает перечисленным единицам в статусе отдельных притяжательных местоимений, упоминая их среди форм личных местоимений и обращая внимание на то, что только личные местоимения 3 л. имеют родительный падеж в значении принадлежности [Виноградов 1972: 269]. [Грамматика 1960] принимает такое же решение: среди притяжательных местоимений единиц *его, ее* и *их* нет [см.: Там же: 385], а употребления личных местоимений 3 л. иллюстрируются в том числе сочетаниями вроде *ее руки*. Но уже в [Грамматика 1970], а затем и в [Грамматика 1980] единицы *его, ее, их* включаются в состав группы местоименных притяжательных прилагательных и характеризуются как несклоняемые [см.: Грамматика 1980/1: 542].

В [Зализняк 1977] единицы *его, ее, их* помещены в отдельные от *он, она, оно* и *они* статьи и о них сообщается, что это местоименные прилагательные, имеющие нулевое склонение.

Лексикографическая практика тоже разная.

В [МАС] вокабулы «ЕГО», «ЕЕ» и «ИХ» включают по два значения и имеют единообразное построение. Проиллюстрируем способ подачи каждого из двух значений на примере вокабулы «ЕГО». Первое значение дается через отсылку вида «Род. и вин. п. от личных местоимений он и оно» и никакими примерами не иллюстрируется. Второе значение сформулировано так: «В значении притяжательного местоимения: принадлежащий ему» — и проиллюстрировано как предложениями (*его семья, его вещи*), так и литературными примерами (*Князь Андрей заехал в Лысье горы, которые были на самой его дороге* — из Л. Н. Толстого и *Сад этот был глух, никем не охранялся, а заборы его были поломаны* — из А. Гайдара) [МАС 1: 461]. Из описания второго значения, по-видимому, следует, что и в нем тоже используется форма личного местоимения, которая имеет, однако, некоторое специфическое

принадлежность, а их особую семантику и функции; ср. такое же наименование и его сокращенный вариант ПМ в работе [Падучева 2009а].

значение ‘принадлежащий ему’, отсутствующее у форм личных местоимений *он* и *оно*.

Аналогичную структуру имеют соответствующие вокабулы и в [БАС]², однако квалификация интересующих нас притяжательных употреблений в этом словаре неодинакова. В вокабулах «ЕГО» и «ЕЕ» о втором значении сообщается: «*Притяж. мест. Принадлежащий, свойственный ему / ей*» (иллюстрирующие предложения — *его дом, его <ее> семья, ее книга*) [БАС 5: 505, 519], что может свидетельствовать о признании этим словарем существования притяжательных местоимений 3 л. Однако в опубликованной позднее вокабуле «ИХ» второе значение имеет такую подачу: «*Род. п. личн. мест. они в притяж. знач., нескл. прил. Принадлежащий им*» (*их отец, их книга, их дела, их обязанности, их интересы*) [БАС 7: 500]. Морфологическая характеристика слова *их* в притяжательных употреблениях парадоксальна: несклоняемое прилагательное оказывается одновременно одной из форм склоняемого местоимения³.

Наличие в [АС] отдельных вокабул «ЕГО», «ЕЕ», «ИХ» и типы описываемых в них употреблений этих единиц определяются принципами и правилами, изложенными в инструкции по составлению словарных статей, написанной Ю. Д. Апресяном [2010б]. Впрочем, инструкция, как пишет сам ее автор, не может предусмотреть всего⁴, а кроме того, в ходе работы над словарем некоторые ее пункты могут быть пересмотрены.

В тексте инструкции сказано: «Кроме самостоятельных лексических единиц, отдельные входы в [АС] образуют <...> все видовые корреляты глаголов и любые супплетивные формы имен (ср. форму СОВ СДЕЛАТЬ глагола ДЕЛАТЬ или форму СРАВН ЛУЧШЕ прилагательного ХОРОШИЙ) <...>. Во всех этих случаях дается отсылка к основной словарной статье» [Апресян 2010б: 57].

Если в любом употреблении, включая притяжательные, *его, ее* и *их* — это супплетивные формы личных местоимений, соответствующие вокабулы в [АС] должны быть целиком отсылочными⁵, а в вокабулах «ОН», «ОНА», «ОНО» и «ОНИ» должна быть описана отдельная лексема, имеющая только форму род. п.

Если в притяжательных употреблениях мы имеем дело не с формами личных местоимений, а с отдельными словами, то такие употребления должны быть описаны в самостоятельных (неотсылочных) вокабулах, наряду с которыми в словаре

² Здесь мы отвлекаемся от некоторых различий в описаниях этих единиц в [БАС] и [МАС], несущественных для нашей цели.

³ Экономя место, мы ограничились рассмотрением материалов только двух академических словарей. Легко убедиться, что другие словари принципиально иных описаний интересующей нас лексики не предлагают.

⁴ «Несмотря на достаточную подробность предлагаемых в инструкции правил лексикографической трактовки и оформления материала, они не являются и не могут быть исчерпывающими, когда речь идет о таком лексикализованном языке, как русский. В сущности, почти от каждого слова можно ожидать красивого подвоха, который невозможно предусмотреть никакими общими правилами» [Апресян 2010б: 56].

⁵ Отметим, что в таком случае должны быть также отсылочные статьи «ЕМУ», «ИМ», «ЕЙ», «ИМ», «ИМИ» и, возможно, некоторые другие.

будут представлены и отсылочные. В [АС], в отличие от сложившейся лексикографической традиции, невозможно совмещение таких описаний в одной вокабуле: если начальная (она же, возможно, и единственная) форма одной единицы совпадает с неначальной формой другой, то такие единицы описываются в разных вокабулах.

Если тем или иным супплетивным формам (например, супплетивным формам местоимений) отказано в отдельных вокабулах (даже отсылочных), то в первом случае в [АС] вообще не должно быть вокабул «ЕГО», «ЕЕ», «ИХ», а во втором — должны быть только неотсылочные вокабулы, содержащие информацию только о притяжательных употреблениях.

В уже опубликованном третьем томе «Активного словаря» имеются неотсылочные вокабулы «ЕГО» и «ЕЕ» [АС 3: 319, 330], из чего следует, что при обсуждении этого материала было принято решение (необязательно разделяемое всеми авторами словаря, но поддерживаемое их большинством), что в русском языке существуют отдельные притяжательные местоимения 3 л.

Аргументы в пользу того, что в «притяжательном» значении употребляются не формы род. п. личных местоимений, а отдельные слова, представлены в научной литературе. Перечислим их⁶.

1. Препозиция по отношению к определяемому слову. Еще В. В. Виноградов обратил внимание на то, что «нормальной для *его, ее, их* в притяжательном значении является постанковка перед определяемым именем (ср.: *его шуба исчезла*, но: *шуба гостя исчезла*)» [Виноградов 1972: 269], т. е. такая же позиция, которая характерна для притяжательных местоимений 1 и 2 л. (*моя шуба, твоя шуба*) и не характерна для род. п. личных (для которых характерна постпозиция: *найди его*).

Для обсуждаемых единиц постпозиция тоже возможна, однако отчетливо ощущается как инверсия: *Шуба его исчезла*.

2. Способность употребляться в роли сказуемого. В качестве еще одной особенности притяжательных употреблений В. В. Виноградов отметил их способность использоваться в роли сказуемого [Виноградов 1972: 269]. Указывая на эту особенность, Е. В. Падучева предлагает сравнить «с одной стороны, *Он твой; Лиза теперь его* (Тургенев), и, с другой стороны, **Он Катю*» [Падучева 2009а: 67]. В такой роли действительно невозможен род. п. ни существительного, ни местоимений 1 и 2 л. (**Он меня, *Он вас*).

3. Отсутствие «припредложной» формы. Е. В. Падучева отметила, что обсуждаемые единицы «не имеют параллельного варианта *его, ее, их* в положении после предлога, ср. *У нее дочери* и *У ее дочери*, в том числе и тогда, когда предлог синтаксически связан непосредственно с местоимением, ср. *У моих <детей> была ветрянка, а у ее — нет*» [Падучева 2009а: 67]. Комментируя этот пример, А. Д. Шмелев пишет: «*У моих детей была ветрянка, а у ее — нет* понимается

⁶ Обзор свойств притяжательных местоимений, на который мы опираемся, представлен в работе [Падучева 2009а]; еще один обзор можно найти в работе [Волк 2014].

как ‘у ее детей ветрянки не было’ (...а у нее — нет понималось бы как ‘ветрянки не было у нее самой’)» [Шмелев 2008: 938].

4. Неспособность присоединять согласованное зависимое. Как отмечается в работе [Булыгина, Шмелев 1997: 357–358], притяжательные прилагательные (включая местоименные) в отличие от личных местоимений не способны присоединять согласованные зависимые (хотя для личных это тоже не характерно, но все же возможно). Можно сказать *увидеть его* <меня, тебя> *самого* <одного>, где использовано личное местоимение, но нельзя сказать не только **мой самого сын*, но и **его самого сын* (надо: *мой* <его> *собственный сын*).

5. Возможность использования в синтаксических конструкциях, недоступных для личных местоимений. Е. В. Падучева [2009б] подробно рассматривает посессивно-генитивную диатезу одного класса отпредикатных существительных — имен способа, в том числе таких, которые образованы от переходных глаголов (*восприятие, трактовка, исполнение, изображение* и т. п.). Эти имена сохраняют валентности субъекта и объекта исходного глагола и при необходимости их одновременного выражения используют форму род. п. для оформления объекта и согласованное слово с притяжательной семантикой (в том числе притяжательное местоимение) — для оформления субъекта: *Петино восприятие этого фильма, ваше исполнение арии, Гегелевская трактовка этой категории*. В таких контекстах могут быть использованы в том числе местоимения 3 л.: *его* <ее, их> *восприятие этого фильма (отличается от моего)*.

Субъект при именах способа может быть выражен формой род. п. только в редуцированной безобъектной диатезе (*Восприятие Пети отличается от моего*), но только формой существительного, а не личного местоимения (**Восприятие тебя отличается от моего*). При этом обсуждаемые единицы в подобных контекстах могут использоваться (*Ее восприятие отличается от моего* или — с инверсией — *Восприятие ее отличается от моего*).

Таким образом, при именах способа единицы *его, ее, их* ведут себя как притяжательные местоимения, а не как личные, и наиболее разумный способ зафиксировать этот факт — квалифицировать их как отдельные слова, а не как формы личных местоимений.

Наконец, еще одним аргументом, уже не собственно языковым, а отражающим интересы лингвиста, можно считать «естественные соображения симметричности системы» [Падучева 2009а: 67–68]: если наряду с личными местоимениями 1 и 2 л. существуют и притяжательные местоимения, то из соображений системности логично различать личные и притяжательные местоимения 3 л. «Незначительное усложнение морфологического описания позволяет существенно упростить формулировку синтаксических правил: поведение “генитивных” форм *его, ее, их* оказывается полностью аналогичным поведению форм родительного падежа *меня, тебя, нас, вас, кого* и т. д., а поведение несклоняемых притяжательных местоимений *его, ее, их* — подобно поведению местоимений *мой, твой, наши, ваши, чей* и т. д.» [Шмелев 2008: 938–939].

Итак, при описании лексических единиц *его*, *ее*, *их* в «Активном словаре» учитываются аргументы в пользу существования отдельных притяжательных местоимений *его*, *ее*, *их*, каждое из которых рассматривается в своей вокабуле. При этом ни одна из вокабул не содержит никакой информации об омонимичной форме личного местоимения — эта информация должна приводиться в вокабулах «ОН», «ОНА», «ОНО», «ОНИ».

2. Разграничение омонимичных единиц

Следующим шагом при описании притяжательных местоимений *его*, *ее* и *их* является отграничение контекстов, в которых используются именно эти единицы, от контекстов, в которых используются падежные формы личных местоимений⁷.

Притяжательные прилагательные, включая местоименные, могут зависеть только от существительных, поэтому не вызывает сомнений, что если *его*, *ее*, *их* подчинены словам других частей речи, то это формы личных местоимений.

Следует ли из этого, что если обсуждаемые единицы зависят от существительных, то это всегда притяжательные местоимения? Поскольку очевидно, что существительные могут подчинять себе такие формы, которые иначе как формы личных местоимений проинтерпретированы быть не могут (ср. *поздравление вас с юбилеем*), то сам факт зависимости от существительного недостаточен для признания местоимения притяжательным.

Насколько нам известно, специально вопрос о том, любая ли единица *его*, *ее* или *их* в позиции при существительном должна рассматриваться как притяжательное местоимение (или — при непризнании существования таких местоимений — как личное местоимение в притяжательном значении), не ставился. Однако практика описания русского языка такова, что в любом подобном сочетании обычно усматривается притяжательное местоимение, независимо от того, какова семантика существительного и в каких конкретно смысловых отношениях с зависимым местоимением оно находится.

В словарях, в том числе в [МАС; БАС], притяжательные значения *его*, *ее*, *их* иллюстрируются преимущественно сочетаниями (впрочем, немногочисленными) с предметной лексикой, причем как валентной (*его семья*, *ее рука*, *их адрес*), так и невалентной (*его вещи*, *ее платье*). Гораздо реже приводятся примеры с образованными от предикатов существительными (*их интересы* <*обязанности*>), однако обычно не с названиями самих ситуаций. В работе [Булыгина, Шмелев 1997] особенности притяжательных местоимений демонстрируются только с помощью контекстов с предметными существительными. Сочетания с событийными существительными в этой работе не упоминаются, а их отсутствие никак не оговаривается, что может свидетельствовать как об отнесении их к случаям употребления личных

⁷ Разграничение двух типов контекстов потребует и в том случае, если притяжательное значение признается отдельным значением личных местоимений, поскольку оно необходимо для корректного распределения материала по значениям внутри вокабулы.

местоимений, так и о том, что их по каким-то причинам просто обошли вниманием. Напротив, в работе [Падучева 2009а] рассматриваются и сочетания с событийными существительными. Такие существительные приводятся в качестве примеров на употребление притяжательных прилагательных также в работе [Волк 2014]. В [НКРЯ] как притяжательные местоимения-прилагательные размечены слова *его, ее* и *их* не только в сочетаниях вроде *ее руки* и *их сын*, но и в сочетаниях вроде *его приезд, его создание, ее производство*.

Существительные, способные присоединять слова *ее, его* и *их*, можно разделить на следующие группы⁸:

1) невалентные предметные существительные: *его вещи, их дом, ее стол <зонт>*;

2) валентные предметные существительные, не связанные словообразовательными отношениями с конкретным предикатом: *его семья <мать, брат, жена>*; *их сосед <приятель, враг>*; *ее руки <голова, спина>*; *его имя <голос, душа>*;

3) отпредикатные предметные существительные: *его родители, ее ученики, их тренер; его <ее, их> родина*;

4) событийные (предикатные, пропозитивные, S₀ от соответствующих предикатов) существительные: *его жизнь <деятельность>*, *ее возвращение, их помощь, их разговор <спор, дискуссия>*; *его доброта, ее любовь, их внимание*;

5) параметрические существительные: *его вес, ее рост, их возраст; его количество, ее величина, их длина*.

Впрочем, отдельные замечания в [Падучева 2009а] свидетельствуют о том, что существительные могут присоединять и формы род. п. личных местоимений 3 л.: о конструкции *его [Новгорода] разгром московским князем* Е. В. Падучева говорит, что слово «*его* здесь естественно трактовать как генитив местоимения, а не как ПМ [притяжательное местоимение]» [Падучева 2009а: 84]; примеры *После свержения его с престола ода не переиздавалась; использование их сознательным художником* она сопровождает пояснением, что в них «скорее всего, не ПМ, а генитив местоимения 3-го лица» [Там же: 75]. Развернутой аргументации не предлагается, но очевидно, что она связана с несоответствием поведения единиц *его, ее, их* в этих примерах тем правилам, которые были сформулированы Е. В. Падучевой для притяжательных местоимений. Показательно, что во всех снабженных такого рода комментариями примерах местоимение указывает на объект действия.

Оказывается, что слова *его, ее* и *их* в объектном значении действительно имеют некоторые отличия от остальных случаев употребления этих единиц.

Чтобы выяснить, в чем заключаются эти отличия и связаны ли они только с употреблением местоимения в объектном значении, рассмотрим еще раз признаки,

⁸ Способность присоединять к себе притяжательные местоимения, в том числе местоимения 3 л., предположительно обладают все существительные, даже те, семантика которых к этому не располагает (ср. *ваши Петя, их молодежь*). Приведенная классификация ориентирована на конкретную цель — описать круги контекстов, в которых используются притяжательные местоимения 3 л., — и не претендует на полноту.

которые отличают притяжательные местоимения от форм личных местоимений и которые были перечислены выше.

1. **Препозиция.** Во всех примерах, иллюстрирующих сочетания с разными группами существительных, обсуждаемые единицы стоят в препозиции, и все такие сочетания воспринимаются как стилистически нейтральные. Постпозиция тоже возможна, но воспринимается как инверсия. Следовательно, представленные в этих примерах слова демонстрируют свойства притяжательных местоимений.

Однако в одном из типов сочетаний постпозиция не воспринимается или, по крайней мере, не всегда воспринимается как инверсия: это как раз сочетания, где местоимение обозначает объект. Действительно, если для сочетаний с субъектной интерпретацией нейтральна именно препозиция местоимения (ср. стандартное *его приезд в Армению* и инвертированное *приезд его в Армению*), то для сочетаний с объектной интерпретацией нейтральна и постпозиция: так, предложение *В подарок была куплена книга, обсуждался способ...* можно продолжить двумя способами, как кажется, не различающимися стилистически: *...ее пересылки в Москву* и *...пересылки ее в Москву*⁹.

На фоне этого различия сочетания, допускающие и субъектную, и объектную интерпретации, выбирают одну из них в соответствии с порядком слов: *его возвращение* скорее будет понято в смысле 'он вернулся', *возвращение его* — скорее в смысле 'его вернули'.

Впрочем, далеко не любое сочетание с местоимением в объектном значении допускает и препозицию, и постпозицию без ощутимых различий; так, нормально *местоименная лексика и способы ее описания* — и нестандартно *местоименная лексика и способы описания ее*. Очевидно, что есть некоторые условия, при которых постпозиция объектного местоимения воспринимается как нейтральная, — в сочетании *способ пересылки ее в Москву* это, видимо, наличие соподчиненных слов *ее* и *в Москву*.

2. **Способность употребляться в роли сказуемого.** Преобразование в конструкции с местоимением в роли сказуемого возможно для сочетаний не со всеми перечисленными выше группами существительных. Это относится ко всем притяжательным местоимениям, в том числе к местоимениям 1 и 2 л.

Такое преобразование абсолютно нормально для невалентных предметных слов (группа 1; *Этот зонтик — мой <твой, его>*), возможно при определенных условиях для валентных предметных слов (группы 2 и 3; нормально *Эта изображенная на рисунке рука — моя <ваша, ее>*, *Эти заботливые родители на фотографии — мои <наши с сестрой, ее и Васи>*, но прагматически странно *Эта рука — моя <ваша, ее>*, *Эти родители — мои <ее>*), невозможно для событийной

⁹ Как кажется, оказавшиеся в постпозиции субъектное и объектное местоимения получают разное интонационное оформление: если для объектного возможно как самостоятельное ударение, так и роль энклитики, то субъектное — всегда энклитика. При этом в препозиции в обоих значениях возможны оба варианта интонационного оформления.

и параметрической лексики (группы 4 и 5; **Вчерашний приезд — наши <ваши, их>* (субъектная интерпретация), **Вчерашнее увольнение — мое <твое, его>* (объектная интерпретация), **Рост 170 см — мой <твой, его>*).

По-видимому, ограничение на преобразование связано с семантикой именного сказуемого, которое должно называть признак. Чистое значение принадлежности, реализуемое при невалентной предметной лексике, является признаковым, притом что актантные значения при событийной и параметрической лексике плохо осмысливаются как признаковые.

Таким образом, зависящие от существительных единицы *его, ее* и *их* демонстрируют способность выступать в роли сказуемого далеко не всегда, а значит, не всегда обладают данным признаком притяжательных местоимений.

Впрочем, уже было показано, что притяжательные местоимения 1 и 2 л. ведут себя точно так же, как *его, ее* и *их*, и можно добавить, что подобное же поведение демонстрируют притяжательные прилагательные (ср. *Эта комната — дедушкина*, но не **Вчерашний приезд — дедушкин*). Таким образом, можно сделать вывод, что *его, ее, их* обладают стандартными для притяжательной лексики особенностями.

3. Отсутствие «припредложной» формы. Легко убедиться, что специальная «припредложная» форма у обсуждаемых единиц отсутствует, независимо от того, при каких именно существительных они употребляются: *в ее руках, с их родителями, без его тренера, к ее приезду, после его увольнения, об их количестве*.

4. Неспособность присоединять согласованное зависимое. Отмечая эту особенность притяжательных местоимений, Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев иллюстрируют ее сочетаниями со словами *сын* (которые уже были приведены выше), *голова* (группа 2) и *доклад* (группа 3): *Интересные мысли были *в твоём одного докладе <*в его одного докладе, *в ее одной докладе>* (надо: *только в твоём <его, ее> докладе*) [Булыгина, Шмелев 1997: 357–358].

Не могут присоединять к себе согласованное зависимое также притяжательные местоимения, употребляемые при невалентных предметных существительных (группа 1): **мой <твой, его> одного <самого> зонт, *наши <ваши, их> самих <одних> диван, *наши <ваши, их> всех дом* (надо: *мой <твой, его> собственный зонт, наши <ваши, их> собственный диван, наши <ваши, их> общий дом*) — и при параметрических существительных (группа 5): **мой <твой, его> одного <самого> вес, *наши <ваши, их> самих <одних> возраст* (надо: *мой <твой, его> собственный вес, только наши <ваши, их> возраст*).

Если же лексические единицы *его, ее, их* зависят от событийных существительных, то они способны присоединять согласованное зависимое, особенно в том случае, если находятся в постпозиции: *изучение ее одной <самой>, исследование их всех (сразу)* (для двух этих сочетаний естественна объектная интерпретация), *возвращение его одного <самого>* (для данного сочетания и субъектная, и объектная интерпретации представляются равновероятными и определяются более широким контекстом). Препозиция в таких сочетаниях отчетливо ощущается как инверсия: *его одного <самого> возвращение, ее одной <самой> изучение, их всех сразу исследование* — и, возможно, влияет на выбор интерпретации.

[НКРЯ] дает примеры (хотя и немногочисленные) использования обсуждаемых единиц с согласованными зависимыми в сочетаниях с существительными группы 4 — как в субъектной, так и в объектной интерпретации: *вхождение его самого в качестве классика в мировой пантеон, плата за проезд его самого и за провоз багажа* (субъектная интерпретация), *убийство его самого и помощника* (объектная интерпретация), *перемещение его самого относительно точки X* (вне более широкого контекста возможны обе интерпретации).

Таким образом, единицы *его, ее, их*, употребляясь в контексте событийных существительных и имея как субъектную, так и объектную интерпретацию, могут присоединять согласованные зависимые, что возможно для личных, но не для притяжательных местоимений.

5. Возможность использования в синтаксических конструкциях, недоступных для личных местоимений. Выше этот признак был продемонстрирован на примере только одной конструкции с именем способа, описанной Е. В. Падучевой.

Применение этого признака для определения типа местоимения в любой конструкции требует создания списка всех конструкций, в которых могут использоваться бесспорные притяжательные местоимения (*мой, твой, наш, ваш, свой*), и тех, в которых могут использоваться личные местоимения, с последующим сопоставлением получившихся списков. Однако создавать такие списки в рамках мини-исследования притяжательных местоимений вряд ли целесообразно.

Гораздо проще проверить, может ли тот смысл, который в конкретном сочетании с существительным передается словами *его, ее* или *их*, быть выражен, во-первых, личным местоимением 1 и 2 л. в род. п. и, во-вторых, притяжательным местоимением 1 и 2 л. Очевидно, что если возможна замена только притяжательным местоимением (*ее друзья — твои друзья — *друзья тебя*), то *его, ее, их* — тоже притяжательные местоимения, если же возможна замена только на личное местоимение (чего, по-видимому, не бывает), то это тоже личные местоимения. Однако есть и сочетания, в которых обсуждаемые единицы можно заменить и теми и другими местоимениями (*его увольнение с завода — увольнение меня с завода — мое увольнение с завода*), и для них данный способ проверки результата не дает. Это сочетания с событийными существительными, в которых обнаруживаются и другие отступления от стандартного для притяжательных местоимений поведения.

Таким образом, зависящие от существительных слова *его, ее, их* могут обладать не полностью одинаковыми наборами свойств. Если отвлечься от признака «способность употребляться в роли сказуемого» как такого, который обусловлен ограничениями, накладываемыми на семантику слова ролью сказуемого, а не особенностями самого слова, и учитывать остальные признаки, то можно выделить три типа сочетаний с *его, ее, их*:

1) прототипические сочетания с любыми предметными и параметрическими существительными (со словами групп 1–3 и 5); местоимения в них обладают всеми свойствами притяжательных;

2) сочетания местоимений в субъектном значении с событийными существительными (со словами группы 4); в этих сочетаниях есть одно отличие от прототипа: местоимение может присоединять согласованное зависимое;

3) сочетания местоимений в объектном значении с событийными существительными (со словами той же группы 4); такие местоимения отличаются от прототипа двумя свойствами — способностью присоединять согласованные зависимые и иметь стилистически нейтральную постпозицию.

В сочетаниях второго и третьего типа единицы *его, ее, их* имеют признаки как притяжательных, так и личных местоимений, а следовательно, их можно считать либо не вполне типичными, но все же притяжательными местоимениями, либо, напротив, не вполне типичными, но все же личными.

При выборе одного из этих решений можно ориентироваться на сложившуюся практику описания данных единиц: зависящие от существительных слова *его, ее, их* трактуются единообразно, а не по-разному — вне зависимости от того, какова семантика существительного или самого местоимения.

Более адекватным материалу представляется такое решение, согласно которому все такие *его, ее и их* — это притяжательные местоимения. Те же особенности, которые характерны для определенного круга их употреблений, можно описать внутри вокабулы соответствующего притяжательного местоимения.

3. Количество значений у притяжательных местоимений и их толкование

Хотя притяжательные *его, ее* и *их*, как было показано, не являются формами личных местоимений 3 л., по значению они, безусловно, соотносятся с соответствующими личными местоимениями точно так же, как местоимение *мой* соотносится с *я, твой* — с *ты* и т. д., и так же, как притяжательные прилагательные соотносятся с существительными, от которых они образованы: *дедушкин* — с *дедушка, мамин* — с *мама, Петин* — с *Петя* и т. д.

В каждой такой паре притяжательное слово наследует семантику местоимения или существительного, что применительно к притяжательным местоимениям значит, что каждое из них тоже «обозначает лицо или (для притяжательного местоимения 3-го лица) лицо или предмет» [Падучева 2009а: 68]. Сколько бы значений ни было выделено у притяжательного прилагательного или местоимения, каждое из них будет содержать такой «унаследованный» компонент. Кроме него, притяжательная лексика содержит еще один, собственно «притяжательный», компонент значения, который в большинстве словарных толкований соответствующих единиц передается с помощью слова *принадлежащий*.

Однако очевидно, что по крайней мере к тем сочетаниям, в которых местоимение имеет субъектную или объектную интерпретацию (*его <их> приезд, ее пересылка*), толкование вида ‘принадлежащий ему / ей / им’ при его буквальном понимании неприменимо.

Е.В. Падучева отмечает, что «дополнительное значение ПМ по сравнению с субстантивным местоимением не есть просто принадлежность: в набор значений,

которые выражает ПМ, входят и другие значения генитива — а быть может, и каких-то других падежных форм» [Падучева 2009а: 68].

Смысл ‘принадлежащий’ усматривается словарями как у притяжательных местоимений, так и у притяжательных прилагательных, что наряду с названием этих разрядов отражает их семантическую близость и, в свою очередь, отражается в сходстве сочетаемости. Действительно, круг контекстов, в которых употребляются притяжательные местоимения, совпадает с кругом контекстов, в которых используются обычные притяжательные прилагательные — по крайней мере те из них, которые образованы с помощью суффиксов *-ин* и *-ов*¹⁰:

орден дедушки: дедушкин орден — мой орден — его орден;
комната деда: дедова комната — наша комната — его комната;
друг мамы: мамин друг — ваш друг — их друг;
лай Жучки: Жучкин лай — (твой лай) — ее лай.

Естественно ожидать, что общая стратегия при описании притяжательной семантики будет одинаковой и для местоимений, и для прилагательных.

Посмотрим на примере некоторых прилагательных на *-ин* и *-ов* и притяжательных местоимений, сколько и каких значений выделяется у них в словарях.

В [БАС] для прилагательных выделяется единое (без оттенков) притяжательное значение¹¹: *мамин*, например, толкуется как ‘относящийся к маме, принадлежащий ей’ (в иллюстрирующих примерах представлены сочетания *мамина шаль*, *мамины рассказы*, *мамина сестра*) [БАС 9: 491]. Аналогично описываются *дедов*, *дедушкин*, *бабушкин*, *отцов*, *папин*.

Круг притяжательных контекстов слова *ваш* тот же словарь описывает существенно подробнее. Помимо основного значения ‘принадлежащий вам’ (иллюстрирующие сочетания — *ваше имя*, *ваш дом*, *ваш голос*, *ваша комната*), словарь фиксирует еще семь оттенков¹², среди которых ‘свойственный, присущий вам; такой, как у вас’ (*ваш характер* <*талант*, *взгляд*>, *ваша энергия*, *ваш возраст*, *ваше здоровье*), ‘осуществляемый, совершаемый вами; написанный, сказанный, изготовленный и т. п. вами’ (*ваш труд*, *ваше письмо* <*попечение*>, *ваши слова*, *ваша повесть*), ‘переживаемый вами, испытываемый вами’ (*ваша радость*, *ваши надежды*) и т. д.¹³ [БАС 2: 345]. Аналогично, хотя и не полностью тождественно, описаны *мой*, *наш*.

¹⁰ Притяжательные прилагательные на *-ин* и *-ов* (*мамин*, *дедов*) отличаются от притяжательных прилагательных на *-ий* по семантическим и референциальным свойствам [см., например: Шмелев 2008]; притяжательные местоимения близки к первым из них, поэтому для анализа привлекаются только прилагательные на *-ин* и *-ов*.

¹¹ Здесь и далее мы отвлекаемся от наличия у того или иного слова, приводимого в качестве примера, других — непритяжательных или субстантивированных — значений.

¹² Обсуждение понятия «отенок значения» можно найти в работе [Апресян 2001]. Оттенки значения можно рассматривать как подзначения.

¹³ Другие оттенки: ‘связанный с вами отношениями родства, дружбы и т. п., имеющий какое-л. отношение к вам’ (*ваши друзья* <*знакомые*>, *ваша семья*, *ваш дед* <*дядя*>); ‘преданный вам,

Хотя для *его, ее* и *их* возможны все те же самые контексты употребления, никаких оттенков [БАС], напомним, не выделяет, приводя общее толкование ‘принадлежащий, свойственный ему / ей’ (для *его, ее*) и ‘принадлежащий им’ (для *их*).

[МАС] демонстрирует ту же стратегию: для притяжательных прилагательных дается одно значение (с толкованием ‘принадлежащий...’); для местоимений 1 и 2 л. — основное значение и ряд оттенков (количество которых меньше, чем в [БАС]: для *ваши* их всего два), причем основное значение не толкуется, а подается так: «мест. притяж. к *вы*» (для *ваши*); для экспликации притяжательного значения местоимений 3 л. используется такая же формулировка, как для прилагательных.

Таким образом, в двух этих словарях отсутствует единообразие в описании аналогичного набора контекстов, причем различия в описаниях нельзя обосновать содержательными соображениями.

Сколько же значений целесообразно выделять у притяжательных слов, в частности у местоимений, — много, как для *ваши*, или одно — как для *мамин* или *его*?

Легко заметить, что в толкованиях многих из выделяемых авторами [БАС] оттенков значения слова *ваши* зафиксированы различия в семантике определяемых этим местоимением существительных, а не различия в семантике самого слова *ваши*. Например, различия в толкованиях ‘переживаемый вами, испытываемый вами’ (*ваши надежды*) и ‘осуществляемый, совершаемый вами’ (*ваши труд*) отражают различия в семантическом типе предикатов *надеяться* (эмоциональное состояние) и *трудиться* (деятельность) и связанные с ними различия в сочетаемости с лексико-функциональными глаголами (*испытывать эмоцию, но осуществлять деятельность*). Представляется очевидным, что само слово *ваши* в сочетаниях двух этих типов выступает в одном и том же значении, которое естественно назвать субъектным.

Субъектное значение уже обсуждалось выше наряду с объектным, которое также может выражаться притяжательными местоимениями. От чего зависит, будет ли какое-либо из этих значений выражаться в сочетаниях, состоящих из существительного и притяжательного местоимения, и если да, то какое именно?

Сама способность присоединять субъектное и объектное зависимое, безусловно, связана с наличием соответствующих семантических валентностей у определяемого существительного, а также с семантикой такого существительного: например, вновь обращаясь к работе [Падучева 2009б], напомним, что имя ситуации *исполнение* (*исполнение им роли Чацкого*) не может использовать притяжательное местоимение для указания на субъект, а то же существительное в значении имени способа (*его исполнение роли Чацкого*) может, наоборот, использовать только притяжательное местоимение.

готовый помочь, оказать услугу’ (*ваши покорный слуга*); ‘относящийся к вам как к членам какого-л. коллектива, общества; то место (город, страна и т. п.), в котором вы живете’ (*ваша страна, ваши коллектив*); ‘близкий вам по убеждениям, взглядам и т. п., объединенный с вами общими условиями, положением’ (*Я — ваши*).

Субъектное и объектное значения притяжательных местоимений реализуются в случае заполнения соответствующих валентностей слов четырех из перечисленных выше пяти групп (всех, кроме первой), но очевидным образом не могут быть реализованы при существительных, не имеющих таких валентностей (группа 1). Именно применительно к сочетаниям с существительными группы 1 (*его вещи, их дом, его стол <зонт>*) имеет смысл говорить о значении принадлежности.

Таким образом, можно предложить выделять для притяжательных местоимений три значения: 1) собственно притяжательное, 2) субъектное, 3) объектное. Такие же значения должны быть выделены и у притяжательных прилагательных на *-ин* и *-ов* (ср. *дедушкина комната — дедушкина доброта — дедушкино увольнение*).

Какое именно из этих значений будет реализовано в каждом конкретном сочетании, зависит как от наличия у существительного семантической валентности только субъекта или также и объекта либо отсутствия таких валентностей, так и от большого количества других факторов¹⁴, которые можно объединить под общим названием «влияние контекста».

Разнообразие отношений между тем лицом, на которое указывает местоимение, и тем, кто или что названо определяемым словом, показано в работах Н. Н. Болдырева на примере местоимения *мой* в сочетаниях преимущественно с предметной лексикой. «*Моя ручка* — это может быть и ручка, которая принадлежит мне, и ручка, которой я пишу (но которая не является моей собственностью), и ручка, которую я кому-то купил или подарил (*Как тебе понравилась моя ручка?*)» [Болдырев 2001: 90], *мои цветы* — подаренные мне или выращенные мною [Там же]. Добавим сюда также сочетания с событийной лексикой: *его убийство* (с существительным в форме единственного числа), скорее всего, будет понято в смысле ‘убили его’, менее вероятное, но все-таки возможное понимание — ‘он убил’, но может быть и так, что речь идет об авторе книги, где убийство описывается, — ему принадлежит описание этого убийства (ср. название сериала «*Она написала убийство*»). Если же поставить существительное во множественное число (*его убийства*), то наиболее естественная для данного сочетания объектная интерпретация по понятным прагматическим причинам исключается вовсе.

В общем случае верно, что если существительное имеет валентность, способную заполняться притяжательным местоимением, то совершенно не обязательно, что такое местоимение будет заполнять именно ее. Ср. приведенный выше пример со словом *убийство*, а также сочетание *ее книга*, которое может пониматься и как ‘книга, находящаяся в ее собственности’, и как ‘книга, которую подарила она’, и как ‘книга, автором которой она является’. В первых двух случаях семантическая валентность не реализуется, а в последнем реализуется валентность автора (интерпретация сочетаний типа (*читать*) *книгу Апресяна* как реализующих семантическую валентность предложена Е. В. Урысон в еще не опубликованной вокабуле «КНИГА», написанной для «Активного словаря»).

¹⁴ Факторы, влияющие на выбор субъектной или объектной интерпретации, обсуждаются в работе [Падучева 2009а].

В конечном счете при интерпретации значения притяжательного местоимения мы опираемся на предикат, входящий в толкование существительного (событийного, параметрического или предметного — *увольнение, исполнение, возраст, воспитанник, тренер*) или встраиваемый как промежуточное звено между указанием на лицо и семантикой существительного (*его книга* — ‘ему принадлежит’ или, наоборот, ‘им подарена’). При этом чем менее однозначной является связь между существительным и таким предикатом, тем больше разнообразие возможных интерпретаций.

Таким образом, конкретные смысловые отношения между притяжательным местоимением и существительным определяются контекстом в широком смысле этого слова — внутренним контекстом (лексическим значением и формой входящих в сочетание слов) и внешним (конструкцией, в которую встроено данное сочетание, ситуацией, в которой конструкция использована).

Точно таким же образом определяются конкретные отношения в сочетаниях существительных с относительными прилагательными — с той разницей, что относительные прилагательные обладают более разнообразными смысловыми возможностями: ср. *автомобильное движение* (субъектные отношения), *автомобильное производство* (объектные отношения), *автомобильная трасса* (отношения предназначения), *автомобильная поездка* (отношения инструмента), *автомобильные детали* (отношения целого и части) и т. п.

В результате собственное лексическое значение относительных прилагательных практически отсутствует и сводится к переводу смысла ‘предмет’ в смысл ‘признак по предмету’. В словаре они могут не получить никакого толкования, а их значение будет эксплицироваться через отсылку; например, про слово *автомобильный* в [МАС 1: 23] написано так: «*Прил. к автомобилю*» [Грамматика 1980/1: 328] характеризует словообразовательное значение, имеющееся у таких прилагательных, как «общее значение отнесенности к предмету, явлению, названному мотивирующим существительным, часто конкретизируемое в контексте». Учитывая то обстоятельство, что притяжательные прилагательные (включая местоименные) в современной научной морфологии считаются подклассом относительных [см, например: Грамматика 1980/1: 540], можно полагать, что все сказанное относится и к ним.

Не берясь на основании сказанного утверждать что-либо о системе многозначности относительных прилагательных, ограничимся только следующим утверждением: представляется разумным выделять для всех притяжательных местоимений, включая и притяжательные местоимения 3 л., только одно значение, конкретизация которого происходит в контексте и определяется уже им.

Дополнительным аргументом в пользу такого решения служит возможность некаламбурных употреблений в таких сочетаниях, где сталкиваются существительные разных групп, реализующие разные валентности и не реализующие их: *говорить о его молодой жене и роскошном доме*; здесь слово *его* указывает как на обладание — *его дом*, так и на родственные связи — *его жена*; *его* — одновременно и валентное, и невалентное зависимое. Ср. сочетания, в которых слово *его*

выполняет одну и ту же функцию при соединяемых сочинительной связью компонентах: *говорить о его жене и детях* и *говорить о его доме и автомобиле*. Конечно, конструкция *говорить о его возвращении и жене*, где у слова *его* тоже разные функции, по меньшей мере сомнительна, но причина этой сомнительности может заключаться в соединении сочинительной связью событийного существительного с предметным; устроенная таким же образом фраза *обсуждать его неожиданное признание и жену, которая не простила измены* воспринимается как вполне приемлемая, хотя, конечно, нестандартная.

Остается вопрос, как должно подаваться такое значение.

В словарях используются два способа подачи. Выбор одного из них определяется общими установками словаря и сложившейся в нем практикой описания такого рода значений.

Первый способ предполагает отсутствие толкования, которое заменяется отсылкой. В [МАС] этот способ использован в вокабулах «МОЙ», «ТВОЙ», «НАШ» и «ВАШ» для подачи основного значения: «мест. притяж. к я / ты / мы / вы».

[АС] также допускает такой формат: «чисто синтаксические производные существительные, прилагательные и наречия L1 в зоне значения поясняются по формуле “от L2”, где L2 — исходная лексема» [Апресян 2010б: 93]. Например, в зоне «Значение» у лексемы *абрикосовый 1 (абрикосовый сок)* сказано: «от *абрикос 1* (*абрикос 1* — это плод), а у лексемы *абрикосовый 2 (абрикосовый сад)* — «от *абрикос 2*» (*абрикос 2* — это дерево).

Как кажется, именно такой способ предпочтителен для подачи значения в вокабулах «ЕГО», «ЕЕ» и «ИХ».

При втором способе используется формат толкования, которое строится по формуле ‘относящийся к...’. [БАС] использует этот способ для толкования притяжательных прилагательных, правда, вводя в толкование и указание на принадлежность (*мамин* ‘относящийся к маме, принадлежащий ей’). Толкования, использующие подобную формулу, есть и в [АС], например *английский 1.1* ‘относящийся к Англии’ или *железнодорожный* ‘относящийся к железной дороге’.

Что же касается толкований вида ‘принадлежащий ...’, то они не могут быть сочтены удачными.

Согласно требованиям к метаязыку, предъявляемым Московской семантической школой, в толкованиях должны употребляться обычные слова языка, желательно — в основных значениях. Между тем слово *принадлежащий* в толкованиях притяжательной лексики используется не в соответствии со своим общеязыковым значением и одновременно в нескольких значениях сразу. Ни в каком смысле этого слова нельзя сказать, что *его приезд* принадлежит ему, а *мое увольнение* — мне. *Ее ручка* — это ручка, которой она владеет (первое значение глагола *принадлежать* согласно [МАС]), а *твоя семья* — это семья, к которой принадлежишь ты (второе значение). Кроме того, как было сказано, далеко не во всяком контексте сочетание вроде *ее ручка* указывает именно на владение, а значит, толкование оказывается просто неверным; ср. также пример *В их доме четырнадцать этажей*, в котором вряд ли идет речь о доме, которым они владеют.

Нельзя не согласиться с А. Д. Шмелевым, который отмечал, что «затруднительно дать точное определение значения “принадлежности”; в конечном счете это некоторый ярлык, а попытки дать ему толкование, используя русский глагол *принадлежать* или тем более глаголы *владеть, обладать*, наталкиваются на очевидную семантическую неэлементарность этих глаголов» [Шмелев 2008: 928].

Если же считать, что слово *принадлежащий* использовано в толковании в своем основном значении ‘находящийся в собственности’, то очевидно, что такое толкование не охватывает всех употреблений притяжательной лексики.

Итак, предлагается описывать притяжательные местоимения *его, ее* и *их* как имеющие только одно значение и эксплицитировать это значение через отсылку к значению соответствующего личного местоимения (или — для *его* — двух местоимений).

Как при таком решении фиксировать в словаре те конкретные смысловые отношения, которые были охарактеризованы выше (причем охарактеризованы не исчерпывающим образом), и синтаксические особенности, отличающие одни употребления притяжательных местоимений от других (например, объектные от прочих)?

Во-первых, для передачи такой информации в [АС] предусмотрены разные возможности.

Например, информацию о том, как по смыслу связаны местоимение и существительное, можно поместить в зону «Сочетаемость»; ср. фрагмент этой зоны из вокабулы «ЕГО»:

Его портфель <костюм, телефон, загородный дом> [вещи человека]; *его голова* <спина, нос> [части тела человека]; *его фамилия* <титул>, *его рост* <вес, характер>, *его доброта* <храбрость, свойства> [параметры и свойства человека]; *его родители* <жена, тренер, ученики> [связанные с человеком люди] <...> [АС 3: 319].

Информация о стандартной препозиции местоимения помещается в зону «Конструкции»:

В стилистически нейтральных предложениях предшествует определяемому существительному:

Она взяла его руки в свои [Там же].

В эту же зону можно поместить информацию о возможности нейтральной постпозиции при выражении объектного значения.

Способность притяжательных местоимений служить средством выражения той или иной валентности фиксируется в зоне «Управлении» тех лексем, для которых это возможно, с помощью специально для них предназначенной метки «ПРИТЯЖ».

Во-вторых, те свойства, которые одинаковы у всех притяжательных местоимений (например, способность выступать в роли сказуемого), могут быть описаны в грамматике.

4. Вместо заключения

В начале работы были сформулированы некоторые традиционные для лексикографа вопросы, ответы на которые применительно к рассмотренным местоименным единицам таковы:

- в русистике высказаны убедительные аргументы в пользу существования отдельных притяжательных местоимений *его*, *ее*, *их*, и эти местоимения должны быть описаны в отдельных вокабулах;

- при их описании можно исходить из того, что любое вхождение единиц *его*, *ее*, *их* в позиции при существительном — это вхождение именно притяжательного местоимения;

- каждое из этих слов имеет по одному значению, аналогичному основному, а часто и единственному значению притяжательных прилагательных (прежде всего с суффиксами *-ин* и *-ов*), с которыми входит в один лексикографический тип; это значение может описываться либо отсылочно, либо через толкование вида ‘относящийся к...’ — в зависимости от принятой в данном словаре формулировки.

В уже опубликованных томах [АС] есть вокабулы «ВАШ», «ЕГО» и «ЕЕ»¹⁵.

Описаны они неодинаково: в частности, у местоимения *ваш* на материале соотносительных с *его*, *ее* и *их* «притяжательных» контекстов выделено два значения¹⁶, а у *его* и *ее* — по одному.

Во втором издании «Активного словаря», о котором часто говорят члены авторского коллектива, когда понимают, что какие-то уже опубликованные вокабулы следовало бы написать иначе, такие непоследовательности будут устранены — обязательно именно так, как предлагается в данном мини-исследовании.

Тем не менее надеюсь, что предложенный здесь подход к описанию притяжательных местоимений достаточно убедителен и на него можно будет ориентироваться при выравнивании описаний.

Литература

Апресян Ю. Д. Избранные труды : в 2 т. Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. М. : Языки русской культуры, 1995. 767 с.

Апресян Ю. Д. Значение и употребление // Вопросы языкознания. 2001. №4. С. 3–22.

¹⁵ Автор вокабулы «ВАШ» — Е. Э. Бабаева, вокабул «ЕГО» и «ЕЕ» — И. В. Галактионова.

¹⁶ Лексема *ваш* 1.1 имеет толкование ‘принадлежащий более чем одному адресату или такому адресату, к которому говорящий обращается на «вы»’ и иллюстрируется сочетаниями с предметными существительными — невалентными (*зонт, вещи, дом, имение* и др.) и валентными (*лицо*); лексема *ваш* 1.2 толкуется как ‘связанный с более чем одним адресатом или с таким адресатом, к которому говорящий обращается на «вы»’ и иллюстрируется сочетаниями как с предметной — невалентной (*страна*) и валентной (*фамилия, дядя, спутник* и др.), так и с событийной (*воспитание, чудеса, карьера* и др.) лексикой [АС 2: 24].

Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1 : Парадигматика. М. : Языки славянских культур, 2009. 568 с.

Апресян Ю. Д. Введение // *Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Галактионова И. В., Гловинская М. Я., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Птенцова А. В., Санников А. В., Урысон Е. В.* Проспект «Активного словаря русского языка» / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М. : Языки славянских культур, 2010а. С. 17–54.

Апресян Ю. Д. Инструкция по составлению словарных статей Активного словаря (АС) русского языка // *Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Галактионова И. В., Гловинская М. Я., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Птенцова А. В., Санников А. В., Урысон Е. В.* Проспект «Активного словаря русского языка» / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М. : Языки славянских культур, 2010б. С. 55–152.

АС — *Апресян Ю. Д., Апресян В. Ю., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Галактионова И. В., Гловинская М. Я., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Лопухина А. А., Птенцова А. В., Санников А. В., Урысон Е. В.* Активный словарь русского языка / отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. Т. 1 : А–Б . 408 с. ; Т. 2 : В–Г. 736 с. М. : Языки славянских культур, 2014 ; Т. 3 : Д–З. М. ; СПб. : Нестор-История, 2017. 768 с.

БАС — Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд и др. М. ; СПб. : Наука, 2004–. Т. 1–.

Болдырев Н. Н. Когнитивный аспект семантики притяжательных местоимений // *Русский язык: исторические судьбы и современность : Междунар. конгресс исследователей русского языка : тр. и материалы / отв. ред. М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов.* М. : Изд-во МГУ, 2001. С. 89–90.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. : Языки русской культуры, 1997. 576 с.

Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М. : Высшая школа, 1972. 613 с.

Волк В. С. Синтаксис притяжательных местоимений и адъективная деривация // *Acta Linguistica Petropolitana.* 2014. Т. 10. Ч. 2. С. 510–533.

Грамматика 1960 — Грамматика русского языка : в 2 т. / под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной, С. Г. Бархударова. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960.

Грамматика 1970 — Грамматика современного русского литературного языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Наука, 1970. 767 с.

Грамматика 1980 — Русская грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука, 1980.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М. : Русский язык, 1977. 879 с.

МАС — Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. испр. и доп. М. : Русский язык, 1981–1984.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru>

Падучева Е. В. Притяжательное местоимение и проблема залога отглагольного имени // Падучева Е. В. Статьи разных лет. М. : Языки славянских культур, 2009а. С. 67–85.

Падучева Е. В. Посессивы и имена способа действия // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : сб. ст. по материалам ежегодной международной конференции «Диалог–2009». Вып. 8 (15) / гл. ред. А. Е. Кибрик. М. : Изд-во РГГУ, 2009б. С. 365–372.

Шмелев А. Д. Посессивы в современной русской грамматике // Динамические модели. Слово, предложение, текст : сб. ст. в честь Е. В. Падучевой. М. : Языки славянских культур, 2008. С. 927–942.

I. V. Galaktionova
Lomonosov Moscow State University
(Russia, Moscow)
ig@philol.msu.ru

RUSSIAN 3RD PERSON POSSESSIVE PRONOUNS IN THE EXPLANATORY DICTIONARY

One of the principles underlying the *Active Dictionary of the Russian language* is the adherence to the lexicographical tradition, which means either the use of existing viewpoints or the motivated deviation from them. Words *ego* ‘his/its,’ *ee* ‘her,’ *ikh* ‘their’ in the possessive meaning (*ego dom* ‘his house,’ *ee puteshestvie* ‘her journey,’ *ikh sem’ya* ‘their family’) are treated differently in dictionaries, grammatical descriptions and linguistic studies. The article discusses the arguments presented in the literature in favor of distinguishing between two series of homonymous units: separate possessive pronouns *ego*, *ee*, *ikh* and forms of the genitive case of personal pronouns *on/ono* ‘he/it,’ *ona* ‘she,’ *oni* ‘they.’ The former are similar to the possessive pronouns *moi* ‘mine,’ *tvoi* ‘yours,’ *nash* ‘ours,’ *vash* ‘yours,’ and the latter to the forms of the genitive case of other personal pronouns. Consequently, *ego*, *ee*, *ikh* in the possessive meaning should be described in separate dictionary entries. Possessive pronouns *ego*, *ee*, *ikh* are always governed by nouns, however, they do not behave in this position in the same way: for example, there are some peculiarities when they refer to an object of some action (e.g. *ego* <*ee*, *ikh*> *izuchenie* lit. ‘study of him/it <her, them>’). Such features should be noted in the corresponding section of dictionary entry. The article attempts to show that the pronouns in question have only one very general meaning ‘relating to,’ similar to the meaning of possessive adjectives with which they are included in the same lexicographic type. The specific semantic relations in the collocation including a noun and a possessive pronoun depend both on the semantics of this noun and on the context in which this collocation is used. Such relations should be described in a special section of the dictionary entry where collocations are collected and cannot serve

as the basis for claiming that the possessive pronouns *ego*, *ee*, *ikh* have more than one meaning.

Key words: possessive pronouns, lexicography, lexicographic type, lexical meaning, realization of meaning in context.

Acknowledgements

The research was supported by the RFBF grant No. 19-012-00291 A “The fourth issue of the *Active Dictionary of Russian*”.

References

Apresyan Yu.D. *Izbrannye trudy: v 2 t. T. 2: Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected Works (Vols. 1–2). Vol. 2: Integrated Description of Language and Systematic Lexicography]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1995, 767 p.

Apresyan Yu.D. [Meaning and Usage]. *Voprosy yazykoznanija*, 2001, No. 4, pp. 3–22. (In Russ.)

Apresyan Yu.D. *Issledovaniya po semantike i leksikografii. T. 1: Paradigmatika* [Studies in Semantics and Lexicography. Vol. 1: Paradigmatics]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2009, 568 p.

Apresyan Yu.D. [Introduction]. Apresyan V.Yu., Apresyan Yu.D., Babaeva E.E., Boguslavskaya O.Yu., Galaktionova I.V., Glovinskaya M.Ya., Iomdin B.L., Krylova T.V., Levontina I.B., Ptentsova A.V., Sannikov A.V., Uryson E.V. *Prospekt «Aktivnogo slovary russkogo yazyka»* [Prospectus of the *Active Dictionary of the Russian Language*]. Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2010a, pp. 17–54. (In Russ.)

Apresyan Yu.D. [The Instruction on Writing Lexical Entries for the *Active Dictionary of the Russian Language*]. Apresyan V.Yu., Apresyan Yu.D., Babaeva E.E., Boguslavskaya O.Yu., Galaktionova I.V., Glovinskaya M.Ya., Iomdin B.L., Krylova T.V., Levontina I.B., Ptentsova A.V., Sannikov A.V., Uryson E.V. *Prospekt «Aktivnogo slovary russkogo yazyka»* [Prospectus of the *Active Dictionary of the Russian Language*]. Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2010b, pp. 55–152. (In Russ.)

Apresyan Yu.D., Apresyan V.Yu., Babaeva E.E., Boguslavskaya O.Yu., Galaktionova I.V., Glovinskaya M.Ya., Iomdin B.L., Krylova T.V., Levontina I.B., Lopukhina A.A., Ptentsova A.V., Sannikov A.V., Uryson E.V. *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka* [The *Active Dictionary of the Russian Language*] (Vols. 1–3). Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, St Petersburg, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2014–2017.

Boldyrev N.N. [The Cognitive Point of Semantics of Russian Possessive Pronouns]. *Russkii yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': Mezhdunar. kongress issledovatelei russkogo yazyka: tr. i materialy* [Russian Language: Its Historical Destiny and the Present State: Proceedings of the International Congress of Russian Language Researchers]. M.L. Remneva, A.A. Polikarpov (Eds.). Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 2001, pp. 89–90. (In Russ.)

Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka [The Great Academic Dictionary of the Russian Language]. (Vols. 1–). K. S. Gorbachevich, A. S. Gerd et al. (Eds.). Moscow, St Petersburg, Nauka Publ., 2004–.

Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Linguistic Conceptualization of the World (Based on Russian Grammar)]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1997, 576 p.

Grammatika russkogo yazyka [Russian Grammar] (Vols. 1–2). V. V. Vinogradov, E. S. Istrina, S. G. Barkhudarov (Eds.). Moscow, USSR Acad. of Sci. Publ., 1960.

Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [The Grammar of the Modern Standard Russian Language]. N. Yu. Shvedova (Ed.). Moscow, Nauka Publ., 1970, 767 p.

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [The National Corpus of the Russian Language]. Available at: <http://ruscorpora.ru>

Paducheva E. V. [Possessive Pronouns and the Problem of the Deverbal's Noun Voice]. Paducheva E. V. *Stat'i raznykh let* [A Collection of Articles from Different Years]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2009a, pp. 67–85. (In Russ.)

Paducheva E. V. [Words with Possessive Meaning and Nouns Denoting Modes of Action]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: sb. st. po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog–2009». Vyp. 8 (15)* [Computer Linguistics and Intelligent Technologies: Collection of Articles Based on the Materials of the International Conference *Dialog-2009*. Iss. 8(15)]. A. E. Kibrik (Ed.). Moscow, Russian St. Univ. for the Humanities Publ., 2009b, pp. 365–372. (In Russ.)

Russkaya grammatika [Russian Grammar] (Vols. 1–2). N. Yu. Shvedova (Ed.). Moscow, Nauka Publ., 1980.

Shmelev A. D. [Words with Possessive Meaning in Modern Russian Grammar]. *Dinamicheskie modeli. Slovo, predlozhenie, tekst: sb. st. v chest' E. V. Paduchevoi* [Dynamic Models. Word, Sentence, Text: A Collection of Articles in Honor of E. V. Paducheva]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008, pp. 927–942. (In Russ.)

Slovar' russkogo yazyka [The Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–4, 2nd ed.). A. P. Evgen'eva (Ed.). Moscow, Russkii yazyk Publ., 1981–1984.

Vinogradov V. V. *Russkii yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian Language (Grammatical Theory of the Word)] (2nd ed.). Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1972, 613 p.

Volk V. S. [Syntax of Russian Possessive Pronouns and Pronominal Adjectives]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2014, No. 2(10), pp. 510–533. (In Russ.)

Zaliznyak A. A. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka. Slovoizmenenie* [The Dictionary of Russian Grammar]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1977, 879 p.

Анна А. Зализняк¹, Е. В. Падучева
¹Институт языкознания РАН
ФИЦ «Информатика и управление» РАН
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
(Россия, Москва)
anna.zalizniak@gmail.com

О СЛОВЕ *ОТНЮДЬ* *

В статье предлагается анализ семантики и условий употребления русского слова *отнюдь*. Демонстрируется, что семантический вклад слова *отнюдь* в значение отрицательного предложения определяется тем, что оно производит усиление отрицания в двух отношениях — дескриптивном и иллокутивном. Парадигматическим контекстом для употребления *отнюдь* является контекст антонимического отрицания, т. е. отрицания скалярного признака, встроенного в биполярную шкалу. Отрицание *не Р* в таком случае переключает значение на противоположный полюс шкалы, т. е., помимо компонента ‘неверно, что Р’, включает еще утверждение наличия некоторого Q, являющегося полноценным семантическим признаком, противоположным по отношению к Р. Дескриптивная функция слова *отнюдь* состоит в том, что в контексте предикатов, имеющих антонимическое отрицание, оно вносит смысл высокой степени реализации противоположного Р признака Q. Иллокутивная функция состоит в увеличении силы опровержения общепринятого или высказанного в предтексте мнения. В случае невозможности встроить признак в биполярную шкалу и одновременно отсутствия некоторого имеющегося заранее мнения, опровержением которого служило бы данное высказывание, *отнюдь* не может выполнять ни одну из двух своих функций и его употребление невозможно.

Ключевые слова: русский язык, семантика, отрицание, дискурсивные слова, иллокутивная сила, биполярная шкала.

Слово *отнюдь* на первый взгляд кажется несколько устаревшим; так, большинство опрошенных нами носителей русского языка сказали, что сами этого слова

* Статья написана при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00462 «Коммуникативно-синтаксический интерфейс: типология и грамматика», реализуемый в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина.

в речи не употребляют. Однако материал «Национального корпуса русского языка» [НКРЯ] этого не подтверждает: частота употребления слова *отнюдь* на протяжении 150 лет увеличилась — и продолжает расти, в том числе в течение последних 50 лет². Это обстоятельство представляет тем больший интерес, что значение этого слова за это время существенно сузилось.

Согласно словарю Фасмера [3: 172], *отнюдь* соответствует др.-рус. *от(ъ)инудь*, *от(ъ)инуду* ‘совсем’, ‘со всех сторон’ (от основы *ин-* ‘иной’). В современном языке *отнюдь не* в некоторых контекстах сближается с *нисколько не*, *ничуть не*, *совсем не*, *вовсе не*, *никак не*, *далеко не* — но при этом не синонимично ни одному из этих слов.

Для современного русского языка мы будем различать следующие типы употребления *отнюдь*.

1. Слово *отнюдь* находится внутри предложения, непосредственно перед отрицанием *не*.

1а. В предложении с отрицанием при глаголе, прилагательном или наречии, ср.³:

- (1) *До определенного момента это была структура СССР, потом новая действительность, которая его отнюдь не радовала* (А. Кушнир, Я. Шенкман. Абсолютно несистемный центробежный человек. 2013);
- (2) *Евгения Васильевна была, как мне кажется, женщиной неоднозначной, но отнюдь не глупой* (А. Маринина. Последний рассвет. 2013);
- (3) *Слова Иванько, что еще все попляшут, отнюдь не пустая угроза* (В. Войнович. Иванькиада, или Рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру. 1976);
- (4) *...а чего стоит сам циферблат: выпуклый, треугольный, по краям выложены 69 бриллиантов. И забавно, и выглядит отнюдь не дешево* (Е. Блинова. Время не имеет значения. 2002).

1б. В предложении с отрицанием при местоимениях *все*, *всегда* и *всякий*:

- (5) *Мощная и богатая Германия способна вызывать не меньшую зависть, да и немцев отнюдь не все любят* (Известия. 25.09.2002);
- (6) *Ну а Мыша даже в самом благодушном его настроении отнюдь не всякий отважился бы погладить* (М. Семенова. Волкодав: Знамение пути. 2003);
- (7) *Олимпиада — турнир крайне непредсказуемый и отнюдь не всегда основные претенденты на победу с легкостью добиваются своего* (Известия. 10.11.2002).

1с. «Одиночное» *отнюдь* в конечной позиции, после предложения, содержащего отрицание; слово *отнюдь* отделено запятой или же составляет отдельное

² По данным [НКРЯ], в период 1871–1970 гг. частота слова *отнюдь* составляла 31,6 ирм (4 082 на 129 168 725 словоупотреблений), в период 1971–2000 гг. — 41,8 ирм (2 700 на 64 505 247 словоупотреблений), в период 2001–2019 гг. — 48 ирм (3 277 на 68 874 126 словоупотреблений)

³ Здесь и далее: примеры со ссылкой в круглых скобках взяты из [НКРЯ].

предложение, при этом оно как бы «вынесено» в конец и в принципе может быть «возвращено на место» (ср. для примеров (8)–(10): *отнюдь не носило характер произвола, отнюдь не дурак, отнюдь не процветающий*):

- (8) *Все это не носило характера произвола, отнюдь* (В. Т. Шаламов. Колымские рассказы. 1954–1961);
- (9) *Подозреваю, правда, что Роцин просто приколотся на твой счет — он же не дурак, отнюдь* (Е. Завершнева. Высотка. 2012);
- (10) *Не процветающий, скажу вам, у заведения вид. Отнюдь. Откуда ж гравюры?* (Д. Рубина. Окна. 2011);

Помимо простого отрицания, возможен оборот *не то чтобы P*:

- (11) *Не то чтобы мне хотелось фамильярности — отнюдь* (В. Белоусова. Второй выстрел. 2000);
- (12) *Не то чтобы он себя изжил, исчерпал, — отнюдь* (Мир & Дом. City. 15.10.2003).

Ср.: *Мне отнюдь не хотелось фамильярности; Он отнюдь себя не изжил.*

2. Слово *отнюдь* составляет отдельное предложение. Его функция состоит в опровержении мнения, высказанного в предыдущем предложении. Здесь возможны следующие варианты.

2а. Опроверяемое мнение вводится предикатом мнения, сопровождаемым указанием на его ошибочность, ср.:

- (13) *Однако было бы ошибкой считать, что книга Плотникова посвящена исключительно возвышенно-метафизическим предметам. Отнюдь. <...> автор фокусирует внимание читателя и на вещах, так сказать, приземленных, а то и вовсе легкомысленных* (Н. Лукас. О кн. Николая Плотникова «Deutschland? Aber wo liegt es?». 2003);
- (14) *Однако не надо думать, что этим промыслом занимаются одни только цыганки. Отнюдь* (Криминальная хроника. 24.07.2003);
- (15) *На первый взгляд кажется, что эти два сообщества и ужиться-то вместе не смогут. Отнюдь. Они близнецы-братья* (Знание — сила. 2003);
- (16) *На моих изумленных глазах страж откальвает булавку внутреннего кармана зверевского пиджака и достает увесистый сверток денег... Это не значит, что художник был жадным. Отнюдь. <...> Деньги ему были нужны для чего-то важного. Скажем, на краски* (З. Плавинская. Отражение. 2003).

2б. Опроверяемое мнение вводится в форме вопроса (часто содержащего тот или иной показатель сомнения):

- (17) *Катя начала тосковать. И тосковать, и ревновать, что было особенно неприятно. Вначале здорово злилась на себя и иронизировала и даже*

- пыталась презирать. <...> Несносный отвратительный тип. **Разве** Катя была слепа? **Отнюдь**. Но это не имело никакого значения. Она попалась (М. Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая. 2015);
- (18) **Может быть**, это всего лишь его индивидуальный почерк? **Отнюдь**. Даже поверхностное знакомство с израильской тактической стрельбой дает ответ (А. Ларин. Последний довод телохранителя. 2004);
- (19) **Но все ли** в то время разделяли точку зрения Бакатина? **Отнюдь**. Знали ли правительство о возросшей преступности? (Завтра. 04.02.2003);
- (20) **Очередной виток административной реформы?** **Отнюдь**. Портфели делить рано (Итоги. 20.05.2003).

2с. Опровергаемое мнение высказано другим говорящим; *отнюдь* появляется в ответной реплике:

- (21) — **Мне кажется**, что это довольно демагогическое понятие. — **Отнюдь** (В. Крапивин, Д. Струев. Дорога негаснущей надежды. 2015);
- (22) — **Порой складывается впечатление**, что перспектива безвизового режима с ЕС настолько долгосрочна, что почти виртуальна... — **Отнюдь**. Сроки — это тоже предмет переговоров (Дипломатический вестник. 25.05.2004).

Обратим внимание на то, что в случае 2 вместо одиночного *отнюдь* может выступать *отнюдь нет* — в том же значении⁴, ср.:

- (23) **Может сложиться впечатление**, что я газовик или нефтяник. **Отнюдь нет**. Я противник продажи сырьевых ресурсов и надеюсь, что Россия сможет в недалеком будущем торговать продуктами нефте- и газохимии, а не сырьем (Наука и жизнь. 2007);
- (24) **Казалось бы**, столь катастрофическая ситуация с валютой должна была побудить советских руководителей позаботиться о всемерном сокращении валютных расходов. **Отнюдь нет**. Им и в этих условиях казалось невозможным отказаться от финансирования масштабной внешнеполитической деятельности (Е. Гайдар. Гибель империи. 2006);
- (25) **Каземат?** **Отнюдь нет**. «У меня очень теплая и уютная комната, много света, и я вижу в окно кусок неба», — писал Бакунин своей знакомой Матильде Рейхель (Наука и жизнь. 2009).

В случае 2 слово *отнюдь* означает 'вовсе нет', т.е. представляет собой эмфатическое отрицание и используется говорящим для утверждения некоторой точки зрения в форме акцентированного опровержения противоположной точки зрения, в той или иной форме присутствующей в контексте высказывания.

⁴ Современное *отнюдь* возникло в результате отпадения показателя отрицания в отрицательной конструкции и переноса ее значения на оставшийся элемент; ср. отпадение в определенных условиях отрицательной частицы *ne* во французском показателе отрицания *ne pas* (истор. букв. 'ни шагу' [Rey 2000/2: 2594]).

Случай 1 составит предмет дальнейшего обсуждения.

Итак, что означает *отнюдь не P*? Нужно получить ответы на два вопроса:

1) в каких случаях в отрицательное предложение можно и в каких нельзя «вставить» слово *отнюдь*;

2) каков семантический вклад этого слова в тех случаях, когда его вставка допустима.

Начнем со второго вопроса. Как представляется, слово *отнюдь* выполняет две функции — дескриптивную и иллокутивную. Рассмотрим следующие примеры:

- (26) *Ведь, как известно, ЮАР — единственная страна мира, добровольно прекратившая испытания ядерного оружия. Однако исследования в области ядерной физики в связи с этим отнюдь не закончились* (Знание — сила. 2011);
- (27) *Ушли в прошлое времена контркультуры, но, как видим, ее ценности отнюдь не исчезли* (Наука и религия. 2011) <а сохранились>;
- (28) *Хотя и существует запрет на нашу деятельность, она отнюдь не пресекалась* (Б. Евсеев. Евстигней. 2010) <а продолжала существовать>;
- (29) *Альмушка стала тяжелей на подъем. Но обаяния своего отнюдь не лишилась. Особенно хороша была, когда играла на арфе* (Б. Евсеев. Евстигней. 2010).

Во всех этих примерах *не* + глагол со значением ‘перестать иметь место’ означает ‘продолжать иметь место’: *исследования не закончились* = ‘продолжаются’; *ценности не исчезли* = ‘сохраняются’, *деятельность не пресекалась* = ‘продолжается’, *не лишилась обаяния* = ‘сохраняет обаяние’ (ср. о типе антонимов ‘P’ — ‘не-P’ в [Апресян 1974: 292]). Вставка слова *отнюдь* выполняет одновременно следующие две функции.

Во-первых, *отнюдь* усиливает степень реализации признака (= дескриптивная функция): исследования не просто продолжаются, а идут в полную силу, ценности не просто сохраняются, а достаточно сильны, деятельность не просто продолжается, а происходит интенсивно; обаяние все еще довольно сильное и т. д.

Во-вторых, *отнюдь* увеличивает иллокутивную силу опровержения (= иллокутивная функция): если предложение с отрицанием просто констатирует положение вещей, противоположное тому, которого можно было бы ожидать (а такая импликация имеется во всяком отрицательном предложении), то предложение с *отнюдь* включает дополнительную «интонацию разубеждения»: ‘ты мог бы подумать, что P; я говорю: *Не P!*; *Перестань думать, что P*’.

Рассмотрим подробнее функцию *отнюдь*, которую мы назвали дескриптивной.

Парадигматическим контекстом для употребления *отнюдь* является контекст обозначения скалярных признаков, встроенных в биполярную шкалу (‘хорошо’ — ‘плохо’, ‘много’ — ‘мало’ и т. п.). Отрицание *не P* в таком случае переключает значение на противоположный полюс шкалы, т. е. (помимо компонента ‘неверно, что

Р', уходящего на задний план) включает еще утверждение наличия некоторого Q, являющегося полноценным семантическим признаком, противоположным по отношению к Р. Такое отрицание принято называть *контрарным*; для этого признака Q обычно существует лексическое выражение — антоним. Так *не + хорошо* утверждает не просто отсутствие признака 'хорошо', а наличие признака 'плохо', *не + нравится* обозначает однозначно негативную оценку и т. д. [ср.: Богуславский 1985: 35; Зализняк 2006: 379; Апресян 2006: 141; Падучева 2013: 238]. В [Богуславский 1985: 35] такое отрицание названо *идиоматическим*; мы будем называть его *антонимическим*. Эффект взаимодействия с отрицанием (т. е. будет оно обычным контрадикторным или антонимическим контрарным) определяется семантикой предиката. Антонимическое отрицание характерно для глаголов внутреннего состояния. При этом некоторые предикаты допускают обе возможности; так предложение *Он не любит свою жену* содержит обычное отрицание ('неверно что любит', т. е. 'не испытывает любви'), а предложение *Он не любит свою тещу*, скорее всего, означает 'испытывает неприязнь', т. е. содержит антонимическое отрицание.

Семантический вклад слова *отнюдь* в контексте предикатов, имеющих антонимическое отрицание, состоит в том, что оно вносит смысл высокой степени реализации противоположного Р признака Q. Так *отнюдь не радовала* в примере (1) означает 'довольно сильно огорчала'; *отнюдь не глупая* — 'в достаточной степени умная' в (2), *отнюдь не дешево* — 'весьма дорого' в (3), *отнюдь не пустая угроза* — 'реальное намерение' в (4), *отнюдь не все любят* — 'многие не любят' в (5) и т. д. Ср. также:

- (30) *Райским истекшее дежурство отнюдь не было* (Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений». 2010) <= было очень тяжелым>;
- (31) *...я торопливо пробирался вперед, расталкивая челноков, сопровождавших мое продвижение выражениями отнюдь не лестного свойства* (Наука и религия. 2008) <= весьма негативного>;
- (32) *Вишневецкая наклонилась, и они обменялись быстрым, но отнюдь не бесстрастным поцелуем* (Н. Леонов, А. Макеев. Ментовская крыша. 2004) <= весьма страстным>.

Отличие семантики конструкции *отнюдь не Р* от прямого утверждения Q состоит в том, что она «усиливает» риторическую фигуру литоты, выражаемую отрицательной конструкцией⁵. В этом и состоит вклад слова *отнюдь* в семантику отрицательного предложения (т. е. ответ на второй вопрос).

Чтобы ответить на первый вопрос, рассмотрим более подробно условия, лицензирующие употребление слова *отнюдь*.

⁵ Ср. определение литоты из [Квятковский 1966: 145]: «стилистическая фигура, определение какого-либо понятия или предмета путем отрицания противоположного»: *Не дорого ценю я громкие права* (Пушкин).

Имеется по крайней мере два типа контекстов, где *отнюдь* усиливает степень реализации противоположного признака, указание на который уже содержится в конструкции с антонимическим отрицанием. Первый контекст — это оценочные предикаты (*не радуется, не глупый, не бесстрастный, не дешевый*, примеры (1)–(4)). Другой — контекст предикатов со значением ‘перестать иметь место’ (примеры (26)–(29)).

При этом в некоторых случаях слово *отнюдь* может само вносить значение контрарной противоположности, отсутствующее в конструкции с отрицанием. Так, если из примера (33) извлечь слово *отнюдь*, то *не успокоил* будет означать ‘неверно, что успокоил’ (обычное контрадикторное отрицание), т. е. состояние беспокойства сохранилось неизменным. При этом *отнюдь не успокоил* означает ‘(наоборот) разволновал, усилил беспокойство’:

- (33) *Фомина разговор с Дмитревским тоже отнюдь не успокоил* (Б. Евсеев. Евстигней. 2010).

Во фразе, соответствующей примеру (34), за вычетом слова *отнюдь*, сочетание *не были переполнены* может быть понято как содержащее либо обычное отрицание (‘неверно, что были переполнены’), либо антонимическое отрицание (‘были заполнены не целиком’); вставка *отнюдь* однозначно выбирает антонимическое прочтение и усиливает степень реализации признака: *залы отнюдь не были переполнены* = ‘было довольно мало народу’:

- (34) *И хоть залы фестивальных спектаклей ввиду устоявшейся хорошей погоды отнюдь не были переполнены, эта связь состоялась* (Экран и сцена». 06.05.2004).

Однако употребление *отнюдь* не ограничивается случаями, когда оно применяется к признаку, встроенному в некоторую очевидную биполярную шкалу, отрицание которого переключает значение признака на противоположную часть шкалы. Появление такой шкалы может быть имплицировано самим словом *отнюдь*. Рассмотрим следующий пример:

- (35) *Не существует дома, где проходила большая часть жизни Командора в той странной нигилистической семье, где он был третий и где помещался штаб лефов, гонявших чай с вареньем и пирожными, покупавшимися отнюдь не в Моссельпроме, который они рекламировали, а у частных — известных еще с дореволюционного времени кондитеров Бартельса с Чистых прудов и Дюваля с Покровки, угол Машикова переулка* (В. П. Катаев. Алмазный мой венец. 1975–1977).

Притом что само по себе *не в Моссельпроме* означает просто ‘в другом магазине’, *отнюдь не в Моссельпроме* означает ‘в более престижном и дорогом’. Наличие этой оценочной шкалы имплицировано словом *отнюдь*; ее содержание раскрыто в последующем фрагменте текста (смысл ‘вопреки тому, что можно было бы предположить’, как уже говорилось, содержится в самом отрицании, но он

«усиливается» словом *отнюдь*, т. е. *отнюдь* выполняет здесь одновременно также иллокутивную функцию)⁶.

Другой пример:

- (36) *Ольга Виторт систематически посещала фитнес-клуб и время проводила там отнюдь не в косметическом кабинете и не в солярии* (А. Маринина. Ангелы на льду не выживают. 2014).

Если извлечь из этой фразы слово *отнюдь*, то останется в чистом виде отрицание: *проводила время не в косметическом кабинете и не в солярии* = ‘проводила время в другом месте’. Вставка *отнюдь* говорит о том, что это «другое место» в чем-то противоположно названному. В чем именно, т. е. в какую шкалу встроены упомянутые в конструкции с *отнюдь* объекты, ясно только из контекста — ср. предшествующий текст (36) фрагмент (37), из которого следует, что в примере (36) имеется в виду противопоставление производимых в косметическом кабинете и в солярии расслабленных процедур, служащих красоте и удовольствию, — производимым в каких-то других подразделениях фитнес-центра суровым тренировочным упражнениям, служащим укреплению мышц:

- (37) *Мало кому удавалось увидеть улыбку на ее красивом лице, а те, кому довелось по тому или иному (но ни в коем случае не романтическому) поводу коснуться ее руки, плеча или спины, например подавая пальто или помогая выйти из машины, ощутили стальные мускулы сильного, хорошо натренированного тела* (А. Маринина. Ангелы на льду не выживают. 2014).

Однако бывает и так, что содержание шкалы, имплицитруемой словом *отнюдь*, остается неизвестным. Ср. следующий пример:

- (38) *Глеб посмотрел на Борьку. Борька был высокий, тощий, носатый и вполне себе обаятельный, но Глеб по опыту знал, что Мариша ищет в мужчине отнюдь не обаяние* (А. Иванов. Комьюнити. 2012).

Существует некое «общее мнение» — что женщина ищет в мужчине обаяние; используя отрицательное предложение, говорящий утверждает, что в данном случае это не так: *ищет не обаяние* значит ‘ищет что-то другое’. Слово *отнюдь* в примере (38) указывает на то, что это «что-то» в каком-то отношении противопоставлено обаянию. Но в каком именно, остается неясным, поскольку качества, образующие релевантное множество (мужских достоинств, которые могут привлекать женщину), не упорядочены в форме шкалы, так что отрицание не позволяет выбрать ни одно из них. Очевидно, говорящий имеет в виду некоторую оценочную шкалу, на которой обаяние и то неназванное качество, о котором идет речь, находятся с противоположных сторон. *Отнюдь* здесь, конечно же, выполняет также иллокутивную функцию — увеличение «силы опровержения» применимости общего мнения к обсуждаемому случаю.

⁶ Эффект отрицательной конструкции *отнюдь не в Моссельпроме* усиливается за счет очевидной аллюзии к знаменитому рекламному лозунгу Маяковского «Нигде кроме как в Моссельпроме».

В примере (39) альтернатива опровергаемому при помощи *отнюдь* мнению названа в последующем контексте. Но она не является противоположностью *P*, и главное — никак не выводится из утверждения *не P*. Это просто некоторый иной взгляд на вещи:

- (39) *Однако Дон Гуан отнюдь не вульгарный развратник-повеса. Он — человек эпохи Возрождения, кипящий всей полнотой жизненных сил, безбожник, бросающий смелый вызов верованиям и предрассудкам средневековья* (Переписка в ісқ между agd-ardin и Колючий друг. 18.12.2007).

Хотя для характеристики *вульгарный развратник-повеса* можно себе представить некую противоположность, не она здесь имеется в виду. В предложении (39) говорящий утверждает, что *P* неверно, а верно некоторое другое утверждение *Q*, и при этом *P* и *Q* противоположны лишь в том отношении, что *P* имеет отрицательную коннотацию, а *Q* — положительную.

Итак, *отнюдь* производит «усиление» отрицания в двух отношениях — дескриптивном и иллокутивном. При этом дескриптивное усиление возможно только в случае антонимического отрицания, т. е. такого, которое переключает значение признака на противоположную зону шкалы. Для неоднозначных слов *отнюдь* выбирает скалярное значение и взаимодействует с ним — или же «вынуждает» (coerces) из слова возможное скалярное понимание. Если скалярного значения у слова нет, и оно не может быть «вынуждено», то и реализация дескриптивной функции *отнюдь* невозможна.

Так, для предложения *Это произошло не вчера* вставка *отнюдь* возможна только при понимании слова *вчера* в переносном значении ‘недавно’, имплицитующем биполярную шкалу; соответственно, *отнюдь не вчера* означает ‘достаточно давно’, см. примеры (40)–(44). Если же говорящий имеет в виду, что обсуждаемое событие произошло не вчера, а в какой-то другой конкретный день, отрицание имеет обычное значение ‘неверно, что *P*’, несовместимое со значением *отнюдь*; соответственно, вставка *отнюдь*, скорее всего, невозможна, ср.: ⁷*Это произошло отнюдь не вчера, а в прошлый четверг*⁷ (заметим, что, например, слово *вовсе* такого ограничения не имеет: сказать *Это произошло вовсе не вчера, а в прошлый четверг* можно). В [НКРЯ] имеется пять примеров на последовательность *отнюдь не вчера*; во всех пяти *вчера* имеет значение ‘недавно’:

- (40) *И сложилась такая картина отнюдь не вчера* (Голос эпохи. 2012);
 (41) *Таким образом, убеждаемся, что холст натянут на подрамник отнюдь не вчера* (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы. 2008–2009);

⁷ Мы сделали оговорку «скорее всего», потому что в случае опровержения только что высказанного другим говорящим мнения *вчера* может иметь буквальное (не скалярное) значение, ср.: — *Это произошло вчера. — Нет, это произошло отнюдь не вчера* (где *отнюдь* выполняет исключительно иллокутивную функцию). Заметим, что в отрицательном предложении со словом *вчера* в скалярном значении ‘недавно’ никакой полемики может не содержаться; оно выражает самодостаточную независимую оценку.

- (42) *Прости, добрый корчмарь, если мы утомили тебя столь долгим и подробным рассказом, но твой дом выглядит обжитым **отнюдь не вчера*** (М. Семенова. Волкодав: Знамение пути. 2003);
- (43) *При этом очевидное несоответствие целей и средств проявилось **отнюдь не вчера*** (Известия. 19.03.2002);
- (44) *Лебедь, вопреки распространившемуся тезису, **отнюдь не вчера** появился на политическом небосклоне* (Общая газета. 1996).

В примерах (45)–(46) употребление *отнюдь* также возможно только потому, что *пахнет розами* употреблено здесь в переносном смысле ‘хорошо пахнет’; оператор *отнюдь* усиливает степень реализации признака ‘плохо’.

- (45) *Пахнет в вашем террариуме **отнюдь не розами*** (Е. Завершнева. Высотка. 2012);
- (46) *Изычные салонные забавы обернулись десятками миллионов человеческих трупов, которые **отнюдь не розами** пахнут, так что с возбуждающим запахом все получилось как надо* (Известия. 31.05.2002).

Итак, для реализации дескриптивной функции необходимо, чтобы предикат имел или допускал такое понимание, при котором он оказывается встроенным в биполярную шкалу. В противном случае *отнюдь* выполняет лишь иллюкутивную функцию увеличения силы опровержения некоторого существующего (или кем-то ранее высказанного) мнения, ср.:

- (47) *Знаете, в чем главное преимущество знаменитых французских коньяков? **Отнюдь не в качествах самой лозы, а в качествах дуба, из которого делаются бочки*** (И. Грекова. На испытаниях. 1967);
- (48) *Причина моей неприязни, которую я пытался дурацким образом скрыть, заключалась **отнюдь не в плеле или калошах** и даже не в Людмиле Сильвестровне, **а в том, что Иван Васильевич, пятьдесят пять лет занимающийся режиссерской работой, изобрел широко известную и, по общему мнению, гениальную теорию о том, как актер должен был готовить свою роль*** (М. А. Булгаков. Записки покойника (Театральный роман). 1936–1937).

В случае отсутствия возможности встроить признак в биполярную шкалу и одновременно отсутствия некоторого имеющегося заранее мнения, опровержением которого служило бы данное высказывание, — т. е. просто в качестве независимого утверждения некоторого факта — *отнюдь* не может выполнять ни одну из двух своих функций и его употребление невозможно, ср.:

- (49) *Сидят, дуются друг на дружку и, где теперь нектар искать, (***отнюдь не знают**)* (Мурзилка. 2002);
- (50) *Один лишь сидевший поодаль учитель пытался что-то заметить, уточнить или возразить, может, но его (***отнюдь**) не слушали* (В. Быков. Камень. 2002);

- (51) *Хорошо или нет, но на огородах и возле хат никого больше не было, никто его тут (*отнюдь) не увидел* (В. Быков. Болото. 2001);
- (52) *Кроме него да матери, работников у них (*отнюдь) не было* (В. Быков. Болото. 2001);
- (53) *И на каждый из них для проверки высаживались матросы, бывшие официанты. Печально, что они (*отнюдь) не возвращались. То есть поселялись на островах с намерением открыть свой ресторанчик или кафе* (Мурзилка. 2003);
- (54) *Педагог — а за своей дочкой (*отнюдь) не уследила* (А. Геласимов. Жанна. 2001);
- (55) *Им даже обещали квартиру дать в каменном доме, но (*отнюдь) не дали* (А. Геласимов. Жанна. 2001);
- (56) *Водитель машины остался за рулем и мотор (*отнюдь) не выключал* (А. Азольский. Облдрамтеатр. 1997);
- (57) *Но соседки либо не было дома, либо она (*отнюдь) не отозвалась* (А. Азольский. Облдрамтеатр. 1997);
- (58) *Достойные люди, спору нет, да только применения им (*отнюдь) не найдется* (А. Азольский. Облдрамтеатр. 1997).

В тех редких случаях, когда *отнюдь* появляется в контексте сообщения о факте, это оказывается не факт, а фигура речи, ср.:

- (59) *Я чувю в вас большой потенциал! — провещал Петр Александрович и, вздохнув, медленно провел ладонью у меня ниже спины. Я отнюдь не была выпускницей Смольного института. И лет мне было больше шестнадцати. Так что с руки или с ноги захватить по морде, невзирая на должность, я была вполне способна. Но...* (Т. Соломатина. Акушер-ХА! Байки. 2009).

Здесь *не была выпускницей Смольного института* означает что-то вроде ‘не была романтически настроенной невинной девушкой’, т. е. это оценочное суждение, а вовсе не сообщение о факте.

Обязательность переключения на противоположный конец шкалы, присущее слову *отнюдь*, отличает его от *совсем* и *вовсе*, указывающих лишь на полноту степени признака, и, соответственно, делает невозможным замену, ср.:

- (60) *Только у него глаза совсем не открывались* (А. Геласимов. Жанна. 2001) < *отнюдь не открывались >;
- (61) *Если честно, то амулет Великану был совсем не нужен* (Мурзилка. 2002) < *отнюдь не нужен >;
- (62) *Поскольку английский знаю недостаточно хорошо, а французский вообще не знаю, приходится писать по-русски...* (Форум: Похороните меня за плинтусом. Фильм. 2009–2011) < *отнюдь не знаю >.

При этом слово *вовсе* в отличие от *совсем* имеет также иллюкутивное значение усиления отрицания, близкое к соответствующему значению *отнюдь*; ср. примеры (63)–(64), где употребление *отнюдь* также возможно:

- (63) *Надо понимать, что если именно тебе дан талант, это **вовсе не твоя заслуга**, нет повода зазнаваться* (Известия. 06.08.2001);
- (64) *...использование математических методов в некоторой науке само по себе еще **вовсе не гарантирует** какого-либо реального прогресса в этой науке* (А. А. Зализняк. Лингвистика по А. Т. Фоменко. 2000).

В языке XVIII–XIX вв. (мы рассматривали тексты [НКРЯ] до 1870 г.) слово *отнюдь* имело более широкую семантику: оно было допустимо также по отношению к обычному (контрадикторному) отрицанию, а не только антонимическому, как в современном языке, т. е. оно выражало просто полное отсутствие признака Р (ср. современное *совсем не Р*).

Среди случаев употребления *отнюдь*, недопустимых по указанной причине для современного языка, можно выделить контекст модальных предикатов, ср. примеры (65)–(68):

- (65) *Что касается до главы о слоге вообще, — она должна состоять из опытных наблюдений, из общих замечаний и **отнюдь не должна** претендовать на наукообразное изложение* (В. Г. Белинский. Общая риторика Н. Ф. Кошанского. 1844);
- (66) *Церковь в ските **отнюдь не должна была** иметь никаких богатств и украшений; серебро и золото изгонялось из нее строго* (Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Выпуск второй: XV–XVI столетия. 1862–1875);
- (67) *Священнику **отнюдь не подобает** властвовать и управлять; их дело священнодействовать, а не творить людского строения* (Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Выпуск второй: XV–XVI столетия. 1862–1875);
- (68) *Сообразно этим пунктам, Анна Ивановна, как мы уже сказали, **отнюдь не могла** назначать начальствующих в войске лиц, как в гвардии, так и в армии: это право принадлежало верховному тайному совету* (Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Выпуск седьмой: XVIII столетие. 1862–1875).

В примерах (69)–(74) слово *отнюдь* употреблено в функции усилительной частицы в контексте предикатов различной семантики, не допускающих встраивания в какую-либо шкалу (что исключает возможность такого употребления в современном языке):

- (69) *...лекарь мой предписал мне, в диете, **отнюдь не пить** английского пива и не писать стихов, ибо как то, так и другое кровь заставляет бить вверх* (Д. И. Фонвизин. К И. П. Елагину. 1769) <невозможно в современном языке, потому что неуместно «скорее наоборот»>;
- (70) *Но мы постараемся доказать, что таковой высокомерный горделивец ни истинныя своей цены, ни высокого достоинства человеческого **отнюдь не знает*** (Н. И. Новиков. О достоинстве человека в отношениях к богу и миру. 1777);

- (71) В случае ссоры мужчин между собою **до драки отнюдь не доходить**, а довольствоваться умеренными выражениями, лучше всего следовать примеру предков и говорить: «Да будет тебе стыдно» (И. А. Гончаров. Хорошо или дурно жить на свете? 1841);
- (72) Начальникам амбаркаций было внушено **отнюдь не терять времени** на спасение соседней, погибающей лодки, пробитой неприятельским снарядом, а думать только о том как бы скорее переплыть через реку (Ф. Ф. Торнау. Воспоминания кавказского офицера. 1866–1880);
- (73) В видах сохранения народного здоровья, обывателям городов строго предписывалось не бросать трупов падшей скотины по улицам, а зарывать в землю, **отнюдь не снимая кожи** (Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Выпуск седьмой: XVIII столетие. 1862–1875);
- (74) Если увидишь у брата какую келейную принадлежность, или какое-либо земледельческое орудие, и оно полюбится тебе; — удержи сердце твое, и научи его **отнюдь не любить ничего иного, кроме Христа** (епископ Игнатий (Брянчанинов). Отечник. 1863).

Это употребление отчасти сохранялось в XX в., однако с точки зрения сегодняшнего русского языка оно является безусловно устаревшим, ср.:

- (75) Это подтверждается сообщением Казарновского о том, что О. М. боялся есть, хотя, конечно, лагерная пища была такая, что люди, **отнюдь не боявшиеся есть**, превращались в тени (Н. Мандельштам. Воспоминания. 1960–1970).

В языке XVIII в. слово *отнюдь* могло быть расположено также после отрицательного выражения, ср.:

- (76) Каллисфен **не знал отнюдь** ни Леонада, ни клеветы, которую сей очернил его у Александра (Д. И. Фонвизин. Каллисфен. 1788);
- (77) Всяк должен узнать себя, сиречь свою природу, чего он ищет, куда ведет, и ей последовать **без всякого отнюдь насилия**, но и с глубочайшим покорением (Г. Сковорода. Толкование из Плутарха о тишине сердца. 1766–1794);
- (78) Перемена генерал-прокурора подействовала и на Соляную контору, но **не к пользе моей отнюдь** (И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе. 1788–1822).

Что касается абсолютного *отнюдь*, то до 1870 г. в [НКРЯ] зафиксировано всего два примера:

- (79) — Для чего же секретное? **Отнюдь**. Я у ней буду сам, хоть сегодня (Ф. М. Достоевский. Идиот. 1869);
- (80) ...и следует ли из того, чтоб ставить тарелки в укор? — **Отнюдь**. Предки твои действительно подавали тарелки, но они делали это любя и нередко

получали за то лакомые куски (М.Е. Салтыков-Щедрин. Завещание моим детям. 1866).

В том же значении употреблялось выражение *ни отнюдь* 'ни в коем случае', из современного языка полностью исчезнувшее, но сохранявшееся вплоть до начала XX в., ср.:

- (81) *Разве масса, которая вас окружает, стоит выше вас в смысле умственного развития? Ни отнюдь* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Тихое пристанище. 1857–1865);
- (82) — *Скажите, Иван Васильич, правда ли, что наши дела в последние годы стали падать? — Ни отнюдь* (А.П. Чехов. Три года. 1895);
- (83) — *А вот, скоро ворота направо. Там еще написано, чтобы сторонним лицам ни отнюдь не ходить* (В.Г. Короленко. Письма. 1910).

В XX в. частота финального «одионого» употребления *отнюдь* возрастает, достигая максимума к концу века, и потом начинает снижаться⁸. При этом в целом частота употребления слова *отнюдь*, как уже было сказано, растет. Так или иначе, *отнюдь* для сегодняшнего русского языка — полноценное и достаточно широкоупотребительное дискурсивное слово, имеющее совершенно определенную собственную семантику и в полном объеме своих функций не взаимозаменяемое ни с каким другим.

Литература

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М. : Наука, 1974. 367 с.

Апресян Ю.Д., Бабаева Е.Э., Богуславская О.Ю., Иомдин Б.Л., Крылова Т.В., Левонтина И.Б., Санников А.В., Урысон Е.В. Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М. : Языки славянских культур, 2006. С. 110–145.

Богуславский И.М. Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов. М. : Наука, 1985. 175 с.

Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М. : Языки славянских культур, 2006. 672 с.

Квятковский А. Поэтический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1966. 376 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru>

Падучева Е.В. Русское отрицательное предложение. М. : Языки славянских культур, 2013. 304 с.

⁸ Если до 1870 г. оно практически отсутствует, то в период 1871–1970 гг. составляет чуть более 1% (от общего количества употреблений этого слова), в период 1971–2000 гг. — около 3%, в период 2001–2019 гг. — 2,3% (данные по основному корпусу [НКРЯ] для поискового запроса «отнюдь перед точкой» + «отнюдь перед восклицательным знаком»).

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 3-е изд. М. : Азбука-Терра, 1996.

Rey A. Dictionnaire historique de la langue française. Vols. 1–3. Paris : Dictionnaires Le Robert, 2000.

Anna A. Zalizniak¹, E. V. Paducheva

¹Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Institute of Informatics Problems of the Federal Research Center “Computer Science and Control”

of the Russian Academy of Sciences

Pushkin State Russian Language Institute

(Russia, Moscow)

anna.zalizniak@gmail.com

ON THE RUSSIAN WORD *OTNYUD* ‘NOT AT ALL’

The article offers an analysis of the semantics and conditions of the use of the Russian word *otnyud* ‘not at all.’ It demonstrates that the semantic contribution of the word *otnyud* within the meaning of a negative sentence is determined by the fact that it enhances the negation in two respects — descriptive and illocutionary. The paradigmatic context for use of *otnyud* is that of antonymic negation, i.e. negation of a scalar feature embedded in a bipolar scale. In this case, the negation *not P* switches the value to the opposite pole of the scale, i.e. in addition to component ‘it is not true that P’ also includes the assertion of the presence of some Q, which is a full-fledged semantic feature, opposite to P. The descriptive function of the word *otnyud* is that it introduces a high degree of realization of the feature Q opposite to P. The illocutionary function consists in increasing the power of the refutation of the opinion which is generally accepted or expressed by the interlocutor. If the negated feature does not enter into a bipolar scale and there is no pre-existing opinion, *otnyud* cannot fulfill anyone of its functions, and its use is impossible.

Key words: Russian language, semantics, negation, discourse markers, illocutionary force, bipolar scale

Acknowledgements

The research has been supported by the Russian Science Foundation project No. 18-18-00462 “Communicative-syntactic interface: typology and grammar” realized at the Pushkin State Russian Language Institute.

References

Apresyan Yu.D. [The Rules of the Interaction of Meanings]. Apresyan V.Yu., Apresyan Yu.D., Babaeva E. E., Boguslavskaya O.Yu., Iomdin B. L., Krylova T. V., Levontina

I. B., Sannikov A. V., Uryson E. V. *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Language Worldview and System Lexicography]. Yu. D. Apresyan (Ed.). Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2006, pp. 110–145. (In Russ.)

Apresyan Yu. D. *Leksicheskaya semantika (sinonimicheskie sredstva yazyka)* [Lexical Semantics (The Synonymous Tools of Language)]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 367 p.

Boguslavskii I. M. *Issledovaniya po sintaksicheskoi semantike: sfery deistviya logicheskikh slov* [Research on Syntactic Semantics: The Scope of Logical Words]. Moscow, Nauka Publ., 1985, 175 p.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–4, 3rd ed.). O. N. Trubachev (Transl., ed.). Moscow, Azbuka-Terra Publ., 1996.

Kvyatkovskii A. *Poeticheskii slovar'* [Poetic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1966, 376 p.

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [The National Corpus of the Russian Language]. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 12.12.2019)

Paducheva E. V. *Russkoe otritsatel'noe predlozhenie* [The Russian Negative Sentence]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2013, 304 p.

Rey A. *Dictionnaire historique de la langue française* (Vols. 1–3). Paris, Dictionnaires Le Robert, 2000.

Zaliznyak Anna A. *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya* [Language Polysemy and the Means of its Representation]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2006, 672 p.

М. Л. Каленчук
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
mkalenchuk@yandex.ru

ОРФОЭПИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ РУССКОГО ЯЗЫКА: ПРОБЛЕМЫ ЖАНРА

В статье на материале проведенного анализа привлекается внимание к тому факту, что в современной отечественной лексикографии сосуществуют два не конкурирующих между собой типа орфоэпических словарей — фундаментальные словари академического толка и словари трудностей произношения. Разница между этими словарями в первую очередь в мотивации их пользователей, а также в системе нормативной оценки звуковых вариантов и объеме предлагаемой орфоэпической информации. Словарь трудностей произношения нужен носителю языка тогда, когда он начинает сомневаться в правильности выбора варианта произношения или ударения. А сомневаться в выборе человек может только тогда, когда он осознает само наличие выбора. При этом реальное число произносительных вариантов несопоставимо больше, чем вариантов, заметных для носителя языка. К осознаваемым вариантам произношения относятся акцентологические и фонемные варианты, к незаметным — звуковые и варианты, связанные с наличием / отсутствием дополнительного ударения, а также любых фонетических компрессий и деформаций слова в потоке речи. Фундаментальные словари отличаются от словарей произносительных трудностей не только отбором явлений по принципу осознаваемости / неосознаваемости носителями языка. В фундаментальных словарях принята сложная и расчлененная шкала нормативной оценки, они ориентированы на профессионала-лингвиста, должны предъявлять реальную орфоэпическую проблему и показывать устройство сложно организованных участков системы в понятном для подготовленного читателя виде.

Ключевые слова: лексикография, орфоэпические словари, орфоэпическая норма, словари трудностей, фундаментальные словари.

1. Известно, что орфоэпические словари — это лингвистические лексикографические источники, в которых сообщается информация об орфоэпических нормах языка. Несмотря на кажущуюся прозрачность дефиниции, нет устоявшихся

представлений о специфике данного типа словарей. Среди словарей, кодифицирующих произносительные нормы, представлены два основных типа, в связи с чем спорным представляется вопрос о том, чем является конкретный орфоэпический словарь — словарем трудностей произношения или фундаментальным словарем.

Среди орфоэпических словарей в первую очередь выделяются словари трудностей произношения, основная задача которых — помочь говорящему и пишущему в правильном выборе произношения и ударения, предостеречь от наиболее распространенных ошибок. Второй тип — это фундаментальные орфоэпические словари академического типа. В чем принципиальные различия между названными типами лексикографических источников?

2. Словарь трудностей произношения нужен наивному носителю языка тогда, когда он начинает сомневаться в правильности выбора варианта произношения или ударения: *джинсовый* или *джинсóвый*, *включит* или *включит*, *бу́ло*[ш]ная или *бу́ло*[ч']ная, *брю*[н'э]т или *брю*[нэ]т и т. д. А сомневаться в выборе человек может только тогда, когда он осознает само наличие выбора. При этом реальное число произносительных вариантов несопоставимо больше, чем вариантов, заметных для носителя языка. Почему одни случаи осознаются, а другие находятся «в тени» нашего языкового сознания?

2.1. Легче всего замечаются акцентные варианты, связанные с основным местом ударения в фонетическом слове: *ба́ржа* или *баржа́*, *творо́г* или *твóрог*, *звáло* или *звалó*, *докуме́нт* или *документ*, *за́ город* или *за го́род*. При этом наличие или отсутствие дополнительного ударения в слове в большинстве случаев не осознается — *мно́гоканáльный* или *многоканáльный*.

2.2. Обычно носитель языка замечает различия в произношении, связанные с изменением фонемного состава, и игнорирует те, которые затрагивают только аллофонный состав. В лингвистике существует разграничение этих областей вариативности: вариантность фонемного состава морфем относят к орфоэпии, а вариантность звуковой реализации фонем — к орфофонии [Вербицкая 1976: 25–28; Касаткин 2014: 184]. Так, легко фиксируются различия в произношении *поря́до*[ш]ный или *поря́до*[ч']ный, *мы́л*[сь] или *мы́л*[с'ъ], *со*[н'э]т или *со*[нэ]т. Поскольку трактовка вопроса об отнесении конкретного звука к той иной фонеме различна у представителей разных фонологических школ, то, возможно, следует признать, что при действии орфоэпической закономерности следует принимать во внимание понятие звукотипа, а не фонемы [Добрушина, Пожарицкая 2017]. Так, человек легко замечает разницу в произношении между *п*[а]́т или *п*[о]́т, при этом, согласно МФШ, гласная фонема в первом предупредительном слоге одна и та же: (/o/), а по теории Санкт-Петербургской фонологической школы — разные (/a/ и /o/). Очевидно, в подобных случаях носитель языка оценивает тождество звуко-типов, а не фонем.

Но способен ли носитель языка осознавать звуковые различия в случаях *в*[и^е]сна или *в*[э^а]сна, *дли*[нн]ый или *дли*[н]ый, *ра*[сс]лédовать или *ра*[с]лédовать, *шер*[с']ть или *шер*[с]ть и пр.? Думается, что без специально организованного наблюдения это невозможно.

Что имеется в виду, когда противопоставляются в рамках данного рассуждения фонемные и чисто фонетические орфоэпические варианты? Фонемные различия имеют самостоятельный характер и не зависят от окружения (*прог/р'/есс* — *прог/р/есс*). Варьирование звуковой оболочки морфем при сохранении их фонемного состава всегда несамостоятельно, позиционно обусловлено, это результат действия совокупности различных факторов как языкового, так и социолингвистического характера: [с']*нег* — [с]*нег* — реализация того или иного варианта зависит и от позиции щелевого зубного перед мягким [н'], и от влияния позиции начала слова, и от использования системы «старшей» или «младшей» произносительной нормы. А как известно, позиционно обусловленные явления всегда незаметны для носителя языка, поскольку автоматически «сопровождают» другие языковые сущности, являясь их «отблеском». «У говорящих, не заинтересованных специально в фонетической проблематике, не может возникнуть потребности выбора варианта [см'ех] или [с'м'ех] — говорящий обычно не отдает себе отчета в том, как он произносит такое сочетание согласных, а слушающий не воспринимает таких особенностей произношения» [Пожарицкая 2004: 121].

Хорошо заметны различия между фонемными вариантами конкретных слов (*галоши* — *калоши*, *ноль* — *нуль* и т. д.) или вариантами морфем, в которых происходят грамматические чередования фонем (*подру/г/а* — *дру/ж/ный*), но, строго говоря, подобные факты — область лексики и морфологии, а не орфоэпии.

2.3. Не замечают носители языка любые типичные деформации слов в звучащем тексте. Был проведен эксперимент, в ходе которого аудиторам-нефонетистам были предложены записи произношения слов *лейтенант*, *аквариумный*, *пятьдесят*, включенные в тексты достаточно большой длины. Во всех записях указанные слова были произнесены с определенной фонетической компрессией, деформацией — [л'и]тeнáнт, аквá[р'у]мный, [п'ии]сáт. Именно так эти слова в большинстве случаев и произносятся в потоке речи, только в особых просодических условиях проявляется их сверхполное произношение. Участникам эксперимента предлагалось ответить на вопрос, могут ли данные слова быть произнесены не так, как в предложенной записи. Про слова *лейтенант* и *аквариумный* абсолютно все испытуемые ответили, что другое произношение невозможно, а при просьбе произнести в изолированном употреблении так, как было произнесено в тексте, произносили по сути дела побуквенно, без компрессии, не замечая различий. Только в слове *пятьдесят* около 10% аудиторов заметили возможность другого произношения, без фонетической деформации.

На основании вышесказанного можно задаться вопросом — испытает ли человек потребность воспользоваться орфоэпическим словарем в тех случаях, когда он даже не осознает наличие произносительной проблемы? Конечно, нет. Получается, что «подлинная задача словарей — давать оценку тем альтернативным вариантам, которые осознаются говорящими и относительно которых существует возможность сознательного выбора и воспроизведения одного из них» [Пожарицкая 2004: 236]. Это верно, но лишь для одного типа орфоэпических словарей — словаря произносительных трудностей.

3. Совсем по-другому устроены фундаментальные орфоэпические словари. В «Большом орфоэпическом словаре русского языка» сказано, что он представляет собой словарь нового типа — это фундаментальный свод русского литературного произношения [Каленчук и др. 2017]. Слово *свод* употреблено в значении ‘сведения, данные о чем-л., сведенные вместе и представленные как итог’.

Практически все современные орфоэпические словари декларируют намерение «представить литературную норму во всем многообразии ее проявлений» [Борунова и др. 1989]; «считаем необходимым зафиксировать реальное многообразие сосуществующих в литературной речи вариантов произношения и ударения» [Каленчук и др. 2017] и т. д. Но отбор фактов, подлежащих орфоэпическому комментированию, и способы их оценки должны быть принципиально разными в словарях трудностей и в фундаментальных лексикографических источниках. Как уже было показано выше, словари первого типа, ориентированные на обычного носителя языка, должны предъявлять только то, что может вызвать произносительные проблемы у человека; словари второго типа, ориентированные на профессионала-лингвиста, — предъявлять реальную орфоэпическую проблему и показывать устройство сложно организованных участков системы в понятном для подготовленного читателя виде.

Фундаментальные словари отличаются от словарей произносительных трудностей не только отбором явлений по принципу осознаваемости / неосознаваемости носителями языка. В фундаментальных словарях принята сложная и расчлененная шкала нормативной оценки — «все многообразие языковых фактов не укладывается в простое противопоставление “норма — не норма”» [Борунова и др. 1989: 5]. Так, в 1–9 изданиях «Орфоэпического словаря русского языка» [Там же] предлагается следующая шкала нормативности:

- равноправные варианты: *сейф* [сэ] и [с'э];
- варианты нормы, из которых один признается основным, а второй снабжается либо пометой «и допустимо» (менее желательный вариант, который все же находится в пределах правильного): «экземпляр [зэ] и допустимо [з'э]»; либо «и допустимо устаревающее» (нормативный, менее желательный вариант, постепенно уходящий из языковой системы): «горничная — [ч'н] и допустимо устар. [шн]».

Но в последнем издании [Борунова и др. 2015], вышедшем под редакцией Н. А. Еськовой, подход к подаче нормативной информации изменился: «Впервые в практике создания ортологических словарей осуществлен разный подход к произносительным пометам, характеризующим варианты фонемного состава слов (например, такие, как твердость / мягкость согласных перед *e*), и к пометам, отражающим изменения звуков в определенных фонетических условиях (например, смягчение твердых согласных перед следующими мягкими). Только пометы первого рода оцениваются в данном словаре по шкале нормативности, для помет же второго рода фиксируется наличие двух вариантов — без оценки одного из них как более “правильного”» [Там же: 18].

Таким образом, можно заключить, что у «Орфоэпического словаря русского языка» постепенно изменился жанр — он прошел путь от фундаментального

словаря к словарю трудностей произношения, что проявляется в разведении осознаваемых и неосознаваемых носителем языка явлений и в единственной сохраненной информации для нефонемных орфоэпических вариантов — нормативен вариант или нет. Думается, что принятые Н. А. Еськовой решения заслуживают всяческого одобрения, но при этом не надо забывать, что в таком виде рассматриваемый словарь не может претендовать на статус фундаментального.

Авторы «Большого орфоэпического словаря русского языка» [Каленчук и др. 2017] ставили перед собой задачу создать полный свод произносительных явлений начала XXI в. В конкретных словах и словоформах приводятся все возможные в литературном языке варианты произношения и указывается, какое место каждый из вариантов занимает в литературном произношении, как варианты соотносятся между собой хронологически, по степени употребительности и частотности, а также как они связаны с определенными условиями произношения.

В «Большом орфоэпическом словаре русского языка» [Каленчук и др. 2017] шкала нормативности намного сложнее, чем в «Орфоэпическом словаре русского языка» [Борунова и др. 1989]:

- равноправные варианты: *аббат* — *a[бб]áт* и *a[б]áт*;

- неравноправные варианты:

- «и допустимо» (указывает, что следующий вариант менее употребителен): *поёт* — *n[a]ёт* и допустимо *n[o]ёт*;

- «и допустимо старшее» (указывает, что следующий вариант менее употребителен и относится к старшей норме): *иначе* и допустимо старш. *и́наче*;

- «и допустимо младшее» (указывает, что следующий вариант менее употребителен и относится к младшей норме): *звало* и допустимо младш. *звалó*;

- «и допустимо устарелое» (более редкое, чем «допустимо старшее», старомосковское произношение, встречающееся в современной речи): *противник* — *проти́[в]ник* и допустимо устарелое *проти́[в']ник*;

- «в беглой речи возможно» (более редкие варианты, встречающиеся при быстром темпе речи, в том числе и в слабых фразовых позициях): *абстракционизм* — *абстракц[ья]низм*, в беглой речи возможно *абстракц[а]низм*.

Подобный подход позволяет указать место конкретного варианта произношения на хронологической шкале, фиксируя как фонетические «архаизмы» разной степени удаленности от современного момента, так и «неологизмы». Также используемая система помет позволяет оценить степень употребительности и частотности произносительного варианта и возможные причины фонетической компрессии. Очевидно, что эти тонкости неважны для обычного носителя языка, запрос которого при обращении к орфоэпическому словарю обычно сводится к оценке «правильно — неправильно», «литературно — не литературно», «можно — нельзя».

Фундаментальный орфоэпический словарь не просто фиксирует и рекомендует или запрещает то или иное произношение: подача материала в словаре такого типа позволяет вскрыть механизмы проявления орфоэпических закономерностей. Проиллюстрируем это следующим на примере твердости / мягкости первого звука в сочетании *пт'* [Каленчук 2017]. Авторы [Борунова и др. 1989: 673] указывают: «По

старым нормам русского литературного произношения согласный [р] перед мягкими зубными и губными смягчался. Такое произношение встречается и сейчас, но как устарелое в словаре не отмечается». Во всех случаях в этом источнике рекомендуется твердое произношение звука [р] в позиции перед мягким [т']. Но эксперимент показал во многом противоречащее этим рекомендациям распределение твердых и мягких вариантов произношения (указан процент реализаций первой фонемы мягким звуком): *артист* — 21%; *артистический* — 25%; *вертится* — 21%; *конверте* — 3,5%; *насмёрть* — 17,8%; *партикула* — 0%; *партитура* — 0%; *партия* — 0%; *сертификат* — 0%; *смертельный* — 28,6%; *смерть* — 7%; *черте* — 3,5%; *чертей* — 32%; *чертенята* — 35,7%; *черти* — 14%; *чёртик* — 14%. На первый взгляд — хаос, факультативное распределение звуков, трудно объяснить, почему одно и то же сочетание фонем реализуется столь по-разному в разных словах. Но детальный анализ позволяет определить, что реализация первого звука в сочетании *рт'* не случайна, а зависит от совокупности фонетических, морфологических и лексических факторов:

- качество предшествующего гласного: после гласного непереднего ряда увеличивается процент произнесений с твердым звуком, после гласного переднего ряда — с мягким (ср. *партия* — *чёртик*);
- место по отношению к ударению: после ударного / перед ударным / между безударными гласными (ср. *черти* — *чертей* — *чертенята*);
- позиция перед мягким звуком во всех формах слова поддерживает произношение мягкого [р'], позиция перед мягким звуком в отдельных формах слова — твердого [р] (ср. *вертится* — *конверте*);
- в частотных словах вероятнее мягкий [р'], в более редких словах — твердый (ср. *артистический* — *партитура*);
- на конце слова: после ударного чаще твердый звук, после безударного — мягкий (ср. *смерть* — *насмёрть*).

Все указанные факторы, влияющие на реализацию первой фонемы в сочетании *рт'*, действуют не изолированно, а одновременно. В одних случаях вектор их влияния совпадает, что увеличивает процент одинаковых реализаций, в других — разнонаправлен. При этом должна быть выявлена и описана иерархия факторов.

Что делать с этими фактами кодификатору? С точки зрения словаря трудностей, кодификация в данном случае вполне допускает максимально упрощенное решение. Поскольку во всех случаях преобладающим является твердый вариант произношения, именно его и можно указать как единственно нормативный. Но с точки зрения фундаментального словаря такой подход не годится. Если снабдить указанные слова разными произносительными пометами, то удастся не просто ответить на вопрос, что правильно и допустимо в литературном языке, а что неправильно и не рекомендуется, но и показать для специалистов причины зафиксированных различий, выявив релевантные орфоэпические факторы (*пáртия*, *пáртикула*, *пáртиту́ра*, *се́ртифика́т*, *ко́нве́рте* — только твердый [р]; *сме́рте́льный* — [р] и допустимо старшее [р']; *а́ртисти́ческий* — [р] и допустимо устарелое [р']; *че́ртеня́та* — *че[р']те́нята* и *че[р]те́нята* и т. д.).

Суммируя все сказанное выше, можно заключить, что в современной лексикографии сосуществуют два не конкурирующих между собой типа орфоэпических словарей — фундаментальные и словари трудностей произношения. Разница между этими словарями в первую очередь в мотивации их пользователей, а также в системе нормативной оценки звуковых вариантов и объеме предлагаемой орфоэпической информации. Пора признать, что есть словари для обычных пользователей (к которым относятся и журналисты, и школьные учителя, и все интересующиеся русским языком), а есть словари для специалистов. Думается, что это разделение справедливо не только для произносительных словарей.

Литература

Борунова С. Н., Воронцова В. Л., Еськова Н. А. Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы / под ред. Р. И. Аванесова. 5-е изд. М. : Русский язык, 1989. 706 с.

Борунова С. Н., Воронцова В. Л., Еськова Н. А. Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы / под ред. Н. А. Еськовой. 10-е изд., испр. и доп. М. : Lingua : АСТ, 2015. 1007 с.

Вербицкая Л. А. Русская орфоэпия: К проблеме экспериментально-фонетического исследования особенностей современной произносительной нормы. Л. : ЛГУ им. А. А. Жданова, 1976. 124 с.

Добрушина Е. Р., Пожарицкая С. К. Орфоэпический взгляд на некоторые варианты явления русского литературного языка в эпоху корпусной лингвистики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : сб. ст. по материалам ежегодной международной конференции «Диалог–2017». Вып. 16 (23) / отв. ред. В. П. Селегей. М. : Изд-во РГГУ, 2017. С. 372–384.

Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / под ред. Л. Л. Касаткина. 2-е изд., испр. и доп. М. : АСТ-Пресс, 2017. 1021 с.

Касаткин Л. Л. Современный русский язык. Фонетика. 3-е изд. М. : Академия, 2014. 272 с.

Пожарицкая С. К. Орфоэпия: идеи и практика // Язык и речь: проблемы и решения : сб. науч. тр. к юбилею профессора Л. В. Златоустовой / под ред. Г. Е. Кедровой, В. В. Потапова. М. : МАКС Пресс, 2004. С. 117–128.

M. L. Kalenchuk

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

mkalenchuk@yandex.ru

ORTHOEPIC DICTIONARIES OF THE RUSSIAN LANGUAGE: THE PROBLEMS OF THE GENRE

The article draws attention to the fact that two types of orthoepic dictionaries that do not compete with each other exist in modern Russian lexicography — fundamental dictionaries of the academic sense and dictionaries of pronunciation difficulties. The difference between these dictionaries is primarily in the motivation of users when accessing them, as well as in the system of normative evaluation of sound variants and the amount of orthoepic information offered. A dictionary of pronunciation difficulties is necessary for a native speaker when he begins to doubt the correctness of the choice of pronunciation or accent. A person can doubt the choice only when he is aware of the very existence of a choice. At the same time, the actual number of pronounceable variants is incomparably greater than the variants that are noticeable for a native speaker. The conscious pronunciation options include accentological and phonemic options, while the invisible ones include sound and options related to the presence or absence of additional stress, as well as any phonetic compressions and deformations of the word in the speech stream. Fundamental dictionaries differ from dictionaries of pronunciation difficulties not only by selecting phenomena based on the principle of awareness / unconsciousness by native speakers. Fundamental dictionaries have a complex and dissected scale of normative evaluation. They are aimed at a professional linguist; they must present a real orthoepic problem and show the structure of complex sections of the system in a way that is understandable for a trained reader.

Key words: lexicography, orthoepic dictionaries, orthoepic norm, dictionaries of difficulties, fundamental dictionaries.

References

Borunova S. N., Vorontsova V. L., Es'kova N. A. *Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. Proiznoshenie. Udarenie. Grammaticheskie formy* [Orthoepic Dictionary of the Russian Language. Pronunciation. Accent. Grammatical Forms] (5th ed.). R. I. Avanesov (Ed.). Moscow, Russkii yazyk Publ., 1989, 706 p.

Borunova S. N., Vorontsova V. L., Es'kova N. A. *Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. Proiznoshenie. Udarenie. Grammaticheskie formy* [Orthoepic Dictionary of the Russian Language. Pronunciation. Accent. Grammatical Forms] (10th ed.). N. A. Es'kova (Ed.). Moscow, Lingua Publ., AST Publ., 2015, 1007 p.

Dobrushina E. R., Pozharitskaya S. K. [Orthoepic View of Some Variant Phenomena of the Russian Standard Language in the Era of Corpus Linguistics]. *Komp'yuternaya*

lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: sb. st. po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog-2017». Vyp. 16 (23) [Computer Linguistics and Intelligent Technologies: Collection of Articles Based on the Materials of the International Conference *Dialog-2017*. Iss. 16 (23)]. V.P. Selegei (Ed.). Moscow, Russian St. Univ. for the Humanities Publ., 2017, pp. 372–384. (In Russ.)

Kalenchuk M. L., Kasatkin L. L., Kasatkina R. F. *Bol'shoi orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka: norma i ee varianty* [The Large Orthoepic Dictionary of the Russian Language. Standard Pronunciation and Accent of the Early 21st century: the Norm and It's Variants] (2nd ed.). L. L. Kasatkin (Ed.). Moscow, AST-Press Publ., 2017, 1021 p.

Kasatkin L. L. *Sovremennyi russkii yazyk. Fonetika. 3-e izd.* [Modern Russian Language. Phonetics] (3rd ed.). Moscow, Akademiya Publ., 2014, 272 p.

Pozharitskaya S. K. [Orthoepy: Ideas and Practice]. *Yazyk i rech': problemy i resheniya: sb. nauch. tr. k yubileyu professora L. V. Zlatoustovoi* [Language and Speech: Problems and Solutions. Collection of Articles in Honour of L. V. Zlatoustova]. G. E. Kedrova, V. V. Potapov (Eds.). Moscow, MAKS Press Publ., 2004, pp. 117–128. (In Russ.)

Verbitskaya L. A. *Russkaya orfoepiya: K probleme eksperimental'no-foneticheskogo issledovaniya osobennostei sovremennoi proiznositel'noi normy* [Russian Orthoepy: On the Problem of Experimental Phonetic Research of the Features of the Modern Pronunciation Norm]. Leningrad (St Petersburg), Zhdanov Leningrad St. Univ. Publ., 1976, 124 p.

Т. В. Крылова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
ta-kr@yandex.ru

ТВЕРДЫЙ СНАРУЖИ, НО НЕЖНЫЙ ВНУТРИ: ПОЛИСЕМИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ТАКТИЛЬНЫЕ ОЩУЩЕНИЯ (ГРУБЫЙ, СУРОВЫЙ, НЕЖНЫЙ, ТВЕРДЫЙ, ЖЕСТКИЙ, МЯГКИЙ)*

В данной статье рассматривается лексикографический тип «прилагательные со значением тактильного ощущения». В первой части дается общая характеристика структуры многозначности слов, принадлежащих к данному типу, а также перечисляются значения, общие для них. Затем внутри данного типа выделяются две группы (слова, характеризующие объект с точки зрения гладкости поверхности, и слова, характеризующие его с точки зрения возможности деформации) и описываются различия в наборе значений, существующие между ними. Далее рассматривается многозначность прилагательных *мягкий* и *твердый*. При этом особое внимание уделяется описанию механизмов метафорических переносов. Центральной задачей статьи является сравнение метафорического потенциала, который имеют разные лексемы полисемичного слова, и установление закономерностей, от которых он зависит. Изучение прилагательного *твердый*, у которого центром полисемии является малоупотребительное значение *твердый 1.4 (твердая земля)*, показало, что решающим фактором, определяющим метафорический потенциал конкретного значения, является наличие у него оценки. Изучение многозначности слов *мягкий* и *жесткий* подтвердило этот вывод. Кроме того, было обнаружено, что при метафорическом переносе оценка наследуется.

Ключевые слова: семантика, полисемия, структура многозначности, оценка, метафорический перенос, тактильное ощущение.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ №19-012-00291 на 2019–2021 гг. «Подготовка четвертого выпуска Активного словаря русского языка».

1. Структура многозначности тактильных прилагательных

Рассматриваемые слова обнаруживают значительное сходство в структуре многозначности¹. Для них характерны: а) преобладание метафор над метонимиями; б) преобладание радиальной многозначности над цепочечной (исключение составляет прилагательное *грубый*); при этом в большинстве случаев в качестве мотивирующего выступает исходное тактильное значение.

Перечислим значения, которые присутствуют у всех (или многих) слов описываемой группы.

1. Звуковая характеристика: ср. *нежный* 3.2 (*нежные звуки скрипки*), *грубый* 1.2 (*грубый голос*), *мягкий* 2.3 (*мягкие звуки голоса*).

2. Зрительная характеристика:

а) характеристика цвета и освещенности: ср. *мягкий* 2.1 (*мягкий вечерний свет*), *нежный* 3.1 (*нежные цвета*);

б) характеристика формы, линий, очертаний: ср. *мягкий* 2.2 (*мягкие очертания гор, мягкий профиль*), *твердый* 2.1 (*твердая линия подбородка*), *жесткий* 1.3 (*жесткие очертания небоскребов*);

в) характеристика общего зрительного впечатления: *суровый* 4.3 (*суровый горный пейзаж, суровое лицо*), *нежный* 4.2 (*нежное лицо, нежный облик*).

3. Вкусовая характеристика: *нежный* 3.4 (*нежный вкус*), *мягкий* 2.4 (*мягкий вкус пива*).

4. Характеристика внешних физических условий, прежде всего температуры: *мягкий* 3.1 (*мягкий климат, мягкая зима*), *суровый* 4.1 (*суровый климат, суровая зима*).

5. Характеристика воздействия: *жесткий* 1.4 (*жесткое излучение, жесткие антидепрессанты*), *мягкий* 3.2 (*мягкое слабительное*), *нежный* 3.4 (*нежное очищение, нежная пенка для лица*).

6. Характеристика человека с точки зрения его взаимодействия с другими людьми: *грубый* 5.1 (*груб с женой*), *мягкий* 4.1 (*С возрастом отец стал добрее и мягче*), *мягкий* 5.1 (*Он слишком мягкий для начальника*), *жесткий* 3.1 (*жесткий и требовательный начальник*), *твердый* 7.1 (*твердый, как скала; Он человек твердый, как сказал, так и сделает*); *нежный* 5.1 (*нежный и любящий отец; С младшей дочерью он был особенно нежен*), *суровый* 1.1 (*суровый судья; Он был суров с сыном*).

Все без исключения тактильные прилагательные имеют значения, в которых они характеризуют человека с точки зрения его общения с другими людьми (блок б). В соответствующем значении рассматриваемые прилагательные имеют два режима употребления:

¹ У прилагательного *суровый* утрачена связь между прямым значением (*суровый*₁ — *суровая нить*) и переносными значениями (*суровый*₂ — *суровый судья, суровый воспитатель, суровый климат* и пр.), однако структура многозначности и модели переноса во многом похожи на те, которые мы встречаем у других прилагательных с тактильной семантикой.

- внутреннее свойство, которое проявляется в ходе общения (*Он нежный <суровый, твердый, мягкий, жесткий, грубый>*);
- поведение по отношению к конкретному человеку (часто в краткой форме: *нежен с сыном, суров <жесток, тверд> с подчиненными, мягок <груб> с детьми*).

Наличие у слов, обозначающих тактильные свойства, значений, в которых они характеризуют человека с точки зрения особенностей его общения, является вполне закономерным. На наш взгляд, это обусловлено наличием двух чрезвычайно активных метафор: метафоры речевого (психологического) воздействия на волю человека как физического воздействия на объект и метафоры общения как физического контакта (см. об этом ниже).

2. Деление тактильных прилагательных на группы

Все рассматриваемые слова можно разделить на две группы: те, которые характеризуют объект с точки зрения гладкости его поверхности (*нежный, грубый, суровый*), и те, которые характеризуют объект с точки зрения его способности к деформации (*мягкий, твердый, жесткий*). Примечательно, что *мягкий*, хотя и входит формально во вторую группу, обладает свойствами и первой и второй группы.

При этом анализ семантики слов, входящих в каждую из групп, а также их многозначности показывает, что указанное деление во многом является условным, потому что четкая противопоставленность между словами указанных групп отсутствует, как отсутствует и симметрия в отношениях между ними.

Одним из проявлений этого является, в частности, тот факт, что способность рассматриваемых прилагательных вступать в антонимические отношения зависит от типа значения. Если в прямых значениях *мягкий* является антонимом *твердого* и *жесткого*, то в переносных значениях в качестве его антонима может также выступать *суровый*. Вообще слово *суровый* во многом оторвалось от слов *нежный, грубый*, которые входят в одну группу с ним, что, на наш взгляд, обусловлено утратой связи между его переносными значениями и прямым значением. *Мягкий* в целом ближе к *нежному*, чем *грубый* — к *твердому* и *жесткому* (особенно в переносных значениях).

Несмотря на некоторую условность вышеуказанного деления на группы, в целом следует признать, что слова, входящие в состав каждой из этих двух групп, обнаруживают много общего. Прежде всего это касается структуры полисемии.

Попробуем в целом охарактеризовать различия в составе значений, которые существуют между рассматриваемыми группами слов. Вот несколько наблюдений на эту тему.

2.1. Различия в блоке прямых значений

У слов второй группы в блоке прямых значений представлены два связанных между собой значения: тактильной характеристики и физической характеристики.

Рассмотрим прямые значения слов *мягкий, твердый, жесткий*.

Мягкий 1.1 'такой, который имеет малую плотность, так что при надавливании на него какой-либо частью тела та погружается внутрь А1 или на поверхности А1 возникает углубление; отсутствие сопротивления А1 вызывает у человека при контакте с ним приятное ощущение': ср. *мягкая подушка, мягкий как пух; мягкий мох* (тактильное свойство);

Мягкий 1.2 'такой, форму которого легко изменить или целостность которого легко нарушить путем механического воздействия на него': ср. *мягкий пластилин; мягкая обложка; Воск расплавился и стал мягким; Асфальт от зноя стал мягким; Добавь воды, тогда глина станет мягче; мягкие сорта сыра* (физическое свойство).

Твердый 1.2 'такой, который имеет большую плотность, так что при надавливании на него какой-либо частью тела на его поверхности не возникает углубления и эта часть тела ощущает сильное сопротивление объекта' (физическое свойство): ср. *твердый помидор; твердая пицца; твердый бугорок на шее; твердый воротничок; твердая поверхность; твердые кулаки; При искривлении позвоночника полезно спать на твердом; Какие у тебя твердые мышцы!* (тактильное свойство);

Твердый 1.1 'такой, форму которого трудно изменить или целостность которого трудно нарушить путем механического воздействия': ср. *твердая обложка; твердый грунт; твердый орех; твердый грифель; твердая древесина; твердые сорта сыра; твердый каркас; рюкзак с твердой спинкой; Пластилин на морозе стал твердым* (физическое свойство).

Жесткий 1.1² 'недостаточно мягкий': ср. *жесткая ладонь, жесткая кровать* (тактильное свойство);

Жесткий 1.2 'такой, который сохраняет форму, вследствие чего части конструкции, элементом которой является А1, остаются неподвижными друг относительно друга': ср. *жесткое крепление, жесткий каркас* (физическое свойство).

2.2. Различия в блоке «восприятие»

Слова двух выделенных нами групп различаются тем, какой тип восприятия для них более типичен.

Слово *мягкий* может характеризовать все типы восприятия, при этом его значение независимо от типа ощущений всегда содержит компонент 'такой, который не оказывает сильного и резкого воздействия на органы восприятия'; ср. *мягкий голос <шелест, звук>; мягкие очертания; мягкий серый цвет <оттенок>; пиво с мягким бархатным вкусом; мягкий аромат*.

² Толкования значений прилагательного *жесткий* базируются на его описании, сделанном И. Б. Левонтиной для «Активного словаря» [см.: АС: 389].

Напротив, слово *суровый*, принадлежащее к первой группе, реже других характеризует какие бы то ни было ощущения, что, по всей видимости, обусловлено отрывом его переносных значений от прямого, тактильного.

Остальные прилагательные специализируются на конкретных типах восприятия.

Звуковое восприятие могут характеризовать, помимо *мягкого*, только слова первой группы — *грубый*, *нежный*; по всей видимости, это связано с тем, что для звукового восприятия актуальна идея наличия / отсутствия раздражающего воздействия, аналогичного воздействию на органы осязания шероховатой / гладкой поверхности; ср. *нежные звуки арфы*; *нежный <грубый> голос*.

Со зрительным восприятием ситуация сложнее. Цветовое восприятие, помимо *мягкого*, характеризует слово *нежный*, относящееся к первой группе: здесь опять-таки на первый план выходит идея отсутствия раздражающего воздействия; ср. *нежный голубой <розовый> цвет*.

Слова второй группы, наоборот, специализируются на характеристике линии, формы (а в особом, сдвинутом употреблении могут характеризовать движения). *Мягкий* и *жесткий* характеризуют очертания предмета с точки зрения наличия прямых линий и резких углов: *мягкий* указывает на отсутствие того и другого, на плавность и гибкость линии, приятную глазу; ср. *мягкая линия подбородка*, *мягкий овал лица*, *мягкие очертания гор* (это значение развивается у *мягкого* на основе значения *мягкий* 1.1, точнее его особого режима употребления, в котором *мягкий* сближается с *гибким* и может быть истолковано как 'такой, который легко смять или согнуть, что вызывает у человека при контакте с ним приятное ощущение'; ср. *мягкие волосы*; *мягкая шерстка*; *мягкая ткань*). *Жесткий* в соответствующем значении, напротив, указывает на то, что очертания объекта лишены гибкости и плавности, на переизбыток прямых линий и резких углов, что оценивается отрицательно; ср. *Смешиливо вздернутые брови Устина опустились и опять сошлись у переносья в одну прямую и жесткую линию* (М. Шолохов). *Твердый* в отличие от *мягкого* и *жесткого* характеризует линию с точки зрения наличия отклонений от основного направления, указывая на ее четкость и уверенность; ср. *твердая линия подбородка*; ср. также метонимические употребления типа *твердая рука* (рассматриваемое значение базируется на значении *твердый* 1.4 'такой, который не колеблется'; ср. об этом ниже).

Слова *нежный*, *суровый* могут характеризовать зрительное впечатление в целом (первое используется применительно к лицу человека, второе — применительно к пейзажу; ср. *нежное девичье лицо*; *суровый горный пейзаж*).

Наконец, вкусовое восприятие, помимо *мягкого*, может характеризовать только слово *нежный* (*нежный вкус спаржи*), указывая на утонченность, изысканность вкуса. Данный смысл возникает на основе переосмысления компонента 'тонкий', входящего в значение исходной леммы *нежный* 1.1 ('такой, который покрыт такой мягкой и тонкой кожей, что при прикосновении с А1 возникает впечатление, что его легко повредить, и очень приятный на ощупь'; ср. *нежный на ощупь*; *нежные губы*; *нежные щеки*; *нежные плечи*; *нежное тело*; *нежная детская шейка*).

2.3. Различия в блоке «внутреннее свойство»

В рамках блока «внутреннее свойство» все слова второй группы развивают значение, характеризующее наличие / отсутствие способности сопротивляться влиянию и, наоборот, оказывать влияние на других людей: таковы значения *твердый 7.1, жесткий 3.1, мягкий 5.1*; ср. *твердый и непреклонный; Он не сможет справиться с трудными подростками — слишком уж мягок; Во всем, что касается принципов и убеждений, это человек жесткий и бескомпромиссный* (Эксперт. 2015).

Механизм метафорического переноса в данном случае таков: внутренняя позиция, принципы человека метафорически осмысляются как нечто, определяющее его личность, как бы задающее ее форму. Поэтому наличие / отсутствие возможности эффективного воздействия на волю человека сближается с наличием / отсутствием возможности физической деформации объекта.

Напротив, слова первой группы развивают значение, в котором они характеризуют человека с точки зрения его манеры общения. Таковы значения *нежный 5.1, суровый 1.1, грубый 5.1*. В данном случае общение с человеком, который характеризуется соответствующим свойством, уподобляется соприкосновению с *нежным 1.1 / мягким 1.1 / суровым 1.1 / грубым 1.1* объектом.

Характерно, что большинство рассматриваемых переносных лексем (*нежный 5.1, мягкий 4.1, суровый 1.1*) указывает на наличие или отсутствие способности проявлять хорошие чувства к другим людям — любовь, расположение, сочувствие. В этом случае механизм метафорического переноса таков: наличие у человека положительных чувств делает его приятным в общении, как приятен контакт с объектами, имеющими гладкую или мягкую поверхность, и, наоборот, общение с человеком, не способным на такие чувства, так же неприятно, как прикосновение к шероховатой или твердой поверхности (такого рода метафорический перенос мы встречаем также в словах *черствый, сухой*).

От прилагательного *мягкий* образуются оба типа значений.

Во-первых, *мягкий* может характеризовать человека с точки зрения способности сопротивляться влиянию и оказывать влияние: таково значение *мягкий 5.1* ‘такой, который легко уступает другим людям и не пытается заставить их делать то, что они не хотят, — как бы *мягкий 1.1*’; ср.: *Для начальника он слишком мягкий; Он не сможет справиться с трудными подростками — слишком уж мягок; Его обвиняли в том, что он слишком мягок с осужденными*.

Во-вторых, *мягкий* может характеризовать человека с точки зрения манеры общения: ср. значение *мягкий 4.1* ‘такой, который проявляет к другим людям хорошие чувства — любовь, нежность, сочувствие, из-за чего общение с ним вызывает приятные ощущения, — как бы *мягкий 1.1*’; ср. *К старости она стала мягче и добрее*.

Поскольку большинство тактильных прилагательных имеет радиальную полисемию, встает следующий вопрос: можно ли предсказать, какое значение при наличии нескольких прямых значений будет выбрано в качестве «центра

многозначности», т. е. станет мотивирующим для большинства производных значений?

Чтобы приблизиться к ответу на этот вопрос, рассмотрим более подробно полисемию *мягкого* и *твердого*.

3. Особенности многозначности *твердого* и *мягкого*

3.1. *Мягкий*

Многозначность прилагательного *мягкий* носит ярко выраженный радиальный характер.

Как уже говорилось, это слово имеет два прямых значения.

1. *Мягкий* 1.1. Тактильная характеристика объекта: ‘такой, который имеет малую плотность, так что при надавливании на него какой-либо частью тела та погружается внутрь А1 или на поверхности А1 возникает углубление; отсутствие сопротивления А1 вызывает у человека при контакте с ним приятное ощущение’ (обычно об объектах, имеющих достаточно большую толщину, а также о субстанциях); ср. *мягкий ковер*; *мягкий ворс*; *мягкий батон*; *мягкое кресло*; *мягкий снег*; *мягкий ил*; *мягкий песок*; *мягкие губы*.

Рассматриваемое значение допускает сдвинутые употребления, в которых присутствует указание на то, что объект легко смять или согнуть, — в этом случае *мягкий* обычно употребляется в сочетании со словами *волосы*, *шерсть*, а также с названиями различных гибких материалов или объектов, изготовленных из них: *мягкие волосы*; *мягкая шерстка*; *мягкая ткань*; *мягкая шаль*; *кошелек из мягкой дорогой кожи*; *мягкий плед*.

В рассматриваемом значении (независимо от типа употребления) *мягкий* указывает на приятное тактильное ощущение и выражает положительную оценку.

2. *Мягкий* 1.2. Физическая характеристика объекта: ‘такой, форму которого легко изменить или целостность которого легко нарушить путем механического воздействия на него’ (обычно о материалах или субстанциях); ср. *Мягкий пластилин*; *мягкая обложка*; *Воск расплавился и стал мягким*; *Асфальт от зноя стал мягким*; *Земля здесь была мягкой, копать было легко*. Данное значение является нейтральным с точки зрения оценки.

Из двух приведенных выше прямых значений прилагательного *мягкий* основным значением, вокруг которого группируется большинство переносных, является значение *мягкий* 1.1, в котором это слово обозначает приятное тактильное ощущение. Компонент ‘отсутствие сопротивления поверхности’ в переносных значениях преобразуется в смысл ‘отсутствие ожидаемой негативной реакции’, который, в свою очередь, метафорически переосмысливается как ‘отсутствие ожидаемого плохого воздействия’. Таким образом, *мягкий* в переносных значениях часто выступает в качестве антонима прилагательного *резкий*, которое указывает на негативное воздействие.

Описываемый механизм метафорического переноса является единым для большинства переносных значений *мягкого*, независимо от того, что характеризуют соответствующие лексемы: зрительные или слуховые ощущения, погоду, поведение, действия других людей и пр.

Перечислим значения *мягкого*, образованные с помощью этого переноса и включающие семантический компонент ‘отсутствие ожидаемого негативного воздействия’.

Значения *мягкого*, включающие компонент ‘отсутствие ожидаемого негативно-го воздействия’

1. Характеристика ощущений (зрительных, обонятельных, слуховых): ср. *мягкий 2.1 (мягкие тона)*, *мягкий 2.2 (мягкие линии)*, *мягкий 2.3 (мягкий голос)*, *мягкий 2.4 (мягкий вкус)*, *мягкий 2.5 (мягкие касания)*. Как уже отмечалось выше, во всех этих значениях *мягкий* указывает на то, что ощущения не оказывают сильного и резкого воздействия на органы чувств и поэтому приятны для человека. Интересно, что к этому блоку относится «вторичное» тактильное значение *мягкий 2.5*, которое реализуется в сочетаниях типа *мягкие касания*, *мягкие прикосновения*. В отличие от основного тактильного значения *мягкий 1.1*, в котором *мягкий* характеризует объект с точки зрения ощущений, которые возникают при контакте с ним, *мягкий 2.5* характеризует сами прикосновения, указывая на минимальный контакт объекта с телом человека, вследствие чего прикосновение этого объекта вызывает у человека скорее приятное ощущение; ср. *мягкие прикосновения веток*; *Мне было нужно ее [мать] видеть, нужно было чувствовать мягкое прикосновение ее руки, ощущать ее нежную щеку* (И. Дьяконов). В данном значении *мягкий* сближается с *легким*.

2. Характеристика природных условий: ср. *мягкий 3.1 (мягкий климат, мягкая зима; Февраль выдался на редкость мягкий и теплый; Был мягкий весенний день)*. В этом случае *мягкий* содержит указание на отсутствие условий, которые были бы тяжелы для человека (в частности, на отсутствие высоких и низких температур), вследствие чего погодные условия оцениваются как приятные для человека.

3. Характеристика самых разных ситуаций или объектов, которые в норме должны или могут оказывать травмирующее воздействие, — медицинских процедур и препаратов, неприятных эмоций, речевых актов, содержащих критику, а также действий, неприятных для человека: ср. *мягкий 3.2 (мягкий пилинг, мягкое слабительное, мягкий антидепрессант)*; *мягкий 3.3 (мягкая грусть)*, *мягкий 3.4 (мягкий упрек, произнести с мягким укором)*, *мягкий 3.5 (мягкое наказание, мягкий приговор)*. Во всех этих случаях *мягкий* указывает на меньшую интенсивность или меньший масштаб отрицательного воздействия, чем ожидалось или чем могло бы быть.

При этом во многих случаях в значении *мягкого* присутствует компонент ‘вопреки ожиданиям’ (или, в качестве варианта, компонент ‘в отличие от однородных объектов’), а также сохраняется положительная оценка — и то и другое является «отзвуком» тактильного значения, от которого произошли соответствующие переносные. Ср. толкование значения *мягкий 3.2 (мягкое средство, мягкое*

слабительное): 'такой, который в отличие от других объектов такого рода не оказывает слишком сильного воздействия на состояние человека и не имеет побочных эффектов и поэтому оценивается положительно, — как бы *мягкий 1.1'*; ср. также толкование *мягкий 3.3* (*мягкая печаль, мягкий юмор*): 'имеющий малую интенсивность и неявно выраженный, так что, вопреки ожиданиям, он не является неприятным для человека, который его испытывает или который является его объектом и поэтому оценивается скорее положительно, — как бы *мягкий 1.1'*'.

Хотя большинство переносных значений *мягкого* возникло на основе тактильного (*мягкий 1.1*), у него есть одно переносное значение, которое произведено другим способом. Речь идет о значении *мягкий 5.1* 'такой, который легко уступает другим людям и не пытается заставить их делать то, что они не хотят', которое уже упоминалось в предыдущем разделе. Оно развилось на основе значения *мягкий 2.2* (*мягкий воск*), в котором *мягкий* характеризует не ощущение, а физические свойства объекта (его способность к деформации). Свойство объекта легко деформироваться в этом случае переосмысливается как податливость характера, неспособность противостоять нажиму со стороны или диктовать другим свою волю. Поскольку исходное значение, от которого оно произведено, в отличие от тактильного, не выражает положительной оценки, данное метафорическое значение тоже ее лишено или даже может выражать отрицательную оценку — последнее подтверждается типичностью для *мягкого 5.1* сочетаний с наречием *слишком*: *Есть директор NN <...> вечно ошибающийся, слабый, слишком мягкий, не дотягивающий, сваливающий ответственные решения на подчиненных* (К. Букша); *Он вообще был человек мягкий. Слишком мягкий. Это не всегда хорошо для мужчины, особенно — для отца и мужа, но тут уж ничего не поделаешь, отцов не выбирают* (Т. Соломатина); *Милуков считал, что назначение Львова председателем Совета министров вообще было ошибкой: Львов оказался слишком мягким человеком («шляпой» — не очень учтиво выразился Милуков)* (Г. Иоффе); *«Я думаю, что для начальника я слишком мягок, хотя бывают моменты, когда могу быть очень строгим», — делится Аверин* (Дело (Самара). 26.04.2002).

Интересно сравнить лексему *мягкий 5.1* с прилагательным *мякотелый*, которое в отличие от *мягкого 5.1* всегда выражает отрицательную оценку: *Страну раздирают противоречия — национальные, территориальные, экономические; мякотелый Президент, который не может показать свою власть республикам, пляшет под их дудку* (В. Доценко); *Настя, узнав о твоей задумке, заявила, что ей тоже нужно приглашение в магазин для новобрачных, и я не смог отказать. Ведь я такой мякотелый!* (Е. Завершнева).

Хотя *мякотелый*, как и *мягкий*, может указывать на неспособность противостоять нажиму (см. предыдущий пример), для него центральными являются употребления, в которых идет речь о неспособности человека предпринять решительные меры, чтобы пресечь действия, которые, по его мнению, выходят за рамки нормы. *Философов выгнал «добренький» [Ленин], чтобы не было других кафедр, кроме кафедры марксизма, интеллигенцию хотел уничтожить, как насекомых, попов приказывал расстреливать, и все удивлялся, до чего же мы мякотелы* (О. Глушкин);

— В моем фонде сидят жулики! — Это ты их развел! — съязвила жена. — Ты мягкотелый!.. (Э. Рязанов, Э. Брагинский). При этом в случае *мягкотелого* предполагается, что неспособность человека пресечь плохие действия обусловлена излишней добротой и деликатностью. *Принципиальная Женька была мягкотела до ужаса: не хотела она никого обижать!* (Л. Кабо); *А может быть, он просто был излишне мягкотел и деликатен, и вот его смели?* (Б. Окуджава). Данное свойство часто связывается с принадлежностью к интеллигенции; ср. типичное *мягкотелый интеллигент*: *На днях приходила в класс Клавдия Васильевна, ругала нас, напирая на влияние «мягкотелой, расхлябанной интеллигенции»* (Л. Кабо). Таким образом, в данном случае доброта и деликатность парадоксальным образом получают негативную оценку со стороны говорящего, что сближает слово *мягкотелый* с такими словами, как *церемониться, деликатничать*.

3.2. Твердый

Прилагательное *твердый* имеет четыре прямых значения — одно тактильное и три физических. Перечислим рассматриваемые значения, начав с тактильного, хотя для *твердого*, в отличие от *мягкого*, оно не является исходным.

1. Тактильная характеристика (*твердый 1.2*): ‘такой, который имеет большую плотность, так что при надавливании на него какой-либо частью тела на его поверхности не возникает углубления и эта часть тела ощущает сильное сопротивление объекта’; ср. *твердый помидор, твердая слива; твердая пицца; твердый бугорок на шее; твердый воротничок; твердая поверхность; твердые кулаки; При искривлении позвоночника полезно спать на твердом; Какие у тебя твердые мышцы!*

Это значение является для *твердого* периферийным и не играет существенной роли в структуре его полисемии. Помимо него, у рассматриваемого прилагательного существует три прямых значения, в которых оно характеризует физические свойства объекта. Они объединены между собой общим смыслом ‘стабильность, неизменность’.

2. Физические характеристики.

2.1. *Твердый 1.1* ‘такой, форму которого трудно изменить или целостность которого трудно нарушить путем механического воздействия’; ср. *твердая обложка; твердый грунт; твердый орех; твердый грифель; твердая древесина; твердые сорта сыра; твердые сорта пшеницы; твердый каркас; рюкзак с твердой спинкой; Воск остыл и стал твердым; Пластилин на морозе стал твердым; Земля была такой твердой, что лопата ее не брала; Алмаз — самый твердый из известных минералов.*

2.2. *Твердый 1.3* (физ.) ‘такой, который находится в состоянии, при котором форма и объем А1 относительно постоянны, что обусловлено условиями, в которых находится А1’; ср. *твердые тела; кафедра твердого тела; твердые вещества; твердое и жидкое топливо* (обычно о веществе или со словом *тело*). В рассматриваемом значении *твердый* допускает метонимическое употребление применительно к самому состоянию вещества: ср. *твердое агрегатное состояние*.

2.3. *Твердый 1.4* ‘такой, который не колеблется, поэтому на него можно опереться, что положительно оценивается говорящим’ (обычно о земле); ср. *твердая суша; твердая почва; нащупать ногой твердую опору; После двухмесячного плавания моряки наконец-то ступили на твердую землю; За бортом ледокола — не твердая земля, а движущиеся ледяные поля*. В рассматриваемом значении *твердый* характеризует опору, указывая на стабильность положения последней и отсутствие колебаний; при этом неподвижность опоры получает положительную оценку, поскольку позволяет ей выполнять свою функцию.

Несмотря на то что это значение в современном языке является достаточно редким, оно обнаруживает максимальный метафорический потенциал — именно на его основе образуется большинство метафорических значений *твердого*. Показательно, что все эти переносные значения наследуют положительную оценку, свойственную для *твердого 1.4*.

При этом существуют два основных механизма переноса.

1. Отсутствие колебаний переосмысливается как отсутствие отклонений от основного направления движения.

На базе этого переноса образованы два значения: *твердый 2.1* и *твердый 2.2*. Рассмотрим их семантику.

Твердый 2.1. В данном значении *твердый* характеризует линию и толкуется следующим образом: ‘четкий и прямой, лишенный лишних изгибов, — как бы *твердый 1.4*’; ср. *Твердый рисунок лба и носа; твердый профиль; Куда-то исчезла его с детства твердая линия, рисовал беспомощно, рваными черточками* (И. Грекова); *Почерк его был прекрасный: он переписывал партитуры. Он требовал твердой линии и был враг нажимов и утолщения, а в особенности не любил задержки пера на началах и концах букв, от чего получалась точка* (Ю. Тынянов).

Положительная оценка, выражаемая прилагательным *твердый* в описываемом значении, хорошо ощущается в ситуации, когда соответствующая лексема используется при описании внешности: в этом случае *твердый*, помимо внешних качеств, указывает на внутренние — решительность, прямоту, силу воли; см. следующие примеры: *твердая линия подбородка; Комбат — светлые глаза на кирпичном лице, острые углы скул, твердая линия рта и неожиданная ямочка на подбородке — заставил меня подробно рассказать обо всех моих приключениях, особенно о танке* (Ю. Друнина); *Не пройдет и двух-трех лет, и заметнее, выпуклее станут надбровья, тверже линия подбородка, а у висков, у глаз лягут тени ранних раздумий* (Н. Кожевникова). Кроме того, эта оценка сохраняется в образном употреблении, которое имеет место в сочетаниях со словом *линия*, употребленном в переносном значении ‘направление деятельности, имеющее целью А1’, — в этом случае *твердый* указывает на отсутствие отклонений от выбранного направления деятельности; ср. *Стремление найти свое место в нынешней политической системе подтолкнуло Рогозина к тому, чтобы <...> поддерживать твердую линию Кремля на переговорах с Западом и в отношении событий вокруг Грузии* (Однако. 2010); *Пропало вдруг все, что раньше создавало имидж Эйзенхауэра, — честное имя, терпеливое умение проводить осторожную, но твердую*

линию, непрекаемый авторитет руководителя и даже обыкновенное везение (О. Гриневский).

Твердый 2.2. В рассматриваемом значении *твердый* характеризует движения и имеет следующее толкование: ‘характеризующийся отсутствием отклонений от прямой траектории, уверенностью и точностью — как бы *твердый 1.4*’ (чаще всего о походке или почерке); ср. *твердая походка; твердый шаг; твердая поступь; твердый почерк*.

2. Неподвижность опоры переосмысливается как устойчивость, стабильность, надежность (*надежный А1* ‘такой, что можно быть уверенным в том, что А1 имеет и будет иметь место’).

Рассмотрим значения *твердого*, включающие компоненты ‘стабильность’, ‘устойчивость’.

Поскольку представления о надежности, устойчивости, стабильности актуальны прежде всего для человеческого общества, у *твердого* из всех рассмотренных нами слов в максимальной степени развиты значения, связанные с социальной сферой и с внутренними качествами или состояниями человека.

Значения *твердого*, включающие компонент ‘устойчивость’

1. Характеристика социальных установлений и предписаний, а также социально значимых параметров (цена, зарплата и пр.); ср. *твердый 3.1* ‘такой, который является стабильным и никогда не нарушается или не допускает произвольного изменения, что положительно оценивается говорящим, — как бы *твердый 1.4*’ (*твердые порядки, твердая власть, твердый график, твердые цены, твердая валюта*).

2. Характеристика ментальных состояний или их продуктов; ср. *твердый 7.3* ‘такой, который никакие обстоятельства не могут изменить, что положительно оценивается говорящим, — как бы *твердый 1.4*’ (*твердая вера, твердая уверенность, твердое решение; твердое намерение; твердое убеждение; твердые принципы*).

3. Характеристика человека с точки зрения способности выдерживать тяжелые жизненные испытания; ср. *твердый 6* ‘такой, который в тяжелой жизненной ситуации проявляет эмоциональную стойкость и мужество, — как бы *твердый 1.4*: *тверд духом; Он был тверд и ничего не боялся; Она решила быть твердой и старалась не плакать; Что бы ни случилось, будь тверд; Надпись на знамени гласит: «Среди ужасов битвы не слабей духом ни одной минуты. Будь тверд перед опасностями, смерть не приходит раньше часа, назначенного волей Всевышнего»* (Родина. 1994); *Большой подмогой оказался Игнат Альбертович: принял несчастье, как человек твердый <...> не ворчал, не скулил, и нашел много цитат у Гейне и Берне в доказательство, что не жертвой быть позорно, а угнетателем* (В. Жаботинский).

Значения *твердого*, включающие компонент ‘надежность’

1. Характеристика договоренностей и обязательств; ср. *твердый 3.2* ‘такой, который человек обязуется не нарушать ни при каких обстоятельствах, поэтому

на него можно полагаться, — как бы *твердый 1.4'* (*твердые гарантии; твердая договоренность; твердое обещание; Его слово твердо*).

2. Характеристика ментальных способностей и их результатов; ср. *твердый 4.1* 'такой, в качестве которого можно быть уверенным, — как бы *твердый 1.4'* (*твердая память; в здравом уме и твердой памяти; твердые знания; твердые познания в астрономии; Его знания в сфере орфографии были не слишком твердыми*).

3. Характеристика оценок; ср. *твердый 5* 'такой, в обоснованности которой можно быть полностью уверенным, — как бы *твердый 1.4'* (об отметке, обычно высокой: *твердая пятерка <четверка>*).

В отличие от своего синонима *жесткий*, прилагательное *твердый* ни в прямых, ни в переносных значениях не выражает отрицательной оценки. Во-первых, *твердый*, даже характеризуя тактильное ощущение (что для него в целом не типично), в отличие от *жесткого* не указывает на неприятный характер этого ощущения; ср. *твердая пища* и *жесткая пища*. Кроме того, как уже говорилось, большинство переносных значений *твердого* образованы от значения *твердый 1.4*, которое выражает положительную оценку, поэтому все они тоже получают положительную оценку.

Единственное переносное значение *твердого*, про которое нельзя с уверенностью сказать, что оно возникло на базе *твердого 1.4*, — значение *твердый 7.1* 'такой, который ни при каких условиях не меняет своих решений или убеждений, что оценивается говорящим положительно'; ср. *Она человек твердый и непреклонный; Ее долго уговаривали, но она была тверда*.

На первый взгляд создается впечатление, что значение *твердый 7.1* допускает двойную мотивацию. Можно предположить, что оно является производным от следующих прямых значений:

- от *твердый 1.4* (*твердая земля*) — метафорический перенос 'отсутствие колебаний опоры' → 'стабильность решений, убеждений и пр.';

- от *твердый 1.1* (*твердый орех*) или *твердый 1.2* (*твердые мышцы*) — метафорический перенос 'невозможность деформации объекта' / 'сопротивление поверхности объекта' → 'невозможность воздействия на волю человека со стороны других людей'.

Чтобы выяснить, какое решение предпочтительней, сопоставим два близких значения — *твердый 7.1* и *жесткий 3.1* 'такой, который очень требователен к людям и которого трудно убедить изменить свою позицию'; ср. *Он человек жесткий и бескомпромиссный*.

Несмотря на семантическую близость, состоящую в том, что обе лексемы указывают на свойство человека сопротивляться воздействию, они имеют разное значение и выражают разную оценку.

1. Лексема *жесткий 3.1* указывает на то, что человек не поддается никаким уговорам и не идет на компромиссы. Это значение образовано от прямого значения *жесткий 1.1*, в котором рассматриваемое прилагательное обозначает тактильное восприятие и выражает отрицательную оценку; в данном случае свойство человека не поддаваться убеждению уподобляется свойству жесткого предмета сохранять

свою форму, не промянаясь под рукой человека. Ср.: *Он [Павел Витальевич] человек жесткий, может, даже жестокий, когда касается дела, но лирик в душе* (А. Слаповский); *Собиравшийся баллотироваться в президенты генерал Лебедь указал, какой правитель нужен России. «Россию выведет из кризиса не киноактер с голливудской улыбкой, а человек жесткий»* (Коммерсантъ-Daily. 20.01.1996). Соответствующее свойство получает в языке отрицательную оценку, вызывая представления о недостатке гибкости, нежелании учитывать чужие желания, неумении проявить понимание и толерантность.

Твердый 7.1 в отличие от *жесткого 3.1* необязательно предполагает воздействие со стороны других людей. Эта лексема подразумевает акцент на устойчивости, стабильности решений и взглядов человека. Она указывает на то, что человек не меняет свои решения и не отступает от своих принципов, несмотря ни на какие внешние обстоятельства — будь то какое бы то ни было воздействие со стороны других людей или различные жизненные трудности. Соответствующее свойство обычно оценивается в языковой картине мира положительно. Ср.: *Отец заблуждался, но он шел до конца по своему пути — пусть и сын его будет так же тверд и идет до конца по тому пути, по которому... — Он не докончил, потому что не подумал, по какому же... (Ю. Домбровский); В последнем слове Смирнов ни о чем не просил и ни в чем не раскаивался. Сколько можно восстановить теперь, это был человек твердый и слишком прямодушный, чтобы пронести голову целой через 37-й год (А. Солженицын).*

2. Если *твердый* указывает главным образом на способность человека сопротивляться воздействию, то *жесткий* чаще всего указывает на то, что сам человек воздействует на других, в частности пытается навязать им свою волю. Ср.: *Ее отец очень жесткий человек, он не позволит дочери выйти замуж за того, кто ему не нравится; Главное, будь тверд. Раз уж решил жениться — не отступай (Е. Шварц).* Ср. также невозможность замены *твердого* на *жесткий* в следующем контексте: *Она человек твердый: решила выйти замуж — значит, выйдет, никого слушать не будет.*

Особенно часто *жесткий* используется, когда речь идет о том, что субъект предъявляет к другим людям завышенные требования и строго наказывает в случае их несоблюдения. *Теперь Коломнину демонстрировался другой человек: жесткий, требовательный босс, — очевидно, в соответствии с западными стандартами (С. Данилюк); Сам всегда много трудился и привык, чтобы люди, которые работают со мной, также отдавали себя делу. Я человек жесткий, за результат спрашиваю строго (Калининградские Новые колеса. 26.11.2004).*

3. *Твердый* в рассматриваемом значении допускает два режима использования: будучи употребленным в полной форме, оно обозначает свойство характера (*Он твердый и волевой*), тогда как в краткой форме оно обозначает скорее ментальное состояние. Последнее характеризуется тем, что человек ни за что не хочет изменить позицию по конкретному вопросу или отказаться от конкретной идеи; ср.: *Относилась он ко мне неплохо, ручку целовал, ценил как врача. Все это — пока не доходило дело до сметы. Тут он был тверд как кремень (И. Грекова); В пьесе сделали*

изменение, герой не стрелял, а замахивался лейкой и кричал «убью тебя, негодяя!» и топал ногами, отчего, по мнению Ивана Васильевича, пьеса только выиграла. Автор бешено обиделся на театр и три года не разговаривал с директорами, но Иван Васильевич остался тверд... (М. Булгаков). В последнем случае у *твердый* может появляться соответствующая валентность, которая заполняется предложно-именной группой «в + сущ. в предл. п.»; ср. *тверд в своем намерении уехать*. Для *жесткого* возможен только первый тип употреблений (*Он человек жесткий и нетерпимый*); ср. неправильное **Он жесток в своем нежелании отпустить Машу*.

Как мы видели, для *твердого* 7.1 в отличие от *жесткого* 3.1 компонент 'воздействие со стороны других людей' не является обязательным; в данном случае на первом плане — компонент 'стабильность внутренней позиции'. Это свидетельствует скорее в пользу того, что данное значение произошло от *твердый* 1.4 посредством метафорического переноса по признаку 'стабильность' (первый тип переноса). Кроме того, положительная оценка лексемы *твердый* 7.1 тоже свидетельствует о том, что она развилась на базе лексемы *твердый* 1.4, а не одного из двух других значений (которые не выражают никакой оценки).

4. Заключение

Заканчивая рассмотрение полисемии слов *мягкий* и *твердый*, хотелось бы попытаться ответить на вопрос, почему «метафорическим центром» многозначности слова *твердый* стало значение, которое является достаточно малоупотребительным.

Можно предположить, что причина этого — наличие оценки; именно оценка «выделила» это значение среди ряда других и привела к активной метафоризации. Это подтверждается анализом многозначности других слов рассматриваемой группы: у тех из них, у которых присутствует несколько прямых значений, максимальным метафорическим потенциалом обладают оценочные значения.

Таковы «тактильные» значения *жесткий* 1.1 (отрицательная оценка), *мягкий* 1.1 (положительная оценка) — от них образуются все переносные значения соответствующих прилагательных, кроме *мягкий* 5.1 (*Для начальника он слишком мягкий*) и *жесткий* 2.1 (*жесткий график*). Два последних значения образованы от нейтральных значений *мягкий* 1.2 (*мягкий воск* 'такой, который легко деформировать') и *жесткий* 1.2 (*жесткое крепление, жесткий каркас* 'сохраняющий форму').

Кроме того, по нашим наблюдениям, если у мотивирующей лексемы имеется оценка, то при метафорическом переносе она наследуется. Это подтверждает полисемия прилагательных *твердый*, *мягкий*, *жесткий*: так, все лексемы, образованные от положительно оцениваемых лексем *мягкий* 1.1 и *твердый* 1.4, тоже выражают положительную оценку³, тогда как лексемы, образованные от отрицательно

³ Исключение составляет только специальная лексема *мягкий* 6, для которой характерно терминологическое употребление, вследствие чего она лишена оценки, несмотря на то, что образована от оценочного значения *мягкий* 1.1.

оцениваемой лексемы *жесткий 1.1*, выражают отрицательную оценку — таковы лексемы *жесткий 2.2* (*жесткое заявление, жесткая оценка*), *жесткий 2.3* (*жесткое воспитание*), *жесткий 3.1* (*жесткий человек*). Между тем переносные лексемы, образованные от лексем, не выражающих оценки, тоже являются нейтральными — таковы *жесткий 2.1* (от *жесткий 1.2*), а также *мягкий 5.1* (от *мягкий 1.2*).

Приложение

Структура многозначности прилагательных *мягкий, твердый*

Мягкий

Мягкий 1.1

ПРИМЕРЫ. *Мягкая перина; мягкий как пух; мягкий мох; мягкий ковер; мягкий ворс; мягкий батон; мягкое кресло; мягкий снег; мягкий ил; мягкий песок; мягкие губы.*

ЗНАЧЕНИЕ. ‘Такой, который имеет малую плотность, так что при надавливании на него какой-либо частью тела та погружается внутрь А1 или на поверхности А1 возникает углубление; отсутствие сопротивления А1 вызывает у человека при контакте с ним приятное ощущение’ (обычно об объектах, имеющих достаточно большую толщину, а также о субстанциях).

КОММЕНТАРИИ. Сдвинутые употребления в значении ‘такой, который легко смять или согнуть, что вызывает у человека при контакте с ним приятное ощущение’ (обычно о волосах и различных гибких материалах, а также об объектах, изготовленных из них): *мягкие волосы; мягкая шерстка; мягкая ткань; мягкая шаль; кошелек из мягкой дорогой кожи; мягкий плед.*

СИН. *Пухлый, пышный.*

АНТ. *Жесткий, твердый, черствый.*

Мягкий 1.2

ПРИМЕРЫ. *Мягкий пластилин; мягкая обложка; Воск расплавился и стал мягким; Асфальт от зноя стал мягким; Добавь воды, тогда глина станет мягче; Он предпочитал мягкие сорта сыра; Земля здесь была мягкой, копать было легко.*

ЗНАЧЕНИЕ. ‘Такой, форму которого легко изменить или целостность которого легко нарушить путем механического воздействия на него’ (обычно о материалах или субстанциях).

КОММЕНТАРИИ

1. Сдвинутые употребления применительно к твердым материалам для указания на то, что они легче поддаются обработке, чем другие материалы этого типа: *мягкий минерал; мягкий металл; мягкая осадочная порода; Угли очень мягкая древесина; Золото — мягкий металл; Известняк — мягкий камень, поэтому его часто использовали при строительстве церквей.*

2. Сдвинутые употребления применительно к продуктам для указания на то, что они не имеют твердой консистенции, в отличие от других продуктов этого типа: *намазать на хлеб мягкий сыр; На завтрак давали мягкий творог с медом.*

СИН. *Податливый, гибкий.*

АНТ. *Твердый.*

Мягкий 2.1

ПРИМЕРЫ. *Мягие тона; мягкий полумрак; мягкий вечерний свет; мягкий полусвет.*

ЗНАЧЕНИЕ. 'Такой, который не оказывает сильного и резкого воздействия на органы зрения и поэтому приятен для восприятия, — как бы *мягкий 1.1'* (о цвете и свете).

СИН. *Приглушенный, неяркий, бледный, неяркий, мягкий, пастельный.*

АНТ. *Кричащий, ядовитый, едкий, токсичный.*

Мягкий 2.2

ПРИМЕРЫ. *Мягие линии <очертания> заснеженных гор; мягкий очерк лба; мягкий овал лица; мягкие черты лица; мягкие формы мебели рококо; мягкие складки платья; мягкий рисунок губ; мягкий поворот головы; мягкий профиль.*

ЗНАЧЕНИЕ. 'Такой, в котором отсутствуют прямые линии и углы, и поэтому А1 приятен для восприятия, — как бы *мягкий 1.1'* (о линиях).

ПРИМЕЧАНИЯ. Сдвинутое употребление применительно к движениям в значении 'плавный': *мягкие движения.*

СИН. *Округлый, плавный.*

АНТ. *Резкий, твердый, жесткий.*

Мягкий 2.3

ПРИМЕРЫ. *Мягкий голос; мягкий баритон; мягкий тембр; мягкий шелест; мягкие шаги; Он подошел мягкой неслышной походкой.*

ЗНАЧЕНИЕ. 'Такой, который не оказывает сильного и резкого воздействия на органы слуха — негромкий, не слишком высокий и не слишком низкий и поэтому приятный для восприятия, — как бы *мягкий 1.1'* (о звуках).

СИН. *Приглушенный, нежный, легкий.*

АНТ. *Резкий, пронзительный, оглушительный.*

Мягкий 2.4

ПРИМЕРЫ. *Мягкий вкус фирменного коньяка; мягкий запах левкоев; Это пиво более мягкое на вкус.*

ЗНАЧЕНИЕ. 'Такой, который не оказывает сильного и резкого воздействия на органы обоняния и вкусовые органы и поэтому приятен для восприятия, — как бы *мягкий 1.Г'* (о вкусе и запахе).

СИН. *Нежный*.

АНТ. *Резкий, острый, ядреный, едкий*.

Мягкий 2.5

ПРИМЕРЫ. *Мягкие прикосновения веток; Он ощутил мягкое прикосновение ее руки; мягкое касание*.

ЗНАЧЕНИЕ. 'Такой, который характеризуется минимальным контактом с телом человека и почти не ощущается им и поэтому вызывает скорее приятное ощущение'.

СИН. *Легкий, нежный*.

Мягкий 3.1

ПРИМЕРЫ. *Мягкий климат; мягкие климатические условия; Зима здесь мягкая; Февраль выдался на редкость мягкий и теплый; Был мягкий весенний день*.

ЗНАЧЕНИЕ. 'Такой, который характеризуется отсутствием очень высокой и очень низкой температуры воздуха, а также средним количеством осадков и поэтому приятный для человека, — как бы *мягкий 1.Г'* (о климате и промежутках времени).

ПРИМЕЧАНИЯ. Метонимическое употребление применительно к *воздуху, ветру* и пр.: *мягкий весенний ветер; влажный мягкий воздух*.

СИН. *Теплый*.

АНТ. *Суровый*.

Мягкий 3.2

ПРИМЕРЫ. *Мягкое средство; мягкое слабительное; мягкий антидепрессант; мягкий пилинг; Это средство для умывания более мягкое, оно не сушит кожу*.

ЗНАЧЕНИЕ. 'Такой, который в отличие от других объектов такого рода не оказывает слишком сильного воздействия на состояние человека и не имеет побочных эффектов и поэтому оценивается положительно, — как бы *мягкий 1.Г'* (обычно о медицинских препаратах или процедурах).

ПРИМЕЧАНИЯ. Метонимическое употребление в сочетании со словами *действие, воздействие*: *Это препарат более мягкого действия*.

СИН. *Щадящий*.

АНТ. *Сильный, сильнодействующий, ядреный*.

Мягкий 3.3

ПРИМЕРЫ. *Мягкая печаль; мягкая грусть; мягкий юмор; мягкая ирония.*

ЗНАЧЕНИЕ. 'Имеющий малую интенсивность и неявно выраженный, так что, вопреки ожиданиям, он не является неприятным для человека, который его испытывает или который является его объектом, и поэтому оценивается скорее положительно, — как бы *мягкий 1.1'*.

СИН. *Светлый, легкий.*

Мягкий 3.4

ПРИМЕРЫ. *Мягкий упрек; произнести с мягким укором; сравнительно мягкое обращение; подобрать более мягкие слова <выражения>; мягкая укоризна; повторить с мягкой настойчивостью; сделать внушение в мягкой форме; Он сказал это уже более мягким голосом <тоном>.*

ЗНАЧЕНИЕ. 'Такой, который характеризуется отсутствием резкости или грубости, которой можно ожидать, учитывая характер речевого акта или ситуации, и поэтому оценивается скорее положительно, — как бы *мягкий 1.1'*.

АНТ. *Грубый, резкий.*

Мягкий 3.5

ПРИМЕРЫ. *Сравнительно мягкий приговор; относительно мягкое наказание.*

ЗНАЧЕНИЕ. 'Такой, который предполагает менее значительный масштаб плохих действий, которые кто-то совершает по отношению к человеку в наказание за его вину, чем это могло бы быть или чем бывает, и поэтому оценивается скорее положительно, — как бы *мягкий 1.1'* (о наказании).

ПРИМЕЧАНИЯ. Сдвинутые употребления в сочетании со словами *порядок, режим* в значении 'такой, который характеризуется небольшим количеством запретов и ограничений и предусматривает не слишком строгое наказание за их нарушение': *В этой колонии режим мягче, чем в других; сравнительно мягкие порядки.*

АНТ. *Суровый, строгий.*

Мягкий 4.1

ПРИМЕРЫ. *Ее все любят — она мягкая, заботливая, добрая; К старости она стала мягче и добрее; Зачастую с возрастом люди становятся мягче.*

ЗНАЧЕНИЕ. 'Такой, который проявляет к другим людям хорошие чувства — любовь, нежность, сочувствие, а также относится к ним снисходительно, из-за чего общение с ним вызывает приятные ощущения, — как бы *мягкий 1.1'*.

КОММЕНТАРИИ. Часто управляет предложно-именными группами «с + твор. п.» и «к + дат. п.», причем во второй конструкции употребляется главным

образом в форме сравнительной степени: *С друзьями он был мягким и добрым; Последнее время в его отношениях с родителями исчезла сухость и отчужденность, он стал с ними более мягким; В присутствии бабушки отец был мягче с детьми; Его обвиняли в том, что он слишком мягок с осужденными VS. Будь к нему мягче и снисходительней; Со временем она стала к нему мягче, но до конца так и не простила.* В первой из этих конструкций *мягкий* характеризует главным образом обращение субъекта с другим человеком, во второй — его отношение к другому человеку, подчеркивая снисходительность субъекта и готовность прощать.

СИН. *Добрый.*

АНТ. *Суровый, строгий.*

Мягкий 4.2

ПРИМЕРЫ. *Мягкий взгляд серых глаз; мягкая улыбка; Когда он смотрел на дочь, его лицо становилось мягче; Он улыбнулся, и черты стали мягче.*

ЗНАЧЕНИЕ. ‘Такой, по которому видно, что человек *мягкий 4.1*’ (о лице, его чертах и внешних проявлениях).

СИН. *Добрый, ласковый, милый.*

Мягкий 5.1

ПРИМЕРЫ. *Для начальника он слишком мягкий; Он не сможет справиться с трудными подростками — слишком уж мягок.*

ЗНАЧЕНИЕ. ‘Такой, который легко уступает другим людям и не пытается заставить их делать то, что они не хотят’.

СИН. *Уступчивый, покладистый, мягкотелый.*

АНТ. *Твердый, жесткий.*

Мягкий 5.2

ПРИМЕРЫ. *Мягкий характер; мягкая натура.*

ЗНАЧЕНИЕ. ‘Такой, который свойственен для *мягкого 5.1* человека’.

СИН. *Уступчивый, покладистый.*

АНТ. *Твердый.*

Мягкий 6 лингв.

ПРИМЕРЫ. *Мягкий звук; мягкий согласный; мягкое «л».*

ЗНАЧЕНИЕ. ‘Такой, при произнесении которого середина языка поднимается к нёбу и который вызывает ассоциации с чем-то *мягким 1.1*, что отличает его от аналогичного звука, произносимого без поднятия середины языка к небу’ (о согласных звуках).

СИН. *Палатальный, палатализованный, средненебный.*

АНТ. *Твердый.*

Твердый

Твердый 1.1

ПРИМЕРЫ. *Твердая обложка; твердый грунт; твердый орех; твердый грифель; твердая древесина; твердые сорта сыра; твердые сорта пшеницы; твердый каркас; рюкзак с твердой спинкой; Воск остыл и стал твердым; Пластидин на морозе стал твердым; Земля была такой твердой, что лопата ее не брала; Алмаз — самый твердый из известных минералов.*

ЗНАЧЕНИЕ. 'Такой, форму которого трудно изменить или целостность которого трудно нарушить путем механического воздействия'.

АНТ. *Мягкий, рыхлый.*

Твердый 1.2

ПРИМЕРЫ. *Твердый помидор; твердая пицца; твердый бугорок на шее; твердый воротничок; твердая поверхность; твердые кулаки; При искривлении позвоночника полезно спать на твердом; Какие у тебя твердые мышцы!*

ЗНАЧЕНИЕ. 'Такой, который имеет большую плотность, так что при надавливании на него какой-либо частью тела на его поверхности не возникает углубления и эта часть тела ощущает сильное сопротивление объекта'.

СИН. *Жесткий.*

АНТ. *Мягкий.*

Твердый 1.3 спец.

ПРИМЕРЫ. *Твердые тела; кафедра твердого тела; твердые вещества; твердое и жидкое топливо.*

ЗНАЧЕНИЕ. 'Такой, который находится в состоянии, при котором форма и объем А1 относительно постоянны, что обусловлено условиями, в которых находится А1'.

КОММЕНТАРИИ. Метонимические употребления применительно к состоянию вещества: *перейти из твердого состояния в жидкое.*

АНТ. *Жидкий, газообразный.*

Твердый 1.4

ПРИМЕРЫ. *Твердая суша; твердая почва; нацупать ногой твердую опору; После двухмесячного плавания моряки наконец-то ступили на твердую землю; За бортом ледокола — не твердая земля, а движущиеся ледяные поля.*

ЗНАЧЕНИЕ. 'Такой, который не колеблется, поэтому на него можно опереться, что положительно оценивается говорящим' (обычно о земле).

СИН. *Неподвижный, устойчивый.*

АНТ. *Шаткий, неустойчивый.*

Твердый 2.1

ПРИМЕРЫ. *Твердая линия подбородка; твердый рисунок лба и носа; твердый профиль.*

ЗНАЧЕНИЕ. ‘Четкий и прямой, лишенный лишних изгибов, — как бы *твердый 1.4*’ (о линии).

СИН. *Четкий.*

АНТ. *Мягкий, плавный.*

Твердый 2.2

ПРИМЕРЫ. *Твердая походка; твердый шаг; твердая поступь; твердый почерк.*

ЗНАЧЕНИЕ. ‘Характеризующийся отсутствием отклонений от прямой траектории, уверенностью и точностью — как бы *твердый 1.4*’ (обычно о походке или почерке).

СИН. *Уверенный.*

Твердый 3.1

ПРИМЕРЫ. *Твердый порядок; твердый уклад.*

ЗНАЧЕНИЕ. ‘Такой, который является стабильным и никогда не нарушается, — как бы *твердый 1.4*’.

ПРИМЕЧАНИЯ. Суженные употребления в значении ‘такой, который официально установлен, является стабильным и не допускает произвольного изменения’: *твердые цены; твердые расценки; твердый график; твердая зарплата; твердая валюта.*

СИН. *Жесткий.*

Твердый 3.2

ПРИМЕРЫ. *Твердые гарантии; твердая договоренность; твердое обещание; Его слово твердо.*

ЗНАЧЕНИЕ. ‘Такой, который человек обязуется не нарушать ни при каких обстоятельствах, поэтому на него можно полагаться, — как бы *твердый 1.4*’ (об обязательствах).

СИН. *Надежный.*

Твердый 4.1

ПРИМЕРЫ. *Твердая память; в здравом уме и твердой памяти; твердые знания; твердые познания в астрономии; Его знания в сфере орфографии были не слишком твердыми.*

ЗНАЧЕНИЕ. ‘Такой, в качестве которого можно быть уверенным, — как бы *твердый 1.4*’ (о ментальных способностях, состояниях и результатах).

ПРИМЕЧАНИЯ. Сдвинутые употребления в сочетании со словом *представление* в значении ‘такой, который является четким и определенным и не вызывает у человека сомнений и колебаний’: *твердые представления о том, как надо жить*.

СИН. *Хороший*.

АНТ. *Нетвердый, слабый*.

Твердый 4.2 только в краткой форме.

ПРИМЕРЫ. *Он был не вполне тверд в таблице умножения <недостаточно тверд в правописании>*.

ЗНАЧЕНИЕ. ‘Такой, который имеет *твердые 4.1* знания в какой-либо сфере’.

ПРИМЕЧАНИЯ. Употребляется в контексте отрицания в конструкции с предложно-именной группой «в + сущ. в предл. п.».

СИН. *Сильный (недостаточно тверд в правописании — недостаточно силен в правописании)*.

Твердый 5

ПРИМЕРЫ. *Твердая тройка; твердая пятерка*.

ЗНАЧЕНИЕ. ‘Такой, в обоснованности которого можно быть полностью уверенным, — как бы *твердый 1.4*’ (об отметке, обычно высокой).

Твердый 6 часто в краткой форме

ПРИМЕРЫ. *Он был тверд и ничего не боялся; Что бы ни случилось, будь тверд; Она решила быть твердой и старалась не плакать*.

ЗНАЧЕНИЕ. ‘Такой, который сохраняет мужество в тяжелой жизненной ситуации, — как бы *твердый 1.4*’.

СИН. *Стойкий, мужественный*.

Твердый 7.1

ПРИМЕРЫ. *Она человек твердый и непреклонный; Ее долго уговаривали, но она была тверда*.

ЗНАЧЕНИЕ. ‘Такой, который ни при каких условиях не меняет своих решений или убеждений, — как бы *твердый 1.4*’.

ПРИМЕЧАНИЯ. Сдвинутые употребления в краткой форме в сочетании с предложно-именной группой «в + сущ. в предл. п.» в значении ‘такой, который намерен сделать то, что он решил, независимо от обстоятельств’: *В одном он был тверд: без матери он никуда не поедет*.

СИН. *Непреклонный*.

Твердый 7.2

ПРИМЕРЫ. *Твердая воля; твердый характер.*

ЗНАЧЕНИЕ. 'Такой, который свойственен для *твердого 7.1* человека'.

СИН. *Железный, непреклонный.*

Твердый 7.3

ПРИМЕРЫ. *Твердое решение; твердая вера; твердая уверенность; твердое намерение; твердое убеждение; твердые принципы* (о ментальном продукте или состоянии).

ЗНАЧЕНИЕ. 'Такой, который никакие обстоятельства не могут изменить'.

СИН. *Непоколебимый.*

Твердый 7.4

ПРИМЕРЫ. *Твердый тон; твердый голос; твердое «нет»; твердый отказ; твердый взгляд.*

ЗНАЧЕНИЕ. 'Такой, который выражает готовность человека сделать то, что он решил, независимо от обстоятельств'.

СИН. *Решительный.*

Твердый 8 лингв.

ПРИМЕРЫ. *Твердый звук; твердый согласный; твердое «л».*

ЗНАЧЕНИЕ. 'Такой, при произнесении которого середина языка не поднимается к нёбу, что отличает его от аналогичного согласного звука, произносимого с поднятием середины языка к нёбу и вызывающего ассоциации чем-то *мягким 1.1'* (о согласных звуках).

АНТ. *Мягкий, палатальный, палатализованный.*

Литература

АС — *Апресян Ю. Д., Апресян В. Ю., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Галактионова И. В., Гловинская М. Я., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Лопухина А. А., Птенцова А. В., Санников А. В., Урысон Е. В.* Активный словарь русского языка. Т. 3 : Д–З / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М. ; СПб. : Нестор-История, 2017. 768 с.

T. V. Krylova

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
ta-kr@yandex.ru*

HARD ON THE OUTSIDE, BUT TENDER ON THE INSIDE: POLYSEMY OF ADJECTIVES DENOTING TACTILE SENSATIONS

This article discusses the lexicographic type “adjectives with the meaning of tactile sensation.” In the first part we give a general description of the polysemy structure of words belonging to this type, and also list their common values. Then, within this type, we select two semantic groups (words that characterize the smoothness of a surface and words that characterize the possibility of deformation) and describe the differences in the set of their values. Next, we consider the polysemy of adjectives *myagkii* ‘soft,’ and *tverdyi* ‘hard.’ We pay special attention to the description of the mechanisms of metaphorical transfers. The central task of the article is to compare the metaphorical potential of different lexemes of a polysemic word, and to establish the regularities on which it depends. The study of the adjective *tverdyi* ‘hard’ showed that the decisive factor in determining the metaphorical potential of a particular value is the presence of its evaluation. The study of the polysemy of the words *myagkii* ‘soft,’ and *zhestkii* ‘rigid’ confirmed this conclusion. In addition, it was found that in metaphorical transfer, the aforementioned appraisal is carried over.

Key words: semantics, polysemy, polysemy structure, evaluation, metaphorical transfer, tactile sensation.

Acknowledgements

The research has been supported by the RFBR grant No. 19-012-00291 “Preparation of the fourth issue of the *Active dictionary of the Russian language*”.

References

Apresyan Yu.D., Apresyan V.Yu., Babaeva E. E., Boguslavskaya O.Yu., Galaktionova I. V., Glovinskaya M.Ya., Iomdin B.L., Krylova T. V., Levontina I. B., Lopukhina A. A., Ptentsova A. V., Sannikov A. V., Uryson E. V. *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka. T. 3* [Active Dictionary of the Russian Language. Vol. 3]. Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, St Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017. 768 p.

И. Б. Левонтина
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
irina.levontina@mail.ru

«МЕЛКОЕ СЛОВО» АН*

В статье исследуется русский противительный союз *ан*. Описаны типичные контексты употребления *ан*, вычленяются смысловые компоненты, которые *ан* в них вносит. В современном языке *ан* используется не очень часто, в основном в составе сочетания *ан нет*, в довольно однотипных контекстах, и почти всегда может быть заменен на *но*, к которому, по-видимому, этимологически восходит. Однако *ан* далеко не во всех случаях можно использовать вместо *но*; более того, круг контекстов, в которых используется *ан*, довольно узок по сравнению с *но*. Так, *ан* применим только к случаям ненормального сочетания ситуаций, но не к противоречивым оценкам. При этом в случае *ан* речь может идти не о ненормальности в метафизическом смысле, как это часто бывает при *но*, а только о нарушении конкретных ожиданий. Поэтому лучше сказать *Думали, помрет, ан выкарабкался*, чем *Он заболел, ан выздоровел* при естественном в последнем случае *но*. *Ан* маркирует противопоставление между первоначальным видением ситуации и тем, как ситуация выглядит в момент речи: *Сначала казалось, что дело совсем плохо, ан ничего, в конце концов выпутались*. Заметим, что союз *но* возможен и при обратном расположении частей: *В конце концов они выпутались, но сначала казалось, что дело совсем плохо*. При этом совершенно невозможно: **В конце концов они выпутались, ан сначала казалось, что дело совсем плохо*. Большинству контекстов с *ан* присуща драматизация. *Ан* реализует особую дискурсивную установку — высказывания с *ан* делаются с позиции превосходства: говорящий ощущает свое преимущество перед другими участниками ситуации или над слушающим, поскольку он-то раньше других знал, каково истинное положение дел.

Ключевые слова: русский язык, противительные союзы, частицы, лексическая семантика, сочетаемость.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 19-012-00505.

Юрию Дерениковичу Апресяну с неизменными благодарностью и любовью

1. Вводные замечания

На первый взгляд может показаться, что словечко *ан* не представляет особого интереса: в современном языке оно используется не очень часто, в основном в составе сочетания *ан нет*, в довольно однотипных контекстах, почти всегда может быть заменено на *но*. Однако на самом деле это слово таит в себе множество загадок.

Начнем с нескольких примеров:

- (1) *Проснулся — думал утро, ан всего 2 ч.* (А. Т. Твардовский. Рабочие тетради 60-х годов. 1969)¹;
- (2) *Вот вы хотели, чтоб я ничего не получила, ан, люди справедливые, по-иному рассудили* (Ю. О. Домбровский. Леди Макбет. 1970);
- (3) *Казалось бы, проще всего было зайти к ней и спросить, где Сонька... ан нет, не проще. Поколебавшись секунду-другую, я этот вариант отбросил* (В. Белоусова. Второй выстрел. 2000);
- (4) *Всю литературу знаю. Что ни прочитаю, ан глядь: знаю!* (В. Г. Шершеневич. Великолепный очевидец. 1934–1936).

Ан употребляется и в абсолютно современных текстах, преимущественно в сочетании с *нет*:

- (5) *Тут бы и успокоиться и тихо-скорбно разойтись по зимним квартирам. <...> Ан нет, видимо, кому-то нужно, чтобы «Спартак» прошел еще один круг мучений* (Известия. 24.10.2001);
- (6) *Все, думаю, сейчас начнется «Вы такой замечательный» / «Мы Вас так любим» / «Возьмите пироженку», ан нет... Обстебали «рестлера» по полной, благо, он нормально реагировал* (<https://www.kinopoisk.ru/film/460589/reviews/ord/login/status/all/perpage/10/page/4/>).

Словари обычно выделяют у *ан* два значения — нарративное и диалогическое (в первом оно обычно рассматривается как союз, во втором — нередко как частица). Второе устарело в гораздо большей степени, и нас будет интересовать в основном первое²:

¹ В примерах сохраняются орфография и пунктуация источников.

² В словаре частиц [Шимчук, Шур 1999: 28–29] в качестве первого рассматривается диалогическое значение, причем никаких стилистических помет ему не приписывается: «выражает категорическое отрицание или несогласие говорящего с утверждением или предположением адресата и настойчивое утверждение противоположного» (*К чему скрывать! — Я не скрываю — Ан скрываешь! Вижу, поссорились вы*). Нарративное, союзное значение рассматривается как второе и описывается так: «выражает отношения противопоставления».

АН, союз противительный (простореч.) ‘но, а на самом деле’: *Ан в деле вышел оборот совсем не тот* (какого ожидали) <Крылов>. *Думал отдохнуть, ан опять командировка.* || Употребляется в начале реплики, заключающей в себе возражение, отрицание: *Дай мне денег. — Ан нет, не получишь!* [СУш 1: 35];

АН. 1. Союз (связывает два противопоставленных предлога). Служит для указания на то, что происходит нечто неожиданное; ‘оказывается, а на самом деле, но вдруг’: *Ждут бывало с юга, глядь, — Ан с востока лезет рать!* <Пушкин>. 2. Частица (в начале речи). Употребляется для усиления противопоставления, несоответствия тому, что предполагается, утверждается: *Что, забыл? — Ан нет, помню* [БТС: 38].

Все эти описания очень приблизительны. Ясно, что *ан* обладает некоторым противительным значением, что, собственно, скорее всего, соответствует и его происхождению:

АН ‘все-таки, но’, также *ано*, диал. По Бернекеру <...>, из *a* и *но*. Менее вероятно предположение Зубатого <...> о стяжении из *a* + *оно* (ср. чеш. *ано*), состоявшемся еще в праславянскую эпоху <...> [Фасмер 1: 77]

Однако далеко не во всех случаях *ан* можно использовать вместо *но*. Например, замена невозможна в таких типичных для *но* контекстах, как *Она красивая, но глупая; Он ленивый, но талантливый; Можно еще добавить соли, но лучше не надо.* Еще проблематичнее использование *ан* вместо *но вдруг* (**Было тихо, ан раздался грохот*).

Попытаемся описать типичные контексты употребления *ан* и вычленим те смысловые компоненты, которые *ан* в них вносит.

2. Стандартная сочетаемость

Для левого контекста *ан* наиболее типичен глагол *казаться* в разных формах:

- (7) *Казалось бы, достаточно для одного вечера, не правда ли? ...ан нет! На пути меня, как выяснилось, поджидал очередной сюрприз* (В. Белоусова. Второй выстрел. 2000);
- (8) *Казалось бы, ликовать надо: вот, мол, как перед нами трепещут отщепенцы, ан недовольна офицерша, как будто ее проект тоже затрепал* (В. Аксенов. Новый сладостный стиль. 2005);
- (9) *Казалось, вот, началась паника — ан нет, оказывается, бросались к очередному троллейбусу, высаживали пассажиров, заворачивали городской транспорт к баррикадам, чтобы укрепить заслон* (В. Аксенов. Новый сладостный стиль. 2005);
- (10) *Вчера еще казалось, что ей конец, уж космы злобные арктических ведьм хлестали по мирным улицам, уж выла в вентиляторе сила позора и тоски, ан наутро блаженная осень возобновляется* (В. Аксенов. Новый сладостный стиль. 2005);

- (11) *Образование существительных склейкой по два, по три вместе («речестрой» Югова, «Литературная газета» от 28 октября с. г.) — тоже ведь не наше. Со взгляду **кажется**: речестрой! ах, как по-русски! **Ан** — по-немецки... (А. Солженицын. Не обычай дегтем щи белить, на то сметана. 1965).*

Таким образом, *ан* маркирует здесь противопоставление между первоначальным видением ситуации и тем, как ситуация выглядит в момент речи. Заметим, что союз *но* возможен и при обратном расположении частей:

- (12) *В конце концов они выпутались, но сначала казалось, что дело совсем плохо.*

При этом совершенно невозможно:

- (13) **В конце концов они выпутались, ан сначала казалось, что дело совсем плохо.*

Идея резкой смены видения ситуации представлена и контекстами с другими словами: *думать, рассчитывать, уверен* и под. Они тоже типичны для левого контекста *ан*:

- (14) *В пыльном и мрачном помещении сортировки я не разглядел Любу, **думал**, стану ездить на машине в цензуру, тогда и подивлюсь на нее. **Ан** выпало мне ездить в кузове, Любе — в кабине. Что тут узреешь? (В. Астафьев. Обертон. 1995–1996);*
- (15) ***Вы думаете**, что можно всю жизнь просидеть между двух стульев? **ан** нет! Помяните мое слово, вас еще стукнет (И. Грекова. Без улыбок. 1975);*
- (16) *— **Думала**, на Новый год и поплыву, — сказала Марфа Никитична. — **Ан** вишь как вышло! Надо было на аглицком пароходе плыть, у их там порядок (Л. Юзефович. Дом свиданий. 2001);*
- (17) ***Я думал**, она его забыла; **ан** видно нет (А. С. Пушкин. Арап Петра Великого. 1828);*
- (18) ***Рассчитывал** выпить в самолете — как-то **подразумевалось**, что стюардесса в трансконтинентальном рейсе предложит и пива, и вина, и хорошего коньяку, — **ан** не тут-то было (В. Аксенов. Новый сладостный стиль. 2005);*
- (19) *...преподаватели, и командиры, не знали, куда его девать, вот таки и сплывили с очередной партией скороспелых офицеров в огонь войны, **уверенные** совершенно, что младший лейтенант Чугунов тут же и сгорит, что ночной мотылек на стекле керосиновой лампы. **Ан** не тут-то было, судьба извилиста (В. Астафьев. Жестокие романсы. 2000);*
- (20) *Когда-то **любили говорить** про «ледяной панцирь, буквально вросший в Антарктиду». **Ан** нет! Под ним обнаружилась водянистая масса, и лед на ней подрагивает, медленно скользит (Знание — сила. 2012);*
- (21) *Забелин давно уж поглядывал, как спует он меж членами правления, знал, с чем спует, и единственно **надеялся**, что добратся до них деликатный Савин не поспеет. **Ан** случилось — важность предстоящего разговора возобладала (С. Данилюк. Рублевая зона. 2004).*

Другой типичный для *ан* круг употреблений — контекст неудачной попытки:

- (22) *Дошел до двенадцатой страницы, **хочет** перевернуть ее — **ан** ничего не получается* (М. Сергеев. Волшебная галоша, или Необыкновенные приключения Вадима Смирнова, его лучшего друга Паши Кашкина и 33 невидимок из 117-й школы. 1971);
- (23) ***Пытаюсь** покреститься, **ан** не вспомню ни креста, ни молитвы* (В. Астафьев. Прокляты и убиты. Книга первая. Чертова яма. 1995);
- (24) *Слушается он меня. Бывало, многие **пытались** к нему приспособиться, **ан** глядишь, и поднимали руки. А я с ним уже четвертый год лажу* (Техника — молодежи. 1975);
- (25) *Обсуждалось живо, кто и за кого выходит, кто кому и какое предложил приданое, а кто **сватался**, **ан** получил отлуп* (С. Данилюк. Рублевая зона. 2004);
- (26) *Жалко, что вчера с задатком не вышло. **Совсем было** столковались — **ан** нет. А в этом деле главную роль играет задаток* (Новый мир. 2001);
- (27) *Приходит черепаха к своему гнезду — **ан** не может той изгороди одолеть* (Трамвай. 1990).

Идея попытки включает представление о мыслимом результате, т. е. этот круг употреблений по смыслу довольно близок к предыдущему: их объединяет идея видения ситуации, которое неожиданно оказывается ложным.

Без прямого указания на ожидания и вне контекста попытки *ан* тоже встречается, но такие примеры нетипичны — во всяком случае, для современного языка:

- (28) *Около меня свищет; я туда — свищет, я сюда — свищет; беда, думаю, влез на березу, сижу — свищет; **ан** это у меня в носу* (В. И. Даль. Пословицы русского народа. 1879);
- (29) *Искали тебя, долго искали, **ан** нашли только сейчас...* (Н. Дежнев. Принцип неопределенности. 2009);
- (30) *Что уж там было и как, барин припомнить не могут, а очнуться изволили они у полковника. Хвать-похват, **ан** бумажника-то нет* (Новый мир. 1993).

Рассмотрим подробнее следующий пример:

- (31) *В ту ночь, когда они сидели в засаде, Сыч очень боялся простыть вновь. Он канючил, говорил, что пора уходить, вон уже и небо на востоке посветлело. **Ан** не зря мерзли: под утро мелькнула вдали знакомая фигура* (Л. Юзefович. Костюм Арлекина. 2001).

Здесь были бы уместны другие противительные союзы: *но, однако*; естественны были бы такие единицы, как *и, и все же* и даже *таки* (*И таки не зря мерзли*). *Ан* же выглядит странно с точки зрения современного языка — видимо, архаизация здесь выполняет художественную задачу.

Как мы видим, круг контекстов, в которых используется *ан*, довольно узок по сравнению с основным противительным союзом *но*, к которому, как уже говорилось, *ан* этимологически восходит. Союзу *но* и его значению посвящена большая литература, в том числе много замечательных исследований. Здесь отметим только работы В. З. Санникова [2008]. Наиболее дискуссионный вопрос состоит в том, можно ли свести разнообразные употребления *но* к единому значению. Санников вслед за В. В. Виноградовым и другими лингвистами усматривает у *но* одно значение: «X *но* Y = 'X; воздействие X-а на описываемую ситуацию (или на общую оценку) ослаблено или устранено ненормальным для ситуации наличием Y-а; решающим для описываемой ситуации (или общей оценки) является Y'» [Там же: 257].

Это толкование позволяет объяснить, почему одинаково естественны и фраза *Богатый, но честный*, и фраза *Бедный, но честный*. В первом случае речь идет о сочетании двух свойств, которые в норме не сочетаются; во втором — о сочетании противоречащих оценок. В обоих случаях вторая часть (после *но*) оказывается решающей. Очень важно при этом, что нормальное и ненормальное понимается здесь в самом общем смысле. Например, в языке заключено представление о том, что если какой-то процесс начался, то нормально, если он доходит до логического предела. Именно поэтому естественно сказать *Он заболел, но выздоровел* и неестественно — **Он заболел, но умер*, хотя в реальной жизни больные чаще выздоравливают, чем умирают [Санников 2008: 244–265].

Теперь вернемся к союзу *ан*³. Во-первых, он в отличие от *но* применим только к случаям ненормального сочетания ситуаций, но не к противоречивым оценкам. Во-вторых, в случае *ан* речь может идти не о ненормальности в метафизическом смысле, а о нарушении конкретных ожиданий. Поэтому гораздо лучше сказать: *Думали, помрет, ан выкарабкался*, чем *?Он заболел, ан выздоровел*.

3. Оценка

Следующая особенность *ан* на фоне других союзов состоит в том, что он допускает как разочарование, так и приятную неожиданность:

- (32) *Комната с подселением досталась ему за Вологодой-рекой. Николай этому обстоятельству несказанно обрадовался: плавать, мол, буду по реке — и стихи рекой потекут. Ан судьба-злодейка и тут взяла поэта на излом, и тут ему подсунула испытание, да еще какое!* (В. Астафьев. Затеси. 1999) <надежды не оправдались>;
- (33) *Зажмурил он глаза от страха: «Ну, — думает, — пропал!» Ан нет. Ничего с ним не делается* (М. Сергеев. Волшебная галоша... 1971) <опасения не подтвердились>;

³ Нас здесь интересует в первую очередь семантика союза *ан*, но он имеет и синтаксические особенности: в отличие от *но* он соединяет почти исключительно предложения, а не члены предложения.

- (34) *В детстве все вокруг говорили, что он вот-вот развалится, **ан** жив курилка!* (В. Аксенов. Новый сладостный стиль. 2005);
- (35) *Вот, думаю, уж все пропало, погиб, **ан** глядь, — железная дорога по моей земле прошла, и... мне заплатили* (А. П. Чехов. Вишневы сад. 1904).

Впрочем, в этом отношении так же устроено большинство слов с противительной семантикой: *но, да, однако, а* и т. д. (ср. *Прибежали, но было поздно* vs. *Пришлось бежать, но успели*). Исключение здесь составляет союз *зато*⁴. При этом если посмотреть на другие служебные слова, в частности причинные союзы и предлоги, можно заметить, что этот семантический признак реализуется вполне систематически. Так, причинный предлог *из-за* предпочитает контексты, где речь идет о причине, по которой произошло что-то плохое, а *благодаря* — хорошее [Богуславская, Левонтина 2004; НОСС]. Можно отметить также причинный союз *а то*, который ориентирован на апелляцию к возможным негативным последствиям; ср. *Закрой окно, а то дует при неудачном *Открой окно, а то воздух после грозы такой свежий* [Левонтина 2013].

4. Интрига

Есть еще одна особенность *ан*, которая касается смыслового соотношения соединяемых частей. Большинству контекстов с *ан* присуща некая драматизация, интрига. Во второй части напряжение нарастает, поэтому странно выглядят фразы:

- (36) *Думали, корь, но ([?]**ан**) оказалось, краснуха.*
- (37) *Боялись, что перелом, но ([?]**ан**), слава Богу, растяжение.*

Во второй части напряжение спадает, поэтому *ан* не вполне уместно. И напротив, совершенно естественно оно в следующем примере, где драматизм нарастает и ситуация усугубляется:

- (38) *Думали, обычная мнительность, **ан** оказалось, правда инфаркт.*

Интересно при этом, что *ан* так же органично и в следующей фразе:

- (39) *Боялись, что помрет, **ан** ничего, выкарабкался.*

Ситуация здесь не усугубляется, а напротив, разрешается благополучно. Тем не менее в ней содержится интрига, она развивается драматически: совсем было умерший человек чудесным образом воскресает. Поэтому *ан* выглядит вполне органично.

С указанным свойством *ан* связано и то, что в правом его контексте часто встречаются выражения, которые тоже имеют «интригующую» функцию, — *глядь, на тебе, врешь, шалишь, не тут-то было* и др.:

⁴ Ср. толкование, предложенное В. Ю. Апресян в «Активном словаре русского языка»: «*A1*, *зато A2* 'Имеет место ситуация *A1*, отрицательно оцениваемая говорящим; имеет место ситуация *A2*, положительно оцениваемая говорящим; говорящий считает, что положительный эффект от *A2* частично или полностью нейтрализует отрицательный эффект от *A1*'» [АС: 671].

- (40) *Литераторский цинизм кого хочешь перециничит: ты думаешь, что используешь литератора, а **н глядь** — он уже использовал тебя* (Д. Быков. Орфография. 2002);
- (41) *Это было мило с ее стороны, но смутило: я ведь к ней приходила без го-стинцев и даже прощаться не собиралась, а **на тебе**...* (Г. Щербакова. Митина любовь. 1996);
- (42) — *Круговая порука, значит! Не судите, потому что у самих рыльце в пуш-ку. Совесть всегда бывали хитрее грешных... А **н, врешь**, — суди меня, а я посмотрю, с какой такой точки ты меня судишь!* (Л. М. Леонов. Вор. Ч. 1–2. 1927);
- (43) *Подчас глядишь: вот-вот человек схватит судьбу за загривок, а **не тут-то было**, в самый нужный час в глаз и попала сорина!* (С. А. Клычков. Чер-тухинский балакирь. 1926).

Д. Сичинава в работах о частице *было*, имеющей «плюсquamперфектное» зна-чение, отмечает типичную сочетаемость последней с *ан* [см., например: Сичинава 2009]. Действительно, *было* указывает на то, что нечто почти случилось, однако ход событий внезапно изменился. Это очень естественный контекст для *ан*. При-ведем примеры:

- (44) *Совсем **было** капут вам — **ан** вдруг на лес потребитель явился. Леса изве-ли — уголь явился. Того гляди, золото окажется — ей-богу, так!* (М. Е. Сал-тыков-Щедрин. Благонамеренные речи. 1872–1876);
- (45) *Стрепенулась королева, правую щечку заспала — маком горит. Вскинула **было** легкие ножки, **ан врешь**, будто утюги железные к пяткам привинче-ны!* (Саша Черный. Королева — золотые пятки. 1928).

5. Установка

Наконец, стоит остановиться на еще одном интересном свойстве *ан*. В работе [Шмелев 2002: 395] отмечается, что так называемые мелкие слова (по выраже-нию Л. В. Щербы) часто «выражают общие жизненные установки говорящего, причем скрытые в неассертивных компонентах высказывания. Не все носители русского языка обязаны разделять эти установки (и употреблять соответствую-щие “мелкие” слова), но можно утверждать, что, поскольку то или иное слово оказывается более или менее частотным в реальной русской речевой практике, соответствующая установка воспринимается носителями языка как нечто вполне “обычное”». Так, «используя слово *небось*, говорящий демонстрирует свое знакомство с ситуациями подобного рода (‘я знаю, как в таких случаях бывает’). При этом *небось* выражает общую установку на фамильярность (противополож-ную представлению о неприкосновенности личной сферы), которая, как это ча-сто бывает, соответствует разным видам отношения к объекту фамильярности: от “интимной фамильярности” до “недружелюбной фамильярности”» [Там же: 403–404].

Можно заметить, что *ан* тоже реализует некую установку — если не жизненную, то дискурсивную. Высказывания с *ан* делаются с позиции превосходства: говорящий ощущает свое преимущество перед другими участниками ситуации или над слушающим, поскольку он-то раньше других знал, каково истинное положение дел; ср.:

- (46) *Уж потом, когда он про всю мою историю книжку написал, тогда поверили... ан поздно. Я, правда, потом доказывал: вот, мол, не слушали меня, а на деле вон как получилось* (А. Арканов. Скорая помощь. Юмор. 1985–1995).

Ан в разных случаях выражает радостное или мрачное торжество, досаду или злорадство.

Интересно, кстати, что *ан* очень гармонично сочетается с наличием в первой части обсуждавшейся выше частицы *небось*:

- (47) *Ты думаешь, небось, что я господский повар, ан я не повар, а поп* (Новый мир. 1993).

Небось означает здесь ‘я тебя насковзь вижу, не пытайся скрыть от меня свои мысли’, а *ан* — ‘вот сейчас я тебе такое скажу, чего ты даже и подумать не мог’.

6. Толкование

Всем, кто имел дело с Юрием Дерениковичем, хорошо известно его особое отношение к толкованию как главному инструменту и главному результату исследования значения слова. Поэтому, конечно, не могу не завершить этот этюд попыткой толкования основной лексемы *ан*, хотя толкование «мелких слов» — задача невероятно трудная:

A1, ан A2 ‘Имеет место ситуация A3, которая воспринимается как A1 или от которой ожидается следствие A1; выяснилось, что в действительности имеет место ситуация A2, совершенно не похожая на A1 и гораздо более интересная, которой трудно было ожидать, но говорящий в силу своей проницательности об этом знал раньше других’ (*Ему на больной ноге [A3], казалось, вообще до финиша не добежать [A1], ан он первым пришел [A2]!*).

Литература

АС — Апресян Ю. Д., Апресян В. Ю., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Галактионова И. В., Гловинская М. Я., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Лопухина А. А., Птенцова А. В., Санников А. В., Урысон Е. В. Активный словарь русского языка. Т. 3 : Д–З / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М. ; СПб. : Нестор-История, 2017. 768 с.

Богуславская О. Ю., Левонтина И. Б. Смыслы ‘причина’ и ‘цель’ в естественном языке // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 68–88.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2004. 1534 с.

Левонтина И. Б. О причинном значении союза *a to* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : сб. ст. по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог–2013». Вып. 12 (19) / гл. ред. В. П. Селегей. М. : Изд-во РГГУ. С. 434–446.

НОСС — Апресян Ю. Д., Апресян В. Ю., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Галлактионова И. В., Гловинская М. Я., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Птенцова А. В., Санников А. В., Урысон Е. В. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М. ; Вена : Языки славянской культуры, 2004. 1418 с.

Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М. : Языки славянских культур, 2008. 624 с.

Сичинава Д. В. Стремиться пресекать на корню: русская конструкция с *было* по корпусным данным // Корпусные исследования по русской грамматике / ред. К. Л. Киселева и др. М. : Пробел-2000, 2009. С. 362–396.

СУш — Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Советская энциклопедия, 1935–1940.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева : в 4 т. 2-е изд., стер. М. : Прогресс, 1986–1987.

Шимчук Э., Щур М. Словарь русских частиц. Frankfurt am Main : Peter Lang, 1999. 147 с.

Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М. : Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

I. B. Levontina

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)*

irina.levontina@mail.ru

THE RUSSIAN “SMALL WORD” AN ‘BUT, IN FACT’

This paper explores the Russian adversative conjunction *an* ‘but, in fact.’ We describe typical contexts of its usage and single out semantic components that *an* introduces. In contemporary Russian *an* is used rarely, mainly as part of the word combination *an net* ‘but, in fact, not’ in rather similar contexts, and almost every time it can be substituted with *no* ‘but’ to which it seems to ascend etymologically. However, *an* cannot be used instead of *no* in every case: the spectrum of contexts where *an* is suitable is rather narrow in comparison with *no* contexts. So, *an* is relevant only in cases of an abnormal combination of situations but not in contradictory characterization. In addition, *an* does not necessarily mean the metaphysical abnormality (which is frequent with *no* usage), but

rather deals with certain expectancy violations. Thus, it is better to say *Dumali, pomret, an vykarabkalsya* ‘We thought he would die, but he surprisingly came through’ than *On zabolet, an vyzdorovel* ‘He got ill, but recovered;’ in the second example it would be natural to use *no*. *An* marks the contrast between the initial reading of the situation and the way one sees it at the moment of speaking: *Snachala kazalos', chto delo sovsem ploxo, an nichego, v konce koncov vyputalis'* ‘At first, it seemed that things were going really badly, but it turned out to be ok, and in the end we pulled through.’ At the same time, it is absolutely impossible to say: **V konce koncov oni vyputalis', an snachala kazalos', chto delo sovsem ploxo* ‘In the end they pulled through, but at first it seemed that things were going really badly.’ The inherent element of the majority of *an* contexts is dramatization. *An* releases a particular discourse positioning — utterances with *an* are produced from the position of superiority: the speaker feels his advantage over the hearer or other participants of the situation because he is the one who knew the true state of affairs before others.

Key words: Russian language, adversative conjunctions, particles, lexical semantics, cooccurrence.

Acknowledgements

The research has been supported by the RFBR grant No. 19-012-00505.

References

Apresyan Yu.D., Apresyan V.Yu., Babaeva E.E., Boguslavskaya O.Yu., Galaktionova I.V., Glovinskaya M.Ya., Iomdin B.L., Krylova T.V., Levontina I.B., Lopukhina A.A., Ptentsova A.V., Sannikov A.V., Uryson E.V. *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka. T. 3* [Active Dictionary of the Russian Language. Vol. 3]. Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, St Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017. 768 p.

Apresyan Yu.D., Apresyan V.Yu., Babaeva E.E., Boguslavskaya O.Yu., Galaktionova I.V., Glovinskaya M.Ya., Iomdin B.L., Krylova T.V., Levontina I.B., Ptentsova A.V., Sannikov A.V., Uryson E.V. *Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms] (2nd Ed.). Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, Vienna, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 1418 p.

Boguslavskaya O.Yu., Levontina I.B. [The Meanings ‘Cause’ and ‘Purpose’ in Natural Language]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2004, No. 2, pp. 68–88. (In Russ.)

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–4, 2nd ed.). O.N. Trubachev (Transl., Ed.). Moscow, Progress Publ., 1986–1987.

Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. S.A. Kuznetsov (Ed.). St Petersburg, Norint Publ., 2004, 1534 p.

Levontina I.B. [On the Causal Meaning of the Conjunction *a to*]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: sb. st. po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog–2013»*. Vyp. 12 (19) [Computer Linguistics and Intelligent Technologies: A Collection of Articles Based on the Materials of the International

Conference *Dialog-2013*. Iss. 12 (19)]. V.P. Selegei (Ed.). Moscow, Russian St. Univ. for the Humanities Publ., pp. 434–446. (In Russ.)

Sannikov V. Z. *Russkii sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve* [Russian Syntax in the Semantic-Pragmatic Space]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008, 624 p.

Shimchuk E., Shchur M. *Slovar' russkikh chastits* [The Dictionary of Russian Particles]. Frankfurt am Main, Peter Lang Publ., 1999, 147 p.

Shmelev A. D. *Russkii yazyk i vneyazykovaya deistvitel'nost'* [Russian Language and Non-Linguistic Reality]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2002, 496 p.

Sichinava D. V. [Trying to Suppress at the Grassroots Level: the Russian Construction With *bylo* According to Corpus Data]. *Korpusnye issledovaniya po russkoi grammatike* [Corpus-Based Research on Russian Grammar]. K. L. Kiseleva et al. (Ed.). Moscow, Probel-2000 Publ., 2009, pp. 362–396. (In Russ.)

Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–4). D. N. Ushakov (Ed.). Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1935–1940.

Е. В. Рахилина¹, В. А. Плунгян²
¹Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
НИУ «Высшая школа экономики»
²Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
МГУ им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
rakhilina@gmail.com, plungian@iling-ran.ru

О ГЛАГОЛЕ ТАИТЬСЯ, ЕГО СИНОНИМАХ И ПРОИЗВОДНЫХ*

В статье рассматривается история семантической эволюции почти вышедшего из употребления русского глагола *таиться* и его префиксальных производных (*затаиться*, *притаиться*, *утаиться*). Показано, что значение этих глаголов в русском языке XVIII–XIX вв. в ряде отношений существенно отличалось от современного. Проведены наблюдения над параметрами, различающими квазисинонимы ряда со значением ‘прятаться’: *прятаться* и *скрываться*, уточнено место каждого из них на шкале контроля. Подробно проанализированы приставочные глаголы, производные от *таиться*, и на основе сделанных наблюдений описана диахроническая семантика этой сравнительно малочастотной лексической группы. Проведенное исследование обнаруживает свойственную этому ряду постепенную стивизацию, связанную с потерей агентивности и контролируемости, а также процесс лексикализации — «застывание» устаревающей лексемы в какой-то определенной словоизменительной форме или конструкции, которое приводит к значительному росту частотности практически вышедшего из употребления слова. Судьба *таиться* и близких ему лексем хорошо иллюстрирует общие исторические процессы, связанные со сдвигом лексического значения. Прежде всего это мотивированность семантической сочетаемости на каждом временном этапе, а также неразрывная связь лексических и грамматических свойств языковой единицы, которую может отразить только интегральное описание. Оба эти аспекта неразрывно связаны с вкладом Ю. Д. Апресяна в общую теорию языка.

Ключевые слова: диахроническая семантика, лексика, русский язык, глаголы, корпусные исследования, стивизация, лексикализация.

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 году..

*Лишь тому, чей покой таим,
Сладко дышится...*

И. Анненский (1909)

А взволнованная кошка притаилась за кустом...

Саиша Черный (1921)

0. Введение

Всю свою историю общая лингвистика была не очень внимательна к лексическим сюжетам. Даже если ограничиться глагольной семантикой, которая, бесспорно, представляла самый большой интерес с теоретической точки зрения и которая подробнее всего описана в отношении лексико-семантических (таксономических) классов, сами классы, которые попали под сколько-нибудь пристальное наблюдение, в общем немногочисленны. Пожалуй, их даже не так трудно перечислить. Это глаголы движения, знания и мнения, желания, сменны посессора, позиции и эмоций. Всех этих сюжетов касался в своих работах и Юрий Дереникович (в наиболее концентрированном виде анализ различных классов глагольной лексики представлен в обобщающем исследовании [Апресян 2009]). Но его идея интегрального описания языка предполагает, что практически любая лексема любого языка может представлять интерес с точки зрения своих свойств: ее языковое поведение мотивировано, с одной стороны, ее индивидуальной семантикой (и поэтому отличается от поведения квазисинонимов), а с другой — общесемантическими процессами, которые свойственны языку. Главное и убедительнейшее доказательство, которое он нам всем уже предъявил, — это научные проекты-словари под его редакцией — «Новый объяснительный словарь синонимов» (2004 г.) [НОСС] и «Активный словарь русского языка» (тт. 1–3, 2014–2017 гг.) [АС].

В этой маленькой заметке мы коснемся малочастотного (и в целом скорее уходящего из современного узуса), но во многих отношениях интересного глагола *таиться* (разделы 1 и 3), а также его семантических коррелятов, определяющих структуру противопоставлений в соответствующем семантическом поле: синонимов (раздел 2) и словообразовательных производных (раздел 4). Наша задача — выявить таящиеся в нем и его коррелятах свойства (они суммируются в разделе 5.1 заключения) и таинственные процессы семантических сдвигов (раздел 5.2).

1. О свойствах глагола *таиться*

Согласно данным [НКРЯ], в современном языке глагол *таиться* употребляется только с абстрактными именами в качестве субъекта. Это обозначения свойств, состояний или абстрактных объектов, которые существуют, но могут быть недоступны наблюдателю, ср.:

- (1) ...глубокий смысл **таится** в этом сравнении и страшное пророчество... (Н. В. Устрялов. Судьба Петербурга. 1918) (≈ 'смысл существует, но не каждому он доступен').

Субъект глагола может соотноситься с чем-то полезным и функционально значимым (как *ответ, причина, разгадка, истина, смысл*), и в частности с желаемыми, но скрытыми свойствами (как *богатство, талант, счастье, красота, силы, возможности*), — или, напротив, с угрозой, с которой надо считаться, если она вдруг проявится (ср. *опасность, зло, злоба, угроза, усмешка*). Все это — ситуации, которые участник ситуации (носитель свойства) или внешний наблюдатель никак не контролируют. Если даже это внутренние возможности или свойства человека (как *талант* или *красота*), то человек, в котором они *таятся*, о них мало или вообще не знает (а если бы знал, то вряд ли бы их *таил*). Обнаруживают и обсуждают их посторонние, как в (2):

- (2) *В ребенке — так полагали учителя — уже таятся силы, обеспечивающие духовное его развитие* (Л. Р. Кабо. Ровесники Октября. 1964).

Впрочем, есть по крайней мере один распространенный контекст, в котором можно усматривать хотя бы слабое, но присутствие компонента намерения. Он связан с сокрытием своего страха. Бояться — стыдно, нужно быть храбрым и не подавать виду, что страшно, утаивая признаки страха:

- (3) *Где-то за умными и скептическими разговорами, вольными анекдотами таятся страх* (М. Поповский. Семидесятые. Записки максималиста. 1971);
(4) *Во всех этих слухах таилась страх...* (А. И. Алдан-Семенов. Красные и белые. 1966–1973).

Идея намеренного сокрытия эмоции — это след предшествующего семантического статуса глагола *таиться*. [СлРЯ XI–XVII] дает для него прежде всего контролируемые значения: 'быть скрываемым' и 'скрываться; прятаться'. Оба эти значения *таиться* в современном языке исчезли, но могли провоцировать идею сознательного сокрытия. В основном корпусе [НКРЯ] они почти не представлены, ср. разве что пример (5), но в поэтическом корпусе, который хорошо отражает более раннюю норму, контексты контролируемого употребления можно найти, ср. (6)–(7):

- (5) *Любовники сколько ни таятся, все их избличает* (И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем... 1788–1822);
(6) *Средь блат, в развалинах Карфаги Герой таится от врагов* (Д. И. Хвостов. Позднее взывание к музе. 1822);
(7) *Как птички при кустах таятся* (Ю. А. Нелединский-Мелецкий. Свидетели тоски моей... 1796).

2. *Таиться* и его квазисинонимы: шкала контроля

В целом похожее распределение значений характерно и для современных квазисинонимов *таиться* — глаголов *скрываться* и *прятаться*. Они тоже имеют контролируемые употребления (8)–(9) и наряду с ними неконтролируемые, с абстрактными субъектами (10)–(11) и конкретными пространственными объектами (12)–(13).

- (8) *Сейчас уже трудно пересказать этот сюжет... Заслышав свистки полицейских, он **прятался** в домике. Появлялись сами полицейские. Из домика выходил хозяин* (И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий. 1995–1999);
- (9) *Я видел и оценил, и, смотав свое абордажное приспособление, довольный Табаки **скрывается в дверях*** (М. Петросян. Дом, в котором... 2009);
- (10) *Разве ты не видишь: серые глаза, Только в самой дали **прячется гроза*** (С. М. Городецкий. Серый вечер. 1907);
- (11) *...под этой мягкостью **скрывалась** уверенность в своем достоинстве и никогда не высказывалась, а как-то видимо присутствовала в нем* (И. А. Гончаров. Обрыв. 1869);
- (12) *В перелухах те же хижинки, большая часть на сваях, от сырости и насекомых. **Хижины прячутся** в бананнике и под пальмами кокоса и агеса* (И. А. Гончаров. Фрегат «Паллада». 1855);
- (13) *Дно ее было глубоко внизу, а **свод скрывался** в клубившихся в высоте золотистых облаках* (А. М. Волков. Урфин Джюс и его деревянные солдаты. 1963).

Однако просто наличие похожих употреблений мало говорит о степени близости этих глаголов в узусе.

Начнем с того, что глагол *таиться* все-таки ощущается как литературный, и различие в его частотности по данным основного и газетного корпуса [НКРЯ] разительно. И, как мы помним, контролируемые ситуации для него все-таки практически недоступны.

Напротив, для *прятаться* именно они являются центральными, тогда как абстрактные субъекты при нем единичны и, как правило, сохраняют идею метафоры, фигуры речи, как в примере (10). В уже приведенных нами современных примерах поставить *прятаться* на место *таиться* не так просто, ср.: [?]*в сравнении прячется глубокий смысл*, [?]*в ребенке прячутся <...> силы* и т. п.; ср. также:

- (14) *Он знал, где **таится** ([?]**прячется**) преступление! В мозгу!* (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. 1978).

Зато примеры со словом *страх* легко допускают замену *таиться* на *прятаться* — именно ввиду отмеченной выше скрытой намеренности, ср. вполне естественное *за умными разговорами прятался страх* и др.

По сравнению с *прятаться* и *таиться* глагол *скрываться* гораздо более нейтрален: он плохо выглядит в примерах типа (14) — потому что, как и *прятаться*, переинтерпретирует их как намеренную ситуацию, однако достаточно частотен с абстрактной лексикой в неконтролируемых контекстах типа (11).

Как видим, исходно все три глагола имели контролируемые употребления. Сейчас они образуют своего рода шкалу контроля: минимум контроля демонстрирует *таиться*, максимум — *прятаться*, а *скрываться* остается где-то в середине.

3. Другие значения *таиться*

[СлРЯ XI–XVII] отмечает еще одно значение *таиться*¹, не свойственное его квазисинонимам. В то время оно реализовывалось в конструкции с родительным: *Х таится Y-а* = ‘Х держит в тайне свои мысли, чтобы не давать Y-у к ним доступа’, ср.:

- (15) *И кто будет верою огражен и в православии христианства крепок, и они того таятся, а ему таковы ся являют* (XV в. ~ 1487 г.).

Но уже словарные примеры XVI в. в аналогичных контекстах используют вместо беспредложного родительного предложную конструкцию с *от*. В примерах основного корпуса [НКРЯ] (с последней трети XVIII в.) тоже нет случаев управления родительным беспредложным, только родительным с предлогом *от*. Как свидетельствует корпус, со временем это значение подвергается лексикализации: *таиться* застывает в форме деепричастия *таясь*, отрицательно полярном. Например, в газетном корпусе оно выступает практически только в контексте отрицательной частицы — как *не таясь* в значении ‘открыто, в открытую’. *Не таясь* живут, двигаются, разговаривают и смотрят:

- (16) *Были и дома, отмеченные зелеными крестиками. К таким они **подъезжали** в любое время, **не таясь**, и забирали коробки с детским питанием* (М. Петросян. Дом, в котором... 2009);
- (17) *Мэбэт все больше впадал в досаду, оттого что нет у него сына, и, уже **не таясь, говорил**, что украдет себе другую жену, а ее прогонит, потому как не любил он, когда в становище много женщин* (А. Григоренко. Мэбэт. 2011).

Таким образом, *таиться* не только уходит из языка, сокращая сочетаемость, но одновременно и закрепляется в нем в виде изолированного лексикализованного наречного оборота.

4. Словообразовательные корреляты

У *таиться* есть три приставочных коррелята, все совершенного вида: *утаиться*, *притаиться* и *затаиться*. Их распределение в основном и газетном корпусах [НКРЯ] примечательно. Наименее продуктивен *утаиться* — всего 75 вхождений

¹ На самом деле в словаре отмечено (хотя и слишком скупо проиллюстрировано) и еще одно полностью утраченное в литературном языке (начиная, по крайней мере, с XVIII в.) значение — ‘действовать под видом другого лица’, т. е. ‘притворяться’: «Посылаше царь князь великий до седмижды х казанцем послы своя, сам ходя с ними и речь их слушая, *таясь, аки воин*, а не царь, в простых же одежах» (XVI в.).

в основном корпусе и три вхождения в газетном. В основном это старые примеры из известных авторов XIX–XX вв., описывающие контролируемые ситуации:

- (18) *И скользким подозрительным взглядом окидывает комнату, не доверяя углам, где и собачонке-то не утаиться* (А. Мариенгоф. Мой век, мои друзья и подруги. 1956–1960).

«Выживает» эта лексема, склонная к отрицательной полярности, за счет почти фразеологизованного *не утаиться от X-а / взгляда (глаза) X-а*, ср.:

- (19) *...не утаится от зоркого писательского <...> взгляда* (В. Д. Алейников. Гадзимас. 2002)².

Притаиться довольно продуктивен (около 2 000 вхождений в [НКРЯ]) и в основном описывает поведение людей в контролируемом значении ‘спрятаться’ — как раньше, так и теперь, (20)–(21), в том числе как живая метафора (22). Вместе с тем в газетном корпусе он встречается примерно в десять раз реже — это признак того, что и этот глагол постепенно уходит из языка.

- (20) *С Канаярского острова увидел он девять турецких кораблей и несколько галер, идущих к Азову с подможным войском и с запасами. Петр повелел казакам притаиться* (А. С. Пушкин. История Петра: Подготовительные тексты. 1835–1836);
- (21) *Совместный патруль притаился на улице Горького...* (Комсомольская правда. 01.03.2011);
- (22) *Фальшь и подвох притаились повсюду* (М. Давыдова. Известия. 23.05.2007).

Притаиться и *затаиться* кажутся очень близкими и по сочетаемости, и по семантике и в некоторых контекстах действительно взаимозаменяемы:

- (23) *Я люблю твои лукавые глаза: Притаилася / ср.: затаилася в них молния-гроза* (В. В. Крестовский. Цыганке. 1863).

Однако прототипически *притаиться* выражает не только и не столько идею пассивного сопротивления возможной агрессии (= ‘спрятаться в укромном месте и перестать подавать признаки жизни’), сколько подготовку к собственному (и скорее всего, агрессивному) действию, неожиданному для окружающих: ‘спрятаться так, чтобы в нужный момент неожиданно для контрагента выйти из укрытия и обнаружить себя’. В этом смысле *притаиться* — практически фазовый глагол, глагол подготовки к последующему действию.

Что касается *затаиться*, то этот глагол прототипически означает ‘на время прекратить деятельность, которая протекала до этого’, прекратить — спрятавшись и притихнув. Как видим, общего в семантике этих глаголов на самом деле не так уж много. Ср.:

² Ср. также употребительный фразеологизм *шла в мешке не утаишь*, существенно повышающий частотность каузативного коррелята *утаиться*.

- (24) *Прошу вас, не надо съезжать по перилам, Вы можете в зубы попасть крокодилам! Они притаились ([?]затаились) на каждой площадке И всех, кто съезжает, хватают за пятки* (И. Токмакова. Крокодилы. 1965);
- (25) *Он притаился ([?]затаился) у подъезда, и, когда любовник вышел... Бац! Ему прямо в лоб* (А. Сурикова и др. Ищите женщину. 1982);
- (26) *Ничего не услышав и не поверив тишине, подумав, что враг затаился (= ‘нападал, а потом перестал и спрятался’, не *притаился), Тэдди опять прорычал, повернулся и стал уходить, все время оглядываясь. Но никто за ним не гнался* (Ю. Казаков. Тэдди. 1956);
- (27) *Глухарь затаится (= ‘перестанет токовать, замолкнет и станет как бы невидимым’, не *притаится), пропустит тебя — и опять за свое примется* (В. В. Бианки. Лесные были и небылицы. 1923–1958).

В этом отношении неслучаен тот сдвиг значения, который начинает развивать именно *затаиться* (но не *таиться* или *притаиться*) и который обнаруживается в современных (в особенности газетных) текстах. В процессе этого сдвига уходит идея зрительного / слухового восприятия и значение меняется с ‘на время перестать быть физически видным / слышным’ на функциональное ‘перестать действовать, на время прекратить свою деятельность’, ср.:

- (28) *Сразу после ограбления группа затаилась / *притаилась. Но спустя некоторое время они начали сбывать похищенные вещи* (Калининградские Новые колеса. 26.11.2004);
- (29) *...пока инвесторы затаились в ожидании...* (РБК Daily. 14.11.2008);
- (30) *Весь мир затаился в ожидании невиданных катастроф* (Комсомольская правда. 29.02.2012);
- (31) *...многие нечистые на руку милиционеры затаились, боясь не попасть в полицию, и на какое-то время перестали «подрабатывать»* (РБК Daily. 27.03.2012).

5. Заключение

Как мы и обещали, в заключении будет два раздела: о свойствах *таиться* и его коррелятов (5.1) и о системных процессах, которые приводят к возникновению этих свойств (5.2).

5.1. В результате нашего исследования мы можем зафиксировать замеченные нами противопоставления в описываемом поле в нескольких очень предварительных и схематичных толкованиях³ и привести их временное распределение согласно [НКРЯ] (см. рисунок):

³ Подчеркнем, что в наших толкованиях картина несколько упрощена: мы сознательно сосредоточились на центральных, прототипических употреблениях, которые задают своего рода семантический тренд, вектор развития для каждой из единиц, и проигнорировали проблему

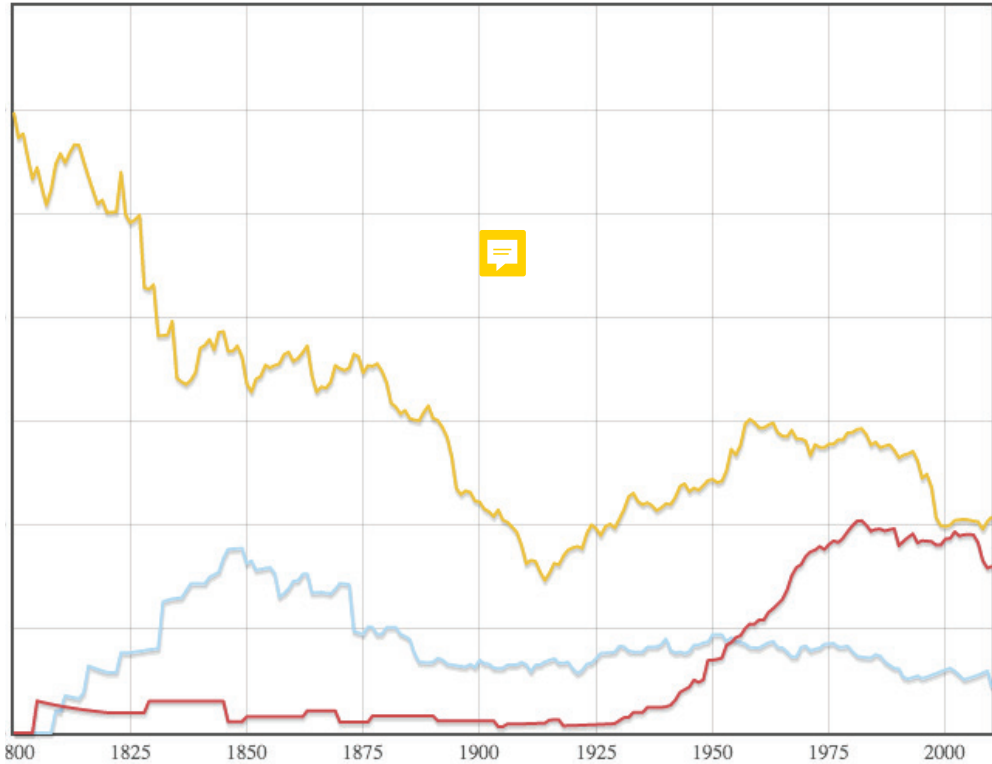

Рис. График распределения частотности для *таиться* (желтый), *затаиться* (красный) и *притаиться* (синий)

- *прятаться* ‘сознательно выбрать себе местоположение X с особыми свойствами, позволяющими реализовать цель, чтобы Y не заметил и не нашел’;
- *скрываться* ‘менять местоположение так, что в результате становится трудно заметить / найти (а цели может не быть, как в *он скрылся за дверью*)’;
- *таиться* ‘не развиваться / проявляться, но иметь потенциал развития (о свойствах и абстрактных ситуациях)’;
- *притаиться* ‘находиться без движения в незаметном для окружающих месте, чтобы спрятаться от внешней агрессии или, наоборот, произвести неожиданное нападение на кого-либо’;
- *затаиться* ‘приложить усилия, чтобы (по некоторым причинам) на время перестать быть видимым, прекратить действовать’.

5.2. Развитие русского глагола *таиться* прекрасно иллюстрирует известный процесс стативизации, который свойственен многим глаголам, изначально описывающим контролируемые физические действия. Он сопровождается утратой

вариативности, которая в этой работе нас не так занимает. Между тем есть и характерные контексты пересечения значений, и вариативность в употреблении.

контроля и постепенной полной заменой одушевленного субъекта субъектом неодушевленным или (как в случае *таиться*) абстрактным (субъектом-свойством / ситуацией). Другие примеры этого процесса касаются семантических переходов в глаголы боли, эмоции и др. (существенная их часть описана в [Падучева 2004; Кустова 2004]; специально о предикатах боли см. также [Бонч-Осмоловская и др. 2009]).

По-видимому, это общий путь развития глаголов этой группы в русском, просто сейчас разные предикаты находятся на разных его стадиях: *таиться* ушел далеко вперед, тогда как *прятаться* находится как бы на другом полюсе. Это по-прежнему агентивный глагол, хотя и с достаточно широкими возможностями метафорического применения к неодушевленным предметам и ситуациям. *Скрываться* же пока в равной степени способен принимать и контролируемые, и неконтролируемые субъекты. Промежуточность его положения сказывается, в частности, в том, что и с одушевленным субъектом он может обозначать ненамеренные ситуации, когда эффект исчезновения из поля зрения окружающих происходит случайно, в результате обычных его передвижений (*скрылся за дверью*).

Казалось бы, все фазы продвижения по шкале контролируемости в русском оказываются (в результате понятных и универсальных семантических изменений) полностью покрыты этими тремя глаголами — и тем не менее в нем полноценно функционируют еще два предиката, словообразовательные производные от *таиться*: *притаиться* и *затаиться*. Они компенсируют видовую дефектность *таиться* (только несовершенный вид) собственной (только совершенный вид). Очень огрубляя (и сводя приставочную производность к видовой парности), можно назвать их фазовыми и сказать, что первый из них — начинательный, а второй — глагол прекращения действия. Однако их семантика и их (кажущаяся) видовая парность устроены не так просто.

Притаиться означает не начало, а подготовку к началу некоторого (агрессивного) действия, а *затаиться* — временное прекращение деятельности. Средством и к тому и к другому служит намеренное исчезновение из поля зрения (и слуха) окружающих: спрятаться (из поля зрения) и не шуметь, сидеть тихо (на слух). В первом случае — чтобы создать последующий эффект неожиданности, а во втором — чтобы имитировать невозможность продолжения действия ввиду отсутствия субъекта.

Намеренность сближает эти глаголы с *прятаться* и семантически отдаляет от исходного *таиться*. Однако их формальная связь с *таиться*, конечно, остается — не исключено, что сужение его сочетаемости влияет и на сокращение узуса его производных. Однако частотность *затаиться* растет. Это показывает и график [НКРЯ], и значительное число употреблений в газетном корпусе. Лингвистический процесс, который стоит за этим ростом, можно было бы назвать в традиционных терминах *обобщением значения*. Однако механизм его тот же, что действует и при сужении значения *таиться*: и здесь, и там стирается физическая, зрительная, перцептивная сторона связанного с самим процессом исчезновения субъекта. Только в случае с *таиться* это вызывает замену

контекстов с наблюдаемым субъектом-человеком на абстрактный субъект-ситуацию (а это существенно сужает его сочетаемость), а в случае с *затаиться* происходит постепенный переход от идеи (временного) прекращения некоего конкретного физического воздействия со стороны субъекта на (временное) прекращение его функционирования в целом (что по понятным причинам расширяет узус глагола).

История *таиться* иллюстрирует и другой характерный для полнзначных слов исторический процесс: их лексикализацию в определенной форме или конструкции, типологически описанную в [Brinton, Traugott 2005]. Он всегда приводит к росту частотности уходящего глагола. В данном случае *таиться* семантически «застывает» в форме деепричастия, причем отрицательно полярной, в фиксированном адвербиальном значении, выходящем, однако, за пределы грамматического набора. Это не случайно: в целом отрицательная полярность — известный стимул для лексикализации [Апресян 2017]. Так же ведет себя и уходящий глагол *утаиться*, только он застывает в модальной конструкции со значением возможности, но тоже отрицательно полярной (<ничто> не утаится / <ничего> нельзя утаить). Понятно, почему лексикализация так удачно иллюстрируется *таить*: наиболее естественна она именно для тех слов, которые постепенно теряют частотность и, соответственно, степень освоенности носителями: их легче воспринять как новые самостоятельные единицы.

Литература

Апресян В. Ю. Отрицательная и положительная поляризация: семантические источники // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : сб. ст. по материалам ежегодной международной конференции «Диалог–2017». Вып. 16 (23) / гл. ред. В. П. Селегей. М. : Изд-во РГГУ, 2017. С. 2–16.

Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1 : Парадигматика. М. : Языки славянских культур, 2009. 568 с.

АС — Апресян Ю. Д., Апресян В. Ю., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Галактионова И. В., Гловинская М. Я., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Лопухина А. А., Птенцова А. В., Санников А. В., Урысон Е. В. Активный словарь русского языка / отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. Т. 1 : А–Б . 408 с. ; Т. 2 : В–Г. 736 с. М. : Языки славянских культур, 2014 ; Т. 3 : Д–З. М. ; СПб. : Нестор-История, 2017. 768 с.

Бонч-Осмоловская А. А., Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Глаголы боли: лексическая типология и механизмы семантической деривации // Концепт *боль* в типологическом освещении / ред. В. М. Брицын и др. Київ : Вид. дім Дмитра Бураго, 2009. С. 8–27.

Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М. : Языки славянских культур, 2004. 470 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru>

НОСС — Апресян Ю. Д., Апресян В. Ю., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Галлактионова И. В., Гловинская М. Я., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Птенцова А. В., Санников А. В., Урысон Е. В. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М. ; Вена : Языки славянской культуры, 2004. 1418 с.

Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М. : Языки славянских культур, 2004. 610 с.

СЛРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов, В. Б. Крысько и др. М. : Наука : Азбуковник, 1975–. Вып. 1–.

Brinton L. J., Traugott E. C. *Lexicalization and Language Change*. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. 207 p.

E. V. Rakhilina¹, V. A. Plungian²

¹*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
National Research University “Higher School of Economics”*

²*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
Lomonosov Moscow State University
(Russia, Moscow)*

rakhilina@gmail.com, plungian@iling-ran.ru

THE VERB *TAIT'SJA* ‘TO LURK,’ ITS SYNONYMS AND DERIVATIVES

The paper tracks the semantic evolution of the (largely obsolete) Russian verb *tait'sja* ‘be hiding, be hidden, lurk’ and its prefixed counterparts (as *za-tait'sja*, *pri-tait'sja*, *u-tait'sja*). It is demonstrated that 18th — 19th-century Russian tended to use this group of verbs in quite different contexts. We discuss the parameters differentiating lexical items belonging to a wider semantic series with the main component ‘hide’ (*prjatat'sja* and *skryvat'sja*) and specify their position along the scale of control. Then, we propose a detailed analysis for the prefixed counterparts of *tait'sja* and describe the diachronic semantics of this small lexical group. The study reveals a gradual stativization of meaning triggered by a loss of agentivity and control, as well as a lexicalization, i.e. a fossilization of an obsolete lexeme in a specific inflectional form or construction. The latter process results in an increased frequency of an otherwise disused item. The history of *tait'sja* and its relatives can serve as a good example of general diachronic principles relevant for semantic change. First of all, this is the maintenance of semantically motivated combinability in each diachronic stage, as well as the deep intertwining of lexical and grammatical properties captured by an integral linguistic description. Both principles are crucial for Jurij Апресян’s contribution to the general theory of language.

Key words: diachronic semantics, lexicon, Russian, verbs, corpus linguistics, stativization, lexicalization.

Acknowledgements

The research has been supported by the *Higher School of Economics* basic research Program in 2020.

References

Apresyan V.Yu. [Negative and Positive Polarization: Semantic Sources]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: sb. st. po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog–2017»*. Vyp. 16 (23) [Computer Linguistics and Intelligent Technologies: A Collection of Articles Based on the Materials of the International Conference *Dialog-2017*. Iss. 16 (23)]. V.P. Selegei. Moscow, Russian St. Univ. for the Humanities Publ., 2017, pp. 2–16. (In Russ.)

Apresyan Yu.D. *Issledovaniya po semantike i leksikografii. T. 1: Paradigmatika* [Research on Semantics and Lexicography. Vol. 1: Paradigmatiks]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2009, 568 p.

Apresyan Yu.D., Apresyan V.Yu., Babaeva E.E., Boguslavskaya O.Yu., Galaktionova I.V., Glovinskaya M.Ya., Iomdin B.L., Krylova T.V., Levontina I.B., Lopukhina A.A., Ptentsova A.V., Sannikov A.V., Uryson E.V. *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka* [Active Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–3). Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, St Petersburg, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2014–2017.

Apresyan Yu.D., Apresyan V.Yu., Babaeva E.E., Boguslavskaya O.Yu., Galaktionova I.V., Glovinskaya M.Ya., Iomdin B.L., Krylova T.V., Levontina I.B., Ptentsova A.V., Sannikov A.V., Uryson E.V. *Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka* [The New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms] (2nd Ed.). Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, Vienna, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 1418 p.

Bonch-Osmolovskaya A.A., Rakhilina E.V., Reznikova T.I. [The Verbs of Pain: Lexical Typology and the Mechanisms of Semantic Derivation]. *Kontsept «bol'» v tipologicheskoy osveshchenii* [The Concept of Pain in the Light of Typology]. V.M. Britsyn et al. (Eds.). Kiev, Dmitry Buryi Publ. House, 2009, pp. 8–27. (In Russ.)

Brinton L.J., Traugott E.C. *Lexicalization and Language Change*. Cambridge, Cambridge University Press, 2005, 207 p.

Kustova G.I. *Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [The Types of Derivative Meanings and the Mechanisms of Language Extensions]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2004, 470 p.

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [The National Corpus of the Russian Language]. Available at: <http://ruscorpora.ru>

Paducheva E.V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic Models in Lexical Semantics]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2004, 610 p.

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [The Russian Language Dictionary of the 11st–17th c.] (Vols. 1–). S.G. Barkhudarov, V.B. Krysko et al. (Eds.). Moscow, Nauka Publ., Azbukovnik Publ., 1975–.

С. М. Толстая
Институт славяноведения РАН
(Россия, Москва)
smtolstaya@yandex.ru

МЕХАНИЗМЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ МНОГОЗНАЧНОСТИ: ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ «АКТИВНОГО СЛОВАРЯ»

«Активный словарь русского языка» под редакцией Ю. Д. Апресяна по-новому ставит проблему лексической многозначности, ее системности, типологии и механизмов, лежащих в ее основе. Разные классы слов в разной степени обладают свойством многозначности и характеризуются разными типами многозначности. В целом для предметной лексики свойство многозначности характерно в меньшей степени, чем для предикатной лексики и особенно глаголов. Это объясняется сложностью актантной структуры глагола и зависимостью семантики глагола от классов его актантов. В основе лексической многозначности лежат следующие системные механизмы: метонимия и метафора (характерны как для предметной, так и для предикатной лексики), фундаментальная классификация предикатов и предикатных имен, система их семантических (функциональных) актантов (субъект, объект, контрагент, пациенс, инструмент, средство, цель, локус, время, способ и др.) и «таксономическая» классификации лексики (как предметной, так и предикатной). В статье эти положения иллюстрируются толкованиями глаголов *вести*, *валить* и др. Основным различием между лексемами глагола *вести* является различие в лексическом классе объекта или пациенса (лицо или группа лиц, транспортное средство, занятие или деятельность, предмет — указка, палец, глаз и т. п.). Общей семантической основой для выделяемых значений (лексем) является каузация движения объекта. Формальным показателем этой общности служит то, что объекты (пациенсы) действия «вести» стандартно сочетаются с предикатом *идти* (*человек идет, машина идет, урок идет, исследования идут* и т. д.). Для глагола *валить* общей семантической основой лексем можно считать каузацию изменения положения объекта в пространстве. Лексема многозначного слова не всегда является семантическим дериватом какой-то другой лексемы этого слова — она может появляться «извне», т. е. возникать под влиянием других слов, находящихся в системной связи с данным словом (синонимов, антонимов, конверсивов, аналогов, дериватов и т. п.), и/или путем конденсации устойчивых выражений с данным словом.

Ключевые слова: лексическая многозначность, лексические классы, предметная лексика, предикатная лексика, семантика, семантическая деривация.

«Активный словарь русского языка» [АС], создаваемый по замыслу и под редакцией Ю. Д. Апресяна, воплощает принципы и подходы интегральной лексикографии, требующие, чтобы для каждого слова были указаны все грамматические, синтаксические, просодические, стилистические и прочие характеристики, необходимые для его правильного употребления, и учтены все парадигматические связи лексем — ее вхождение в синонимические ряды, антонимические оппозиции, отношения конверсии, словообразовательные отношения и т. д. Однако главные особенности словаря, отличающие его от имеющихся толковых словарей русского языка, заключены в его семантическом содержании, т. е. в принципиально новом подходе к выделению и толкованию значений слов (лексем). Если предыдущий труд авторского коллектива — «Новый объяснительный словарь синонимов» [НОСС] — предложил по существу новую концепцию синонимии и новый подход к ее лексикографическому представлению, то «Активный словарь» по-новому ставит проблему лексической многозначности, ее системности, типологии и механизмов, лежащих в ее основе.

1. Лексические классы и многозначность

Если читать «Активный словарь» подряд (а это увлекательное и поучительное чтение), то нельзя не заметить, что разные классы слов в разной степени и в разном качестве обладают свойством многозначности (характеризуются разными типами многозначности). Есть слова, вообще не обладающие этим свойством, и это, по крайней мере для некоторых типов слов, объяснимо. Таковы прежде всего «предметные» (номенклатурные) имена. По материалам первых трех томов [АС] это некоторые названия растений (*василек, верба, водоросли, георгин, гроздь, земляника*), животных (*верблюд, воробей, ворон, вошь, грач*), веществ и материалов (*вата, витамин, вещество, водород, воск*), частей тела (*веки, вена, веснушки, вымя, затылок*), артефактов (*велосипед, веревка, вертолет, винтовка, виолончель, водопровод, гармонь, градусник, графин, диван, дверь*), явлений природы (*вьюга, зной*). При этом другие представители этих классов могут быть многозначными, хотя и в ограниченной степени (например, среди названий растений регулярны совмещения значений дерева и его плода, для названий животных типичны вторичные, метафорические наименования людей, регулярно совмещаются значения контейнера и содержимого, учреждения и занимаемого им здания и т. п. [Апресян 1974: 200–203]). Но среди моносемичных слов есть и предикаты действий (*ворковать, вскипятить*), состояний (*знев, грипп, забыть*), имена локусов (*галактика, заграница, захолустье*), лиц (*вратарь, врач, всадник, депутат, доярка, дворяне, житель*), абстрактных понятий (*воображение, гул, зрение*) и т. п., для которых отсутствие полисемии в большей мере индивидуально (т. е. не касается всего класса имен, не предопределено принадлежностью к определенному классу имен).

На противоположном полюсе находится глагольная лексика, для которой полисемия характерна в высшей степени, что объясняется сложностью актантной структуры глагола и его разными позициями в фундаментальной классификации предикатов [Апресян 2009: 27–39].

Семантическая (категориальная¹) классификация лексики и многозначность связаны двойным образом: во-первых, каждый лексический класс характеризуется своей степенью и своим характером многозначности; во-вторых, принадлежность слова к определенному классу влияет на многозначность других слов (прежде всего глаголов, но и других предикатных слов), по отношению к которым данный класс лексики выступает в роли того или иного актанта. Многозначность предметной лексики основывается главным образом на метафоре и метонимии, а предикатной — на принадлежности к фундаментальному классу предикатов и на лексическом классе актантов, среди которых наибольшее значение имеет субъект (субъект действия, занятия, состояния, свойства и др.), точнее его принадлежность к классу лиц или других предметных сущностей. При этом замена субъекта-лица субъектом другого класса тоже может основываться на метонимии и метафоре: *бледный человек* > *бледное лицо* (метонимия) > *бледная статья*, т. е. невыразительная, лишенная красок (метафора).

Семантическая классификация лексики в версии Московской семантической школы исходит из того, что «все лексемы и другие эквивалентные им лексические единицы, в том числе и многословные, делятся прежде всего на два типа — предметные (названия животных, птиц, рыб, овощей, фруктов, камней, гор, планет, светил и т. п.) и предикатные (в данном контексте любые валентные лексемы) <...> Двум разрядам лексики и, соответственно, двум типам толкований соответствуют и две разные семантические классификации языковых единиц — таксономическая и фундаментальная. Первая предназначена для предметных единиц (например, названий различных объектов живой и неживой природы), а вторая — для предикатных» [Апресян 2009: 27–28]. Представляется, однако, что эти две классификации не противопоставлены друг другу, а скорее накладываются друг на друга. Предметные имена, будучи объектом таксономической классификации, в то же время прямо или опосредованно участвуют в семантической организации предикатной лексики в качестве ее актантов. Физический предмет может быть объектом, инструментом, орудием действия (*поднять молоток, ударить молотком, починить молоток* и т. п.), природное имя *вода* может выступать в роли материала, локуса, действующей силы, средства и т. п. В семантике многозначного прилагательного *воздушный* мотивирующее слово *воздух* присутствует в разных категориальных значениях: материи (*воздушный поток*), локуса (*воздушный флот*), «инструмента» (*воздушный насос*), средства (*воздушное отопление*). Семантическая структура

¹ В отличие от «тематической», по семантическим полям. Подобно тому как в сфере предикатов выделяются фундаментальные классы (действий, занятий, состояний, свойств и т. д.), среди имен могут быть выделены функциональные классы: предметов природы, артефактов, имена лиц, инструментов, локусов, времени, действий, состояний, свойств и т. д. Каждый из них обладает своими особыми «ролевыми» характеристиками в формировании структуры многозначности.

предикатов, в свою очередь, зависит от таксономической классификации: скажем, в пределах акционального класса предикатов выделяются предикаты физических действий, движения, ментальных действий, речи и т. д., которые имеют разный набор актантов и разную структуру многозначности.

Понятие предикатной лексики не имеет строгого определения. Прототипическим классом предикатной лексики, естественно, являются глаголы, для семантического описания которых применяется фундаментальная классификация. Этой же классификации подчинены и предикатные имена (имена действий, занятий, состояний, процессов, свойств и т. д.) [Апресян 2004]². Не вполне понятно, однако, какое место в этой классификации должны занимать имена лиц (*nomina personalis*), не все из которых «предикатны».

С одной стороны, это имена, которые обозначают занятия, функции или характерные действия человека и имеют свою актантную структуру, например *автор нашумевшего романа, беженец из Чечни, виновник происшествия, владелец имущества, водитель трамвая, дежурный по столовой, диктор радио, дирижер оркестра, директор школы, жертва покушения, житель поселка, заведующий отделом, заказчик такси, заместитель директора, заложник у бандитов, зачинщик беспорядков, защитник животных* и т. п. С другой стороны, это названия лиц по их национальности, званию, статусу, личным качествам, которые не имеют в своей семантике предикативного компонента: *американцы, англичане, арабы, армяне, архиепископ, атеист, африканец, барон, близнецы, блондин, богатырь, болгары, брюнет, варвар, великан, волшебник, гигант, глухонемой, голландцы, граф, греки, гроссмейстер, грузины, дама, дворяне, девица, девка, девочка, девушка, декабрист, демократ, дикарь, дура, дурак, евреи, епископ, ефрейтор, женщина* и т. п. И те и другие тем не менее едины в отношении многозначности — для них многозначность либо вовсе не характерна (ср. *дипломат, дирижер, зять*), либо крайне ограничена (ср. *барон, девочка, деятель*) и сводится к переносным или ироническим употреблением. У многих имен лиц управление ограничивается указанием на отношение родства, принадлежности или на объект действия: *брат бабушки, жена друга, командир роты, директор института* и т. п. Главное свойство лексики с категориальным значением лица — в том, что она может выступать при глаголе или предикатном имени в роли субъекта или объекта (контрагента), создавая в каждом из этих случаев самостоятельное значение, отличное от случаев с актантами другого (не персонального) типа (ср. *вошел человек в дом — вошел корабль в гавань; защита девушки от хулиганов — защита глаз от солнца*).

Точно так же далеко не все прилагательные и наречия подпадают под понятие предикатной лексики. Прилагательные, обозначающие свойства, лишь частично могут считаться предикатными именами, и это, как правило, отглагольные дериваты: *бдительный, беглый, бережливый, болтливый, больной, бывший, верный*,

² Ср. в другой терминологии: «Моделью управления должны снабжаться не только глаголы, но и многие разряды существительных, формально или семантически производных от глагола, ср. *авторитет* (кого, среди кого, в чем), *соглашение* (кого, с кем, о чем)» [Апресян 1974: 134].

влиятельный, влюбленный, вместительный, возмутительный, вооруженный, вопиющий, вопросительный, воспитанный, восприимчивый, врожденный, вспомогательный, вспыльчивый, вступительный, встречный, вымышленный, выносливый, губительный, доверчивый, жгучий, живучий, забитый, забытый, загорелый, закрытый, заметный, замкнутый, запоздалый, запутанный, запущенный, заразителный, заслуженный, застывший, защитный, зыбкий и т. п. Большая же часть прилагательных — как качественных, так и относительных (производных от предметных имен) — в своем основном значении не имеет актантной семантики: *алый, бедный, белый, бурный, быстрый, важный, великий, веселый, высокий, глубокий, глупый, глухой, густой, голубой, голый, грубый, грудной, грустный, грязный, дикий, деревянный, детский, дешевый, дорожный, жирный, жуткий, знойный* и т. п.

Не удастся истолковать как предикатные и некоторые абстрактные имена (*астрономия, быт, добро, зло* и т. п.).

Среди предикатной именной лексики наиболее регулярным классом являются существительные — имена действий, занятий, состояний, процессов и т. д., система многозначности которых, как правило, воспроизводит (в той или иной степени) структуру многозначности исходных глаголов (ср. *выйти* и *выход, защищать* и *защита*), но получает и дальнейшую деривацию, т. е. дополнительно к акциональной семантике развивает «предметные», локативные или иные актантные значения (ср. *выход, проезд, переход* и т. п.).

Особую группу предикатных имен составляют семантические дериваты со значением не самого предиката, а результата или продукта соответствующего действия, т. е. такие, которые получают «предметные» значения, минуя стадию акционального имени, например *выгода, выигрыш, вымысел, выручка, выставка, гудок, дар, добыча, договор, доход, задание, задаток, залог, замысел, запас, запоедь, запрет, запрос, заработок, зародыш, зарплата, заряд, засада, заслуга, затея, затруднение, заявка, заявление, звание, звон, злоупотребление, значение, зрелище*.

К предикатным именам относятся также имена состояний (*агония, азарт, аллергия, анархия, ангина, антипатия, аппетит, банкротство, бедность, бездействие, безмолвие, безразличие, безумие, беспокойство, беспорядок, бессмертие, бессонница, бесчувствие, бешенство, благодарность, благополучие, благосостояние, блаженство, богатство, болезнь, боль, боязнь, брак, бред, влечение, внимание, возмущение, воодушевление, воспаление, восторг, восхищение, гипноз, гнев, голод, гордость, горе, горячка, грипп, грубость, грусть, дрожь, жажда, жалость, жар, желание, забытье, зависимость, зависть, задор, замешательство, застой, затишь, зуд*), событий (*авария, банкет, беда, бедствие, бунт, война, гибель, годовщина, давка, затор, зачет*), свойств — в субстантивном (*бестактность, благо, блеск, близость, величие, веселье, волшебство, вольность, выдержка, глупость, дерзость, доброта, духота, жадность, жестокость, забота, здоровье, злость*) и адъективном (см. выше) выражении.

Остается еще несколько классов имен: параметрические (*возраст, высота, вышина, глубина, градус, груз, диагональ, длина, дистанция* и т. п.), абстрактные имена (*авторитет, акцент, алгоритм, алиби, анатомия, аргумент,*

археология, архитектура, астрономия, баланс, беззаконие, безопасность, безработица, биография, биология, блат, ботаника, брак, буддизм, быт, бюджет, вакансия, вариант, вера, верность, вероятность, вещество, вид, видимость, вкус, внешность, возможность, воля, воображение, впечатление, вражда, вред, время, география, гигиена, голос, графика, действительность, демократия, диагноз, диета, диктатура, дипломатия, дисциплина, добро, доверие, долг, достоинство, достояние, дружба, дух, душа, единство, жизнь, задача, закономерность, запах, звук, здравоохранение, зло, зоология, зрение), о ц е н о ч н ы е (или интерпретационные) имена (абсурд, безобразия, грех).

Таким образом, лексическая многозначность базируется на следующих системных механизмах: метонимии и метафоре (это касается как предметной, так и предикатной лексики), фундаментальной классификации предикатов и предикатных имен, системе их семантических актантов (субъект, объект, контрагент, пациенс, инструмент, средство, цель, локус, время, способ и др.) и «таксономической» классификации лексики (как предметной, так и предикатной). Эти факторы часто взаимосвязаны, например изменению таксономического класса субъекта соответствует изменение фундаментального класса предиката [см. также: Толстая 2015].

2. Разбор конкретных примеров из [АС]

Продемонстрируем роль этих факторов (механизмов многозначности) на примере глагола *вести*. В [АС 2: 81] для этого глагола предлагается следующий набор лексем; приводится синопсис с упрощенными толкованиями:

1. ‘сопровождать кого-л.’: *вести бабушку под руку*;
- 2.1. ‘возглавлять’: *вести мальчишек на приступ снежной крепости*;
- 2.2. ‘определять смену движений партнера в танце’: *вести в танго*;
- 2.3. ‘опережать соперников’: *Кто ведет в матче?*
3. ‘управлять транспортным средством’: *вести машину*;
- 4.1. ‘быть главным участником информационного или культурного мероприятия’: *вести концерт*;
- 4.2. ‘руководить деятельностью в сфере обучения или науки’: *вести семинары*;
- 4.3. ‘заниматься кем-л.’: *вести старшие классы; тяжелых больных*;
- 5.1. ‘прокладывать’: *вести теплотрассу*;
- 5.2. ‘пролегать в каком-нибудь направлении’: *тропинка ведет в лес*;
6. ‘двигать какой-л. предмет по чему-л.’: *вести указкой по экрану*;
7. ‘быть причиной’: *переутомление ведет к ослаблению организма*;
8. ‘заниматься чем-л.’: *вести хозяйство, наблюдения*;
9. ‘разг. следить за кем-л.’: *вести скупщика краденого*.

Этот многовалентный глагол в прототипической ситуации имеет следующий набор актантов (каждый из которых может замещаться словами разных лексических классов): субъект, объект, локус, время, цель, способ и др.: *Вечером мать ведет ребенка за руку из детского сада домой через парк*. Они отличаются

разной степенью обязательности. Абсолютно обязательным можно считать только субъект; второе место по степени обязательности занимает объект (пациенс). Каждый в отдельности обстоятельственный актант — со значением локуса (куда, откуда, каким путем), времени, способа и цели — может отсутствовать, но обычно хотя бы один из них в обозначении прототипической ситуации фигурирует, т. е. X ведет Y либо откуда куда, каким путем, либо зачем, с какой целью, каким образом и т. п. (при этом конечная точка и цель часто совпадают, ср. *вести ребенка из школы домой*). Актанты локативного ряда и актанты способа действия, как правило, не совмещаются (т. е. или *ведет за руку*, или *ведет через парк*), поскольку первое предполагает актуально-длительное значение, а второе — узусальное. Наиболее факультативен темпоральный актант (когда, как часто и т. п.). В производных лексемах состав этих актантов сокращается, и в первую очередь за счет устранения локативных актантов, что связано с элиминацией пространственной семантики основного предиката (т. е. глагола *вести*). Для ситуации «вести урок» нерелевантны вопросы «откуда?» и «куда?». Если же один из актантов — предикатное слово, то глагол может «вбирать в себя» актанты, принадлежащие этому зависимому предикатному слову: ср. *Он ведет агитацию среди студентов за / против нового ректора*. В этом случае прототипическая актантная структура утрачивается, а глагол получает «выхолощенное» значение: *вести агитацию* = *агитировать*.

Рассмотрим кратко семантическую роль главных актантов и их лексических типов.

Наибольшее значение имеет субъект, в прототипической ситуации агенс, который может быть выражен именем лица, группы лиц или (реже) именем животного: *Лошадь ведет за собой жеребенка; Собака ведет слепого; Утка ведет за собой выводок утят*. В приведенном выше синопсисе тип субъекта-лица характерен для всех лексем (кроме лексем 5.2. *дорога ведет в гору* и 7. ‘быть причиной’: *переохлаждение ведет к болезни*); соответственно, во всех этих случаях глагол относится к фундаментальному классу действий (*вести кого-л. под руку, вести машину, вести урок*) или занятий (*вести исследования, вести хозяйство, вести слежку*). Категориальная мена субъекта (т. е. выбор на роль субъекта не «предметного», а предикатного имени) кардинально меняет семантику глагола, его фундаментальный класс и всю его актантную структуру.

В случае *дорога ведет к реке* (лексема 5.2) в роли субъекта выступает не лицо или вообще живое существо, а природный объект (локатив), а глагол переходит в фундаментальный класс свойств, сохраняя, однако, управление локативными актантами *куда* и *откуда* (возможно также значение маршрута: *через поле к реке*). Очевидно, что здесь мы имеем дело с производным значением на основе метафорического переноса: «человек > дорога» (дорога ведет человека, подобно тому как человек ведет по дороге кого-л., т. е. так же каузирует его движение).

Если субъект выражен предикатным именем (со своей актантной структурой), то глагол получает значение причины: *Было признано, что разработанный им план действий ведет к успешному решению поставленной задачи*. Все актанты

локативного ряда становятся нерелевантными, хотя общая идея движения имплицитно присутствует в семантике глагола благодаря представлению о движении от плана к его реализации.

Вторым по значимости актантом является объект каузации, или пациент (вести кого или что). В этой роли выступает прежде всего имя человека (*вести ребенка в школу*) или органа его тела (*вести пальцем по экрану*), группы людей (*вести солдат в атаку*), реже — животных (*вести коней на водопой*), затем имена артефактов (транспортных средств: *вести автобус*), т. е. предметные классы лексики; сюда относятся лексемы 1, 2.1, 3, 6. В некоторых случаях позиция ведомого объекта элиминируется, например 2.2. *вести партнера (девушку) в вальсе* > *вести в вальсе*. В лексеме 2.3. *вести в счете, в игре* при субъекте-человеке (игрок или команда игроков) подразумеваемым объектом служит, вероятно, счет, который нарастает (ср. *вести счет*) и выдвигает игрока или команду вперед по отношению к сопернику (ср. *вести к победе*).

Если же объектом-пациентом служит предикатное имя, то глагол имеет значение действия (*вести концерт, урок*), занятия (*вести наблюдение, исследования*) или деятельности (*вести хозяйство, борьбу*) и получает разные значения в зависимости именно от фундаментального класса предикатного имени (соответственно лексемы 4.1, 4.2, 8). В этих случаях глагол *вести* в сочетании с именами действий, занятий и деятельности выступает в той же роли, что и глаголы *оказывать, производить, совершать* в сочетании с акциональными именами [см.: Апресян 2004]: *вести наблюдения* = *наблюдать*, *вести слежку* = *следить*, *вести прием* = *принимать*, *вести исследования* = *исследовать*, *вести беседу* = *беседовать*, *вести учет* = *учитывать*, *вести борьбу* = *бороться*, *вести войну* = *воевать* и т. д. Другим обобщающим эти актанты семантическим компонентом оказывается смысл «занятие» и глагол *заниматься*, применимый к объектам большинства лексем глагола *вести*: *заниматься наблюдением, разысканием, исследованием, заниматься слежкой, заниматься хозяйством*, но вряд ли **заниматься войной* или **заниматься беседой*. Из прототипических пространственных актантов здесь возможны только чисто локативные, но не направительные: *вести концерт, исследование, борьбу где-л.*, но не откуда-л. и куда-л.; для занятий возможны и темпоральные обстоятельства: *когда, с каких пор, до какого времени, как часто, постоянно, с перерывами, каждый год* и т. д.

В лексемах 4.3. *вести старшие классы, тяжелых больных* представлен результат конденсации словосочетания и явно метонимический перенос значения актанта: *вести преподавание в старших классах* > *вести старшие классы*; *вести (проводить) лечение больных, наблюдение за больными* > *вести больных*.

Интересно сравнить структуру многозначности глагола *вести* с семантическим спектром его аспектуального коррелята — многократного глагола *водить*. Оказывается, что лексемы «прямого» характера, т. е. имеющие акциональную семантику и субъекта-агенса, у них совпадают (*вести под руку* — *водить под руку*, *вести в школу* — *водить в школу*, *вести машину* — *водить машину*, *вести в атаку* — *водить в атаку* и т. д.). Однако невозможно **водить урок*, **водить исследования*,

**водить хозяйство* и т. п., а *водить в игре* и *вести в игре* семантически не соотносительны, т. е. специфичны для каждого.

Лексемы многозначного слова могут разграничиваться также на основе пространственных (локативных), темпоральных, целевых, причинных, оценочных и иных «обстоятельственных» актантов (параметров ситуации), при этом каждый из них может далее подразделяться на более детальные составляющие: пространственные (где, куда, откуда, через что, во что, из чего и т. п.), темпоральные (когда, с каких пор, до каких пор, как долго и т. д.), целевые и причинные (зачем, для чего, из-за чего, от чего и т. д.), модусные (по способу действия) и др. В семантическом спектре глагола *зайти* хорошо видны роли этих актантов. Так, в первом блоке выделяются лексемы: 1.1. *зайти куда-л. на минутку*, 1.2. *зайти в кабинет*, 1.3. *зайти на сайт*, 1.4. *зайти в гавань*; далее выделяются направительные значения (куда и за что: *вглубь леса* и *за угол, за черту*); в общем ряду акциональных значений (*зайти за дом*) даются и неакциональные лексемы (*изображение заходит за края рамки*), а также лексемы с другим (начинательным) значением префикса (*зашел разговор*). В глаголе *валиться* лексемы различаются в зависимости от источника (импульса) этого действия: *от внешней силы, от внутренней слабости, от болезни, усталости* и т. д. У глагола *вербовать* лексемы противопоставлены по признаку цели действия: 1.1. наемников, 1.2. агентов, 2. сторонников.

3. Вопрос об общей семантической основе всех значений многозначного слова

Вопрос об общей семантической основе всех значений многозначного слова (или семантического инварианта, концептуальной схемы слова, семантического потенциала и т. п.) неоднократно обсуждался в литературе. В концепции Московской семантической школы он решается следующим образом: «Наличие семантических связей между лексемами многозначного слова не предполагает с необходимостью, что у всех его лексем обнаруживается семантический инвариант. Необходимость инварианта (не только в лексике, но и в грамматике) ни из чего не следует. В частности, известное явление цепочечной полисемии, впервые описанное еще А. Дармстетером, покоится на попарных семантических связях между соседними лексемами, а первое и последнее или одно из последних звеньев этой цепочки могут не иметь друг с другом ничего общего; ср. *Шел по улице отряд — Ей идет новая шляпка*» [Апресян 2009: 425–426]³.

Однако для отдельных блоков значений большинства многозначных слов некий семантический инвариант (разной степени абстрактности) может быть установлен. Как раз в случае с глаголом *вести* общая семантическая основа просматривается для большинства выделенных значений (лексем). Эта общая основа может быть

³ Заметим, однако, что даже и в этом последнем случае (*Ей идет новая шляпка*), где, казалось бы, предикат полностью оторвался от прототипического акционального значения глагола *идти*, его связь с этим прототипическим значением «поддерживается» такими выражениями, как *подходить кому / чему-л., похожий* и особенно *подходить к (лицу, костюму, обстановке* и т. п.).

определена как каузация движения объекта (т. е. делать так, чтобы объект двигался, шел куда-л. или каким-л. образом). Реальность этой семантической общности подтверждается тем, что объекты (пациенсы) действия «вести» в норме сочетаются с предикатом *идти* (или *двигаться*, *развиваться*, т. е. совершать поступательное движение). Иначе говоря, тот или то, кого / что ведут, сам при этом *идет*: *вести бабушку* — *бабушка идет*, *вести мальчишек на приступ крепости* — *мальчишки идут на приступ крепости*; *машина идет*, *концерт идет*, *семинар идет*, *теплотрасса идет*, *работа идет*, *борьба идет*, *исследование идет*, *дорога идет* и т. д.

Для некоторых из выделенных лексем семантика каузации движения неочевидна, и это может объясняться какими-то специальными причинами, прежде всего особыми акцентами в восприятии соответствующей ситуации или внутриязыковыми причинами. Например, *вести в танце* подразумевает или пациенса, которого ведут (партнера), или ведение, ход самого танца как занятия (ср. *вести разговор*). То же, вероятно, можно сказать о лексеме 9. в специальном детективном значении: *вести кого-л.* в этом случае метонимически производно от выражения *вести слежку за кем-л.*

В случае лексемы 5.2. ‘пролегать в каком-л. направлении’ (*Дорога ведет к храму*) мы имеем дело с характерным явлением антропоцентричности, когда семантика глагола подразумевает в качестве объекта (пациенса) человека, совершающего движение, т. е. *вести* в этом употреблении означает что-то вроде ‘дорога ведет человека к храму’. Присутствие такого неназванного лица можно усмотреть в семантике разных слов, ср., например, временное наречие *сразу* в пространственном значении: *сразу за углом*, *сразу за церковью*, которое предполагает движущегося человека (ср. в других случаях скрытое присутствие наблюдателя, о чем много писалось).

Более сложный случай — лексема *вести* 7 ‘быть причиной’: *К беде неопытность ведет*. Здесь *неопытность* (причина) трактуется как начальная точка того пути, конечной точкой которого оказывается *беда* (следствие). Более употребителен в этом значении приставочный глагол *приводить*, отчетливо сохраняющий идею движения. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с деривацией на основе метафоры.

Если для глагола *вести* общей семантической основой является каузация движения, то для глагола *валить* такой общей семантической основой можно считать каузацию изменения положения объекта в пространстве, чтобы то, что стояло, стало лежать (один блок лексем) или перестало стоять на прежнем месте (другой блок); агенсом в этом случае является человек, группа людей или сопоставимые с человеком активные «деятели» — животные, стихии, болезни. Стоящие объекты действия (люди, предметы) в результате начинают лежать (этой семантикой объединяется большая часть лексем: *валить деревья*, *валить противника на спину*, *валить медведя*, *чума валит людей* и т. д.) или сдвигаются со своего исходного места (меньший блок лексем), причем часто в последних также присутствует идея опрокидывания и движения сверху вниз (*валить ограждения*, *свалить книги со стола*, *валить вещи в кучу*). Если агенсом оказывается не человек или стихия, то

действие метафорически уподобляется прототипическому физическому действию (*ветер валит с ног* — *усталость валит с ног*). Дальнейшая семантическая деривация обусловлена интерпретацией полученного положения (лежать > быть больным, ср. *слечь*, лежать > быть убитым, стать мертвым, ср. *полегли в бою*). Метафорическое уподобление физическому действию представлено также в выражениях типа *валить вину на другого*. Иного объяснения требует глагол *валить* применительно к ситуации экзамена. Здесь, как кажется, имеет место не столько метафора провала (поражения) как результата «прокидывания», сколько деривация (депрефиксация) от выражения *провалиться на экзамене*, откуда сначала каузатив *провалить студента на экзамене*, а затем и *валить студентов на экзамене*. Иначе говоря, здесь нет семантического развития от прототипического физического значения глагола *валить*, а есть конденсация словосочетания и дальнейшая словообразовательная деривация.

Оба рассмотренных случая (с глаголом *вести* и глаголом *валить*) показывают, что на фоне общей семантической основы многозначного слова лучше видны механизмы формирования новых, производных значений за счет изменения (сдвига) каких-то элементов прототипической семантики слова. Когда речь идет о каузативных глаголах, важно учитывать не только непосредственные компоненты значения (значения глагольного класса и лексическое наполнение актантов), но и более широкое семантическое поле, включающее характерные свойства и актантную структуру предикатов. В семантической структуре каузативных глаголов, которые в стандартном случае имеют двух действующих участников, субъекта и пациенса, участвуют не только актанты основного предиката, но и актанты этих актантов (т. е. существенно не только кто и что ведет кого-л. или что-л., но и что «делает» тот, кого ведут, или то, что ведут).

4. Структура и иерархия лексем многозначного слова

Структура и иерархия лексем многозначного слова определяются двумя факторами: общей логикой соотношения лексем (ср. понятие прототипических, или основных, лексем и их производных, вторичных, возникающих в результате семантической деривации разного типа) и узусом, т. е. употребительностью той или иной лексемы (независимо от отношений производности).

У акционального имени в соответствии с «логикой» на первом месте дается его акциональное значение, затем может идти персонифицированное значение деятеля, а после него вторичные предметные, специальные или переносные значения. Например, синопсис слова *защита* имеет следующую структуру: первый блок включает исходное акциональное значение (1.1 — *защита слабых*) и непосредственно производное от него агентивное (персональное) значение (1.2 — *сторона защиты*); следующий блок (2.1–3) охватывает более узкие и специальные значения (самооборона, шахматное, футбольное); в третьем блоке (3.1–4) защита понимается как форма поведения (*защита от нападков прессы*, *защита чести и достоинства*, *защита в суде* и т. п.); четвертый блок (4.1–4.3) включает значения, трактующие

защиту не как акциональное, а как стативное имя (*защита от влаги* и далее — объект, служащий защитой, приспособление для защиты); наконец, в качестве отдельного блока (5) приведено «специализированное» значение ‘защита диссертации’.

Семантическая структура прилагательных обычно выстраивается в соответствии с носителем свойства (человек — часть тела человека — его действия, состояния, атрибуты, характерные события и ситуации), например для *веселый*: 1.1. ‘постоянное свойство человека’, 1.2. ‘актуальное свойство (состояние) человека’ (*им было весело*), 1.3. ‘часть тела человека, выражающая это состояние (лицо, глаза), затем объекты и ситуации, в которых человек является субъектом действия, состояния или восприятия’, 1.4. разговор; 2.1. пир, 2.2. детская площадка; 3.1. спектакль, 3.2. пейзаж; 4. азарт. Подобную последовательность значений имеют и другие прилагательные, ср. *бодрый*: 1. человек, 2.1. настроение, дух, 2.2. голос, походка, 3. песня; *вежливый*: 1. ребенок, продавец, 2.1. тон, жест, 2.2. письмо, ответ. Однако в случае *волевой* последовательность обратная: сначала дается значение, относящееся к поведению человека (*волевое усилие*), затем — к самому человеку (*волевой юноша*), и за ним — к части тела (*волевое лицо*), ср. также *вредный*: 1. привычка, 2. человек.

Очень четкая логическая схема выдержана в статье *болезненный* (относительное прилагательное), где выделены функции атрибута, относящиеся не столько к мотивирующему слову *болезнь*, сколько к его мотивирующему — глаголу *болеть*: 1.1. ‘часто болеющий’ (человек), 1.2. ‘свидетельствующий о болезни’ (румянец), 2.1. ‘вызывающий боль’ (укол), 2.2. ‘перен. вызывающий страдание’ (расставание), 3. ‘выражающий боль’ (стоны), 4. ‘перен. (по признаку аномальности) чрезмерный’ (любопытство). Но иногда предпочтение отдается узусу. Например, у слова *возвышенный* на первом месте стоят «переносные» значения: возвышенные 1.1. чувства, 1.2. слова, речи, 1.3. душа, натура, а первичное пространственное значение помечено номером 2: *возвышенная местность*.

В глаголах, как правило, сначала дается акциональное значение, а потом стативные (состояния, свойства и т. п.), но в случае *венчать* сделано наоборот: 1.1. *купол венчает здание*, 1.2. *диадема венчает голову*, 2. *сказку венчает пир*, 3.1. ‘сочетать браком’, 3.2. ‘возводить на престол’, 4. ‘увенчивать чемпиона’.

5. Многозначность, семантическая деривация и словообразование. Внешняя и внутренняя деривация

В «Лексической семантике» Ю. Д. Апресян проблеме соотношения словообразования и многозначности посвятил отдельную главу, где это соотношение сформулировано в общем виде: «Аналогия между словообразованием и многозначностью простирается настолько далеко, что к ней оказываются применимыми такие типично словообразовательные понятия, как регулярность — нерегулярность, продуктивность — непродуктивность и др.» [Апресян 1974: 189], — и рассмотрены под этим углом зрения виды регулярной многозначности существительных, глаголов и прилагательных. Продолжая эту линию сопоставления явлений многозначности

и словообразования с учетом новейших представлений о лексической многозначности, необходимо обратить внимание на еще одно важнейшее свойство, объединяющее их.

В 1974 г. еще не было введено понятие лексемы, т. е. слова в одном из его значений, обладающего всей полнотой грамматических, стилистических, акцентуационных и прочих признаков и являющегося в сущности основной единицей лексической системы языка (субъектом системных отношений). Действительно, системные отношения между лексическими единицами (синонимия, антонимия, аналогия и др.) связывают не целые слова, а конкретные лексемы. Однако в теории словообразования дело обстоит иначе: субъектами словообразовательных отношений принято считать именно слова⁴. Между тем очевидно, что и в словообразовании отношения производности (мотивированности) связывают не слова, а лексемы. Если от многозначного глагола *водить* мы имеем производное имя со значением лица *водитель*, то мотивирующим для него является не глагол в целом (*водителем* не называется тот, кто водит ребенка в школу), а только одна из его лексем ('управлять транспортным средством'), и точнее даже не эта лексема во всем объеме ее употреблений, а только некоторые ее «подлексемы», потому что, хотя водить можно и машину, и поезд, и корабль, *водителем* называется только управляющий автомобилем, автобусом или трамваем, но не управляющий поездом, вертолетом или судном.

Понятие семантической деривации, широко употребительное в отечественной семасиологии по крайней мере с 1960-х гг. [ср.: Шмелев 1964: 56], в последнем обзоре понятийного аппарата системной лексикографии [Апресян 2009: 486–552] не получило определения⁵. Обычно оно понимается динамически — как способ образования одного значения производного слова от другого, а совокупность разных значений слова иногда называется парадигмой его лексем [Падучева 2000; 2004]⁶. При этом во многих работах явление многозначности связывается с различным восприятием (особыми акцентами, специальным фокусированием) разных аспектов и компонентов исходной (прототипической) ситуации [Падучева 2004;

⁴ Это объясняется прежде всего тем, что словообразование изучает не только семантическую сторону производности, но и формальную, а в формальном отношении производящее слово, как правило, «едино» во всех своих значениях.

⁵ Для понятия «дериват» дается словообразовательное и семантическое определение: «Дериват, или производное: а) слово, в составе которого вычленяются корень и аффикс(ы) и значение которого мотивировано значениями этих составляющих его частей (канонический случай, ср. дериваты глагола *строить* — слова *строительство, строитель, строительный, постройка, строение* и т. п.), а также б) любое другое слово, семантическое отношение которого к исходному слову совпадает или сходно с семантическим отношением между словами в случае канонической деривации. Ср. слово *врач*, семантическое отношение которого к исходному глаголу *лечить* точно такое же, как у канонических производных имен деятеля в парах *строитель — строить, учитель — учить, изобретатель — изобретать*». И далее: «Деривация — образование деривата (см.)» [Апресян 2009: 499].

⁶ Ср.: «Семантическая деривация позволяет представить совокупность значений слова как единую структуру — как парадигму его лексем, такую же, как парадигма грамматических форм

Кустова 2004; Розина 2005; Зализняк 2006]. Этот «когнитивный» механизм действительно лежит в основе многих производных лексических значений, что убедительно показано в указанных выше работах. Он предполагает непосредственную производность одного значения многозначного слова от другого. Парадигма многозначности в этом случае предстает как внутренний механизм, определяющий отношения между лексемами многозначного слова.

Между тем во многих случаях значение лексемы многозначного слова не выводится из семантики других лексем, а «наводится» извне, т. е. возникает под влиянием других слов, находящихся в системной связи с данным словом (синонимов, антонимов, конверсивов, аналогов, дериватов и т. п.), и/или путем конденсации устойчивых выражений с данным словом. Упомянувшееся выше значение *вести* 9 'разг. выслеживать кого-л.' производно не от какой-то другой лексемы глагола *вести*, а от выражения *вести слежку за кем-л.* (ср. *вести занятия по математике* > *вести математику*), т. е. оно входит в «парадигму» лексем глагола со стороны (при этом *вести слежку* представляет стандартный тип: *вести работу, исследование* и т. д.). Дериваты разных лексем многозначного слова могут не иметь между собой прямой семантической связи, а соотноситься опосредованно, через семантику производящего слова. Например, *возвышенность* как природный объект является дериватом прилагательного *возвышенный* в физическом значении, а *возвышенность* как душевный настрой — дериват другой лексемы того же прилагательного; эти две лексемы имени *возвышенность* не связаны друг с другом непосредственными деривационными отношениями (т. е. семантически не производны друг от друга) и по существу являются внутренними омонимами.

В семантическом спектре глагола *зайти* деривационными отношениями так или иначе связаны все лексемы, кроме *зайти* 8 с начинательным значением (*зашел спор*); последняя не может считаться дериватом исходного (пространственного) значения, а является по существу омонимичным ему. Значение *валить* 7 (*валить студентов на экзамене*) невозможно вывести из семантики какой-либо другой лексемы глагола *валить*, оно является продуктом серии вполне стандартных изменений: *провалиться на экзамене* (ср. *провалиться сквозь землю от стыда, потерпеть провал*) > *провалить студента на экзамене* > *валить студентов на экзамене*. *Валить* 6 (*валить вину*) скорее является продуктом обратной деривации от глагола *сваливать* (*вину на другого*), а лексема *варить* 3 (*У больного плохо варит желудок*) вторична по отношению к таким выражениям, как *переваривать пищу, несварение желудка*. Лексему *влиять* 2 (*использовать его влияние*) можно понимать как обратный дериват от *влиятельный* (в значении 'влиятельность', т. е. как имя свойства, ср. *бирюза* < *бирюзовый*: *бирюза морской воды*, т. е. 'бирюзовость', *выгода* в значении 'выгодность': *выгодное положение* > *выгода его положения*).

у слова заданной части речи или грамматического разряда. <...> Параметрами грамматической парадигмы являются грамматические категории (например, для парадигмы прилагательного это будут род, число, падеж, одушевленность). Для семантической парадигмы это параметры лексического значения: категория, тематический класс, диатеза и таксономический класс участника» [Падучева 2004: 149–150].

Лексемы *диплом 2.1 (тема диплома)* и *2.2 (У него через месяц диплом)* не являются дериватами лексемы *диплом 1 (университетский диплом)*, а представляют собой результат конденсации словосочетаний *дипломная работа* и *защита диплома* соответственно (ср. аналогично *присяга* в значении ‘принятие присяги’: *У него через месяц присяга*). *Полька* как название танца производно не от названия национальности, а является конденсацией выражения *польский танец (пляска)*, то же можно сказать о лексеме *венгерка* ‘венгерский танец’ (ср. *сплясать русскую, лезгинку*); иначе говоря, лексемы с семантикой танца и со значением национальности по существу омонимичны. То же можно сказать о лексемах *дирекция 1* ‘руководство’ и *дирекция 2. (заседание дирекции)* и многих других подобных случаях⁷.

Отношения семантической деривации не замыкаются в границах одного слова, они продолжают в семантически и формально (словообразовательно) связанных с ним лексических единицах, и типология этих связей нуждается в изучении. Имя *защитник* в своем семантическом спектре (системе лексем) повторяет структуру многозначности производящего глагола *защищать* в той зоне значений, которая касается акциональной семантики; однако стативные значения глагола (*защищать от солнца, от ветра*) не получают продолжения в структуре производного имени деятеля (**защитник от солнца*), в отличие от имени *защита*, которое не только включает дериваты от стативных лексем, но и продолжает эту линию деривации в предметной сфере (*поставить защиту на руль автомобиля*).

В деривационном гнезде *бежать / бегать (бег, беглый, беглец, бегом, бегство, бегун, беженец)* лексемы с семантикой удаления (*бежать / бегать* откуда, от чего-л.) обособлены от других: эта семантика вообще не характерна для *бег, бегом* и *бегун*, производных от глагольных лексем с семантикой быстрого перемещения; в остальных дериватах семантика удаления либо формирует особый блок лексем (как в *бегать, бежать, беглый*), либо вообще оказывается единственной (как в *бегство, беженец*). В структуре многозначности прилагательного *военный* есть лексемы, семантически производные от имени *война (военная угроза)*, от имени *армия (военная служба)*, от субстантивированного *военный (военная выправка, военный городок)*, соответственно, в одних контекстах прилагательное соотносится с антонимом *мирный*, в других — с *гражданский*, в третьих — со *штатский*.

Все такого рода явления семантических отношений, выходящие за рамки одного слова, безусловно, заслуживают дальнейшего изучения, систематизации и типологического осмысления.

Литература

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М. : Наука, 1974. 367 с.

⁷ Мне уже приходилось писать о «квазиомонимичности» лексем многозначных слов [см.: Толстая 2006; Толстая 2008: 21–31].

Апресян Ю. Д. Акциональность и стативность как сокровенные смыслы (охота на оказывать) // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура : сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 13–33.

Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1 : Парадигматика. М. : Языки славянских культур, 2009. 567 с.

АС — Апресян Ю. Д., Апресян В. Ю., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Галактионова И. В., Гловинская М. Я., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Лопухина А. А., Птенцова А. В., Санников А. В., Урысон Е. В. Активный словарь русского языка / отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. Т. 1 : А–Б . 408 с. ; Т. 2 : В–Г. 736 с. М. : Языки славянских культур, 2014 ; Т. 3 : Д–З. М. ; СПб. : Нестор-История, 2017. 768 с.

Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М. : Языки славянских культур, 2006. 671 с.

Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М. : Языки славянских культур, 2004. 472 с.

НОСС — Апресян Ю. Д., Апресян В. Ю., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Галактионова И. В., Гловинская М. Я., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Птенцова А. В., Санников А. В., Урысон Е. В. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М. ; Вена : Языки славянской культуры, 2004. 1417 с.

Падучева Е. В. О семантической деривации: слово как парадигма лексем // Русский язык сегодня. Вып. 1 / отв. ред. Л. П. Крысин. М. : Азбуковник, 2000. С. 395–417.

Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М. : Языки славянских культур, 2004. 1055 с.

Розина Р. И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге. Глагол. М. : Азбуковник, 2005. 301 с.

Толстая С. М. [Рец. на кн.]: Розина Р. И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и сленге // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2006. Т. 65. № 4. С. 66–69.

Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М. : Индрик, 2008. 537 с.

Толстая С. М. Тип субъекта и многозначность глагола // У простору лингвистичке славистике : зб. радова поводом 65 година живота академика Предрага Пипера / приред. Љ. Поповић, Д. Војводић, М. Номаћ. Београд : Филолошки факултет, 2015. С. 705–726.

Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М. : Просвещение, 1964. 243 с.

S. M. Tolstaya

*Institute of Slavistics of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
smtolstaya@yandex.ru*

MECHANISMS OF LEXICAL POLYSEMY: MARGINAL NOTES TO THE *ACTIVE DICTIONARY*

The *Active dictionary of the Russian language*, edited by Yu.D. Apresyan, introduces a new approach to lexical polysemy, its system, typology, and its mechanism. Different word classes have different degrees and different types of polysemy. In general, polysemy is less typical for subject words than for predicate ones and especially verbs, due to the complexity of the verb actant structure and the dependence of verb semantics on the lexical classes of its actants. Lexical polysemy is based on the following system mechanisms: metonymy and metaphor (typical for both subject words and predicates), the fundamental classification of predicates and predicate names, the system of their semantic (functional) actants (subject, object, counterpart, patient, tool, means, goal, locus, time, method, etc.), and the “taxonomic” classification of vocabulary (both subject and predicate). These statements are illustrated by the interpretation of the verbs *vesti* ‘to lead,’ *valyat’* ‘to bring down, to throw down,’ etc. The main difference between the identified meanings (lexemes) of the polysemous verb *vesti* lies in the lexical classes to which its object or patient (person or group of persons, vehicle, occupation or activity, finger, eye, etc.) belongs. The common semantic foundation for the former different meanings proves to be “the causation of object movement” with a formal indicator that the objects (patients) of the action *vesti* usually combine with the predicate *idti* ‘to go’ (*mashina idet* ‘the car is moving,’ *urok idet* ‘the class is underway,’ *issledovaniya idut* ‘the research is underway,’ etc.). For the verb *valyat’*, the common semantic foundation can be considered “the causation of changing the position of an object in space.” The lexeme of a polysemous word is not necessarily a semantic derivative of the other lexeme of the same word — it may appear “outside,” i.e. influenced by the correlative words (synonyms, antonyms, conversives, analogues, derivatives, etc.) and/or by condensation of fixed expressions with this word.

Key words: lexical polysemy, lexical classes, subject vocabulary, predicate vocabulary, semantics, semantic derivation, Russian language.

References

- Apresyan Yu.D. *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical Semantics. Synonymous Means of Language]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 367 p.
- Apresyan Yu.D. [Actionality and Stativity as Hidden Meanings (Hunting for *render*)]. *Sokrovennye smysly. Slovo. Tekst. Kul'tura: sb. st. v chest' N.D. Arutyunovoi* [Hidden Meanings. Word. Text. Culture: A Collection of Articles in Honor of N. D. Arutyunova].

Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004, pp. 13–33. (In Russ.)

Apresyan Yu.D. *Issledovaniya po semantike i leksikografii. T. 1: Paradigmatika* [Studies on Semantics and Lexicography. Vol. 1. Paradigmatics]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2009, 567 p.

Apresyan Yu.D., Apresyan V.Yu., Babaeva E. E., Boguslavskaya O.Yu., Galaktionova I. V., Glovinskaya M.Ya., Iomdin B. L., Krylova T. V., Levontina I. B., Lopukhina A. A., Ptentsova A. V., Sannikov A. V., Uryson E. V. *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka* [Active Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–3). Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, St Petersburg, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2014–2017.

Apresyan Yu.D., Apresyan V.Yu., Babaeva E. E., Boguslavskaya O.Yu., Galaktionova I. V., Glovinskaya M.Ya., Iomdin B. L., Krylova T. V., Levontina I. B., Ptentsova A. V., Sannikov A. V., Uryson E. V. *Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms] (2nd Ed.). Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow, Vienna, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004, 1417 p.

Kustova G. I. *Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Types of Derivative Meanings and Mechanisms of Language Extension]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2004, 472 p.

Paducheva E. V. [On the Semantic Derivation: A Word as a Paradigm of Lexemes]. *Russkii yazyk segodnya: sb. st. pamyati D. N. Shmeleva* [The Russian Language Today: A Collection of Papers in Memory of D. N. Shmelev]. L. P. Krysin (Ed.). Moscow, Abukovnik Publ., 2000, pp. 395–417. (In Russ.)

Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic Models of Lexical Semantics]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2004, 1055 p.

Rozina R. I. *Semanticheskoe razvitie slova v russkom literaturnom yazyke i sovremennoy slenge. Glagol* [The Semantic Development of the Word in the Standard Russian Language and in Contemporary Slang: The Verb]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2005, 301 p.

Shmelev D. N. *Ocherki po semasiologii russkogo yazyka* [Essays on Semasiology of the Russian Language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1964, 243 p.

Tolstaya S. M. [Book Review: Rozina R. I. The Semantic Development of the Word in the Standard Russian Language and in Contemporary Slang]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2006, Vol. 65, No. 4, pp. 66–69. (In Russ.)

Tolstaya S. M. *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshcheslavyanskoi perspective* [Extent of a Word. Lexical Semantics in the Common Slavic Perspective]. Moscow, Indrik Publ., 2008, 537 p.

Tolstaya S. M. [The Subject Type and the Polysemy of a Verb]. *U prostoru lingvističke slavistike: zb. radova povodom 65 godina zhivota akademika Predraga Pipera* [In the Linguistic Space of Slavistics: A Collection of Articles in Honor of the 65th Anniversary of Predrag Piper]. L. Popovich, D. Vojvodich, M. Nomach (Eds.). Belgrade, Philological Faculty Publ., 2015, p. 705–726 (In Russ.)

Zaliznyak Anna A. *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya* [Polysemy in Language and the Methods of its Presentation]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2006, 671 p.

